ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)»
КАЗАНСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

КАЗАНСКИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции

(Казань, 28 апреля 2022 г.)

В двух частях
Часть первая

Казань
«ЮрЭксПрактик»
2022

УДК 343
ББК 67
К142

Редакционная коллегия:
Ю. Н. Кулешов (отв. редактор), Н. А. Подольный,
Р. В. Федосеев, И. Г. Гаранина, В. А. Дычек,
Ю. Ю. Малышева

Печатается по решению ученого совета
Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)

К142 Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Междунар. науч-практ. конф. (Казань, 28 апр. 2022 г.) : в 2 ч. / [редкол.: Ю. Н. Кулешов (отв. ред.) и др.] ; Казан. ин-т (фил.) ВГУЮ. – Казань: ЮрЭксПрактик, 2022. – Ч. 1. – 306 с.

ISBN 978-5-907071-61-2
ISBN 978-5-907071-62-9 (ч. 1)

В первый том материалов Международной научно-практической конференции, прошедшей в Казанском институте (филиале) ВГУЮ (РПА Минюста России) 28 апреля 2022 г. вошли доклады и сообщения, затрагивающие проблемы криминалистики, оперативно-разыскной деятельности и судебной экспертизы.

Материалы предназначены для научных и практических работников, преподавателей и молодых ученых.

УДК 343
ББК 67

ISBN 978-5-907071-61-2
ISBN 978-5-907071-62-9 (ч. 1)

© Казанский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022
© Составление. Оформление.
ООО «ЮрЭксПрактик», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный сборник научных статей включает в себя труды участников международной научно-практической конференции «Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения». Целью конференции является рассмотрение вопросов противодействия преступности в условиях цифровизации криминалистическими, уголовно-процессуальными, уголовно-правовыми и иными средствами и методами.

Авторами публикаций являются ученые, преподаватели, сотрудники правоохранительных органов Российской Федерации, а также из других стран.

Масштабность и актуальность темы конференции обусловили широту тематики докладов и остроту обсуждаемой проблематики. Предметом научного поиска в рамках пленарного заседания и секций явился обширный круг вопросов уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики. Научные дискуссии о прошлом, настоящем и будущем криминалистики, уголовного права и процесса объединили умы многих ученых, что способствовало поддержанию традиционных научных контактов и формированию новых сфер сотрудничества. По сложившейся традиции научный диалог участников мероприятия нашёл отражение на страницах данного сборника.

Надеемся, что материалы конференции вызовут живой интерес и будут полезны для совершенствования правотворческого и правоприменительного процесса в различных отраслях современного российского права. Оргкомитет выражает признательность за плодотворную работу участникам конференции, а также всем, кто содействовал её проведению.

УДК 34

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. РИСКИ ГЛОБАЛЬНОЙ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ДЛЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Бастрыкин Александр Иванович
Председатель Следственного комитета Российский Федерации, доктор юридических наук, профессор

Совершение преступлений в Интернет-пространстве и особенности оставляемых в нем цифровых следов предъявляет новые требования к обучению следователей. Следователь должен знать и уметь расследовать не только преступления, которые совершаются в традиционном пространстве, но и иметь навыки расследования киберпреступлений. Для этого обучение следователей должно строиться с применением специальных компьютерных программ. Тем более, что в настоящее время доля киберпреступлений увеличивается. Среди прочих требований, которые предъявляются современностью является профилактика моложеной преступности в Интернет-пространстве. Эти проблемы рассматриваются в предлагаемой статье.

Ключевые слова: методики расследования киберпреступлений, цифровые следы преступлений, Интернет-пространство, Следственный комитет, обучение следователей

DEVELOPMENT OF THE DIGITAL INFRASTRUCTURE OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE INVESTIGATION COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION. RISKS OF GLOBAL VIRTUALIZATION FOR THE YOUNG GENERATION

Bastrykin A. I.

The commission of crimes in the Internet space and the peculiarities of the digital traces left in it impose new requirements on the training of investigators. The investigator must know and be able to investigate not only crimes that are committed in the traditional space, but also have the skills to investigate cybercrimes. To do this, the training of investigators should be based on the use of special computer programs. Moreover, the proportion of cybercrimes is currently increasing. Among other requirements that are presented by modernity is the prevention of youth crime in the Internet space. These issues are discussed in the proposed article.

Keywords: cybercrime investigation techniques, digital traces of crimes, Internet space, Investigative Committee, training of investigators

В начале XXI века стало очевидным, что наука является основой развития общества, а научный потенциал страны напрямую влияет на уровень и качество жизни населения, на защиту и сохранение его материальных и духовных ценностей. В связи с этим на

© Бастрыкин А. И., 2022

первый план выдвигается подготовка и обучение высококвалифицированных юристов, способных в полной мере использовать передовые технологии.

С учетом этого развитие ведомственного образования является важнейшим направлением деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Образовательную деятельность в ведомстве осуществляют две академии в Москве и Санкт- Петербурге с филиалами в городах Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске, Ростове-на-Дону и Нижнем Новгороде, а также 5 кадетских корпусов, дислоцирующихся в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде и Севастополе.

Реализовывая право каждого человека на образование, закрепленное в ст. 43 Конституции Российской Федерации, в ведомстве разработаны образовательные проекты, общей целью которых является патриотическое воспитание и стимулирование молодого поколения к познавательно и исследовательской и творческой деятельности [1]. При этом в условиях распространения пандемии одной из ключевых задач Следственного комитета является создание максимально комфортных условий для обучающихся в получении качественного образования.

Следует отметить, что Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одной из целей названа «цифровая трансформация» [2]. При организации указанной работы основной акцент делается на внедрение новых технологий и способов передачи информации.

В целях реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, предусмотренных Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», для образовательных учреждений высшего образования ведомства разработана и реализована модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая среда «Электронная информационно-образовательная среда» (далее – информационная платформа академий) [3]. Она представляет собой общую электронную образовательную площадку, которая позволяет централизованно в дистанционном формате организовывать процессы образовательный и воспитательный процессы.

В рамках ее использования сотрудниками Московской и Санкт-Петербургской академий подготовлена и введена в эксплуатацию видео-платформа, функции которой позволяют студентам и преподавателям дистанционно взаимодействовать на защищенных каналах связи, без временных ограничений и со всеми необходимыми демонстрационными возможностями. Так, на информационной платформе академий размещены учебно-методические материалы по программам высшего образования; оценочные и методические материалы для проведения текущего контроля, промежуточной аттестации и государственной итоговой аттестации для обучающихся; программы повышения квалификации; литература для самостоятельного изучения;

ссылки для доступа и необходимый перечень электронных учебных изданий.

При помощи информационной платформы академий посредством видео-конференц-связи ежедневно осуществляется проведение учебных занятий и процедур оценки результатов обучения, организована фиксация всего хода образовательного процесса.

Только в Московской академии СК России в прошлом году обучение с применением дистанционных образовательных технологий по программам повышения квалификации прошло более 1 700 человек и более 800 обучающихся – по программам высшего образования.

Перспективным вектором совершенствования информационной платформы является прорабатываемое в ведомстве размещение на данной электронной площадке материалов передовой следственной и судебной практики о результатах расследования преступлений против личности, коррупционных преступлений и ряда других.

Кроме того, запланирована разработка таких подсистем информационной платформы, как «сервис психологической помощи», позволяющий обучающимся получить анонимную психологическую помощь; «управление студенческим составом» – для учета движения студентов, формирования статистической отчетности; «Ты – не один» – для оказания помощи обучающимся из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Следует отметить, что в реализуемые в ведомстве учебные планы программ высшего образования в обязательном порядке включаются дисциплины, дающие знания в области информационных (цифровых) технологий, интеграции их в практическую деятельность. В их числе «Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности»; «Правовая статистика»; «Научно-исследовательская работа»; «Основы информационной безопасности»; «Цифровые следы преступлений против личности»; «Расследование киберпреступлений»; «Компьютерно-техническое обеспечение расследования преступлений».

В ходе их освоения, помимо изучения информационных технологий и систем, рассматриваются вопросы кибербезопасности, общие положения методики расследования киберпреступлений, тактика обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Это необходимо, так как следователь должен хорошо представлять, где преступник мог оставить свои следы.

Для реализации учебных дисциплин «Криминалистика», «Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений», «Цифровые следы преступлений» приобретено и активно используется специальное программное обеспечение, в том числе «Конструктор места происшествия»; «Фоторабот»; учебно-методические комплексы «Виртуальный осмотр места происшествия» и «Виртуальный обыск».

В связи с высоким уровнем цифровизации общества и в целях противодействия киберпреступности в академиях Следственного комитета в 2021 году созданы кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений.

К задачам кафедр относится реализация образовательных программ; научное и учебно-методическое обеспечение деятельности следственных органов и учреждений Следственного комитета в сферах информационных технологий и организации расследования киберпреступлений; внедрение в образовательную деятельность современных технологий обучения и компьютеризации в целях всесторонней интенсификации и повышения качества учебного процесса.

При этом ряд сотрудников академий прошли обучение и получили сертификаты специалистов по извлечению и анализу цифровых данных в расследовании преступлений. Полученные знания и навыки применяются в ходе практических и лабораторных занятий с обучающимися.

Помимо образовательного процесса в академиях посредством информационной платформы организована также воспитательная работа. Систематически проводятся культурно-массовые мероприятия и мероприятия патриотической направленности. В Санкт-Петербургской академии на базе электронной образовательной среды успешно реализована дополнительная профессиональная программа «Великая Отечественная война. Без срока давности». В дистанционном формате обучение по программе прошли представители всех учебных заведений Следственного комитета, сотрудники кадровых подразделений территориальных следственных управлений, а также Культурного центра ведомства.

Технические возможности образовательной платформы позволили обучающимся ознакомиться с материалами различного формата и объёма, проверить имеющиеся знания и закрепить их успешным прохождением итоговой аттестации.

Несмотря на очевидные преимущества применения онлайн-технологий в образовательном процессе, в целом виртуализация общества, особенно молодого поколения, имеет и ряд существенных негативных последствий, которые широко обсуждаются экспертами и специалистами.

В условиях виртуализации и глобализации потенциальную опасность представляют преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Эта проблема уже неоднократно поднималась и Президентом Российской Федерации [5].

Так, только за 11 месяцев 2021 года рост преступных деяний с использованием IT-технологий составил 7,1%, зарегистрировано 494 126 преступлений, в том числе с использованием сети Интернет – 335 979. Это такие преступления, как незаконная организация и проведение азартных игр, распространение порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, хищения чужого имущества. Расследование таких деяний представляет особую слож-

ность и связано с организационными трудностями, обусловленными их спецификой, неочевидностью, зачастую межрегиональным и международным характером.

Для централизованной организации системной работы на данном направлении в центральном аппарате Следственного комитета созданы специальный отдел по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий, а также подразделение компьютерно-технических и инженерно-технических исследований, сотрудники которых соответственно обеспечивают предварительное следствие и производство экспертиз по делам об IT-преступлениях. В территориальных следственных органах введена специализация следователей по расследованию указанного вида преступных деяний. С учетом их специфики проведение доследственных проверок и расследование уголовных дел данной категории поручается наиболее опытным следователям, имеющим большой профессиональный стаж и обладающим необходимыми навыками работы. В итоге за 11 месяцев 2021 года следователями ведомства расследовано 15 114 преступлений (а за весь 2020 год - 11 493), совершённых с использованием IT-технологий (из них - 10 119 тяжких и особо тяжких).

С учетом все большего распространения таких деянии в академиях ведомства проводятся научные исследования для выработки эффективных методов противодействия этим преступлениям.

Негативное влияние информационно-телекоммуникационная технологии испытывают, конечно, и несовершеннолетние, которые все свободное время проводят в Интернете. Яркий пример такого влияния – вовлечение детей в несогласованные митинги в январе 2021 года: в Следственном комитете в рамках расследования уголовных дел по данным фактам получены данные об участии в противоправных митингах 1 422 несовершеннолетних, в том числе 54, не достигших 14-летнего возраста. Из них 733 составляют учащиеся общеобразовательных школ, в средних специальных учебных заведениях обучается 434 подростка, в высших – 73.

В большинстве случаев они являются активными пользователями интернет-пространства, имеют множество аккаунтов в различных социальных сетях. При этом данные информационные ресурсы явились основным источников публикаций фото- и видеоматериалов с призывами к неопределенному кругу лиц принять участие в несанкционированных мероприятиях.

Собранные в ходе следствия материалы свидетельствуют о психологической и идеологической неустойчивости вовлеченной в массовые беспорядки молодёжи, а также сформированной извне склонности к деструктивному поведению, поэтому на первый план выходит вопрос профилактики, ведь зачастую подростки оказываются подвержены вовлечению в деструктивную среду из-за чувства одиночества, по причине конфликта со сверстниками. Помочь подросткам противостоять этому влиянию можно только совместными усилиями.

В связи с этим целесообразно разработать комплексный план по подготовке новых образовательных программ, направленных на формирование таких знаний и навыков, которые могли бы защитить ребенка и будущего взрослого человека от воздействия манипуляторных технологий.

Кроме того, с учётом событий, произошедших в Республике Казахстан в начале 2022 года, следует дополнительно организовать профилактическую работу с молодежными объединениями для разъяснения тех отрицательных процессов, которые могут возникнуть при вовлечении молодёжи в экстремистскую деятельность. Помимо этого, для защиты национального информационного пространства следует принять дополнительные меры, включающие выявление в сети Интернет информационных материалов, связанных с вербовкой граждан, в основном из числа молодёжи, для совершения противоправных действий.

Как отмечено 8 февраля 2022 года на совместном заседании Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба, за последнее время на объектах образования предотвращен ряд преступлений террористической направленности часть из которых готовили члены ячеек международных террористических организаций в Москве, Крыму, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае и Тверской области. К подготовке большинства из них имели отношение сторонники деструктивной идеологии, известной как «Колумбайн» (использующие сеть Интернет в противоправных целях) [5].

Трагические события прошлого года в образовательных учреждениях в городах Казани и Перми в очередной раз продемонстрировали необходимость принятия дополнительных правовых и организационных мер по защите подрастающего поколения. Такие меры в связи с расследуемыми Следственным комитетом преступлениями о нападении на учащихся и педагогов с применением оружия приняты Верховным Судом Российской Федерации. Так, 2 февраля 2022 года движение «колумбайн» было признано террористической организацией, деятельность которой на территории России запрещена [7]. И это вполне закономерно, так как среди молодёжи в социальных сетях и специально созданных чатах действия нападавших оправдывались, им сочувствовали, а также осуществлялось подражание манерам их поведения, имели место сборы денежных средств для оказания им материальной и юридической поддержки.

Касаясь иных мер профилактического характера, следует сказать о том, что в 2021 году было существенно ужесточено антинаркотическое законодательство. В феврале 2021 года Уголовный кодекс РФ был дополнен нормой о наказании до 1О лет лишения свободы за склонение к употреблению наркотиков «с использованием информационно-коммуникационных сетей, включая интернет» (п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ введен Федеральным законом от 24.02.2021 № 25-ФЗ) [4]. Думаем, что это адекватная реакция общества, так как

склонение к потреблению наркотиков многомиллионной аудитории интернета, большую часть которой составляют несовершеннолетние, наносит непоправимый вред обществу.

Следует подчеркнуть, что профилактическое воздействие на снижение правонарушений несовершеннолетних может также оказать перераспределение бюджетных средств, выделяемых на цифровизацию, с акцентом на финансовую поддержку образовательных процессов, связанных с оздоровлением, воспитанием детей и минимизацией времяпрепровождения детей в интернет-пространстве. По этому пути пошли некоторые страны. Например, власти Китая установили чёткий период времени, который дети и подростки могут тратить на компьютерные игры общение в соцсетях (не более 3 часов в неделю). И такие ограничения в технически развитой и передовой в плане цифровой инфраструктуры стране, которые, на первый взгляд, могут показаться непопулярными, продиктованы желанием сберечь здоровье нации, психическое и физическое состояние несовершеннолетних.

Обозначенные в статье проблемы, диктуют необходимость развития качественного образовательного контента, подготовки дополнительных программ по активному вовлечению подростков в волонтерскую, военно-патриотическую работу, спортивное и творческое развитие, ограничению доступности деструктивных материалов в Интернете, социальных сетях и мессенджерах; усилении правового просвещения учащихся для предупреждения противоправных деяний, связанных с применением физического и психического насилия.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

2. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 27.07.2020. № 30. Ст.4884.

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

4. Федеральный закон от 24.02.2021 № 25-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 41. 26.02.2021.

5. Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации http://www.kreшlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/65090

6. Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. 2022. «В Москве прошло совместное заседание НАК и ФОШ». Дата обращения 08 февраля, 2022. http://nac.gov.ru/nak-priniшaet- resheniya/v-шoskve-proshlo-sovшestnoe-zasedanie-nak-i-fosh.htшl

7 Верховный суд признал движение «Колумбайн» террористическим, Российская газета – Федеральный выпуск №24 (8672), https://rg.ru/2022/02/02/verhovnyj-sud-priznal-dvizhenie-kolumbajn-terroristicheskim.html

УДК 343.915

ПРОФИЛАКТИКА МОЛОДЁЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ С УЧЁТОМ ПРОЦЕССОВ ЕЁ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Александрова Ольга Ивановна
Ректор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

Одной из проблем профилактики молодёжной преступности в настоящее время являются процессы её радикализации. Данные процессы в отдельных случаях могут способствовать формированию асоциальных установок у молодых людей, что является шагом в направлении формирования у них криминальной ориентации в поведении, в деятельности. Эти процессы необходимо принимать во внимание при профилактике преступности молодёжи. Очевидной является необходимость принятия соответствующего закона, который бы определял субъектов и средства профилактики молодёжной преступности.

Ключевые слова: молодёжная преступность; радикализация молодёжи; молодёжная субкультура; профилактика молодёжной преступности.

PREVENTION OF YOUTH CRIME, TAKING INTO ACCOUNT THE PROCESSES OF ITS RADICALIZATION

Alexandrova O. I.

One of the problems of preventing youth crime at present is the processes of its radicalization. These processes in some cases can contribute to the formation of antisocial attitudes in young people, which is a step towards the formation of their criminal orientation in behavior, in activity. In this regard, these processes must be taken into account when preventing youth crime. It is obvious that there is a need to adopt an appropriate law that would define the subjects and means of preventing youth crime.

Keywords: youth crime, radicalization of youth, youth subculture, prevention of youth crime.

Всё или ничего – эта радикальная позиция часто бывает характерна для молодёжи. Она толкает её на активные действия в самых различных сферах общественной жизни и во многом связана с вполне естественными процессами, которые переживают молодые люди. Прежде всего это процесс социализации, когда молодой человек стремится занять не просто определённое, а значимое, с его точки зрения, место в обществе. В том случае, если общество в этом не отвечает ему взаимностью, то это неизбежно порождает конфликт. Такому конфликту неизменно способствуют также определённые особенности личностного развития конкретного молодого человека. Отдельные изъяны такого развития суммируясь усугубляют такой конфликт, что негативно влияет и на личность соответствующего молодого человека, и на общество. Влияние оказывает и складывающаяся социальная ситуация, которая может иметь как позитивное влияние, так и негативное. Это обусловлено тем, что никакая личность не может существовать вне общества, а её особенности часто

© Александрова О. И., 2022

являются отображением соответствующего социального окружения. Она отображает как достоинства, так и недостатки этого общества. Поэтому конфликт между личностью и обществом обусловлен не только непреодолёнными проблемами самой личности, но и проблемами, которые существуют в обществе, и которые следовало бы преодолеть. При этом, сами эти проблемы могут состоять далеко не в том, как это видят молодые люди, а в совершенно ином, скрытом от их внимания контексте явлений и событий. Это процессы, которые происходят в социальном и личностном аспекте, связанные как с неспособностью соответствующего лица усвоить социально-сложные нормы, так и с нежеланием общества принимать такое лицо и работать с возникающими у него проблемами.

На фоне всех названных противоречий часто создаётся своя реальность, которая претендует на то, чтобы быть всеобщей. Но так как она отображает проблемы подросткового социума она всегда носит локальный характер, ограниченный определёнными социальными группами молодёжи. Достаточно часто она бывает ограничена достаточно небольшим социумом, в котором культивируется идеология превосходства и исключительности. Это является прямым ответом на запрос, обусловленный наличием скрытого комплекса неполноценности, когда сам подросток убеждён в обратном, но на самом деле его стремление подчеркнуть собственную исключительность является лишь компенсаторным механизмом. Эта проблема отдельной личности становится источником создания иллюзорных представлений о себе и собственном месте в обществе, в мире. На её основе выстраивается новая реальность, существование которой ориентировано на то, чтобы снять имеющиеся противоречия. Однако, поскольку такая реальность лишь иллюзорная снять никаких проблем она не может, а способна лишь создать новые, обусловленные неадекватностью в восприятии существующего социального мира. Это создаёт вполне определённые предпосылки к враждебному отношению ко всему тому, что ставит под сомнение названные иллюзии.

Одним из условий существования иллюзорного мира является то, чтобы в него верили. Причём, чтобы верила хоть какая-либо группа людей. Конечно, желательно, чтобы эта группа была максимально большой, но если таковой нет, то пусть и маленькая. Такая группа – это вполне определённый социум, который способен выдавать себя за часть реальности, которую иные люди не видят в силу самых различных причин. Частью этих иллюзорных представлений является утверждение собственной значимости членов таких групп, их превосходства над другими людьми. Важным среди составляющих такую реальность иллюзий является то, что соответствующая группа, конкретные лица будто бы обладают каким-то сокровенным знанием, которое неведомо всем иным. Чаще всего, это знание состоит в том, что все существующие проблемы можно разрешить каким-либо вполне определённым радикальным способом, важно лишь

не пасовать при принятии решения об использовании этого способа. Оно является определяющим в деятельности таких молодёжных группировок, привлекая к себе внимание молодых людей, которые не нашли понимания своих проблем в обществе, в той социальной реальности, которая утвердилась в мире. Такие группировки для того, чтобы максимально отвечать на потребность в самоутверждении молодых людей, стремятся сформулировать свою субкультуру, которая способна усилить убеждённость в исключительности тех, кто эту субкультуру принимает и является её носителем [1]. Эти субкультуры отличаются броскостью, стремлением привлечь к себе внимание и вместе с тем утвердить определённые идеи исключительности, превосходства, способности посредством крайних методов решить проблемы, которые до сих пор остаются не решёнными. Они часто являются радикальными, поскольку предлагают решение тех или иных социальных проблем соответствующими крайними методами.

Для молодёжных группировок характерно то, что каждая из них стремится к созданию собственной субкультуры, отличающейся от субкультур других группировок и культуры общества. В этом также проявляется стремление молодых людей как можно громче заявить о себе, привлечь к себе внимание, занять как можно более значимое место в социуме. Логика часто состоит в том, что если молодой человек не может адаптироваться в уже существующую культуру общества, то он создаёт свою субкультуру, которая полностью соответствует его представлениям и способна удовлетворить его социальные потребности. То есть, несмотря на всевозможные, наполненные романтизма, заявления таких субкультур, их природа достаточно утилитарна и направлена на удовлетворение вполне определённых социальных потребностей, таких, как потребность быть значимым для других людей, для своих сверстников. Но так как удовлетворить эту потребность отдельным молодым людям бывает достаточно сложно из-за высоких требований со стороны общества, то они стремятся создать свою реальность, частью которой является создаваемая ими субкультура, которая даёт им то, в чём отказывает общество – в признании, во вполне определённом, значимом месте своего социума в границах соответствующей молодёжной группы. Данное обстоятельство формирует особенность названной субкультуры, состоящей в её конфронтации к культуре общества и самому обществу. Она стремится заявить то, что её не принимают и не понимают только из-за того, что она более передовая, в большей мере способна решать сложные социальные вопросы, исключительна и имеет несомненное превосходство, и это является причиной её неприятия старшим поколением людей, которые являются носителями традиционной, утвердившейся в обществе культуры. Это импонирует в таких субкультурах молодым людям, поскольку полностью соответствует их мировосприятию и предлагает лестное для них объяснение того, почему им так сложно адаптироваться в суще-

ствующее общество взрослых людей. Это является основой радикализма молодёжи, которая стремится войти в мир на своих условиях, поскольку на уже существующих по каким-либо причинам не в состоянии.

Сам по себе радикализм не может однозначно расцениваться, как представляющий опасность для общества, поскольку хотя и предлагает крайние формы решения различных проблем, однако эти формы вовсе не всегда представляют опасность для общества, государства и других людей. Имеется множество радикально настроенных молодёжных группировок, которые, придерживаясь определённых крайних взглядов, вовсе не склонны к насилию, к дискредитации существующего правопорядка и режима законности, не стремятся осложнить или сделать невозможной деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Так, в настоящее время существует целый ряд молодёжных субкультур, которые можно рассматривать, как радикальные из-за форм их проявления (форма одежды; броское, но не противоправное поведение и т.п.) [2]. При этом, далеко не все существующие молодёжные субкультуры можно рассматривать, как радикальные. К ним относятся только те, для которых характерно стремление выразить себя в крайних формах, не принятых традиционными, существующими культурами. Многие из субкультур имеют разновидности, что является причиной того, что одна из разновидностей не прибегает к крайним формам в то время, как другая может быть склонна к ним. Это создаёт трудности в оценке молодёжных субкультур.

Особенностью радикализма молодёжных субкультур является его высокий уровень подвижности, который проявляется в том, что из не представляющего опасность для общества и государства он в любой момент может эволюционировать, став угрозой для правопорядка и общественной безопасности. В связи с этим встаёт задача вовремя предотвратить такую эволюцию соответствующих молодёжных группировок, чтобы они не заняли антисоциальную позицию. Необходимо проведение соответствующей профилактической работы, по предотвращению названной эволюции, что способно гарантировать то, что такой группировкой не будут совершаться преступления и иные общественно опасные деяния. Но для этого важно своевременное выявление названной эволюции соответствующих молодёжных группировок. Приобретает актуальность вопрос своевременной диагностики молодёжных группировок, в которых происходит процесс дальнейшей радикализации в направлении формирования антиобщественных установок. Своевременность выявления таких процессов способно предотвратить совершение преступлений, обеспечив тем самым правопорядок и гарантировав права других граждан. Это особенно важно, поскольку всякая радикальная молодёжная группировка в процессе своего развития способна трансформироваться в экстремистскую и даже террористическую. Помимо этого, радикальные молодёжные группировки могут трансформиро-

ваться в группировки, ориентированные на совершение общеуголовных преступлений (краж, грабежей, разбойных нападений). Необходимо суметь увидеть начало такой трансформации с тем, чтобы упредить её, предотвратив тем самым совершение череды преступлений, на которые такая группировка и её члены будут способны в последующем.

Государство стремится посредством законодательного регулирования предотвратить рост преступности, совершение конкретных преступлений. В частности, оно стремится упредить преступность несовершеннолетних, посредством законодательного определения органов государства и мер, которые они могут применять для профилактики преступлений. Одним из таких законов является Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3]. Данный закон ориентирован, прежде всего, на профилактику преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В нём названы органы и учреждения, на которые возлагается профилактика преступлений несовершеннолетних (ст. 4). Эти органы представляют собой систему, поскольку объединены единством задач, которые перед ними ставятся обществом и государством (ст. 3). Определяется круг лиц, в отношении которых проводится названная профилактика (ст. 5), а также система мер, посредством которых данная профилактика осуществляется [4]. Эффективность данного закона не вызывает сомнений, поскольку он позволяет выявлять процессы, которые способствуют криминализации несовершеннолетних, формированию у них установок на совершение правонарушений, включая преступления. Меры, которые им предлагаются зарекомендовали себя, как достаточно эффективные. Особенно важным в этом законе является то, что он исходит из диалектики возможного формирования несовершеннолетних в лиц, ориентированных на совершение преступлений. В этом законе принимается, как данное, то, что правонарушение неизбежно способно привести к тому, что несовершеннолетний, виновный в нём, может совершить со временем и преступление, если своевременно не принять соответствующие меры профилактики.

Одной из проблем, которые встают перед несовершеннолетними, и трудности решения которых способствует формированию у них установок, направленных на совершение правонарушений, являются проблемы социализации. Однако, как было сказано выше те же самые проблемы сохраняются и после достижения возраста совершеннолетия, поскольку одной из задач, которые стоят перед любым молодым человеком является адаптация к нормам и правилам поведения в обществе, к его ценностям и требованиям, которые оно предъявляет. Дефекты в названной адаптации способны негативно влиять на формирование молодого человека, что может способствовать становлению у него антиобщественных установок, принятию опасных для общества и государства представлений и идей. В связи с этим, необходимо на законодательном уровне определиться с

мерами и средствами профилактики преступлений молодёжи, молодёжных группировок, создать эффективные системы защиты от возможной деградации молодёжных группировок и субкультур в угрозу для общества, государства и граждан. Необходим закон подобный названному выше Федеральному закону № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3], но который бы распространялся на молодёжь, учитывающий, при этом, возрастные особенности лиц, старше 18 лет. Тем более, что государство уже сделало в этом направлении определённые шаги, в частности, принятием Федерального закона № 489-ФЗ от 30.12.2020 «О молодежной политике в Российской Федерации» [5], отдельные положения которого можно рассматривать, как меры по профилактике правонарушений среди молодёжи. В частности, отдельные направления молодёжной политики, сформулированные в ст. 6 названного закона можно рассматривать также, как направления, ориентированные на предотвращение правонарушений.

Закон, направленный на профилактику правонарушений молодёжи, должен учитывать названные выше механизмы радикализации и криминализации молодёжи. Он должен предусматривать соответствующие меры, которые могли бы быть максимально оптимальными для предотвращения негативных социальных явлений, связанных с молодёжью. Должны быть сформулированы соответствующие задачи и определены органы, на которые должна быть возложена обязанность по профилактике правонарушений среди молодёжи. При этом, представлялось бы правильным включать меры по ранней профилактике правонарушений среди молодёжи, которая бы предполагала предотвращение деградации молодёжных группировок и отдельных молодых людей из радикализма в криминальную ориентацию. Представлялось бы правильным включение отдельных мер по ранней профилактике в названный выше Федеральный закон № 489-ФЗ от 30.12.2020 «О молодежной политике в Российской Федерации» [5]. Ранняя профилактика правонарушений среди молодёжи должна быть частью молодёжной политики, такой же значимой, как занятость, социальные гарантии, поддержка молодёжной инициативы.

Список источников

1. Подольный Н. А. Факторы радикализации молодёжи и средства упреждения её криминализации / Н.А. Подольный // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 2 (34). С. 5-14.

2. Кондранин А. Е. Характеристика социально-опасных молодёжных субкультур / А. Е. Кондранин, А. В. Сиденко // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2018. № 1. С. 118-128.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 г. [Принят Государственной Думой 21 мая 1999 года; Одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 года] // Российская газета. 1999. 30 июня.

4. Романов А. А. Совершенствование правовой основы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / А. А. Романов, Р. В. Нелюбин // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 404-405.

5. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон № 489-ФЗ от 30.12. 2020 [Принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года; Одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года] // Российская газета. 2021. 11 янв.

УДК 243.98

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ НАУКА: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Волчецкая Татьяна Станиславовна
Заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, доктор юридических наук, профессор
Балтийский федеральный университет им. И.Канта

В статье рассмотрено состояние современной криминалистической методологии, техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. Выделены характерные тренды и направления развития актуальных научных исследований. Показаны векторы движения современной криминалистической мысли.

Ключевые слова: криминалистическая наука, международная криминалистика; ситуационный подход; цифровая криминалистика; криминалистическое мышление; криминалистическое моделирование

MODERN CRIMINALISTICS: REALITIES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Volchetskaya T. S.

The article considers the state of modern criminalistics methodology, techniques, tactics and methods of investigating certain types of crimes. Characteristic trends and directions of development of actual scientific researches are allocated. The vectors of the movement of modern forensic thought are shown.

Keywords: criminalistics, international forensic science; situational approach; digital forensics; criminalistics thinking; forensic modeling

Начав свое формирование в конце XIX века, криминалистика сегодня стала универсальной прикладной юридической наукой. Особое влияние на ее развитие в XXI веке также оказали последние события: нестабильность политической обстановки в мире, множество нововведений, связанных с пандемией COVID-19, активное развитие цифровых технологий в самых различных областях человеческой деятельности, в том числе и преступной.

Следует отметить, что современный этап развития криминалистической науки характеризуется развитием всех ее разделов: методологии (общей теории) криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений.

В области общей криминалистической методологии продолжают появляться новые и совершенствоваться уже известные частные криминалистические теории. Основные закономерности и тенденции их развития были достаточно подробно описаны в фундаментальном курсе криминалистики Р.С. Белкина [1]. Среди них следует

© Волчецкая Т. С., 2022

назвать теорию криминалистических классификаций, учение об организации расследования, криминалистическую профилактику, теорию установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений, криминалистическое моделирование, и ряд других.

Особо следует выделить криминалистическую ситуалогию, которая является своего рода связующим звеном между теорией и практикой, позволяет разрабатывать научно-криминалистические рекомендации адресно, то есть, ориентировать их на конкретные типовые следственные ситуации.

Теория криминалистической ситуалогии и сегодня и продолжает активно развиваться [2, с. 59-64], ее отдельные положения довольно широко применяются практически всеми исследователями при разработке тех или иных проблем криминалистической техники, тактики и методики. Целый пласт исследований в этом направлении провели ученые научной школы криминалистической ситуалогии Балтийского университета имени И.Канта [3, с.24-30] .

Весьма интересными являются появившиеся разрозненные исследования феномена криминалистического мышления. Стали появляться работы по осмыслению его понятия, структуры, содержания, прикладных аспектов. Разработка проблем профессионального мышления довольно важна в практике как при построении следственных версий, разработке стратегии и тактики расследования конкретного преступления, так и в процессе обучения будущих юристов.

Имеются довольно любопытное предложение о выделении особого направления – криминалистического просвещения, которое будет нести идеи противодействия преступности в массы [4, с. 134-136], однако, оно еще требует своей проработки и научного осмысления.

И, пожалуй, наиболее интересным в современной криминалистической методологии является уже не первое десятилетие продолжающийся так называемый «процесс самоиндентификации» науки криминалистики, есть неоднократные попытки ученых в плане переосмысления ее предмета и объекта. Это связано с тем, что криминалистическая наука уже давно вышла за рамки следственной деятельности, на сегодняшний день уже общепризнаны результаты научных исследований в области использования криминалистических технологий различными субъектами уголовного судопроизводства, для которых она ранее не предназначалась. Речь идет об адаптации положений криминалистической методики и тактики к деятельности государственного обвинителя, к судебной практике. В свое время даже были разработки по использованию криминалистических средств и методов в деятельности адвоката при реализации им функции защиты от обвинения, правда, они так и не нашли среди ученых широкой поддержки. В то же время, по нашему мнению, все же имеются большие перспективы в применении криминалистических средств, приемов и метолов в правозащитной деятельности.

Более, того, криминалистические рекомендации активно применяются в практике гражданского и арбитражного судопроизводства, а

также в административном процессе, существенно повышая эффективность этой деятельности, что также не было не замечено учеными – криминалистами. Именно поэтому уже имеется целый ряд научных исследований, в том диссертационных, посвященных проблемам использования положений криминалистики в производстве по административным [5; 6], арбитражным и гражданским делам [7].

Полагаем, что в развитие этого направления целесообразно разработать методики исследования доказательств в судопроизводстве по гражданским делам различных категорий, например: наследственным, трудовым, семейным и др. Кроме того, в ряде ситуаций, возникающих в ходе гражданского и арбитражного судопроизводства появляется необходимость в исследовании доказательств с целью выявить признаки преступных на них воздействий. Это может возникнуть, к примеру, для выявления признаков обмана и злоупотребления доверием в процессе приобретения права собственности; для выявления признаков подделки документов по тем или иным гражданским делам. В таких судебных ситуациях криминалистические приемы и методы как раз и окажутся наиболее действенными и эффективными.

В связи с этим, учеными неоднократно поднимались и поднимаются вопросы о расширении объекта и предмета криминалистики, а ряде случаев – даже об изменении названия этой науки.

В связи с вынужденными ограничениями, связанными с пандемией Covid-19, введением локдаунов, дистанционной работы и обучения, практически во всех сферах человеческой деятельности стремительно стали развиваться цифровые технологии. Такие технологии моментально стали активно использовать также и преступники, разрабатывая новые способы совершения преступлений в виртуальном пространстве, соответственно, это послужило толчком к развитию такого раздела науки, как криминалистическая техника. Его отрасль «криминалистическое следоведение» пополнилась научными исследованиями, связанными с исследованием природы, видов, образования, выявления и закрепления виртуальных следов при проведении отдельных следственных действий. Появились исследования по проблемам так называемых цифровых и электронных следов и доказательств [8].

Еще одним из интересных новых направлений криминалистической техники является разработка новых способов идентификации личности по следам, обнаруженным на месте происшествия, с использованием научных положений генной дактилоскопии, криминалистической одорологии.

Большую востребованность на практике имеет также выявление различного рода фальсификации доказательств в уголовном судопроизодстве, к примеру, видео и аудио записей, которые делаются преступниками с использованием современных цифровых технологий.

Интересные научные исследования проведены в области повышения доказательственного значения результатов полиграфного об-

следования человека: создаются новые научно-обоснованные методики проведения комплексного психофизиологического изучения человека [9].

Современные исследования в области криминалистической тактики в большей степени направлены на предупреждение и преодоление противодействия раскрытию и расследованию преступлений, для этого ученые задействуют большой потенциал теории криминалистической ситуалогии, а также научные разработки в области тактических комбинаций и операций. Многие американские криминологи и криминалисты полагают, что снижение преступности в их стране напрямую связано с использованием в раскрытии преступлений тактических приемов, связанных с работой в социальных сетях.

Появляются интересные работы по криминалистическому изучению личности [10], одна из последних- по изучению личности свидетеля следователем и прокурором [11, с.113-116].

Актуальны проблемы разработки тактики проведения следователем различных следственных действий с участием защитника, а также тактики проведения судебных действий при рассмотрении различных категорий уголовных дел.

Развитие четвёртого раздела науки криминалистики – криминалистической методики происходит, пожалуй, наиболее активно.

В первую очередь, это, конечно же, выявление криминалистических характеристик и разработка новых частных криминалистических методик расследования наиболее актуальных на сегодняшний день преступлений. Это и методика расследования ятрогенных преступлений, особенности расследования преступлений, совершённых мигрантами, криминалистическая методика расследования мошенничества при получении выплат и многие другие.

Подобного рода криминалистические научные разработки особенно актуальны в отношении относительно недавно криминализированных преступных деяний. Среди них можно назвать, например, методику расследования преступлений, связанных с расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ (доведение до самоубийства; склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства; организация деятельности, направленной на побуждение к совершению убийства).

Отличительной чертой современных криминалистических методик является то, что большинство из них становится тесно связанным с использованием цифровых технологий, с получением информации из социальных сетей.

Еще одним новым направлением является исследования по созданию так называемого криминалистического профиля преступника: обобщенных криминалистических портретов лиц, совершающих конкретные виды преступлений. Их практическое их значение состоит в том, что профайлинг позволяетс большой степенью вероятности моделировать поведение преступника в предкриминальной, собственно криминальной и посткриминальных ситуациях [12; с. 5].

Говоря об основных тенденциях и векторах развития современной криминалистической науки, отмечу следующее.

Во-первых, с учетом необходимости обработки большого массива научной информации в приоритете становятся коллективные научные исследования, повышается роль криминалистических научных школ.

Во-вторых, универсальность криминалистической науки позволят говорить о большом потенциале и перспективе международных научных исследований не только в области транснациональной преступности, но в сфере разработки частных криминалистических проблем. Например, в числе вопросов, представляющих межнациональный интерес, можно назвать криминалистическое научное исследование новых криминальных, и соответственно криминалистических технологий, особенности расследования преступлений, совершенных в виртуальном пространстве.

В-третьих, тенденцией современной криминалистики является повышение числа междисциплинарных исследований. На это нацеливает и новая номенклатура научных специальностей, объединившая в единый цикл науки уголовного правового цикла: уголовное право, уголовный процесс, криминологию, судебно-экспертную и оперативно-розыскную деятельность.

Список источников

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. 837 с.

2. Волчецкая Т.С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 59-64.

3. Куркова Н.А. Научная школа криминалистической ситуалогии Балтийского федерального университета им. И. Канта: некоторые итоги // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 24-30.

4. Гармаев Ю.П. Антикриминальное просвещение в деятельности юридических вузов как научно-образовательный проект // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях. Отв. ред. Н.Н. Цуканов; Сибирский юридический институт МВД РФ, 2019. С. 134-136.

5. Волчецкая Т.С., Хорьков В.Н. Возможности и перспективы использования криминалистики в административном процессе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 3 (248). С. 106-113.

6. Фоченкова Н.А Использование криминалистических знаний при обнаружении и исследовании доказательств в административном процессе: Дисс. канд юрид наук. Калининград, 2003

7. Жижина М.В. Частная теория криминалистического обеспечения цивилистического процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. №5 (33).

8. Зуев С.В., Бахтеев Д.В., Вехов В.Б. и др. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Москва, 2021. Сер. 76 Высшее образование (1-е изд.)

9. Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. Москва, 2019.

10. Бедризов А.Г., Волчецкая Т.С, Галяшин Н.В и др. Криминалистическое изучение личности. Научно-практическое пособие для магистров ; Отв. ред. Я. В. Комиссарова. Москва.

11. Бедризов А.Г. Криминалистическое изучение личности свидетеля в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Современное право. 2014. № 12. С. 113-116.
12. Волчецкая Т.С. Абрамовский А.А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.2018. № 4-2. С.3-9.

УДК 343.98

НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ О ВЕРСИОННОМ АНАЛИЗЕ КАК ИНТЕГРАТИВНОМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Комаров Игорь Михайлович
Заведующий кафедрой криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова

В настоящей публикации рассмотрены актуальные криминалистические проблемы, связанные с использованием следственных версий и версионного анализа в процессе расследования преступлений в условиях их неочевидного совершения, раскрыто содержание соответствующей методологии построения следственных версий с использованием методов аналогии, идентификации и традукции, методов ограничения и исключения.
Ключевые слова: следственная версия, версионный анализ, методология следственной версии.

SEVERAL THESES ON VERSIONING ANALYSIS AS AN INTEGRATIVE FORENSIC METHOD OF INVESTIGATION

Komarov I. M.

This publication discusses current forensic problems associated with the use of investigative versions and versioning analysis in the process of investigating crimes in conditions of their non-obvious commission, reveals the content of the relevant methodology for constructing investigative versions using methods of analogy, identification and deduction, methods of limitation and exclusion.
Keywords: investigative version, version analysis, methodology of the investigative version.

1. Следственная версия давно рассматривается криминалистами как частный прием расследования. Однако вопрос исследования следственных версий в криминалистике как ранее, так и в настоящее время, к сожалению, сведен к определению ее понятия, классификациям, процедурам построения и проверки.

2. Для того, чтобы в правоприменительной практике следственная версия могла быть реализована в полной мере, как эффективный инструмент криминалистической деятельности, следует более глубоко изучить вопросы структуры реальных познавательных процессов версионного анализа.

В этой связи закономерным является вопрос о том, каковы задачи и структуры версионного анализа с учетом требований

© Комаров И. М., 2022

современных технологий информационного моделирования динамических процессов расследуемого события и задач расследования?

3. Версионный анализ, фактически, представляет собой информационно-познавательное содержание и структуру деятельности следователя как в расследовании преступления вообще, так и в установлении и изучении личности потерпевшего от убийства, в частности. Это связь формы и содержания.

В основе версионного анализа всегда лежат данные отдельных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных в ситуациях, когда личность, потерпевшего при явных обстоятельствах криминального характера содеянного, не установлена и для этого требуются соответствующие действия следователя. Элементы криминалистической характеристики являются информационной базой для выдвижения совокупности общих и частных следственных версий. На основе же версионного анализа выстраивается информационная модель расследования соответствующего события.

4. Познавательные стратегии, связанные с изучением личности потерпевшего, реализуются в соответствии с базовыми познавательными моделями расследования, где наибольшую актуальность имеют дедуктивные модели, которые в своей реализации используют данные как индуктивных, так и традуктивных (аналогичных) моделей, отражаемых ситуацией расследования.

5. Расследование в своем ходе должно соответствовать преимуществу логического следования, где его общая логическая структура условно включает в свое содержание – способ совершения убийства, следовую картину посткриминальной деятельности и методику установления обстоятельств происшедшего события, где основной задачей является установление и изучение личности потерпевшего.

6. Однако, наряду с данными криминалистической характеристики преступления, актуальными для установления личности потерпевшего посредством выдвижения следственных версий, наряду с дедуктивными и индуктивными методиками, важное значение могут иметь и другие методики.

Особое место в этом ряду занимают, так называемые традуктивные методики, где вектор логического следования определяет движение мышления следователя от частного к частному.

В этой методике используются известные в криминалистике методы, которые применяются как в научных исследованиях, так и в практике расследования преступлений, среди них – аналогия, идентификация и традукция.

7. Для целей установления личности потерпевшего традуктивные умозаключения, как индуктивные и дедуктивные методики, являются значимыми, так как максимально точно позволяют решать идентификационные задачи в соответствии с методиками построения следственной версии, тем предположением которое основано не на определённой группе фактов, а на всей известной следователю их

совокупности, что по существу указывает на синтез исходных данных (криминалистически значимой информации) с целью единого их объяснения.

В этом соответствии следственная версия является интегративной вероятностной информационно-логической моделью расследуемого события вообще и установления личности потерпевшего.

8. Гносеологическое значение такой мысленной модели быть аналогом для решения задачи установления личности потерпевшего посредством установления ее сходства с этим объектом в тех или иных чертах, что позволяет следователю обеспечить перенос достоверного знания, установленного ранее (о структурных элементах и их связях события) в подобных ситуациях, на исследуемый объект.

9. В соответствии с изложенным интегральная следственная версия должна строиться на основе установленных фактических данных о преступлении, знании типичной криминалистической модели преступной деятельности данной категории, результатах логического сравнения выявленных фактов с типичными следственными ситуациями и вытекающими из них типичными следственными версиями, с использованием при этом комплекса логических приемов мышления в их единстве и взаимосвязи.

10. Версионный анализ непосредственно связан с системным подходом, в информационном моделировании, где любая информация, поступающая в его систему, оценивается не только в структуре конкретной следственной версии, но и в общей системе информационного моделирования расследуемого события.

Реальная структура мыслительного процесса следователя должна быть обусловлена исключительно структуризацией версионного анализа, где доминирует принцип – построение и проверка каждой следственной версии возможно исключительно в ее системной связи с другими следственными версиями.

11. Главным в методологии версионного анализа является системный анализ всех следственных версий, но только при анализе каждой отдельной следственной версии на любом из уровней анализа, а соответствующая реализация возможна исключительно в рамках процесса информационного моделирования расследуемого события, которое представляет инфраструктуру построения и проверки каждой следственной версии.

12. Основой версионного анализа любой информационной модели расследуемого события, как на определенных уровнях, так и в целом, является следственная версия. В ее основе лежат формально-логические приемы: индукция, предполагающая выдвижение всех возможных следственных версий, что обеспечивает всесторонность и полноту расследования; дедукция, чье значение связано с логической необходимостью формирования выводов, а также традукцией, предполагающей выводы по аналогии и идентификацию.

Следственная версия с интегральными свойствами (интегральная индивидуальная информационная модель расследуемого собы-

тия) строится на основе установленных фактических данных о преступлении, знании типичной криминалистической модели преступления, результатах логического сравнения выявленных фактов с типичными следственными ситуациями и вытекающими из них типичными следственными версиями, с использованием при этом комплекса логических приемов мышления в их единстве и взаимосвязи.

Версионный анализ как информационная модель – сложная динамическая система, где следственные версии, как элементы системы находятся в соответствующих информационных связях, а основной функцией следственной версии в этой системе является то, что она определяет направление проведения анализа по источникам, которые позволяют обнаружить криминалистически значимую информацию о факте, подлежащем установлению.

УДК 343.98

ЗАЩИТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Шапиро Людмила Геннадьевна
Заведующий кафедрой криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемы противодействия преступлениям, связанным с объектами культурного наследия народов России. Определены основные причины невысокого качества их выявления, расследования и предупреждения и факторы, которые могут способствовать повышению эффективности этой деятельности. Сделан вывод о целесообразности организации специализированных подразделений МВД России по расследованию преступлений, связанных с объектами культурного наследия, сформулирован ряд рекомендаций практическим работникам.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, противодействие преступлениям, криминалистические средства и методы, специальные знания, историко-культурная экспертиза.

PROTECTION OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF RUSSIA: CRIMINALISTIC ASPECTS

Shapiro L. G.

The article deals with problems of countering to crimes related to objects of cultural heritage of the peoples of Russia. The main reasons for not high quality of their detection, investigation and prevention, and factors that can improve the efficiency of this activity are identified. The conclusion about the expediency of organizing specialized units of the Ministry of Internal Affairs of Russia for investigation crimes related to objects of cultural heritage is made, recommendations for law enforcement practitioners are formulated.

Keywords: objects of cultural heritage, counteraction to crimes, criminalistics means and methods, special knowledge, historical and cultural expertise.

© Шапиро Л. Г., 2022

Защита культурного наследия народов Российской Федерации является важнейшей государственной задачей и частью Стратегии ее национальной безопасности [1]. Учитывая необходимость сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, Президент РФ В.В. Путин объявил 2022 год Годом культурного наследия народов России [2]. Понятие и виды объектов культурного наследия определены Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [3].

В Едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации по состоянию на 7 февраля 2022 года зарегистрировано 147 276 памятников истории и культуры [4]. Данный реестр систематически пополняется вновь выявленными объектами. Тем не менее, «по статистике, каждый год наша страна теряет более 100 объектов национального достояния» [5, с. 52].

Помимо бережного отношения и грамотной реставрации объекты культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения нуждаются в защите от преступных посягательств, в результате которых происходит их повреждение или уничтожение. Примеров таких посягательств множество. Так, в феврале 2022 года в Саратове по материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 243 УК РФ об уничтожении объекта культурного наследия местного значения – здания «Дом купца И.И. Зейферт», построенного в XIX веке. «Халатное отношение собственников здания привело к возникновению в нем пожара, повлекшего разрушение крыши и перекрытий третьего и четвертого этажей. Полученные в ходе пожара повреждения основных строительных конструкций привели к фактической утрате объекта культурного значения» [6].

К сожалению, качество противодействия таким преступлениям оставляет желать лучшего. К основным причинам сложившейся ситуации следует отнести высокую степень их латентности, несовершенство действующей системы нормативных правовых актов, устанавливающих требования по охране памятников истории и культуры, ненадлежащую организацию взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов при обнаружении в ходе контрольных действий (инспекционных визитов, рейдовых осмотров, документарных и выездных проверок, наблюдения за соблюдением обязательных требований (мониторинга безопасности), выездных обследований) признаков преступлений [7], недостаточно разработанную методику выявления, расследования и предупреждения преступлений, связанных с посягательствами на объекты культурного наследия.

Практика показывает, что в целях повышения качества выявления и расследования данных преступлений следователи (дознавате-

ли) нуждаются в подробных и четких криминалистических рекомендациях, в том числе, в форме алгоритмов, направленных на эффективное планирование производства предварительной проверки и расследования в различных ситуациях, производство осмотра места происшествия (памятника истории и культуры), допроса свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и других следственных действий.

Сложности в принятии решения о возбуждении уголовного дела о преступлениях, посягающих на объекты культурного наследия, во многом обусловлены значительным количеством различных видов таких объектов, а также информационной неопределенностью, связанной с тем, что зачастую даже при наличии формальных внешних признаков невозможно сразу определить, является ли поврежденный или уничтоженный объект подлежащим охране памятником истории или культуры.

В этой связи важнейшая роль при производстве предварительной проверки первичной информации о преступлениях данной категории и их расследовании принадлежит специальным знаниям, которые могут быть использованы в различных формах, как правило, в форме назначения и производства культурологических, искусствоведческих и иных судебных экспертиз, участия специалиста в процессуальных действиях, получения заключения и показаний специалиста [8].

В целях установления фактических данных, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (отказе в возбуждении уголовного дела), прежде всего, для установления подлинности культурных ценностей, произведений искусства, особенностей их происхождения и производства может быть назначена историко-культурная, культурологическая, искусствоведческая экспертиза или исследование [9, 10].

Сложности у практических работников вызывает вопрос о современных возможностях отдельных видов судебных экспертиз, объектами которых могут быть предполагаемые памятники истории и культуры. С целью определения необходимого вида судебной экспертизы целесообразно использовать справочно-консультационную помощь специалистов и экспертов в области культуры, архитектуры, садово-паркового искусства, археологии, истории, реставрации и т.д.

Соответствующего специалиста необходимо привлекать также к участию в осмотре места происшествия, обыске, допросе свидетеля, подозреваемого (обвиняемого). Выбор необходимого специалиста, который следует осуществлять с учетом ситуационного подхода, зависит, прежде всего, от способа совершения преступления и вида поврежденного или уничтоженного в процессе преступной деятельности объекта культурного наследия. Например, если таким объектом является место проведения археологических раскопок, то есть, ограниченный по территории земельный участок с различной степенью целостности строениями, сооружениями, частично скрытыми в земле, то к его осмотру целесообразно привлекать специалиста-археолога.

В целях оперативного решения вопроса о подборе специалиста следователю целесообразно сформировать актуальный список лиц, обладающих специальными знаниями в различных областях искусства, архитектуры, археологии и т.п.

Сложности, которые испытывают следователи (дознаватели) при организации и производстве допросов свидетелей, связаны, в первую очередь, с определением их круга, который может быть весьма широк, и определением предмета допроса для каждой категории свидетелей, подозреваемых (обвиняемых). Например, если уничтожение (повреждение) памятника истории или культуры произошло в результате проведения реставрационных работ, на допросе, в частности, необходимо выяснить методику их проведения, требования к техническим специалистам, осуществляющим такие работы, фактическое наличие необходимого уровня квалификации у лиц, привлеченных к реставрационным работам.

Критическое состояние значительного количества объектов культурного наследия, наблюдающееся в последние годы, обусловливает необходимость организации в структуре Следственного управления Министерства внутренних дел России специализированного подразделения по противодействию преступлениям, связанным с объектами культурного наследия. Необходима также дальнейшая разработка программного обеспечения деятельности следователя, содержащего алгоритмы его действий в различных ситуациях с учетом конкретного вида памятников истории и культуры и способа совершения преступления.

Давно назрела необходимость и в принятии единого (межведомственного) нормативного правового акта, который бы четко регулировал вопросы взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов при обнаружении признаков преступлений в процессе контрольной (надзорной) деятельности.

В заключение хотелось бы отметить, что меры, направленные на обеспечение защиты культурного наследия народов России, должны иметь комплексный характер и наряду с криминалистическими средствами и методами включать меры правового, организационного и международного характера, в том числе, использование позитивного зарубежного опыта защиты культурных ценностей. В решении этих проблем главная роль должна принадлежать государству как крупнейшему собственнику объектов культурного наследия.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03. 2018) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

2. О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России: Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2021 года № 745. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2021 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» - Текст : электронный.

4. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: https: // https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/ opendata.mkrf.ru/ opendata/ (дата обращения: 12.02.2022). Текст : электронный.

5. Серякова В.А., Федулов А.А. Оценка объектов культурного наследия / В.А. Серякова, А.А. Федулов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 2 (173). С. 51-63.

Официальный сайт прокуратуры Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/search?article=70118184 (дата обращения: 12.02.2022)

6. Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия», утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1093 (в ред. от 21 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (часть I). Ст. 5523.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., с изм. от 23.09.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921; URL: https://base.garant.ru/12125178/#friends (дата обращения: 10.09.2021)

8. Пискунова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. С. 34-39.

9. Рудакова Е.А., Никифорова Л.В. Что называют сегодня культурологической экспертизой? / Е.А. Рудакова, Л.В. Никифорова // Философия и культурология в современной экспертной деятельности: коллективная монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 345-352.

УДК 343.98

О СИСТЕМЕ СЛЕДОВ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Каминский Александр Маратович
Заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

В статье предпринята попытка провести криминалистический структурно – элементный анализ системы типичной следовой картины преступлений в сфере компьютерной информации. В рамках полученных теоретических результатов осмыслить специфику цифровых следов. Анализ проведен с методологических позиций научной школы системно – деятельностного подхода в теории криминалистики. С таких позиций аргументируется утверждение о том, что цифровой след – результат проявления такого свойства материи как отражение и в этом закономерности его возникновения и существования аналогичны закономерностям существования иных материальных и идеальных следов. Но имеются и присущие только этим следам особенности, выражающиеся в том, что для воз никновения цифрового следа в кибернетическом пространстве необходимо механическое, физическое взаимодействие оператора и компьютерной техники. Поэтому в расследовании данного вида преступлений необходимо выявлять и фиксировать следы обеих групп.

© Каминский А. М., 2022

Ключевые слова: след преступления, цифровой след, преступления в сфере компьютерной информации, расследование преступлений, системно – деятельностный подход.

ABOUT THE SYSTEM OF TRACES OF CRIMINAL ACTIVITY IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Kaminsky A. M.

The article attempts to conduct a forensic structural - element analysis of the system of a typical trace pattern of crimes in the field of computer information. Within the framework of the theoretical results obtained, to comprehend the specifics of digital traces. The analysis is carried out from the methodological positions of the scientific school of the system – activity approach in the theory of criminology. From such positions, the statement is argued that the digital footprint is the result of the manifestation of such a property of matter as a reflection, and in this the laws of its occurrence and existence are similar to the laws of the existence of other material and ideal traces. But there are also features inherent only in these traces, expressed in the fact that for the emergence of a digital footprint in cybernetic space, mechanical, physical interaction of the operator and computer equipment is necessary. Therefore, in the investigation of this type of crime, it is necessary to identify and record the traces of both groups.

Keywords: crime trail, digital trail, crimes in the field of computer information, crime investigation, system - activity approach.

Глобальная цифровизация и компьютеризация всех сторон жизни социума закономерно не могла не коснуться взаимовоздействия, взаимовлияния двух видов человеческой деятельности – преступной и деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Со стороны преступной деятельности это выразилось как в появлении целой группы преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ (эти преступления физически невозможно осуществить без наличия компьютерной техники и навыков и знаний обращения с ней), так и в той ситуации, когда для многих «традиционных» видов преступлений стало характерно использование компьютерных технологий. Их использование открывает преступникам широкие возможности совершенствования механизмов и способов совершения преступлений.

Для решения отдельных задач любой из фаз (информационно-поисковой, подготовительной, деятельностно – операционной, сокрытия и маскировки) полноструктурного преступления, то есть преступления, развивающиеся на уровне деятельности, (преступления, совершаемые организованными преступными формированиями, преступления в сфере экономики, незаконного оборота наркотиков, в сфере движения в сфере компьютерной информации и др.) преступники охотно и эффективно используют возможности компьютеров.

О масштабах этого вида преступлений свидетельствуют следующие данные: По сведениям МВД России, за 2017 г. зарегистрировано 90587 преступлений, за 2018 г. – уже 174674 преступления, что на 92,8 % больше аналогичного периода предыдущего года. Вместе

с тем только за 9 месяцев 2019 г. зарегистрировано 205,1 тыс. преступлений, что на 69,1 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. [6] И это при том, что латентность преступлений в сфере компьютерной информации составляет 90 % [12, с. 3]

С другой стороны, деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений во всем своем многообразии так же эффективно использует возможности компьютерной техники и компьютерных технологий для решения своих профессиональных задач.

При этом необходимо отметить, что: «В условиях информатизации всех сфер жизнедеятельности субъекты общественных отношений, в том числе субъекты преступной деятельности, оказываются вовлеченными в информационное общество, существуя и функционируя в условиях постоянного информационного обмена с окружающим миром. Каждое социально значимое действие субъекта влечет за собой не только появление информации, но и ее сохранение, накопление и систематизацию в составе различных учетов, имеющих вид информационных систем – основного инструментария информационных технологий.

Анализ эмпирического материала позволил утверждать, что использование системы таких учетов, как криминалистических, так и криминалистически неупорядоченных, является одним из эффективнейших способов информационного обеспечения субъекта ДВРП в условиях недостаточности собственно следовой информации» [3, с.5].

Более того, практика показывает, что для успешного раскрытия преступлений в указанной сфере следователю, оперативному работнику, помимо знаний и навыков в области компьютерной техники необходимо владение терминологическим аппаратом «продвинутых пользователей» – компьютерным сленгом[4, с. 665].

Анализ правоохранительной практики последних десятилетий наглядно демонстрирует потребность деятельности выявления, раскрытия и расследования преступлений в эффективных криминалистических рекомендациях, методиках борьбы как с преступлениями, совершаемыми в сфере движения компьютерной информации, так и с «традиционными» составами, отдельные элементы которых существенно изменились благодаря возможностям компьютерной техники.

Создание системы таких рекомендаций разного уровня возможно только при наличии развитой методолого – теоретической базы по исследуемому вопросу – той парадигмы, на основе которой и будут решаться отдельные прикладные вопросы.

В качестве исходного момента необходимо отметить, что в классическом объекте криминалистической науки – взаимовоздействии на отражательно – информационном уровне преступной деятельности и деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений появилась новая грань, определяющая это взаимовоздействие сквозь призму компьютерных технологий.

Следуя потребностям практики, криминалистика добилась некоторых результатов – «выявлен и исследован новый криминалисти-

ческий объект – «кибернетическое пространство», определяемый как среда совершения преступлений в сфере компьютерной информации и существования нового вида виртуальных следов» [8, с. 9]. Сложилась частная криминалистическая теория информационно- компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [9, с.110], которая исследует закономерности интеграции информационных технологий в различные сферы деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Не смотря на достигнутые результаты, в криминалистической литературе констатируется, что: «…технико-криминалистическое иинформационно-компьютерное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений находится в стадии разработки» [2, с. 631].

Таким образом, совершенствование имеющихся и разработка новых криминалистических средств и методов борьбы с компьютерной преступностью требует, прежде всего, исследования проблемы на методолого – теоретическом уровне и уяснения особенностей основных криминалистических категорий применительно к рассматриваемому вопросу анализа.

Алгоритм любого исследования требует выделения единицы анализа в теоретическом исследовании объекта, тем более такого специфичного. Такой единицей в криминалистике выступает категория «след преступления». Эта категория, по утверждению В. Г. Коломацкого [7, с. 50], является «модулем» теоретических криминалистических конструкций.

При этом: «… след должен браться не как оттиск, царапина, деформация и т.д. и т.п., а как единство двух противоречий: кодового преобразования информации, отражающей определенную сторону преступной деятельности (информации, существующей объективно, но в потенциальной форме), и обратного кодового преобразования, в результате которого возникает понимание механизма тех преобразований в преступной деятельности, которые и отразили первичную информацию» [5, с. 11].

Научный анализ категории «след преступления» особенно необходим потому, что цифровизация в системе преступная деятельность – деятельность по выявлению и раскрытию преступлений вызвала к жизни и новый вид следов – цифровых или кибернетических.

Неразрешенность этого теоретического вопроса ярко иллюстрируется тем, что не выработан единый терминологический аппарат. Для обозначения одного и того же явления применяются различные термины. Г.М. Шаповалова справедливо констатирует, что «…в научной литературе отсутствует формулировка понятия «информационные следы», … Ученые в своих исследованиях используют термины: «виртуальный», «след», «информационный след» (В.А. Милашев, О.Г. Григорьев, А.С. Егорышев). Новый вид преступлений способствовал появлению не традиционных для следственной практики «информационных следов», требующих криминалистиче-

ского научного изучения» [12, с. 11]. По мнению В.А. Мещерякова виртуальные следы являются промежуточными между материальными и идеальными. Понятно, что вопрос не в терминах, а в том, какое содержание авторы вкладывают в термин, что они понимают под ним.

Например, явно неудачен термин «информационный след», что можно понимать так, что есть еще и следы неинформационные. Между тем, любой след информативен. Он содержит в себе некоторое количество информации (вопрос стоит лишь о мере информации), о личности преступника, его движениях и действиях и она содержится в следах любой природы потенциально, задача следствия – эту информацию актуализировать. «Судить об отражаемом, по информации о преступлении можно только в том случае, если отражение обладает содержательной стороной, если связь изменений с событием можно обнаружить, выявить, понять по содержанию этих изменений» [1, с. 121].

Следовательно, следов, не содержащих информацию, не существует, вопрос в количестве информации и умении следователя или оперативного работника эту информацию актуализировать, что в свою очередь требует обладанием следователя или оперативного работника знаниями:

– об особенностях механизма следообразования в различных ситуациях различных областей;

– знаний, умений и навыков по обнаружению и фиксации этой информации и восстановлении по ней в идеальной модели хода всего преступления либо его фрагмента. На основе этой модели и выдвигаются в дальнейшем версии, направленные на раскрытие конкретного преступления. Специфичность механизма образования электронных следов, особенность следовых картин этого вида преступлений затрудняет теоретическую работу, в частности, выработку оснований их классификации, выявления их содержания и сущности.

Поэтому сложившаяся ситуация разрешается таким путем, что вначале на теоретическом уровне должна быть создана общая, а значит высокой степени абстракции модель преступной деятельности в сфере информационных технологий, которая должна охватывать все частные случаи. Передовать ее главные «узлы», то есть отражать структуру преступной деятельности, задачи которой достигаются либо использованием компьютерных технологий либо их изменения. На основе этой модели возможно эффективное и планомерное исследование специфики и данного вида следов и механизмов их образования.

В исходных константах создания данной модели выступают те положения, что любая технология строится из субъектов деятельности, сырья, оборудования, энергоресурсов и технологий обработки. Деятельность в области информационных технологий осуществляют: системные операторы, программисты, администраторы, инженеры и техники, пользователи. Производящие мощности это совокуп-

ность взаимосвязанных компьютеров, технологические каналы, приборы, механизмы, оборудование, рабочая среда, программы, обеспечивающие информационные технологии системой алгоритмов. Изменяя информацию, манипулируя с ней, можно воздействовать на такие объекты, как: сама информация, материальные ценности, финансы, услуги. Имея в виду особенности и качества этих объектов, арсенал преступников и способы и технологии их действий ясно, что в результате этого возникает очень разноплановая следовая картина.

По такому основанию можно сделать значимый вывод о том, что эта модель должна содержать не перечень конкретных следов, а их типологию. Представляется возможным рассмотреть три типа следов:

– отражающих изменения собственно субъекта;

– отражающих изменения состояния работы компьютерной техники;

– отражающих изменения полученного в процессе работы информационных технологий продукта.

Весьма важным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что цифровые следы имеют двойную природу – материальную и виртуальную. Возникновение конечного состояния такого следа (виртуального) невозможно без действий, операций или простых движений человека (оператора, пользователя) при работе с компьютером, мышью, клавиатурой, флэш - картой и т.п..

Таким образом, помимо виртуальной составляющей, такой след содержит и «традиционную» криминалистическую составляющую – следы пальцев рук, записки, запаховые следы, микрочастицы, окурки и другие вещества и предметы, локализованные на рабочем месте оператора (пользователя). Этот перечень при желании можно существенно расширить. Закономерно, что в силу своей новизны и неисследованности внимание ученых приковано в основном к виртуальной составляющей данной группы следов, но следует помнить о том, что эти изменения возможны только как результат первоначального физического контакта оператора (пользователя) с механизмами, приборами и оборудованием компьютерной техники.

Поэтому представляется, что взятый в своем синкретичном виде след, характерный для данной группы преступлений – это составной, сложный след, результат воздействий и преобразований объектов как материальной, так и виртуальной природы, результат приложения к ним воли преступника. Теоретической базой, иллюстрирующей механизм возникновения этих следов, выступает теория отражения. В рассматриваемых ситуациях кисть руки, пальцы оператора (пользователя), контактирующего с компьютерной техникой, выступают в качестве следообразующего объекта. Следовоспринимающими выступают как те составляющие комплекса компьютера, с которыми проводятся операции, а так же как материальные объекты, включенные в деятельность оператора, так и, собственно виртуаль-

ное пространство, например электронная почта, поисковые системы, сайты сети Интернет и т.д.

Изложенные теоретические положения могут быть использованы в создании криминалистических рекомендаций различного уровня для практики раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации. В общении с компьютером индивидуальность пользователя проявляется также, как при письме на бумаге: скорость, привычка использовать основную или дополнительную часть клавиатуры, характер «сдвоенных» и «строенных» нажатий клавиш, излюбленные приемы управления компьютером и т.д., с помощью которых можно выделить конкретного человека среди всех работавших на данной машине.

Изложенные в различных источниках материалы по данной теме свидетельствуют, что предпринимаются попытки решить задачу идентификации оператора (пользователя) по признакам клавиатурного почерка решением системы задач установления и анализа признаков индивидуальных особенностей воздействий оператора (пользователя) на клавиатуру. В силу автоматизации процесса набора текста на клавиатуре и в результате многократных повторений и длительных упражнений, у субьекта вырабатывается устойчивый двигательный навык. При этом даже сознательные попытки изменить свой клавиатурный почерк не приводят к положительному результату, благодаря выработанному динамическому стереотипу и эти группы следов оказываются источниками криминалистически значимой информации. Опытным путем выявлено, что пальцы и руки оператора (пользователя) индивидуально и неповторимо контактируют с клавишами клавиатуры, что является индивидуальным признаком.

Изучение материальной составляющей цифрового следа в сочетании с виртуальной его составляющей в процессе расследовании этой группы преступлений будет весьма перспективно.

Список источников

1. Бекин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т.1: Общая теория криминалистики. Москва: Юристь. 1997- 408с.

2. Вехов Б. В. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. С. 630-639.

3. Каминский А. М, Овчинникова Д. А. Использование электронных криминалистически неупорядоченных банков данных в раскрытии преступлений // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2020. Т.30. №1. С. 92.

4. Каминский А. М., Русских Ж. А. Некоторые аспекты использования компьютерного сленга для решения задач расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Пермский юридический альманах. 2019. №2. С. 665-672.

5. Каминский М. К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «криминалистика». С. 11.

6. Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь-сентябрь 2019 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. Режим доступа: https://мвд.рф/folder/101762 Дата обращения 10.10.2019 г.

7. Криминалистика. Т. 1. История, общая и частные теории / Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И.М. Лузгина. Москва, 1995. С. 50.

8. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. … докт. юрид.наук ; Воронежский государственный университет. Воронеж, 2001. С. 9.

9. Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып.3, ч. 2: Юридические науки. Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2016. С.110.

10. Репецкая А. Л. Российская организованная преступность: характеристика современного развития // Вестник восточно-сибирскорго института МВД России.

11. Рудых А. А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий: автореф.дисс. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020.

12. Шаповалова Г.М. Возможность использования информационных следов в криминалистике (вопросы теории и практики): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Владивосток, 2006.

УДК 343.13

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ХАРАКТЕР МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Епихин Александр Юрьевич
Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Мишин Андрей Викторович
Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Обосновывается проблема соответствия отраслевых правовых предписаний, касающихся процесса обеспечения безопасности участников производства по уголовному делу с позиций их межотраслевого содержания. Представлен анализ имеющихся научных подходов к понятию и содержанию правового механизма защиты прав и законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства. Акцентировано особое внимание на исследовании механизма обеспечения безопасности личности в уголовном процессе с учетом его межотраслевого характера.

Ключевые слова: правовой механизм; уголовный процесс; защита прав; безопасность личности; межотраслевые связи.

CROSS-SECTORAL NATURE OF THE MECHANISM FOR ENSURING THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Epikhin A.Y., Mishin A.V.

The article substantiates the problem of compliance with industry-specific legal regulations concerning the process of ensuring the safety of participants in criminal proceedings from the standpoint of their intersectoral content. The analysis of the available scientific approaches to the concept and content of the legal mechanism for

© Епихин А. Ю., Мишин А. В., 2022

the protection of the rights and legitimate interests of the individual in the field of criminal proceedings is presented. Special attention is focused on the study of the mechanism of ensuring the security of the individual in the criminal process, taking into account its intersectoral nature.

Keywords: legal mechanism; criminal process; protection of rights; personal security; intersectoral relations.

В последнее время активно проводятся научные и практические исследования, посвященные разработке различных межотраслевых правовых институтов, в частности процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства [1; 2, с. 480-484; 3, с. 94-100; 4, с. 23-30; 5, с. 17-20].

Общепринято, что механизм обеспечения безопасности участников производства по уголовному делу имеет межотраслевой характер. По своему содержанию такой механизм включает комплекс уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных и иных средств обеспечения безопасности субъектов процессуальной деятельности.

В специальной литературе встречаются различные трактовки понятия и содержания, в основном, процессуального механизма безопасного участия личности в уголовном деле.

В монографии Л.М.Володиной исследованы элементы механизма защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. Автор обосновывает необходимость надлежащей реализации прав участников уголовного процесса и установление действенных гарантий, в том числе более подробного законодательного регулирования правомочий участников процесса по уголовному делу [6].

Г.А. Нафикова понимает под процессуальным механизмом охраны прав и свобод человека и гражданина дифференцированный, взаимосвязанный комплекс правоотношений, обеспечивающих применение законодательной модели посредством системы взаимодействующих и взаимообусловленных правовых средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование [7, с. 11]. Данный механизм включает в себя системы мер безопасности личности в уголовном судопроизводстве.

О.В. Гладышева, исследуя механизм защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в уголовном процессе, приходит к выводу о том, что содержанием процессуального механизма является совокупность научных взглядов о современном состоянии средств и способов, позволяющих наиболее эффективно осуществлять защиту личности в ходе производства по уголовному делу [8, с. 11].

Как полагаем, надлежащее обеспечение безопасности участников процесса не может ограничиваться только нормами уголовно-процессуального законодательства. В этой связи особое значение имеет влияние межотраслевых связей на производство по делу.

В генезисе межотраслевого института безопасности личности считаем необходимым отдельно исследовать криминалистическое

сопровождение эффективной реализации уголовно-процессуальных норм, регулирующих меры безопасности при проведении следственных действий с участием защищаемых лиц по уголовному делу.

Следует констатировать, что с позиций криминалистики механизм обеспечения безопасности участников процесса к настоящему времени мало изучен, а потому нуждается в дальнейшем научном обосновании.

На наш взгляд рассматриваемый механизм является основным компонентом содержания криминалистического сопровождения процесса обеспечения безопасности субъектов уголовно- процессуальной деятельности. Полагаем, что этот механизм целесообразно представить в виде динамической системы, определяющей порядок действия (процедура, алгоритм деятельности) уполномоченных лиц по решению задач обеспечения безопасности защищаемых участников процесса криминалистическими средствами и методами.

Структура криминалистического механизма должна включать в себя следующие взаимосвязанные элементы:

1. Криминалистический анализ противоправного посягательства в отношении участников уголовного делу;

2. Ситуационные особенности такого воздействия и тактико-криминалистические средства его преодоления (нейтрализации);

3. Криминалистическую технологию применения мер безопасности;

4. Формы и методы взаимодействия уполномоченных лиц в процессе применения государственной защиты и уголовно-процессуальных мер безопасности;

5. Тактику производства процессуальных действий с участием защищаемых лиц;

6. Криминалистические программы по решению тактических задач обеспечения безопасности в условиях следственных и судебных ситуаций;

7. Криминалистическую профилактику противоправного воздействия на защищаемых лиц.

Полагаем, что важнейшей задачей становится необходимость разработки теоретических основ криминалистического обеспечения безопасности участников производства по уголовному делу, эффективных средств по выявлению и нейтрализации имеющегося или возможного противоправного воздействия на лиц, содействующих правосудию, тактики производства процессуальных действий с участием защищаемых лиц.

Считаем важным отметить целесообразность совершенствования криминалистического механизма реализации не только собственно уголовно-процессуальных мер безопасности, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, но и мер государственной защиты, установленных в Федеральном законе № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». При этом, с позиций криминалистики важно

выявить особенности процедуры применения мер безопасности в различных тактических направлениях:

1. При преодолении противодействия предварительному расследованию, судебному разбирательству;

2. Для обеспечения конфиденциальности производства по делу;

3. При производстве отдельных следственных или судебных действий с участием защищаемых лиц;

4. Для защиты уголовно-релевантной информации;

5. При заключении досудебного соглашения с подозреваемым, обвиняемым о сотрудничестве (гл.40.1 УПК РФ);

6. При решении вопроса об избрании меры пресечения;

7. С целью предупреждения возможного лжесвидетельства.

По нашему мнению, целесообразно применительно к каждому из указанных тактических направлений разработать соответствующую криминалистическую технологию применения процессуальных и внепроцессуальных мер безопасности.

Системообразующими элементами структуры (содержания) такой криминалистической технологии, по нашему мнению, следует рассматривать:

– ситуации противоправного посягательства в отношении участников процесса;

– тактические задачи обеспечения безопасности;

– криминалистические средства и методы обеспечения безопасности;

– организацию взаимодействия лица, ведущего производство по делу с органами государственной защиты и органами, осуществляющими ОРД.

Важно подчеркнуть, что тактическое решение о применении мер безопасности может приниматься субъектом доказывания с учетом сложившейся ситуации противоправного воздействия на данный момент производства по делу.

Важным составляющим криминалистического механизма обеспечения безопасности участников процесса является совокупность тактических средств, используемых при проведении следственных и судебных действий с участием защищаемых лиц.

Следует подчеркнуть, что тактика процессуальных действий с применением мер безопасности имеет свои особенности, обусловленные механизмом решения тактических задач.

Следственная и судебная практика испытывает определенные проблемы применения мер безопасности по уголовному делу ввиду отсутствия эффективных и современных криминалистических рекомендаций по их реализации. В этой связи особо актуальным становится разработка научно обоснованных криминалистических программ в виде интегрированных процессуальных и криминалистических алгоритмов по решению задач обеспечения безопасности защищаемых лиц в условиях складывающихся типичных ситуаций.

Указанные программы призваны создать возможности правоприменителей (уполномоченных лиц, ведущих уголовное дело и иных должностных лиц, обеспечивающих безопасность) для определения вариативности и последовательности реализации отдельных мер безопасности участников процесса в соответствие с решаемой тактической задачей.

Полагаем, что криминалистический механизм обеспечения безопасности участников производства по уголовному делу является основным компонентом криминалистического сопровождения процесса применения уголовно-процессуальных и иных мер безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Такой механизм следует рассматривать в качестве объекта специального криминалистического исследования в виде определенной системы взаимосвязанных процессов взаимодействия уполномоченных лиц с использованием криминалистических приемов, методов и средств с целью создания условий безопасного участия защищаемых лиц по уголовному делу [9, с. 142-144].

На наш взгляд, сформулированные нами предложения о межотраслевой взаимосвязи уголовно-процессуального и криминалистического механизмов обеспечения безопасности участников процесса представляют научную ценность и практическую значимость для дальнейшего совершенствования процесса доказывания по уголовному делу.

Список источников

1. Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Мишин А. В. Процессуальные и криминалистические механизмы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020.

2. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 4. С. 480-486.

3. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Междисциплинарные проблемы допроса защищаемого лица в судебном разбирательстве по уголовному делу // Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Малюткина. Чебоксары, 2019. С. 94-100.

4. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Сохранение в тайне данных о личности защищаемого лица в уголовном деле: процессуальный и тактический аспекты // Тактико-методические особенности расследования экономических и иных преступлений. Казань, 2018. С. 23-30.

5. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Контроль и запись телефонных и иных переговоров как мера обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (в порядке ч. 2 ст. 186 УПК РФ) // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. 2016. № 3. С. 17-20.

6. Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе: монография. Тюмень, 1999. 171 с.

7. Нафикова Г. А. Механизм реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 11.

8. Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. …докт. юрид. наук. Москва, 2013. С. 11.
9. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Взаимосвязь уголовно-процессуального и криминалистического механизмов государственной защиты участников производства по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С.142-144.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ УЗКОСПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Подольный Николай Александрович
Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, доктор юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Одним из средств расследования являются криминалистические методики. Они предоставляют следователю возможность эффективно организовывать свою деятельность по установлению обстоятельств совершённого деяния. Чем совершеннее такая методика, тем эффективнее расследование, которое ведётся с её использованием. Одной из таких криминалистических методик является узкоспециализированная криминалистическая методика. Её особенности и значение для расследования рассматриваются в данной статье.
Ключевые слова: расследование преступлений; криминалистическая методика расследования; объект уголовно-правовой защиты; узкоспециализированная криминалистическая методика.

EATURES AND SIGNIFICANCE OF HIGHLY SPECIALIZED FORENSIC METHODS OF CRIME INVESTIGATION

Podolnyy N. A.

One of the means of investigation is forensic techniques. They provide the investigator with the opportunity to effectively organize his activities to establish the circumstances of the committed act. The more perfect such a technique is, the more effective the investigation that is conducted using it. One of such forensic techniques is a highly specialized forensic technique. Its features and significance for the investigation are discussed in this article.
Keywords: crime investigation; criminalistic investigation methodology; object of criminal legal protection; highly specialized criminalistic methodology.

Истина является основанием для принятия справедливого процессуального решения. Но на начало расследования следователь и дознаватель не обладает истиной, а на момент начала судебного разбирательства суд также не является её обладателем. Поэтому задачей и следователя (а также дознавателя), и суда является установление истины. Без знания истины не может быть восстановлена нару-

© Подольный Н. А., 2022

шенная совершённым преступлением социальная справедливость. Поэтому качество уголовного процесса по конкретному уголовному делу определяется тем насколько быстро будут получены достоверные данные о имевшем месте событии. Этого возможно добиться при наличии надёжных средств, использование которых способно гарантировать от ошибки и обеспечить качество полученных доказательств. Одним из таких средств являются криминалистические методики расследования преступлений. Они позволяют на основе имеющихся типовых знаний правильно определить направление расследования, обеспечивающее установление всех обстоятельств соответствующего события. Качество такой методики самым непосредственным образом влияет на качество доказательств, на основании которых делается вывод о наличии или отсутствии преступления, виновности или невиновности соответствующего лица. Здесь наблюдается зависимость результата от качества средства, которое используется ради его достижения. Таким средством является соответствующая криминалистическая методика, применяемая при расследовании конкретных преступлений. В связи с этим одной из задач криминалистики является совершенствование криминалистических методик расследования преступлений.

Криминалистические методики расследования представляют собой систему типизированных знаний о совершении преступлений определённого вида и сформулированные на их основе (не менее типизированные) рекомендации, позволяющие преодолевать трудности расследования и гарантировать успешный результат, состоящий в установлении обстоятельств совершения конкретного преступления. Они всегда основаны на типовом знании совершения преступлений определённого вида и типовом знании расследования, которое обеспечивало достижение успеха, то есть обстоятельств совершения преступления. Такое типовое знание является результатом обобщения следственной практики, которое основано на анализе тех факторов, которые обеспечивали эффективность в установлении истины. В основе криминалистической методики всегда лежит взаимосвязь между совершённым преступлением и расследованием. По этой причине непременным элементом криминалистической методики расследования всегда является криминалистическая характеристика соответствующего вида преступлений. Знание особенностей совершения преступлений определённого вида – это уже залог успеха в ходе расследования, поскольку особенности всегда предполагают те действия, выполнение которых позволит установить те обстоятельства, которые являются существенными для соответствующего уголовного дела. Это типовое знание позволяет определять точки поиска, который является сутью проводимого расследования. Именно благодаря криминалистической характеристике соответствующих видов преступлений определяется предметность соответствующей методики расследования. Она определяет то, что следует расследовать, на какие обстоятельства обращать особое внимание, какие осо-

бенности совершённого преступления проявляются в следах и в каких именно. Знание типовых особенностей отдельных видов преступлений позволяет определить те трудности, с которыми может столкнуться следователь при расследовании соответствующего преступления.

Названная предметность лежит в основе классификации криминалистических методик расследования преступлений. Так благодаря ей проводится разграничение между криминалистической методикой расследования убийств [1] и криминалистической методикой расследований умышленного причинения вреда здоровью [2]. В каждом случае особенности соответствующей криминалистической методики проистекают из типовых особенностей соответствующего преступления. Методика расследования, к примеру, убийства обязательно принимает во внимание особенности совершения данного преступления и лишь на основе таких типовых знаний предлагает соответствующие процессуальные действия и порядок их выполнения. Отдельные проблемы расследования обусловлены особенностями совершения преступления, а потому знание этих особенностей позволяет заблаговременно предвидеть появление проблем и позволяет своевременно предпринимать меры к их недопущению или же, если они уже встали, к их успешному снятию. Особенно явной взаимосвязь и взаимозависимость проводимого расследования от совершённого преступления наблюдается на начальном этапе, когда следователю зачастую приходится действовать в условиях информационного дефицита. Типовое знание о совершаемом виде преступлений позволяет воссоздать в этом случае уже на начальном этапе достаточно достоверное представление об имевшем место преступлении.

Помимо классификации криминалистических методик на основе их предметности имеются и иные классификационные основания. Одним из таких оснований является уровень обобщённости соответствующей криминалистической методики расследования преступлений. В основе такой классификации лежит объект совершённого преступления, который отображается в действующем уголовном законодательстве. Причём, важным здесь является уровень обобщённости данного объекта уголовно-правовой защиты. В частности, имеет значение родовой и видовой (непосредственный) объекты, в которых находит обобщение различный уровень обобщения. Так, в соответствии с этим определяются родовые криминалистические методики расследования преступлений и частные криминалистические методики расследования преступлений. Названные методики относятся друг к другу, как общее к частному, где общее – это родовая криминалистическая методика, а частное – частная криминалистическая методика. При этом и те и другие имеют прикладное значение, поскольку ориентированы при их создании на то, что их использование может существенно повысить эффективность расследования. Однако, криминалистические методики могут помимо сред-

ства для расследования конкретных преступлений выступать также в качестве методологической основы для создания частных криминалистических методик, обеспечивая формулирование рекомендаций, обеспечивающих высокое качество деятельности следователя.

Значение родовой криминалистической методики состоит в том, что она имеет наибольшую степень обобщения практики расследования достаточно широкой группы преступлений [3]. Она предлагает рекомендации, следование которым способно помочь следователю в определении направления расследования, которое может быть наиболее эффективным и обеспечить успех выполняемых следователем действий. Её значение определяется тем, что она может быть использована даже в тех случаях, когда по каким-то причинам отсутствует соответствующая частная криминалистическая методика, когда частные криминалистические методики не охватывают расследование определённых видов преступлений. Помимо этого, следует отметить то, что родовая криминалистическая методика предоставляет следователю больше простора для творческого подхода в решении проблем расследования конкретного преступления. Она не предусматривает значительной детализации тех ситуаций, в которых могут возникнуть проблемы для установления обстоятельств совершения преступления. Это позволяет следователю подходить к решению проблем не стереотипно, а с учётом нестандартности соответствующей ситуации и возникшей в связи с ней проблемы. Следователь в этом случае ориентирован не только на знание типовых особенностей, как совершённого преступления, так и его расследования, но и на индивидуальные особенности конкретного совершённого преступления и конкретной сложившейся в ходе расследования ситуации. Значение такой методики в том, что она определяет общее направление расследования, а также наиболее значимых процессуальных действий, что может позволить уберечься от совершения грубых ошибок, которые могут сделать дальнейшее установление истины невозможным.

Частная криминалистическая методика в сравнении с родовой криминалистической методикой более внимательна к деталям и ориентирована не только на определение общего направления расследования, но и на определение отдельных нюансов, которые могут вызвать сложности, усугубляющие проведение расследования [4]. Она также представляет систему типизированного знания, основанного на обобщении практики расследования преступлений, но такая типизация здесь носит менее обобщённый характер, а потому более приближена к конкретному расследованию преступлений. Это типизация уже иного уровня – более приближенного к конкретике, что делает названные методики более специализированными на расследовании конкретных видов преступлений. Такая методика позволяет лучше прогнозировать ход проводимого расследования, предвидя возможность появления трудностей, способных негативно отобразиться на качестве совершаемых следователем действий. Она позво-

ляет предупредить совершение не только ошибок, способных сделать невозможным установление истины, но и менее существенных ошибок – ошибок тактического плана, отображающихся на результатах отдельных следственных действий, но не всего проводимого расследования, которые снижают эффективность действий следователя, но делают их полностью бесполезными. Частные криминалистические методики ориентированы на расследование меньшего круга преступных деяний, но это делает их более адресными при решении проблем, встающих перед следователем. Тем самым, частные криминалистические методики в сравнении с родовыми являются более специализированными, поскольку ориентированы хотя и на использование типового знания, но знания в большей мере приближенного к тем к проблемам, которые могут возникать при расследовании конкретных преступлений. Как более специализированное средство частные криминалистические методики представляют ценность для практики расследования конкретных преступлений.

Частные криминалистические методики ориентированы, как правило, на расследование преступлений определённого вида, описываемого в соответствующем составе преступления. Так, хорошо разработанной и постоянно совершенствуемой является частная криминалистическая методика расследования убийства. Данная частная методика ориентирована на расследование преступлений, описанных в ч. 1 ст. 105 УК РФ [5, 6]. При этом, задачей такой методики является установление обстоятельств, однозначно указывающих на наличие в совершённом деянии признаков преступления, которые описаны в названной норме уголовного закона. То есть, норма уголовного закона сама имеет вполне определённое методологическое значение, поскольку определяет общее направление проведения расследования конкретного преступления. Но знание соответствующего состава преступления вовсе не значит, что этого достаточно для проведения качественного расследования. Необходимым элементом частной криминалистической методики является также знание иных типовых признаков совершённого деяния, которые не имеют значения для квалификации, но представляют ценность для обеспечения необходимой для принятия справедливого процессуального решения полноты и всесторонности проводимого расследования. На них частная методика также акцентирует внимание следователя, чем обеспечивает успех проводимого расследования.

Однако практика расследования при всей ценности для неё частных методик желала бы иметь ещё более специализированные методики, использование которых могло бы гарантировать от возможности совершения ошибок и обеспечивать успешное преодоление возникающих трудностей. Идеалом для практики является криминалистическая методика максимально приближенная к проблемам практики расследования. Но криминалистической методики расследования конкретного преступления быть не может, потому что методика уже по определению предполагает то, что этот система не

конкретного знания расследуемого преступления, а всего лишь типового, основанного на обобщении практики. Конкретным может быть лишь алгоритм, который составляется самим следователем на момент начала расследования с учётом соответствующей криминалистической методики. Основой такого алгоритма является соответствующая криминалистическая методика и те конкретные данные, которыми уже обладает следователь. Для того, чтобы такой алгоритм был максимально эффективным, он должен быть сформулирован с учётом методики, которая максимально детально может указать на все возможные трудности проводимого расследования и дать максимально эффективные рекомендации по их преодолению, а по возможности и недопущению. В связи с этим потребностью практики в настоящее время является криминалистическая методика более детализированная, чем частная криминалистическая методика. Практика заинтересована в том, чтобы уже на уровне типизированного знания были ответы, которые возникают в ходе конкретного расследования. Для этого необходимо, чтобы такая криминалистическая методика охватывала достаточно узкий круг преступлений, благодаря чему можно было бы добиться большей детализации особенностей соответствующей группы преступлений и большей детализации того, как следователь может успешно преодолевать встающие перед ним трудности. Такой криминалистической методикой может быть узкоспециализированная методика [7].

Необходимость в узкоспециализированных криминалистических методиках обусловлена ценностью уголовно-правовой защиты отдельных правоотношений от преступных посягательств на них. Кроме того, она обусловлена также сложностью расследования отдельных групп преступлений, по преодолению которых частные и родовые криминалистические методики не дают рекомендаций. Решение этих задач ставится перед узкоспециализированными криминалистическими методиками, которые позволяют следователю более подробно разобраться в совершённом преступлении и определить наиболее эффективный способ действия. Особенностью узкоспециализированных методик является то, что основой их выделения является не только объект уголовно-правовой защиты, но и отдельные иные особенности совершения преступлений определённой классификационной группы. Так, выделение узкопрофильной методики из массы других может производится помимо объекта уголовно-правовой защиты по обстановке, в которой было совершено соответствующее преступление. К примеру, имеются методики совершения кражи на пассажирском транспорте [8], в сельской местности [9]. Имеются узкопрофильные методики, которые выделяют в связи с иными особенностями обстоятельств совершения преступлений определённого вида. Также выделяются узкопрофильные криминалистические методики по признаку сложностей, с которыми следователю приходится сталкиваться в ходе расследования. Примером такой узкопрофильной криминалистической методики является ме-

тодика расследования неочевидных убийств [10]. При этом, очевидным является то, что такие методики ориентированы на решение тех проблем, которые не могут быть сняты посредством использования частных криминалистических методик.

Узкоспециализированные криминалистические методики представляют собой криминалистическое средство расследования, использование которого должно предотвратить возможность совершения не только ошибок стратегического уровня, но и ошибок тактических. Так, они призваны к тому, чтобы упредить совершение таких ошибок, которые способны повлиять на эффективность проводимого расследования. Такие методики ориентированы на то, чтобы каждое конкретное расследование достигало безукоризненности. Они должны позволять следователю знать выход из любой, сложившейся ходе расследования проблемной ситуации. Эти методики должны быть максимально приближенными к практике расследования конкретных преступлений, используемые ими типовые знание должны быть такого уровня, который бы позволял их использовать без сложностей специальной адаптации к сложившейся ситуации. Благодаря этой их особенности имеется возможность достигать белее высокого качества расследования, по сравнению с применением родовой и частной криминалистических методик. Она также является гарантией для следователя от возможности совершения ошибок, которые могут негативно повлиять на ход и результаты проводимого расследования. Узкоспециализированная криминалистическая методика – это то средство, которым желали бы обладать следователи, поскольку она способна помочь организовать и провести так расследование, что все наиболее значимые обстоятельства соответствующего деяния будут установлены и на основании этих обстоятельств можно дать правильную оценку совершённого деяния и вынести справедливое процессуальное решение.

Узкоспециализированные криминалистические методики показывают то, что с их помощью можно повысить эффективность расследования преступлений, поэтому их следует рассматривать как средство оптимизации, которое способно обеспечить установление максимально полного объёма обстоятельств совершения конкретного деяния. Благодаря этому гарантируется то, что полученное знание о совершённом деянии и есть истина, а потому на его основе можно выносить процессуальное решение, которое соответствует стандартам социальной справедливости. В связи с этим представляется то, что создание названных криминалистических методик – это шаг в дальнейшем развитии криминалистики, которая разработкой таких методик отвечает на запрос практики о средствах, повышения качества расследования. Благодаря данным методикам следователь уже на начальном этапе расследования может быть гарантированным от возможности совершения ошибок и от действий, которые не могут дать ничего для установления обстоятельств события совершения соответствующего деяния.

Список источников

1. Андрущенко А.Л. Криминалистическая методика расследования убийств как разновидность криминалистических методик // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 3 (52). С. 51-59.

2. Яшин А.В. Отдельные аспекты криминалистической методики первоначального этапа расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью // Вестник научных конференций. 2018. № 6-1 (34). С. 122-124.

3. Боровских Р.Н. К вопросу о методологических основаниях разработки укрупненной (общей, родовой) методики расследования преступлений в сфере страхования // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1 (17). С. 124-131.

4. Гояев А.М. Частные криминалистические методики: понятие, роль и значение в процессе раскрытия и расследования преступлений // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сборник статей по материалам IV международ. науч.-практич. конф. Москва: Интернаука, 2017. С. 160-164.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Корчагин А.А. История и современные проблемы методики расследования умышленного убийства // Закон. Право. Государство. 2021. № 1 (29). С. 135-143.

7. Грибунов О.П. К вопросу о необходимости разработки узкоспециализированных методик расследования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 1 (96). С. 146-156.

8. Нагорный А.П., Попов А.Н. О проблеме расследования краж на объектах железнодорожного транспорта // Крымский Академический вестник. 2018. № 7. С. 107-111.

9. Ондар Д.С. Следственные версии и следственные ситуации, опосредующие расследование краж из жилища в сельской местности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-1. С. 87-89.

10. Кошкин В.А. Некоторые проблемы расследования неочевидных убийств // News of Science and Education. 2018. Т. 1. № 1. С. 82-88.

УДК 343.98

ТАКТИКА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Архипова Ирина Александровна
Заместитель начальника кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье анализируется работа следователя на месте происшествия при расследовании преступления, связанного с торговлей людьми, определяются обстоятельства, подлежащие выяснению в рамках осмотра.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, торговля людьми, типичные следы.

TACTICS OF INSPECTION OF THE SCENE DURING THE INVESTIGATION OF HUMAN TRAFFICKING

Arkhipova I. A.

The article analyzes the work of an investigator at the scene of an incident in the investigation of a crime related to human trafficking, determines the circumstances to be clarified during the inspection.

Keywords: inspection of the scene, human trafficking, typical traces.

Для того, чтобы сформировать действенную методику расследования преступления, связанного с торговлей людьми, необходимо определить, во-первых, производство каких следственных действий целесообразно осуществить, во-вторых, в какой последовательности данные следственные действия будут наиболее эффективны. Помимо указанных вопросов важно обратить внимание на систему тактических приемов и правил проведения выбранных следственных действий, которые направлены на получение значительного объема сведений и на использование их в дальнейшем в качестве доказательств по уголовному делу.

С точки зрения изучения и анализа торговли людьми следует выделить отдельные следственные действия, которые свойственны расследованию данной категории преступлений и рассмотреть тактику их проведения.

Одним из самых результативных следственных действий является следственный осмотр. Я согласна с мнением Варданяна А.А. о том, что следственный осмотр весьма недооценен и на практике часто не берется во внимание. Варданян А.А. выделяет два случая отказа производства указанного следственного действия. В первом случае проводятся оперативно-тактические мероприятия по освобождению похищенных лиц, а также задержанию подозреваемых. В данной ситуации целесообразно включить в план проведения

© Архипова И. А., 2022

оперативных мероприятий обследование местности, а также помещений с использованием современных переносных технико-криминалистических средств фиксации. По причине негласного характера данное действие не может заменить результат процессуального действия, поэтому после окончания операции по задержанию преступников, необходимо провести осмотр места происшествия, и даже в том случае, если сведения были зафиксированы оперативным путем.

В рассмотренном случае отказ от производства следственного осмотра не оправдан, т.к. до задержания преступников существует угроза жизни и здоровья потерпевших, поэтому гласный характер следственного действия может вынудить преступников избавиться от жертв и скрыться. Однако после задержания проведение осмотра места происшествия целесообразно. Если жертва самостоятельно обращается в правоохранительные органы, допрос потерпевшего не должен заменять осмотр места происшествия, так как показания лица, в виду определенного психического состояния, могут носить эмоционально окрашенный и недостоверный характер. Данный факт дополняется запугиванием, угрозами со стороны обвиняемого. Поэтому доказательства, основанные на показаниях потерпевшего необходимо подкреплять материально фиксированными доказательствами, то есть, с помощью осмотра места происшествия, для установления истины [1, с.105-106].

Таким образом, можно выделить две основные тактические ситуации при проведении следственного осмотра. Во-первых, это осмотр, целью которого является обнаружение и освобождение жертв, с последующей фиксацией следов их укрывательства, содержания и эксплуатации. Во-вторых – осмотр, где целью становится выявление самого места содержания жертв, со слов потерпевшего, и соответственно установление фактического использования места для заключения жертв или их эксплуатации.

Существуют также иные виды следственного осмотра, которые можно систематизировать по этапам осуществления торговли людьми. А именно:

1. Непосредственное общение вербовщика с жертвой. Здесь необходимо провести осмотр места жительства жертвы (постоянного, временного), в том числе информации, хранящейся на электронном носителе. Осмотр места физического захвата осуществляется в случае, если выявлено, что вербовка носит насильственных характер.

2. Транспортировка жертв. Осуществляется осмотр салона автомобиля, салон и кузов грузовика и другого транспорта, на котором осуществлялась перевозка жертв.

3. На этапе укрывательства (если такой этап имеет место) производится осмотр мест временного содержания жертв, это могут быть близлежащие от дороги деревни, села, склады, бараки, а также квартиры.

4. Передача и получение жертв. Осуществляется осмотр мест, где осуществлялась непосредственная передача жертв от продавца к покупателю.

5. Эксплуатация. Проводится осмотр мест места жительства жертв либо насильственного удержания, а также мест эксплуатации (притоны, ночные клубы, заводы и т.д.)

6. В отдельную категорию выделяется осмотр предметов и документов, обнаруженных в процессе осмотра места происшествия.

При осмотре места происшествия подлежат выяснению определенные обстоятельства:

– наличие на месте происшествия предметов и документов, принадлежащих жертве, или указывающих на нахождение лица в данном месте (документ, удостоверяющий личность, дневник с личными записями, одежда, предметы личной гигиены и т.п.);

– наличие объектов для экспертного исследования (слюна, кровь, сперма, следы пальцев рук, запах, волосы и т.д.);

– наличие предметов и документов, принадлежащих преступникам, или указывающих на их причастность к торговле и эксплуатации;

– наличие признаков насильственного удержания жертвы, применения оружия или предметов схожих с оружием;

– наличие транспорта или следов, оставленных транспортом.

В случае расследования преступления, связанного с торговлей людьми, жертвами которого стали мигранты или иностранные граждане при осмотре места происшествия необходимо выставить оцепление по периметру местности, так как указанные категории жертв по причине нежелания становится потерпевшими по уголовному делу, предпринимают попытки скрыться.

При планировании следственного осмотра необходимо обратить внимание, что осмотр помещений (местности) отличается от осмотра транспортного средства. Для обеспечения безопасности жизни и здоровья жертв, находящихся в салоне автомобиля, следует минимизировать использование оружия для задержания, а также предотвратить возможность аварии.

По окончании следственного действия потерпевшие направляются на освидетельствование для фиксации следов причинения вреда здоровью, иных следов, имеющих значение для расследования.

В результате освидетельствования потерпевшего устанавливаются следующие следы:

– физического насилия, которому жертва подвергалась в момент перевозки, укрывательства (содержания), эксплуатации;

– инъекций, в случае использования наркотических средств или психотропных веществ. При этом устанавливается факт наркотической зависимости жертвы, который мог бы стать причиной совершенного в отношении нее преступления;

– использования жертвы в процессе определенной физической работы и связанных с ней процессов;

– возможного членовредительства, чтобы избежать эксплуатации.

При оценке результатов освидетельствования следует сопоставить показания потерпевшего в ходе допроса о факте причинения вреда и следы насилия на его теле, а также проанализировать результат судебной экспертизы, который объясняет образование следов на теле жертвы.

Список источников

1. Варданян А.А. Проблемы повышения эффективности производства последующих следственных действий по делам о преступлениях, связанных с торговлей людьми// Философия права. 2011. № 6 (49).

УДК 343.13

ЗАЧЕМ СЛЕДОВАТЕЛЮ РЕФЛЕКСИЯ?

Афанасьев Алексей Юрьевич
Старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы, кандидат юридических наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

В статье автор предпринимает попытку разъяснения места рефлексии в профессиональной деятельности следователя. Рефлексия представляется как ключевой компонент версионного мышления субъекта деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, позволяющего реализовывать функции доказывания и принятия решений.

Ключевые слова: рефлексия; следователь; мышление; версионный анализ; доказывание; принятие решений

WHY DOES THE INVESTIGATOR NEED REFLECTION?

Afanasyev A.Yu.

In the article, the author attempts to clarify the place of reflection in the professional activity of the investigator. Reflection is presented as a key component of the versioned thinking of the subject of activities for the identification, disclosure and investigation of crimes, which allows to implement the functions of proof and decision-making.

Keywords: reflection; investigator; thinking; version analysis; proof; decision-making

Рефлектировать означает обращать сознание на самое себя, размышлять над своим психическим состоянием [1, с. 389]. По этой же причине рефлексия стала одним из центральных понятий в психологии. В то же время, на наш взгляд, ошибочно сооружать вокруг рефлексии границы, обусловленные спецификой определенной области научных знаний. Она безгранична настолько, насколько широка и, если быть точнее, глубока человеческая мысль. Тем самым, рамки для рефлексии могут быть установлены исключительно мыследеятельностью, доступной для человека разумного. Это одновременно ее преимущество и недостаток – все мыслят, но не каждый может полноценно рефлексировать. Причина – неверная интерпретация или неуместное применение.

© Афанасьев А. Ю., 2022

Как человеческая деятельность не всегда связана с мыследеятельностью, а иногда ей по сути противопоставляется, противоречит, также и рефлексия не всегда необходима и доступна человеку. Собственный или заимствованный опыт зачастую исключает потребность в выходе в рефлексивную позицию. Кроме этого, рефлексия предполагает своего рода «самокопание», самоанализ и может изменить привычный ход событий, а это не совсем соответствует сущности человека. А.А. Богданов привел весьма интересное положение, демонстрирующее порочность субъекта в профессиональной деятельности: «специалист невольно стремится отграничить свое поле работы, знакомое и привычное, от остального опыта, ему чуждого и порождающего в нем чувство неуверенности; там, где границы разрываются, где происходит сближение областей и приемов работы, специалист ощущает это как вторжение чего-то постороннего, даже враждебного, в его личное хозяйство; и усваивать это новое для него несравненно труднее, чем идти по старому, протоптанному пути» [2, с. 98].

Этот протоптанный путь – положительный опыт разрешения текущих задач – не вызывает сомнений в правильности и, следовательно, не требует от специалиста мыследеятельности и не предусматривает рефлексию. Чаще это рутинная, однотипная деятельность. Она не предполагает созидания, совершенствования и творчества. Развитие рефлексии напротив вызывает все более глубокое проникновение в «механику» процесса познания, все более систематическое выявление его внутренних и внешних детерминант» [3, с. 35]. Рефлексия есть видимость себя внутри самой себя; видимость, вошедшая в себя и тем самым отчужденная от своей непосредственности [4, с. 18].

Уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая следователем при расследовании преступлений, несмотря на строго формализованный характер, не является универсальной «машиной». Как каждая криминальная ситуация, хотя и стремится к типизации, имеет свои особенности по механизму преступной деятельности, следовой картине и иным характеристикам, так и каждая деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию уникальна по реализации функций доказывания и принятия решений. Разумеется, текст уголовно-процессуального закона и сложившаяся правоприменительная практика, диктуют для следователя иные условия – действовать инертно по стандартной схеме по аналогии с иными уголовными делами. В такой ситуации мало места для рефлексии. Однако деятельность следователя по своему смыслу не может быть без мыследеятельности. Это привело к тому, что ученые-криминалисты заговорили о криминалистическом мышлении. Серия публикаций на эту тематику получила достаточно широкое распространение [5; 6; 7: 8; 9]. О таком мышлении начали рассуждать как о некой компоненте криминалистической деятельности. Убедительности придавало то, что на это указывали в том числе авторитетные

представители криминалистической науки. Например, Н.П. Яблоков подчеркивает, что такое мышление позволяет его обладателю «…из выявленных и должным образом оцененных следов, ничтожнейших побочных обстоятельств сделать выводы, связать указанные следы и обстоятельства логически и сплести из них «крепкую нить» фактических данных…» [5, с. 156]. На наш взгляд, в этом плане более здравой и аргументированной выступает позиция профессора А.Ф. Лубина, прозвучавшая в одном из выступлений, – нет ни криминалистической деятельности (от того, что следователем, судьей или оперуполномоченным в собственной деятельности используются криминалистические средства, она не становится криминалистической), ни криминалистического мышления (правила и принципы, в соответствии с которыми происходит процесс мышления у следователя, практически идентичны с теми, которые относятся к мышлению представителей любых иных профессий – они универсальны, отличие лишь в сфере осуществления деятельности, специфики знаний и опыта, лежащих в основе мышления субъекта). У индивида, например, жизнь которого охватывает обширный круг разнообразной деятельности и различных видов практического отношения к миру и является, таким образом, многосторонней жизнью, – у такого индивида мышление носит такой же характер универсальности, как и всякое другое проявление его жизни [10, с. 253].

Если мы говорим о мышлении следователя, то оно по своей сути является версионным и не отличается от любого другого версионного мышления. Именно версионный анализ сопровождает субъекта деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений на всех этапах – начиная от выявления криминальной ситуации, заканчивая производством следственных и иных процессуальных действий. Это обуславливается тем, что реализация функций доказывания и принятия решений невозможна без выдвижения версий, дальнейшей их проверки и подтверждения либо опровержения – предположение всегда предшествует доказыванию. Каждое процессуальное решение является своего рода продуктом доказывания, а процедура доказывания направлена на принятие решений. Версионный анализ лежит в основе доказывания и принятия решений – помогает понять механизм уголовно-процессуального доказывания. В этом плане версионное мышление невозможно без рефлексии, которая выступает его атрибутом. Установление механизма преступной деятельности и перевод следовой информации в доказательства и последующее принятие решений предполагает анализ, оценку собственной деятельности. Г.А. Зорин писал, что «…рефлексия стартует в ситуациях, где типовое, традиционное решение не срабатывает, где рефлексивногенная ситуация возмущает субъективную среду – мышление следователя» [11], и далее, что «…следователь как бы встает на позицию участника следственного действия и с этих позиций рассматривает самого себя, весь процесс общения, анализирует прошлое и прогнозирует перспективу развития следственного действия» [11].

Полагаем, рефлексия может быть направлена лишь относительно собственной деятельности. На наш взгляд, следователь, дознаватель и другие субъекты уголовно-процессуальной деятельности при ее осуществлении могут выполнить рефлексивный выход, то есть выход из своей прежней позиции деятеля и перейти в новую позицию – внешнюю, как по отношению к прежним, уже выполненным деятельностям, так и по отношению к будущей, проектируемой деятельности [12, с. 222]. В такой рефлексивной позиции индивид обращается к собственной деятельности, осмысливает и понимает ее. Полагаем, что это вполне допустимая для уголовно-процессуальной деятельности ситуация, когда требуется организовать уголовное судопроизводство с учетом рефлексивного анализа. Рефлексия свойственна всем субъектам уголовного процесса. Рефлексивная развитость сознания и «…проявляется в отражении рефлексивного выхода (или перехода) в рефлексивной организации сознания» [12, с. 330-331], но «…отнюдь не всегда и не всякий рефлексивный выход будет отражаться в рефлексивной организации сознания; для этого необходима специальная работа по формированию и развитию сознания» [12, с. 330-331].

Благодаря рефлексии следователь может выстраивать стратегию расследования, тактику следственных и иных процессуальных действий, доказывать и принимать решения. Процесс принятия итоговых процессуальных решений является вершиной рефлексивного анализа. Например, решению о возбуждении уголовного дела предшествует рефлексия относительно деятельности по установлению повода и оснований для возбуждения уголовного дела, составлению обвинительного заключения – всей предшествующей деятельности по расследования уголовного дела. Рефлексия есть средство для формирования предмета доказывания, а также выхода из сложных, затруднительных следственных ситуаций, эликсир от следственных ошибок.

Список источников

1. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. Москва: Издательство политической литературы, 1963. 544 с.

2. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. / редкол. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. / Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. Москва: Экономика, 1989. 304 с.

3. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. Москва: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.

4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 2. Москва: Мысль, 1971. 248 с.

5. Яблоков Н.П. К вопросу о криминалистическом мышлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности / Под ред. С.А. Елисеева, Л.М. Прозументова, В.А. Уткина, О.И. Андреевой, М.К. Свиридова, Н.С. Дергача. Томск : Издательство Томского университета, 2012. С. 156-159.

6. Соколов А.Б. Криминалистическое мышление: понятие е содержание // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №4. (55). С. 68-72.

7. Степаненко Д.А. К вопросу об определении категории «криминалистическое мышление» // Российский следователь. 2016. № 7. С. 13–17.

8. Бахтеев Д.В. Понятие и признаки криминалистического мышления // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 2. С. 216-222.

9. Головин, А.Ю. К вопросу о понятии «криминалистическое мышление» // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.-практ. статей / под общ. ред. проф. И.М. Комарова. Москва: Юрлитинформ, 2020. С. 60–66.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50-ти т. Т. 3. 2-е изд. Москва: Издательство политической литературы, 1955. 629 с.
11. Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Мн.: Амалфея, 2000. http://ebooks.grsu.by/krim_metod/2-4-4-metodika-ispolzovaniya-sledovatelem-refleksii.htm (дата обращения: 30.01.2022).
12. Щедровицкий Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия. Москва: Наследие ММК, 2005. 800 с.

УДК 343.98

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД КАЗАХСТАНА

Балко Владимир Иванович
Подполковник полиции в отставке, преподаватель колледжа
Высший колледж «Кайнар» г. Семей, Казахстан

В статье рассматривается хроника создания судебно-экспертной службы Министерства внутренних дел Казахстана по настоящее время. Выявлено три случая снижения активности криминалистических подразделений, где второй и третий случаи связаны с повышенным вниманием к применению принципа независимости судебного эксперта. Даны рекомендации по восстановлению путаницы этого принципа с принципом юридической экспертизы.

Ключевые слова: история криминалистических подразделений, история НТО, научно-техническая деятельность, научно-криминалистическая деятельность, независимость судебного эксперта.

A BRIEF HISTORY OF THE FORENSIC UNITS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF KAZAKHSTAN

Balko V. I.

The article discusses the chronicle of the creation of the forensic expert service of the Ministry of Internal Affairs of Kazakhstan to the present. Three cases of a decrease in the activity of forensic units have been identified, where the second and third cases are associated with increased attention to the application of the principle of independence of a forensic expert. Recommendations are given to restore the confusion of this principle with the principle of legal expertise.

Keywords: history of criminalistic units, history of NTO, scientific and technical activity, scientific and criminalistic activity, independence of a forensic expert.

Рассмотрим хронику истоков и создания будущей криминалистической службы МВД.

Период подготовительный, досоветский, царской России.

Этап до создания кабинета судебной экспертизы до 1912 г. Экспертно-криминалистическая служба МВД СНГ, как и судебно-экспертные учреждения системы Минюста царской России, берут свое начало из одного источника – введение антропологической (1890 г.), а затем и дактилоскопической (1906 г.) регистрации, кото-

© Балко В. И., 2022

рая осуществлялась сначала в местах лишения свободы, находившихся в то время в ведении Министерства юстиции России империи. В 1908 г. она передана в органы полиции, где была создана довольно широкая сеть территориальных регистрационных бюро, положивших начало формированию экспертно-криминалистической службы.

Этап создание специализированного судебно-экспертного учреждения – кабинета научно-судебной экспертизы с 1912 по 1914 гг. Согласно закону о создании в России первого специализированного судебно-экспертного учреждения – кабинета научно-судебной экспертизы от 28 июля 1912 г., и утвержденной 3 ноября 1912 г. инструкции о деятельности кабинета 9 декабря 1912 г. открывается первый в России Петербургский Кабинет научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской Судебной Палаты. С 1913 года такие же кабинеты научно-судебной экспертизы начали работать в Москве, Одессе, а затем и в Киеве.

Этап снижения активности производства судебной экспертизы с 1914-1917 гг. Значительную роль в развитии судебной экспертизы в России сыграл 1-й Съезд экспертов-криминалистов, который проходил 1-9 июля 1916 г. в Петрограде. В работе съезда приняли участие сотрудники кабинетов научно-судебной экспертизы, а также судебные следователи, ученые физики, химики, биологи, судебные медики. Съезд подвел первые итоги работы кабинетов научно-судебной экспертизы, практики применения научных познаний в интересах судопроизводства.

Этап резкого снижения активности производства судебной экспертизы с 1917-1919 гг. Первая мировая война, сотрудников призвали в армию, затем революционные события и Гражданская война в стране (1914-1920 гг.) определенно прервали становление научно-технических подразделений органов полиции (милиции) и учреждений судебной экспертизы.

Период основной. Этап создания кабинета научно-судебной экспертизы при ЦУУР России со внештатными экспертами-консультантами с 1919 по 1921 гг. 15 февраля 1919 года Коллегия НКВД утвердила смету на организацию кабинета судебной экспертизы, регистрационного бюро, дактилоскопического бюро и музея, а с 1 марта при Центророзыске начало функционировать первое научно-техническое подразделение в республике – кабинет судебной экспертизы Центророзыска НКВД РСФСР.

Этап реорганизация научно-судебной экспертизы при ЦУУР России со штатными экспертами-криминалистами с 1921 г. В 1921 г. кабинет научно-судебной экспертизы при ЦУУР России был реорганизован в научно-технический подотдел ОУР НКВД РСФСР. Штат бюро научно-технической экспертизы насчитывал шесть человек. 20 июля 1921 г. справочный подотдел был переименован в научно-технический, а бюро научно-технической экспертизы стало именоваться отделением технических поручений.

Этап реорганизации и преобразования кабинетной судебной экспертизы производства судебной экспертизы в научно-технический отдел (НТО). Управления уголовного розыска РСФСР г. с 1922 г. В составе этого отдела было всего пять подотделов. Именно в эти годы сложилась система подготовки экспертов-криминалистов под руководством опытных экспертов-наставников «на местах», без отрыва от постоянного места работы.

Этап преобразования НТг, НТо, НТпО и НТО судебной экспертизы. Руководство НКВД РСФСР в июле 1930 г. преобразовало указанный научно-технический подотдел в отдел в составе управления уголовного розыска.

Этап выведения НТ подразделений судебной экспертизы из уголовного розыска. В 1940 г. этот отдел был выведен из состава данного управления и в виде отделения включен в состав спецотделов Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР с возложением на него задач уголовной регистрации и учета, а также производства экспертиз.

Этап перевод НТ подразделений судебной экспертизы в состав оперативного отдела НКВД СССР. В апреле 1941 г. отделение вновь передается в состав теперь уже оперативного отдела НКВД СССР.

Этап создания и развития Научно-исследовательского института криминалистики МВД СССР. И только в декабре 1945 г. данное отделение преобразуется в отдел Главного управления милиции указанного ведомства, а в его составе создается НИИ криминалистики, с довольно содержательным перечнем возлагаемых полномочий.

Этап создания системы судебной экспертизы и преобразования областных отделов ОВД в самостоятельные подразделения с 1948 г.

Этап передача Научно-исследовательского института криминалистики МВД СССР в МВД РСФСР. В связи с ликвидацией в 1960г. МВД СССР. НТО подразделения испытывают нехватку оборудования и материалов и с ошибочными организационными и правовыми решениями. Во многом это объясняется формальным толкованием данного принципа и распространением его действия на экспертов органов полиции (милиции). Особенно наглядно и крайне негативно это проявилось в 60-е годы прошлого века, в условиях «критики культа личности и борьбы с его последствиями».

Этап реорганизации и преобразования НТ службы стала именоваться называться оперативно-технической. В 1964 МООП РСФСР издает приказ об организации оперативно-технических подразделений на базе системы подразделений НТг, НТо, НТпО и НТО.

Этап создания Центральной криминалистической лаборатории МВД СССР. В 1969 г. по инициативе ГУУР МВД СССР создается Центральная криминалистическая лаборатория МВД СССР.

Этап создания и преобразования Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории. В 1977 г. переименована в Центральную научно-исследовательскую криминали-

стическую лабораторию приказом ГУУР МВД СССР, (далее – ЦНИКЛ) МВД СССР, действовавшею на правах института.

Этап создания экспертно-криминалистических подразделений в структуре МВД-УВД с 1981 г.

Этап объединения ЦНИКЛ МВД СССР и ВНИИ МВД СССР. В 1984 г. ЦНИКЛ МВД СССР была объединена с ВНИИ МВД СССР. Волынский утверждает, что «авторитетного института криминалистики в стране нет и сегодня» [2, с. 146].

Этап расширенное создания специальных лабораторий на базе экспертно-криминалистических подразделений в структуре МВД-УВД с 1991 г. На базе традиционных криминалистических экспертиз.

Этап нахождения экспертно-криминалистических подразделений в структуре ГСК с 1995 по 1997 гг. В период с декабря 1995 года по ноябрь 1997 года в Казахстане существовал Государственный следственный комитет РК (ГСК), отобравший часть функций у МВД и Генпрокуратуры. Подразделения стали испытывать нехватку материалов. Экспертизы переданы в МЮ.

Этап создания оперативно-криминалистических подразделений на базе экспертно-криминалистических с ноября 1997 г.

Этап создания самостоятельной службы – Оперативно-криминалистического департамента МВД РК 2007 г.

Этап оперативно-криминалистическая служба с дополнительным внешним непрофильным кураторством – Оперативно-криминалистического департамента МВД РК 2016 г.

Этап возможного создания самостоятельной научно-криминалистической службы – Научно-криминалистического департамента МВД РК с 2025 г.

Анализ хроники создания и преобразования криминалистических служб подразделений показывает, что было три «прогиба» в деятельности криминалистических служб: 1914-1919; 1960-1969; 1997-1998 гг. Первый прогиб связан с войной, а второй и третий прогибы связаны с попыткой абсолютизации судебной экспертизы с использованием «гипертрофированного» принципа независимости судебных экспертов. Утверждение этого принципа в реалиях следственной и судебной практики исторически предопределенным причинам приобрело долгосрочный и противоречивый характер, с ошибочными и даже вредными организационными и правовыми решениями. «Во многом это объясняется формальным толкованием данного принципа и распространением его действия на экспертов органов полиции (милиции)» [3, с. 93].

Поэтому рассмотрим принцип независимости судебного эксперта, формы использования специальных знаний и некоторые положения.

«Принцип процессуальной независимости судебных экспертов возник в западноевропейских странах как одно из составляющих независимости суда, утверждавшейся в результате буржуазно-демократических революций в конце XVIII в. В Российской империи

на этот принцип было обращено внимание в процессе судебной реформы 1864 г.» [3, с. 92].

«Независимость суда предполагала использование им доказательств, полученных от лиц, не заинтересованных в исходе дела». Однако там он никогда не распространялся на специалистов и экспертов органов полиции. [4, с. 92-93].

Следует заметить, что и в России в тот период этот принцип не распространялся на сведущих лиц полиции, осуществлявшей дознание. Обращая внимание на особенности задач, решаемых полицией, утверждается «принцип взаимного доверия судебной и государственной власти, в данном случае судов при их независимости и органов полиции, и результатам выполненной ими работы» [4, с. 93]. На первоначальном этапе, включая проверочные действия, доминирует в основном поисково-познавательная деятельность, осуществляемая в целях установления: факта преступления и подозреваемого в его совершении. При этом все действия правоохранительных органов осуществляются безотлагательно, непрерывно, с максимально возможным использованием криминалистических методов и средств собирания, исследования и использования розыскной и доказательственной информации, чтобы раскрыть преступления по горячим следам, создается информационная основа в целом для успешного их расследования. Очевидно, что судебная экспертиза с ее за формализованными принципами и требованиями в такую систему действий не вписывается [4, с. 96].

При этом некоторые факты и события, связанные с историей развития данной службы, вызывают удивление и даже недоумение, а в конечном итоге убеждают многих наших коллег (ученых криминалистов и ветеранов этой службы) в том, что вектор ее развития и практической деятельности явно искажен. В ЭКЦ МВД России и подведомственных ему ЭКП ОВД абсолютизировано производство судебных экспертиз и меньше всего уделяется внимания деятельности, направленной на технико-криминалистическое обеспечение собирания и неотложное, ситуационное исследование доказательств, что является важнейшей, если не сказать ключевой, частью экспертно-криминалистической деятельности, благодаря которой создаются условия для успешного расследования преступлений, а некоторые из них раскрываются по горячим следам [2, с 144].

Рассмотрим классификации форм использования специальных знаний – ученых: Р.С. Белкина, С.Ф. Бычкова, С.П. Дильбарханова, И.А. Закиров, В.Н. Махов, В.А. Образцов, А.А. Эйсмана и других ученых, например, В.А. Образцов предлагает разграничить следующие формы: привлечение специалистов; производство судебных экспертиз и т.д., а Дильбарханова Ж.Р. производство несудебной экспертизы и производство судебной экспертизы.

Поисково-познавательная деятельность специалиста можно условно в среднем прировнять к выполнению сложной экспертизы (направленной на технико-криминалистическое обеспечение соби-

рания и неотложное, ситуационное исследование доказательств) предполагающей не узко экспертную, а универсальную технико-криминалистическую подготовку осуществляющих ее специалистов на их всестороннюю компетенцию, то есть иметь «аналитический или организаторский уровень специалиста – криминалиста», благодаря которой создаются условия для успешного расследования преступлений, а некоторые из них раскрываются по горячим следам. Сама судебная экспертиза тоже может быть сложной, её составляющая зависит от того как поработал специалист на МП. В целом всю работу специалиста условно оценим, как научно-криминалистическую деятельность (далее – НКД), а деятельность судебного эксперта как, судебно-экспертную деятельность (далее – СЭД). Между этими деятельностями имеется связь.

При этом поисково-познавательная деятельность специалиста первична, а судебного эксперта вторична по отношению к поисковой деятельности специалиста. При этом реализуются методы и средства собирания и исследования доказательств в формах, обеспечивающих неотложность, оперативность действий органа досудебного расследования.

Закиров И.А. утверждает, что в юридической науке происходит смешение принципов правовой экспертизы с принципами деятельности эксперта. Это разные правовые явления. «Систему тех и других, следует рассматривать отдельно». В систему принципов правовой экспертизы входят следующие принципы: научности, своевременности, оперативности, планомерности, непрерывности, полноты, соответствия заявленным вопросам, обоснованности, финансовой обеспеченности, информационной всесторонности и сбалансированности. Такие базовые начала как компетентность эксперта, его «относительная» независимость, ответственность характеризуют не само исследование, а эксперта. Именно поэтому, под принципами правовой экспертизы следует понимать систему взаимосвязанных между собой основополагающих начал, идей, применение которых в процессе экспертного исследования направлено на достижение единой цели – получение качественного результата, используемого в юридическом процессе [5, с. 8].

Проблема процессуальной независимости судебных экспертов заключается не только в их ведомственной принадлежности, сколько в корпоративно-конъюнктурном её толковании. Между тем теоретические рассуждения об отрицательном влиянии ведомственной принадлежности судебных экспертов системы МВД научно не подтверждены. Поэтому принцип независимости судебных экспертов является другим правовым явлением другой. Здесь произошло смешение принципов правовой экспертизы с принципами деятельности эксперта.

В 2010 г. Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию закрепила принцип независимости судебных экспертов в резолюцию, где её предписания положены в основу стандарта по организации судебно-экспертной деятельности в странах

Евросоюза и эти требования, предъявляемые к судебной экспертизе на международном уровне, все-таки следует уважать и соблюдать.

С другой, чтобы выйти из этой «исторической» преграды и недоразумения надо поступить следующим образом:

– дать законодательное определение понятию научно- криминалистической деятельности и судебно-экспертной деятельности;

– реорганизовать работу специалиста: в процессуальной форме исследование производит заключение специалиста в упрощённом порядке или научно-техническое исследование (или криминалистическое исследование или другое название) с полным описанием исследования, подобно экспертизе со значением доказательства, которое определяет уполномоченное лицо, например, следователь;

– судебный эксперт производит судебную экспертизу в процессуальной форме со значением доказательства в учреждениях государственной и не государственной формы собственности (принцип альтернативности и состязательности);

– применить дифференцированный принцип исследований и экспертиз, обеспечивающих неотложность, оперативность действий правоохранительных органов и исследования и экспертизы оставить их в полиции.

Это не будет противоречить опыту стран Евросоюза и Китая [6, с. 24], и их нему «прагматизму, экономичности и эффективность деятельности правоохранительных органов и судов, которые не стали судебную экспертизу приспосабливать к различным стадиям уголовного процесса, а пошли по пути дифференциации форм исследования доказательств» [6, с. 24]. В настоящее время, в соответствии с действующим в странах Евросоюза стандартом, научно-технические исследования специалистов признаются, как и судебная экспертиза, средством доказывания [6, с. 23]. Этим опытом надо воспользоваться, чтобы еще улучшить ухудшающие межведомственное взаимодействие органов проводившие досудебное расследования с судебными экспертами.

Список источников

1. Поврезнюк Г. И. История криминалистических подразделений органов внутренних дел Казахстана. Алматы: Юрист, 2009. 154 с.

2. Волынский А. Ф., Лапин В. О. Экспертно-криминалистическая служба МВД России: когда и почему искажен вектор ее развития, как его исправить // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 142-152.

3. Волынский А. Ф. Принцип процессуальной независимости судебных экспертов: почему его не следует распространять на экспертов правоохранительных органов? //Академическая мысль. № 1 (57). С. 92-96.

4. Волынский А. Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 91- 102.

5. Закиров И.А. Принципы правовой экспертизы // Актуальные вопросы правоведения и правоприменительной практики: Сборник научных трудов / под ред. А.А. Юнусова. Нижнекамск: НМИ, 2008. Вып. 3 Ч. 1. С. 3-10.

6. Волынский А.Ф. Принцип процессуальной независимости судебного эксперта, а не специалиста // Вестник Московского университета МВД России. 2019(1):91-11.

УДК 343.98

ОПТИМИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ИСТРЕБОВАНИЮ ДАННЫХ (НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ IT-ТЕХНОЛОГИЙ)

Белицкий Владислав Юрьевич
Заместитель начальника кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

Интенсивно меняющиеся общественные отношения, активное использование цифровых технологий, при совершении преступлений, число которых ежегодно увеличивается, а процент раскрываемости снижается, требуют принятия адекватных процессуальных и организационных мер, связанных, в том числе, с повышением эффективности работы при истребовании необходимых для расследования данных.

На примере расследования хищений, совершенных с использованием IT-технологий сформулировано предложение по совершенствованию части 3 ст. 21 УПК РФ в части установления срока исполнениязапросов сотрудников правоохранительных органов, как одной из процессуальных мер оптимизации по истребованию данных.

В качестве организационной меры предложена идея заключения соответствующих соглашений с целью реализации электронного документооборота при направлении запросов и получении на них ответов.

Ключевые слова: взаимодействие следователя, направление запросов, истребование документов

OPTIMIZATION OF THE INVESTIGATOR'S ACTIVITIES TO REQUEST DATA (BY THE EXAMPLE OF THE INVESTIGATION OF THEFT COMMITTED WITH THE USE OF IT-TECHNOLOGIES)

Belitsky V. Y.

Intensively changing social relations, the active use of digital technologies, when committing crimes, the number of which increases annually, and the percentage of detection decreases, require the adoption of adequate procedural and organizational measures related, among other things, to increasing the efficiency of work when requesting the data necessary for the investigation.

On the example of the investigation of thefts committed with the use of IT technologies, a proposal was formulated to improve part 3 of Art. 21 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the establishment of a deadline for the execution of requests from law enforcement officers, as one of the procedural optimization measures for the recovery of data.

As an organizational measure, the idea of concluding relevant agreements was proposed in order to implement electronic document management when sending requests and receiving answers to them.

Keywords: interaction of the investigator, sending requests, retrieval of documents

На современном этапе экономического и технологического развития, основанного на знаниях и навыках цифровых технологий, происходит четвертая промышленная революция. Её характерной чертой являются данные в цифровом виде. Их обработка и исполь-

© Белицкий В. Ю., 2022

зование анализа результатов, позволяют значительно повысить эффективность различных направлений деятельности, в том числе уголовно-процессуальной и криминалистической.

В настоящее время вектор развития государственного и общественного управления направлен на развитие цифровых технологий, цифрового государственного управления.

Учитывая, что цифровые или информационно- телекоммуникационные технологии (далее по тексту – IT-технологии) активно использует в своей жизни подавляющее большинство граждан, переходя от реального общения к виртуальному, используя их для совершения покупок, оплаты товаров и услуг и пр., преступность также перешла в цифровую сферу. Так, например, в 2021 году почти каждая четвертая кража была совершена с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, а доля мошенничеств, совершенных с использованием IT-технологий или в сфере компьютерной информации составила около 73,6 % [1].

Считаем, что для повышения эффективности уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности, сотрудникам правоохранительных органов также необходимо не только иметь и использовать знания и навыки цифровых технологий, но и совершенствовать их, а равно оптимизировать деятельность по оперативному получению требуемых сведений на основе направленного запроса.

На примере расследования хищений, совершенных с использованием IT-технологий отметим, что в целях быстрого, полного и всестороннего их раскрытия и расследования, сотрудникам органов дознания и предварительного следствия необходимо собрать данные о том, на кого зарегистрирован абонентский номер, с которого потерпевшему звонил виновный; месте нахождения абонента в период телефонного разговора; IMEI телефона, а равно IP-адресе устройства, с помощью которого были похищены денежные средства; данные о номере счета, его виде, валюте счета, дате открытия, остатке и движении денежных средств по данному счету и пр.

В настоящее время сотрудники правоохранительных органов для истребования данных направляют запросы по почте, руководствуясь при этом нормами УПК РФ, ФЗ «О полиции», ФЗ «О банках и банковской деятельности», ФЗ «О связи», а равно иных федеральных законов.

При этом все перечисленные нормативно-правовые акты, хотя и содержат право сотрудников органов дознания и предварительного следствия на получение информации путем направления запросов, но не регламентируют срок и порядок предоставления требуемых сведений.

Анализ правоприменительной деятельности позволяет говорить, что в подавляющем большинстве случаев запросы исполняются в срок не менее 30 дней (нередко гораздо больше), что, безусловно, препятствует быстрому раскрытию и расследованию рассматриваемых преступлений.

Виновные, меняя находящиеся в их распоряжении номера телефонов, сами цифровые устройства, используя различные IP-адреса для выхода в интернет, а равно иные способы затрудняющие, как раскрытие преступления, так и доказывание их виновности в его совершении, чувствуют свою неуязвимость.

Вынуждены признать, что основания для этого есть, так как раскрываемость преступлений, совершенных с использованием IT-технологий не превышает 20 %.

Считаем, что установление в части 4 ст. 21 УПК РФ срока исполнения требований, поручений и запросов сотрудников правоохранительных органов окажет позитивное влияние на решение задачи оперативности получения требуемых сведений.

Полагаем, данный срок должен составлять до 10 суток.

Исходя из того, что совершенствование законодательства – процесс длительный, правоприменители используют не процессуальные или организационные направления повышения оперативности в истребовании необходимых в доказывании данных.

Так, при расследовании хищений, совершенных с использованием IT-технологий решение задачи по сокращению сроков получения данных обеспечивается путем заключения соглашений между руководителями правоохранительных органов и соответствующих юридических лиц (органов, организаций, учреждений) обладающих требуемыми данными о направлении запросов и получении ответов на них в электронном виде.

Например, между МВД по Республике Марий Эл и территориальным отделением ПАО «Сбербанк России» заключено соглашение по оперативному (в срок до 7 дней) предоставлению сотрудникам правоохранительных органов информации об открытых расчетных счетах клиентов, движении денежных средств по ним, а также данных о подключении услуг дистанционного банковского обслуживания «Мобильный банк» и соответствующих номерах телефонов. Помимо этого, в МВД по Республике Марий Эл функционируют системы электронного обмена документами и данными с ПАО «Мегафон» и ПАО «Вымпелком» [2].

Аналогичные соглашения заключены между операторами мобильной связи, руководителями ПАО «Сбербанк России» и главами МВД более чем 20 субъектов Российской Федерации (Алтайский, Пермский край и др.).

Таким образом, считаем, что повышение эффективности деятельности органов предварительного расследования, по истребованию и получению необходимых в доказывании данных, следует осуществлять в нескольких направлениях. Первое – совершенствование норм уголовно-процессуального законодательства. В частности, целесообразно установить срок исполнения требований, поручений и запросов сотрудников правоохранительных органов до 10 суток. Второе – совершенствование организационного взаимодействия путем заключения соглашений между МВД РФ и руководителями органов,

учреждений и организаций, обладающих необходимой для расследования информацией об её предоставлении в порядке электронного документооборота.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2021 г. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения 25.01.2022). Текст электронный.

2. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / [А.В. Аносов и др.]. Москва: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. 208 с.

УДК 343.98

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Берзинь Ольга Александровна
Профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса,
доктор юридических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

В статье рассмотрены уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты понятия электронных доказательств. Проанализировано понятие электронных доказательств и его соотношение с понятием электронный носитель информации. Обоснованы рекомендации по необходимости разработки криминалистических средств и методов работы с электронными доказательствами при расследовании преступлений.

Ключевые слова: электронное доказательство, электронный носитель информации, криминалистика, средства собирания следов преступления, расследование преступлений, доказывание.

ELECTRONIC EVIDENCE AS OBJECTS OF FORENSIC STUDY

Berzin O. A.

The article discusses the criminal procedural and criminalistic aspects of the concept of electronic evidence. The concept of electronic evidence and its relation to the concept of electronic information carrier is analyzed. The recommendations on the need to develop forensic tools and methods of working with electronic evidence in the investigation of crimes are substantiated.

Keywords: electronic evidence, electronic information carrier, criminalistics, means of collecting traces of a crime, investigation of crimes, proving.

Как известно, задачи криминалистической науки могут меняться в зависимости от возникающих потребностей практики борьбы с преступностью. На современном этапе одной из таких задач, на наш взгляд, являются задачи, связанные с использованием разного рода электронных доказательств в практике расследования (электронных документов и других файлов, записей, сообщений, писем и т.п.).

© Берзинь О. А., 2022

Расследование преступлений в современных условиях неизбежно требует знаний о многих цифровых процессах, сопровождающих повседневную деятельность. Во многих случаях совершение преступлений осуществляется с участием различных электронных технологий, и соответственно следы многих преступных действий запечатлеваются в цифровой среде. Кроме того, многие преступления, связаны с пересечением государственных границ, и доказательства преступной деятельности рассредоточены на территории разных государств, например, такую практику можно встретить в рамках единого Евразийского экономического союза при расследовании преступлений, совершаемых в сфере внешнеэкономической деятельности. Все вышесказанное требует от юридического научного сообщества более глубоко изучения вопросов, связанных с понятием электронных доказательств, причем, как в уголовно-процессуальном, так и в криминалистическом аспектах, определению их видов с целью разработки эффективных средств по их обнаружению, фиксации, исследованию и использованию в ходе расследования.

Законодательно закрепленное понятие «электронное доказательство» отсутствует в уголовно-процессуальном законодательстве России. Как для процессуальной, так и для криминалистической науки данное понятие является практически новым, однозначный ответ на этот вопрос пока не разработан, поэтому, одной из первоочередных задач является уяснение сущности понятия «электронное доказательство».

Представляется, что в рамках данного понятия следует акцентировать внимание именно на слове: «электронное», которое позволяет отличить данный вид доказательств от всех иных разновидностей, и способствует определению их возможных разновидностей. При этом само понятие «доказательство» относится к хорошо разработанным в теории и законодательстве, и однозначно воспринимаемых на практике.

Исходя из закрепленного в уголовно-процессуальном законе понимания, доказательств, как любых сведений, на основе которых уполномоченное компетентное лицо (суд, прокурор, следователь, дознаватель) в законодательно закрепленном порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, либо иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [1], можно сделать вывод о том, что электронные доказательства также содержат сведения о выше указанных обстоятельствах.

В п.2 ст. 74 УПК РФ названы все возможные источники доказательств, соответственно, для электронных доказательств они также являются таковыми. Кроме того и любое из обстоятельств, подлежащих доказыванию может также иметь цифровую форму [2, с. 108].

Исходя из толкования норм уголовно-процессуального закона, с одной стороны, если установленные сведения выражены в электрон-

ной форме в любом из источников доказательств, то они автоматически могут считаться электронными доказательствами. С другой стороны, возможно, что использование термина «электронное доказательство» правомерно только в отношении вещественных доказательств или иных документов.

Другими словами, могут ли быть выражены в электронной форме и считаться электронными доказательствами, например, показания соответствующих участников процесса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста), зафиксированные на аудио или видео- носителях? Или же электронными доказательствами можно считать только разновидность вещественных доказательств или иных документов? Однозначного ответа на этот вопрос в науке и на практике не сформировалось, однако, в большинстве случаев электронные доказательства рассматриваются именно в рамках второго варианта, т.е. как разновидность вещественных доказательств либо иных документов. То есть электронные доказательства отличаются от других видов доказательств исключительно по своей форме.

В международных документах существует положение о том, что электронным доказательством является любая электронно-охраняемая информация (ESI), которая может быть использована в качестве доказательств в судебном процессе или судебном разбирательстве [3].

Проведенный анализ понятия электронных доказательств показывает, что для криминалистической науки в качестве такового может рассматриваться любой объект (предмет, документ), который признан в качестве доказательства в рамках расследования конкретного уголовного дела. И в этом значении важным является соотношение понятий электронных доказательств и электронных носителей информации [4].

Проведенный анализ научной литературы показывает, что некоторые авторы, проводя толкование норм ст. 84 УПК РФ приходят к выводу о том, что иными носителями информации, указанными в части 2 данной статьи законодатель предлагает понимать именно электронные носители информации [5, с. 288], и именно они являются электронными доказательствами.

На наш взгляд, такое мнение не в полное мере отражает суть электронных доказательств и значительно сужает его понимание. Безусловно, что электронные носители информации являются источниками получения электронных доказательств, но только как формы их закрепления, изъятия, исследования и приобщения к материалам уголовного дела.

Наиболее полно суть электронных доказательств отражена М.И. Ворониным, который считает, что электронное доказательство представляет собой сведения, содержащиеся в электронном документе и/или на электронном носителе информации, на основании которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсут-

ствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [6, с. 79].

В таком контексте информация, полученная с электронных носителей приобретет статус доказательства, если будут соблюдены следующие условия:

– информация должна иметь значение для расследования;

– информация должна быть получена из достоверного источника, который проверяем;

– информация выражена в воспринимаемой участниками процесса форме (видеозаписи, фотографии, скриншоты сайтов и т.д.);

– соблюден установленный законом порядок изъятия носителей информации [7, 8].

Соблюдение указанных требований является пусковым механизмом для формирования криминалистических задач работы с электронными доказательствами во время проведения следственных действий. А для этого в криминалистике должны быть изучены основные закономерности следообразования, которые позволят разработать наиболее эффективные средства и методы работы с данной разновидностью следов. Несмотря на подмеченную учеными схожесть механизма следообразования следов на обычных предметах и в электронном пространстве, необходимо учитывать и существенные особенности, обусловленные тем, что следы на обычных предметах формируются исходя из физических, химических, биологических и других закономерностей, имеющих объективную природу и существующих помимо воли и сознания человека, а электронные следы, как своеобразные изменения компьютерной программы образуются за счет заданного разработчиком алгоритма, который он выбирает, исходя из своего субъективного усмотрения [9, с. 21-34].

Учет этих особенностей позволит следовать правилу, разработанному в рамках теории доказательств, в соответствии с которым – «специфика способа сохранения и передачи информации о существенных обстоятельствах исследуемого события» обусловливает применение таких и только таких методов «ее собирания, которые обеспечили бы полноту и точность полученных фактических данных» [10, с. 257, 635].

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174- ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Олиндер Н. В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3.

3. Can Electronic Documents Be Used As Evidence International Law Essay. URL: https://www. lawteacher.net/free-law-essays/international-law/can-electronic-documents-be-used-as-evidence-international-law-essay.php (дата обращения: 10.01.2022).

4. Федеральный Закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28.07.2012 № 143-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание Законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.

5. Орлова А.А. Место электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам // Молодой ученый. № 15 (149). С. 287-289. Электронный ресурс: URL:https://moluch.ru/archive/149/42293/ (дата обращения 21.01.2022).

6. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК РФ: быть или не быть? // Lex Russica. № 7 (152). 2019. С. 74-84.

7. Маркелов А.Г. Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2004. 215 с.

8. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2010. 234 с.

9. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 21-34.

10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин. Москва, 1973.

УДК 343.98

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Бирюков Валерий Васильевич
Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Бирюкова Татьяна Петровна
Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются вопросы информатизации производства криминалистических экспертиз в современных условиях. Авторы указывают, что именно информатизация является важнейшим средством оптимизации их производства, оказывая помощь эксперту в решении значительного числа сложных, многооперационных задач. Внедрение компьютерных технологий, базирующихся на цифровой работе с информацией, ставит производство экспертиз на более высокий качественный уровень, создает благоприятные условия в совершенствовании традиционных и разработке новых экспертных методик. При этом авторы подчеркивают, что несмотря на возможности решения значительного числа задач в ходе экспертизы с использованием возможностей искусственного интеллекта, в такой деятельности, как производство криминалистических экспертиз, в силу объективных обстоятельств, указанные технологии не могут в полной мере заменить эксперта.

Ключевые слова: Криминалистическая экспертиза, экспертная методика, информатизация, искусственный интеллект, компьютерные технологии, распознавание образов, идентификация.

© Бирюков В. В., Бирюкова Т. П., 2022

MODERN POSSIBILITIES OF INFORMATIZATION OF THE PRODUCTION OF FORENSIC EXAMINATIONS

Biryukov V. V., Biryukova T. P.

In the article deals with the issues of Informatization of the production of forensic examinations in modern conditions. The authors indicate that it is Informatization that is the most important means of optimizing their production, helping the expert in solving a significant number of complex, multi-operational tasks. The introduction of computer technologies based on digital work with information puts the production of examinations at a higher quality level, creates favorable conditions for improving traditional and developing new expert methods. At the same time, the authors emphasize that despite the possibility of solving a significant number of tasks during the examination using the potential of artificial intelligence, in such activities as the production of forensic examinations, due to objective circumstances, these technologies cannot fully replace the expert.

Keywords: forensic examination, expert methodology, informatization, artificial intelligence, computer technology, pattern recognition, identification.

Производство экспертиз представляет собой одну из форм судебного познания, осуществляемого экспертом – опытным специалистом, посредством изучения свойств конкретных объектов с целью установления фактов и обстоятельств, имеющих значение для расследования. Их качество непосредственно зависит от того, насколько эффективно при этом используются специальные знания и современные научно-технические средства, насколько совершенны экспертные методики. «Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений невозможно без внедрения современных информационных технологий, базирующихся на средствах электронно – вычислительной техники, компьютерных программах, базах данных, средствах цифровой фотографии, видео и звукозаписи, информационных системах, информационно-телекоммуникационных сетях» [6, с. 116]. Научно-технические средства и технологии поступательно расширяют границы познания объектов материального мира, в том числе и при производстве криминалистических экспертиз, создавая условия совершенствования методик их производства. Несмотря на то, что экспертные технологии постоянно совершенствуются, ход и результаты исследований эволюционируют за счет эмпирических знаний, а также достижений современной науки и техники. Еще рано говорить о том, что накопленные знания и научно-технический потенциал в полной мере учитываются при научном обосновании и разработке методик производства конкретных экспертиз, и, как следствие, не всегда используются в практике экспертной деятельности. В контексте сказанного отметим, что наше стремительное время, благодаря информатизации, неизбежно ставит перед криминалистикой потребность в решении проблем не только сугубо теоретического, но и прикладного характера. При этом, прикладной характер нисколько не уменьшает ее научного потенциала, а незамедлительное внедрение научных достижений позволяет оперативно совершенствовать практику и объективно оценивать качество самого исследования.

«Важно наконец-то осознать, что теоретические знания должны рассматриваться не как основа, а как средство, обеспечивающее дальнейшее решение прикладных проблем практики», – удачно замечает В.Ю. Сокол [10, с. 111].

Сегодня, во всех сферах жизнедеятельности, необходимым условием эффективной работы стало использование потенциала компьютерных технологий. Информатизация общества, базирующаяся на указанных технологиях, создала реальные предпосылки для совершенствования практически всех направлений человеческой деятельности. Ученые-юристы и практические работники правоохранительных органов немало внимания уделяют разработке методик решения правовых, организационно-управленческих, экспертных и иных задач с помощью компьютерных технологий. Значительное влияние эти технологии оказали и продолжают оказывать на совершенствование экспертных методик и практику производства криминалистических экспертиз. «Высокий уровень технической оснащенности правоохранительных органов играет решающую роль в обеспечении эффективности борьбы с преступностью, позволяя улучшить оперативность расследования преступлений и повысить его качество, снижая при этом временные трудозатраты сотрудников» [11, с. 255]. Еще на заре их внедрения в экспертную деятельность М.Я. Сегай и В.К. Стринжа писали: «Под влиянием новых научных идей и теорий, возникших в эпоху НТР (системно-структурного подхода, математико-кибернетических методов, комплексности и др.), произошел качественный скачек в разработке методологических основ судебной экспертологии…» [9, с.5]. Несомненно, каждая экспертная методика, основанная на использовании компьютерных технологий, имеет свою специфику и предназначена для решения конкретных задач в процессе исследования определенных объектов. Однако, все они базируются на анализе и синтезе информации, алгоритмизации, использовании математического аппарата и методов кибернетического моделирования. При этом, ввод информации в такую систему, как правило, осуществляется лицом, непосредственно изучающим объект или посредством специальных датчиков через устройства ввода, а вывод - через устройства вывода в форме, доступной для восприятия органами чувств человека. И только на этапе обработки ЭВМ, информация представлена в цифровой форме.

Заметим, что, создавая или совершенствуя НТС и соответствующие методики, приемы и технологии, человек всегда стремится оптимизировать свой труд. И если в докомпьютерную эпоху НТС выступали как альтернатива мускульной силе или органам чувств, то вовлечение компьютерных технологий, использование машинного (искусственного) интеллекта, создает условия для выполнения машиной наиболее трудоемких и сложных мыслительных операций. «Одна из наиболее заманчивых перспектив, открывающаяся, таким образом, перед нами, это рациональное руководство человеческими

делами…» [3, с. 182]. Разумеется, оптимальным вариантом такого решения является создание машины, способной выполнять весь комплекс задач в рамках определенного исследования – от получения информации об исследуемых объектах, ее анализа и выполнения мыслительных операций до получения готового продукта – заключения эксперта. Как отмечалось выше, сегодня НТС, способным к комплексному разрешению задач различного характера, связанных с обработкой любой по физической природе информации, выступает компьютер. При этом, сам по себе компьютер без соответствующего программного обеспечения и периферийных устройств ввода и вывода, не способен решать никаких прикладных задач. Таким образом, важным условием его использования для решения любой задачи является наличие соответствующих специализированных программ. Однако, чтобы искусственный интеллект «заработал» и смог разрешать определенные задачи, его необходимо этому «научить» – обеспечить необходимым комплексом знаний и данными, с которыми ему предстоит работать. Ключевая роль в таких комплексах принадлежит грамотно представленному, качественному эмпирическому материалу – продукту, который можно почерпнуть только путем анализа деятельности практиков-профессионалов, в котором должны быть выделены и сформированы ситуации и алгоритмы их разрешения. Кроме того, программа должна быть самообучаемой. Иными словами, используя опыт, уметь самостоятельно анализировать доступные ей массивы информации, извлекать, накапливать и использовать знания для разрешения задач в рамках своей компетенции.

Сегодня вряд ли мы найдем хоть один вид экспертизы, при производстве которой бы не использовались компьютерные технологии. Однако, используются они на разных уровнях – от замены пишущей машины и систем, работающих по принципу вопрос – ответ, до систем, позволяющих выполнять сложные операции, имитирующие отдельные аспекты мышления. При этом, следует отметить, что ни одна методика, в основе которой лежат указанные технологии, сегодня не может предложить разрешение всего комплекса задач, стоящих перед экспертом. Как правило, они автоматизируют одну или несколько операций, относящихся или непосредственно к процессу познания, или к обработке и оценке его результатов. Разрешая поставленную перед ней задачу, машина выдает определенные данные, которые служат эксперту для решения последующих задач и формирования выводов, что, в свою очередь, требует у него наличия соответствующих специальных знаний. «Использование цифровых технологий средств фиксации портретных изображений вызвало необходимость привлечения дополнительных знаний из области компьютерных технологий для обеспечения полноты исследования и достоверности полученных результатов» [4, с. 202].Независимо от общей задачи, разрешение которой стоит перед экспертом, использующим компьютерные технологии, этому процессу присущи такие элементы, как формирование задач (нередко они дифференцируются на

подзадачи), определение конкретных методов их решения, получение и оценка результата, принятие решения. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что в правоохранительной системе, в силу объективных причин, они не могут разрешать весь комплекс задач, стоящих перед экспертом. Известно, что соблюдение требований УПК является важнейшим условием в получении доказательств. Производство же экспертизы УПК возлагает на эксперта, который формулирует выводы и несет ответственность за достоверность полученных результатов [1]. При этом, любые НТС, включая и ЭВМ с соответствующим программным обеспечением, закон не запрещает применять в качестве инструмента, позволяющего оптимизировать его деятельность, повысить эффективность исследования. В контексте рассматриваемого неизбежно возникает вопрос о разграничении задач, которые должен выполнять эксперт самостоятельно и которые он может передать для решения ЭВМ. Разумеется, все, что связано с выполнением вычислений, анализом и иными действиями, которые машина может выполнить быстрее и точнее, чем человек, целесообразно передать машине. При этом, для того, чтобы она смогла исследовать определенный объект, ей необходимо его представить и, разумеется, дать команду на исследование. Таким образом, в силу ряда объективных причин, сегодня нельзя передать машине в полной мере функцию изучения объектов, а также формирование заключения и выводов. Несмотря на потенциальные ее возможности к глубокому анализу, эксперт всегда будет проверять и корректировать результаты машинной обработки. Говоря о возможности автоматизации экспертных исследований, Н.С. Полевой и В.В. Крылов отмечали, что таким образом можно и нужно решать «…любое количество формализуемых операций, оставляя за экспертом те части исследования, которые требуют его творческих способностей» [5, с. 195]. Конечно, производство экспертизы, как было отмечено выше, представляет собой достаточно емкий комплекс, который базируется на разрешении цепочки множества взаимосвязанных задач. И именно разрешение этих задач перспективно, а некоторые уже сегодня разрешаются с использованием потенциала искусственного интеллекта.

Рассмотрим сущность операций, осуществляемых при производстве значительного числа криминалистических экспертиз. Известно, что в качестве объектов исследования таковых выступают различные объекты материального мира и их отображения – следы, образовавшиеся на других объектах. В следах отображается внешняя структура, свойства и признаки объектов, которыми они образованы, а также навыки, которые использовались для выполнения определенных действий. Следовательно, значительная часть работы эксперта связана с анализом внешнего строения объектов и следов, определением их размерных характеристик и иных параметров, обнаружением присущих им признаков, установлением их взаиморасположений и взаимозависимостей. Отображения внешней поверхности объектов, да и сами объекты, как правило, характеризу-

ются достаточной устойчивостью – в течении определенного периода времени их основные параметры и признаки не изменяются и не меняют своего места положения на объектах и в следах. Навыкам же присуща вариантность, их содержание нередко определяется условиями следообразования. Однако, изучение и первых, и вторых базируется на кропотливом анализе отобразившихся в них визуально воспринимаемых признаков. «Методы анализа изображений используются для исследования традиционных криминалистических объектов – следов человека, орудий и инструментов, транспортных средств, а также документов, кино-, фото-, и видеоматериалов и проч.» [8, с. 52]. Следовательно, говоря о замене человеческого труда машиной, для исследования и первых, и вторых перспективными являются программы распознавания образов. Сегодня по такому принципу работают автоматизированные дактилоскопические и баллистические информационные системы, при этом, перспективными для внедрения в практику являются системы распознавания почерка, лица и любых других свойств, и признаков объектов и их отображений. Заметим, что в отличие от исследования обычных прямых отображений исследование навыков представляет более сложную задачу, а, соответственно, требует более глубоких знаний и исследования больших объемов эмпирического материала. Полагаем, именно этим сегодня и можно объяснить некоторое отставание технологий исследования навыков и их отображений от технологий исследования отображений внешнего строения. Наряду с обычным «считыванием» информации о свойствах и признаках изучаемых объектов в таких системах реализуются функции, позволяющие разрешать задачи диагностического, классификационного и идентификационного характера. Следует отметить, что в работе такого рода систем ключевой, при этом наиболее сложной и в то же время важной является решение задачи, связанной с распознаванием образов. Для корректной работы в нее вводятся признаки на основе известных исходных данных. При этом, следует учитывать тот фактор, что оцифровка изображения осуществляется путем придания цифровых значений каждому пикселю, и, соответственно цифровое изображение представляет собой некоторую совокупность множества пикселей, имеющих разную яркость и, соответственно, – цифровые значения. Таким образом, освещенность объекта может сказаться на определении признака программой, а, соответственно, и на его использовании в решении других задач исследования.

В качестве примера рассмотрим принцип работы АДИС «Папиллон», обеспечивающую функционирование дактилоскопических учетов и производство дактилоскопических исследований подразделениями ЭКЦ МВД РФ. Устройствами ввода в такой системе являются сканеры, позволяющие получать отображения с копий (отпечатки и следы) и непосредственным считыванием узора с пальца дактилоскопируемого (живой сканер). Получая из устройства ввода изображения следов или отпечатков пальцев и ладоней рук, система

анализирует их и производит автоматическое кодирование (перевод графической информации в цифровую форму, определяя общие и частные признаки строения узора). При этом, на мониторе информация отображается в виде графического изображения, в форме, доступной для работы оператора, которому представляется возможность корректировать результаты машинной обработки следа или отпечатка в диалоговом режиме.

В ходе корректировки, наряду с оптимизацией работы с конкретным следом, происходит дополнительное «обучение» машины, совершенствуется ее база знаний за счет опыта эксперта. Как видим, таковая в полной мере обладает признаками систем с искусственным интеллектом. Идентификация объектов, хранящихся в базе данных и вводимых в нее, также производится в автоматическом режиме или по сформированному запросу. Запрос формирует оператор, он выделяет след и определяет массив, или массивы, по которым его необходимо проверить.

По результатам автоматизированного поиска компьютер выводит на экран монитора изображения с указаниями совпадающих признаков. При необходимости эксперт может визуально проследить взаимосвязь выделенных признаков в идентифицируемом и идентифицирующем объекте, проверить и оценить работу системы. Иногда система выдает не один, а несколько вариантов ответов, среди которых, как известно, только один может быть правильным. В некоторых случаях правильный ответ вообще отсутствует. Иными словами, система производит интервальный поиск и выделяет группу объектов, имеющих сходные признаки. Конечно, эффективность системы во многом зависит от качества следов и отпечатков. Независимо от этого, результаты работы машины подлежат обязательной оценке экспертом. При необходимости он производит корректировку кодирования идентификационных признаков, произведенного компьютером.

Наряду с описанными задачами в системе реализована функция, позволяющая производить разметку следов, формировать фототаблицы и получать их твердые копии. Можно констатировать, что рассматриваемая система выполняет достаточно важную и сложную работу, причем на ее выполнение уходит очень короткий срок – 2-5 минут на ввод, и такое же время на проверку загружаемого следа или дактилокарты по массивам, составляющим следотеку и дактилокартотеку. Для сравнения отметим, что на проверку такого рода массивов в количестве 20 000 объектов (средний объем картотеки районного звена) при хорошем качестве следов и отпечатков у эксперта бы ушло примерно 2 рабочих дня. В.Б. Вехов и А.Ф. Родин обоснованно отмечают: «Компьютерные технологии позволяют более эффективно использовать рекомендации криминалистики, в частности, значительно сократить временные затраты» [7, с. 105]. Наряду со сказанным следует отметить, что данная компьютерная система позволяет организовать ввод, хранение и использование информации, обеспечивает сравнение и поиск объектов, а также предлагает

услуги в подготовке отдельных частей заключения эксперта. При этом, искусственный интеллект задействован для решения хотя и важных, и достаточно сложных задач, однако, составляющих лишь небольшой сегмент работы эксперта по выполнению исследования и подготовке заключения. Разумеется, полноценная методика, а точнее технология, предназначенная для оптимизации производства любого вида криминалистической экспертизы должна иметь определенное множество взаимосвязанных надежных приложений, сориентированных на решение задач, которые могут возникнуть в ходе производства экспертизы.

Применяющий такие технологии эксперт должен в совершенстве знать и уметь объяснять принцип их работы, а при необходимости проверять достоверность полученных результатов иными методами. В сущности, он управляет и корректирует ее деятельность, оценивает и использует результаты, неся ответственность за содержание выводов. Сказанное позволяет сделать вывод, что компьютерные технологии, базирующиеся на искусственном интеллекте, создают условия для оптимизации работы, однако ни в коем случае не исключают участия в экспертном процессе человека. Р.С. Белкин и А.Я. Викарук, говоря по этому поводу, обосновано замечают: «… ни одна работа в области применения кибернетики в судебной экспертизе не подтверждает того, что разработанный метод или предлагаемая методика использования ЭВМ заменят эксперта» [2, с. 24]. Рассмотренное дает основания сказать, что сегодня возможности компьютерных технологий, в основу работы которых положен искусственный интеллект, в производстве экспертиз занимают определенный сегмент, в котором они действительно способны качественно разрешать определенные задачи. Однако, сказанное никоим образом не отрицает возможности использования его для решения других задач.

С учетом того, что эти задачи выходят за пределы распознавания образов, такая работа потребует разработки программного обеспечения другой направленности. Обучение же программы будет базироваться на анализе и использовании иного материала. И этот материал должны составлять знания, предназначенные для решения указанных задач. Такая работа предполагает коллективный труд ученых и практиков. Вряд ли ее разрешение под силу ученым энтузиастам-одиночкам, пытающихся сегодня обосновать и даже разработать такого рода системы в часы, свободные от выполнения основной работы. Таким образом, информатизация производства криминалистических экспертиз является перспективным направлением ее совершенствования. Эта работа предполагает коллективное разрешение научных и практических проблем. При этом, полноценная экспертная технология, нацеленная на выполнение какого-либо вида экспертизы с использованием искусственного интеллекта, предполагает наличие в ней некоторого множества блоков, ориентированных на разрешение определенных задач, необходимость в разрешении которых может возникнуть в ходе экспертизы.

Подводя итоги рассмотренному, отметим:

– качество криминалистических экспертиз непосредственно зависит от того, насколько эффективно при их производстве используются специальные знания, современные научно-технические средства и технологии, насколько совершенны экспертные методики;

– перспективным направлением оптимизации этого направления деятельности является использование компьютерных технологий;

– сегодня системы, в основу работы которых положен искусственный интеллект, с успехом используются для решения важного комплекса сложных задач, разрешаемых экспертом, в первую очередь связанных с распознаванием образов;

– программно-аппаратные комплексы, основанные на использовании возможностей искусственного интеллекта, при производстве криминалистических экспертиз предлагают эксперту обоснованные варианты решений, при этом последнее слово в принятии решения остается за экспертом;

– любой программно-аппаратный комплекс (система), предназначенные для решения такого рода задач, должен быть обеспечен необходимым объемом соответствующих знаний, обучен анализу и работе с соответствующими объектами, а также быть самообучаемым;

– несмотря на возможности решения значительного числа задачи в ходе экспертизы с использованием возможностей искусственного интеллекта, в силу объективных обстоятельств, указанные технологии не могут в полной мере заменить человека – эксперта.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

2. Белкин Р.С., Викарук А.Я. Концептуальные основания применения математических методов и ЭВМ в криминалистике и судебной экспертизе // Проблемы автоматизации, создания информационно-поисковых систем и применения математических методов в судебной экспертизе. Москва: ВНИИ судебных экспертиз, 1987.

3. Норберт Виннер. Кибернетика и общество. Москва: Издательство иностранной литературы, 1958.

4. Подволоцкий И.Н. Судебная портретная экспертиза: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018.

5. Полевой Н.С., Крылов В.В. Компьютерные технологии в юридической деятельности. Москва: «БЕК». 1994.

6. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под. ред. С.В. Зуева. Москва : Юрлитинформ, 2018.

7. Родин А.Ф., Вехов В.Б. Использование компьютерных технологий в деятельности следователя / Под ред. проф. Б.П. Смагоринского. Волгоград: ВА МВД России, 2003.

8. Росинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском арбитражном, административном и уголовном процессе. Москва : Норма, 2005. С. 52

9. Сегай М.Я., Стринжа В.К. Судебная экспертиза материальных следов отображений. Киев, 1997.

10. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики: монография / В.Ю. Сокол. Краснодар, 2017.

11. Цифровая криминалистика : учебник для вузов / В.Б. Вехов [и др.] ; под редакцией В.Б. Вехова и С.В. Зуева. Москва : Юрайт, 2021.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Богдан Александр Васильевич
Заместитель начальника отдела Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Орловской области, подполковник полиции

Статья посвящена вопросам назначения и производства экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых дистанционным способом. В статье автором определяются отдельные аспекты назначения и производства экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых дистанционным способом.

Ключевые слова: экспертиза, дистанционные преступления, информационно-коммуникационные технологии, компьютер, устройство.

SEPARATE ISSUES OF APPOINTMENT AND PRODUCTION OF EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED REMOTELY

Bogdan A. V.

The article is devoted to the issues of appointment and production of examinations in the investigation of crimes committed remotely. In the article, the author defines certain aspects of the appointment and production of examinations in the investigation of crimes committed remotely.

Keywords: expertise, remote crimes, information and communication technologies, computer, device.

При расследовании преступлений, которые были совершенны дистанционно с использованием информационно-коммуникационных технологий, правоохранительным органам никак не обойтись без производства судебных экспертиз для исследования вопросов использования различных технологий и компьютерной информации, применяемых в ходе преступных действий [1, с. 35].

Так, например, М., действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью хищения денежных средств у граждан, проживающих на территории Российской Федерации путем обмана и злоупотребления доверием находясь на территории г. Новозыбков Брянской области при помощи «Авито.ру», используя имевшиеся в его распоряжении мобильный телефон разместил объявления с заведомо ложными сведениями о продаже металлического разборного гаража с доставкой, не имея его в наличии.

С., узнав из объявления, размещенного на сайте «Авито.ру» о продаже металлического разборного гаража, имея намерения купить данный гараж позвонил М., который, не имея данный товар в наличии, сообщил С. заведомо ложные сведения о намерении продать ему металлический разборный гараж стоимость 30 000 рублей, с обязательным условием предоплаты в сумме 10 000 рублей, тем

© Богдан А. В., 2022

самым ввел С. в заблуждение относительно фактического наличия и возможности поставки данного гаража.

Для создания видимости реальности осуществляемой сделки М. изготовил фиктивный договор купли-продажи металлического разборного гаража согласно, которого обязался, изготовить, доставить и установить металлический разборный гараж стоимостью 30 000 рублей. После этого С., будучи введенный в заблуждение относительно истинных намерений Манаева Б.А., не подозревая о преступном замысле последнего, находясь в Брянском районе Брянской области через электронное приложение «Сбербанк Онлайн», осуществил безналичный перевод денежных средств в сумме 10 000 рублей в качестве предоплаты. Далее М. осуществил снятие похищенных вышеуказанных денежных средств, принадлежащих С. в банкомате ПАО «Сбербанк». Заключением компьютерной экспертизы, объектом которой был мобильный телефон фигуранта удалось установить, что М. осуществлял звонки потерпевшему, отправлял фотографии договора купли-продажи, осуществлял с С. переписку [4].

Таким образом, актуальность экспертиз по исследованию компьютерных и мобильных устройств постоянно возрастает в связи с высоким уровнем «цифровизации» населения и внедрением технологий в повседневную жизнь общества. Одновременно с этим растет количество преступлений, которые совершаются с использованием сети интернет и вычислительных технологий [2, с. 320].

Сам процесс сбора доказательственной базы и необходимость производства компьютерной экспертизы в рамках расследования дистанционных преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, имеет ряд особенностей, которые состоят в следующем:

1) иногда для понимая сущности представленной информации на объектах исследования требуется преобразование т.е. перекодировка информации, находящейся на материальном электронном носителе, в такой формат, который будет понятен для следователя, прокурора, судьи, потерпевшего, обвиняемого (подозреваемого) и иных лиц, не обладающих большими техническими познаниями и не имеющих техническое образование;

2) чаще всего информация, находящаяся на электронном носителе, изымается вместе с ним, но иногда это является нецелесообразным (например, громоздкие размеры электронного оборудования или сложность в его подключении на новом месте), поэтому для этого следователем и специалистом производятся действия, направленные на перекопированние нужной информации на электронный носитель информации;

3) необходимо обеспечение сохранности и возможности доступа к доказательствам для производства компьютерных экспертиз, либо для предоставления их в понятном виде в ходе выполнения следственных действий (например, предъявления фрагментов, скриншотов в ходе очной ставки или допроса);

4) устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания (дата и время совершения преступления, электронный адрес, абонентский номер устройства в сети оператора связи, физический адрес места нахождения устройства и пр.);

5) для решения вопроса, необходимо также принять меры по ее изъятию законным способом в рамках уголовно-процессуального законодательства [3, с. 43].

Прежде чем производить изъятие материальных носителей и имеющуюся на них информацию, в первую очередь стоит разобраться в устройстве подключения технической аппаратуры к сети, количестве подключенных устройств, их свойствах и технических особенностях (так как при расследование преступлений, направленных, например, против интересов целой коммерческой фирмы, нужно учитывать особенности подключенных к сети компьютеров в помещении; наличие облачных хранилищ для хранения резервной копии информации в случае потери доступа к основному источнику; устройства работы сервера, к которому подключены компьютеры; необходимо учитывать, что компьютеры или сам сервер может находиться в разных помещениях, зданиях, городах или даже странах).

Интересующая информация может находиться не только в одном месте (в одном файле или папке), а сразу на нескольких компьютерах, в базах данных, которые имеют специфическую структуру, для интерпретации которых понадобятся специальные познания и соответствующее программное обеспечение, что способствует большему сокрытию следов преступления, также нужно учитывать, что некоторая информация может находиться не только на обнаруженном устройстве или средстве хранения информации. В данном случае речь идет об облачных хранилищах данных, специфика которых заключается в том, что информация на носителе автоматические создает свою резервную копию и отправляет ее на специальный сервер-хранилище, которые дает доступ к ней из любого другого устройства или точки подключения. В данном случае с помощью специалиста, необходимо произвести извлечение данной информации из облачного хранилища в рамках производства таких следственных действий как осмотр предметов и выемка.

Таким образом, для получения достоверных и объективных сведений о преступлении, совершенном путем использования информационно-коммуникационных технологий необходимо производство компьютерно-технической экспертизы. На современном этапе разработано достаточное количество методик экспертного исследования компьютерной техники и электронных следов. Технический прогресс не стоит на месте и вследствие этого происходит появление все новых информационных технологий, все больше повседневных задач приобретают виртуальный способ их выполнения, все больше личной информации о людях перемещается из реального мира в виртуальный.

Список источников

1. Данилкина В. М. Компьютерная экспертиза при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4(89). С. 33-41.
2. Колычева А.Н. Отдельные аспекты судебной компьютерной экспертизы, назначаемой при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети интернет // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 319-324.
3. Саенко Г.В., Тушканова О. В. Исследование компьютерной информации: типовая экспертная методика // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. Москва, 2010. Ч. 1.
4. По информации СЧ СУ УМВД России по Брянской области, 2021 г.

УДК 34.09

ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БАНКНОТ НА ПОЛИМЕРНЫХ СУБСТРАТАХ И СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ НА ИХ ОСНОВЕ

Бочарова Ольга Станиславовна
Доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, эксперт-криминалист
Российский государственный социальный университет
филиал в г. Минске

В статье представлен анализ полимерных субстратов, элементов, средств и методов защиты в современных банкнотах разных стран. Показаны эволюция полимерных субстратов для изготовления банкнот и возможности оперативного контроля их подлинности и экспертных исследований с использованием новейшего криминалистического обеспечения.

Ключевые слова: полимерные банкноты, защитные признаки банкнот, субстраты для банкнот, специальное оборудование и приборы для судебной экспертизы, контроль подлинности, судебная экспертиза документов.

BANKNOTE PRODUCTION TECHNOLOGIES ON POLYMER SUBSTRATES AND PROTECTIVE EQUIPMENT BASED ON THEM

Bocharova O. S.

The article presents an analysis of polymer substrates, elements, means and methods of pro tection in modern banknotes of different countries. The evolution of polymer substrates for the manufacture of banknotes and the possibility of operational control of their authenticity and expert research using the latest forensic software are shown.

Keywords: polymer banknotes, banknot security features, substrates for banknotes, special equipment and devices for forensic examination, authenticity control, forensic examination of documents.

Со времён Древнего Китая и до недавнего времени основным и единственным субстратом банкнот была бумага, но со второй половины века двадцатого началось внедрение полимерных субстратов. Сегодня в качестве основы банкнот используются различные полимерные материалы, которые защищены от подделки, стойки к меха-

© Бочарова О. С., 2022

ническим и химическим повреждениям, а также к различным загрязнениям, что лучше для работы терминалов и банкоматов, имеют в три раза больший срок службы и выпуск более рентабелен. Есть мнение, что полимерные банкноты более экологичны по причине возможности их многократной переработки, более гигиеничны и их практически невозможно подделать.

Каждая страна, принимая решение о выпуске своей валюты на новой основе, анализирует и оценивает риски, связанные с выпуском новых банкнот, вероятности их подделки. В зависимости от номинала банкноты, критериями перехода на полимерный субстрат являются либо её защищенность от подделки, либо износоустойчивость. Для банкнот высоких номиналов большее значение имеет безопасность – использование полимерной основы и новых средств защиты привело к тому, что в Австралии и Новой Зеландии практически исчезло фальшивомонетничество. Для низких же номиналов, как часто заменяемых при обращении, фактором предпочтения полимерного субстрата является более низкая подверженность износу (по сравнению с бумажным в 3-4 раза). Надлежащая защищённость банкнот обеспечивает доверие к национальной валюте, а износоустойчивость позволяет оптимизировать расходы эмитента.

Распространение полимерных банкнот во многих странах мира как в качестве основных платёжных средств (в 11 странах весь банкнотный ряд), так и в качестве дополнительных (в 29 странах часть банкнотного ряда, а в 14 странах только памятные банкноты), влечёт за собой и развитие их средств защиты, средств и методов контроля их подлинности. Отметим и обратный процесс – в 4 странах полимерные банкноты полностью вышли из обращения и были заменены на традиционные бумажные.

К банкнотам традиционно предъявляются высокие требования по защищенности от подделок, в особенности к их «публичным» защитным признакам против фальшивомонетничества. В полимерных банкнотах используют те защитные признаки, которые невозможно воплотить в бумажном варианте, и которые не требуют для идентификации специальных приборов.

Представим современные защитные признаки полимерных банкнот, а также особенности их дизайна и возможности приборного контроля их подлинности как объектов судебно-экспертных исследований.

Все современные полимерные банкноты изготавливаются из двуосно-ориентированного полипропилена (BOPP) различных марок, самые известные из которых Guardian и Safeguard и снабжены средствами защиты от подделок, которые невозможно применить на бумаге. Следует заметить, что термин «полимерные» не вполне корректен, поскольку технически, целлюлоза – основа всех бумажных банкнот, также является полимером. Более точным названием таких банкнот будет «пластиковые», поскольку композиции на основе целлюлозы пластичными сами не являются, в отличие от полипро-

пиленовых. BOPP – это прозрачный многослойный субстрат, не волокнистый, а пористый материал, отличающийся особой гладкостью и отсутствием шероховатостей, был разработан компанией Securency Int. под маркой Guardian®, в отличие от первого полимерного субстрата Tyvek® компании DuPont, который фактически копировал волокнистую структуру бумаги.

В настоящее время субстрат Guardian®, самую сложную банкнотную подложку, изготавливает компания Innovia Security и на нем изготавливаются более 80 номиналов в 31 стране. Основу субстрата Guardian составляет единый лист пленки Clarity® C, которая не подвержена промоканию и загрязнению, её поверхность гладкая и представляет собой идеальную основу для внедрения высокотехнологичных элементов защиты с применением голографии, дифракции и тех технологий, которые не могут быть использованы на бумажной или композитной основе для банкнот. Innovia Security разработала и устройство-валидатор Verus™, которое может установить подлинность самого субстрата.

Другим полимерным материалом стал прозрачной субстрат под маркой Safeguard® (ранее Flexycoin) компании DeLaRue. На субстрате Safeguard® изготавливается уже более 20 номиналов в разных странах мира.

Гознаком России разработан новый полимерный субстрат с уникальным защитным комплексом для банкнот низких номиналов (основа также BOPP), который стал третьим полимерным субстратом в мировой практике после Guardian от CCL и Safeguard от De La Rue.

К достоинствам банкнот из полимера наряду с повышенной прочностью и устойчивостью отнесем возможность получения уникальных защитных признаков, присущих только полимерной подложке: прозрачное «окно»; полупрозрачное «окно»; теневые изображения (аналог водяного знака бумаги); псевдонити (аналог защитных нитей) с различными защитными свойствами; различные эмбоссированные (тиснёные) изображения, преимущественно в прозрачных окнах; изображения, выполненные различными оптически переменными красками (OVI) в прозрачном окне; изображения, выполненные различными по свойствам красками в прозрачном окне; дифракционные оптические элементы (DOE – Diffractive Optical Element) типа WinDOE® (дифракционный оптический элемент, сформированный в прозрачном окне); различные по сложности исполнения голографические изображения в прозрачном окне; метамерные и поляризационные фильтры и изображения.

При весьма небесспорных преимуществах полимера перед бумагой, остановимся на защитных признаках полимерных субстратов, основанных на различных оптических эффектах и контроле их подлинности.

Теневое изображение (Shadow Image) используется исключительно на банкнотах, изготовленных на полимерной прозрачной подложке. Это как аналог водяного знака на бумажной основе –

локальные изменения прозрачности пластика, которые возникают в процессе нанесения в несколько слоёв специальной непрозрачной белой краски на прозрачный полимерный субстрат BOPP. Теневое изображение классифицируется так же, как и водяные знаки бумаги: в зависимости от расположения на банкноте и в зависимости от числа тоновых градаций. И, как водяной знак бумаги, присутствует практически на всех полимерных банкнотах и считается, что оно надежнее водяного знака и легче читается.

К разновидности теневых изображений отнесем и защитную псевдонить – изображение в виде узкой, тёмной или светлой полупрозрачной полосы, напечатанное на поверхности полимерного субстрата краской черного цвета под одним из слоев белой краски. Этот защитный признак может содержать негативный или позитивный микротекст, используется краска с магнитными или люминесцентными свойствами. Для экспертного исследования различных теневых изображений используются микроскоп с белым и ИК донными осветителями, УФ-осветитель и магнитооптические визуализаторы.

Другим основным защитным признаком полимерных банкнот является прозрачное окно (Clear Window или WinTHRU®), которое невозможно получить и даже имитировать цифровыми методами, что сразу же отсекает продукцию непрофессиональных фальшивомонетчиков (casual counterfeiters). Прозрачное окно представляет собой фрагмент незапечатанного белой краской чистого полимерного субстрата. Разновидностью прозрачного окна является полупрозрачное окно, покрытое слоем краски с одной стороны и не покрытое с другой, которое также создается в процессе изготовления субстрата. Прозрачное окно и само является субстратом, на котором реализуются многие новые защитные элементы, технологически нереализуемые на бумажном субстрате. Компания Securency Int. для субстрата Guardian® разработала около десятка только визуальных защитных признаков, которые реализуются на прозрачном окне. Например, в прозрачном окне используются виньетки WINVU®, которые наносятся способом глубокой растровой печати на полимерный субстрат, сочетаются с полупрозрачным окном и теневым изображением. Помимо традиционной белой краски, стали появляться и надпечатки красками различных цветов – защитный признак MultiCLR®, когда печать рисунков в прозрачном окне с обеих сторон субстрата производится цветными красками в различных комбинациях. Традиционно в прозрачном окне размещают бескрасочное тиснение или тиснение WinBOSS®, представляющее собой бесцветное рельефное изображение, полученное за счет деформации полимера под воздействием давления и нагревания, видимое как в проходящем, так и в отраженном свете. Данный защитный признак является аналогом бескрасочного интаглио в бумажном субстрате, поскольку в нём может быть сформировано и скрытое изображение. Экспертное исследование: микроскоп, белый и ИК косопадающий свет, белый и ИК проходящий свет.

Еще в 1972 году в качестве средства защиты пластиковых денег было предложено оптически изменяющееся устройство (Optically Variable Device, OVD), получаемое с помощью очень точной штамповки (дифракционной решетки) на термопленке. Прозрачное окно, где расположен OVD, позволяет с первого взгляда установить подлинность банкноты. Его невозможно получить и имитировать цифровыми методами, что сразу отсекает фальшивомонетчиков.

Полимерная основа не препятствует нанесению красок с различными оптикопеременными (цветопеременными) свойствами: средства защиты Swing® от Oberthur Fiduciare, G-Switch®, Aurora™, Metalix® от Securency Int. для субстрата Guardian®, Orbital™ от DeLaRue для Safeguard®, и др.

Swing® от Oberthur Fiduciare представляет собой иридисцентную краску со сдвигом цветов: цветовой тон, яркость, насыщенность изображения зависят фона наблюдения и от вида освещения (проходящий или отражённый свет). Элемент защиты состоит из пары изображений, цвет которых меняется в зависимости от вида освещения. Наносится на полимерный субстрат банкноты иридисцентной краской, содержащей жидкие кристаллы. В отражённом свете цвет изображений не меняется под разными углами освещения и наблюдения. В проходящем свете наблюдается эффект сдвига цветов пары изображений: они меняются на противоположные. Также при наблюдении в отражённом свете, но на тёмном фоне, цвета элементов изображения инвертируются, т.е. меняются на противоположные, если сравнивать с теми, которые наблюдались на белом фоне.

Защитный признак GOLDswitch®, где при изменении угла зрения изменяется интенсивность металлического блеска, но не цвет, выполняется краской с металлическими пигментами только в прозрачном окне и в виде отдельного средства защиты в совокупности с бескрасочным тиснением. Является аналогом металлизированной краски на бумажном субстрате.

Краска, содержащая пигменты с высоким показателем преломления, которые зеркально отражают падающий на них свет и создают металлический блеск Metalix®, разработана Innovia Securency Int. для банкнот на полимерном субстрате Guardian®. Краской Metalix® выполнены, как правило, плашечные элементы изображения. Металлический эффект наблюдается в отражённом свете на лицевой и оборотной стороне банкноты при условии равенства углов освещения и наблюдения относительно нормали. Палитра Metalix®: фиолетовый красный, золотой, медный, серебряный, синий, зеленый и оранжево-розовый.

Динамический сдвиг цветов G-Switch® от Securency Int. представляет собой защитный признак в виде изображения, изменяющего цвет при смене угла зрения, и аналогичен цветопеременной краске OVI для банкнот на бумажной основе. Эффект достигается благодаря «слоёной» структуре покрытия и наблюдается при изменении угла зрения. Защитный оптикопеременный элемент с эффектом множественного изменения цветов Aurora™ разработан компанией

Innovia Securency Int. как развитие элемента G-Switch® и формируется в процессе литья субстрата Guardian® на одном из его внутренних слоёв в виде изображения. Комбинация из пары элементов такого изображения имеет сходную интерференционную окраску при одних условиях наблюдения и несходную, резко различающуюся, при других. Пигменты краски, полупрозрачные на просвет, имеют перламутровый блеск в отражённом свете. Эффект скачкообразного сдвига цветов наблюдается как с лицевой, так и с оборотной стороны банкноты, если он расположен на прозрачном окне.

Aurora™ использует оптический эффект, называемый угловым метамеризмом, в котором пара чернил будет выглядеть как один цвет под определенным углом света, а затем совершенно другой цвет под другим углом света.

Экспертное исследование: микроскоп, прямое и косопадающее освещение.

На полимерный субстрат Safeguard® наносят средство защиты Orbital® на основе оптикопеременной краски Spark® фирмы SICPA. Данный защитный признак меняет цвет в зависимости от угла зрения и создаёт ряд динамических эффектов с помощью особого использования магнитов для организации частиц краски. При рассмотрении под разными углами зрения создается впечатление трехмерного кругового движения: яркий круг свободно плавает под поверхностью, перемещаясь вокруг центральной точки изображения. В банкнотах на полимерной основе применяется и эффект цветового контраста глубокой печати ICE (Intaglio Contrast Effect) – защитный элемент, который выполняется путем нанесения изображения методом глубокой металлографской печати поверх металлизированного покрытия заданной формы специально разработанными красками. Элемент обладает оптически переменным цветовым эффектом: цвета глубокой печати проявляются контрастнее, если смотреть на изображение под большим углом наклона к поверхности банкноты.

На полимерных банкнотах применяются защитные голограммы и кинеграммы (OVD, DOVD/DOVID), а также оптически изменяющиеся элементы (DOE – Diffractive Optical Element). Поверхность полимерной банкноты, в отличие от бумаги, не имеет шероховатостей и волокон, поэтому DOVID и DOE не повторяют профиль бумаги. Одним из таких средств является WinDOE® от Innovia Securency, в котором прозрачное окно используется как основа для нанесения голографического изображения, выявляемого в проходящем свете. Достоинством защитного элемента является то, что он эффективно работает при слабой освещённости – на тёмном фоне контрастно проявляется дифракционная картина. Средство защиты WinDOE® успешно применено на 15 банкнотаъ в 5 странах. Эволюцией WinDOE® является Eclipse®, который имеет улучшенную яркость, чёткость и существенно увеличенный размер скрытого изображения. Eclipse® представляет метод аутентификации, который заключается в просмотре его к удалённому точечному источнику света: прозрачное

окно превращается в узнаваемый образ с помощью дифракции света. Другая разновидность – это прозрачное окно с поляризационным покрытием, позволяющим визуализировать скрытое радужное изображение. Эффект наблюдается на просвет, при помещении банкноты перед точечным источником света (фонарик, светодиод). При прохождении лучей через элемент на прозрачном окне наблюдается определённое изображение. Уникальность элемента в том, что он лучше наблюдается в ночное время или в условиях недостаточного освещения.

Последней разработкой Securency Int. для субстрата Guardian® является комплексное средство защиты Latitude™: дифракционная структура (двустороннее голографическое изображение) встроена внутрь прозрачного окна полимерного субстрата и покрыта серебряными наночастицами. Всю структуру от повреждений покрывает слой лака. На небольшом ярлычке из фольги (40x50 мм, радиус круга – 10 мм), являющемся и голограммой, и кинеграммой одновременно, выполнен сразу целый ряд защитных эффектов: микротекст, микрофото, скрытое лазерное изображение, трехмерный эффект, микролинии, иридисцентное изображение, разделяющиеся и переходящие изображения.

Новым элементом защиты полимерных банкнот стал и TrueImage™ – трехмерное голографическое изображение с эффектами анимации от DLR. Все голографические изображения исследуются при помощи микроскопа и специальных приборов для визуализации голограмм.

Полимерная основа обеспечила возможность создания «банкноты с самопроверкой», которая заключается в размещении в определённых местах банкноты простых технологических средств контроля и осуществлении проверки на ней же отдельных защитных признаков. В качестве примера приведём создание в прозрачном окне полимерной банкноты увеличительной линзы для увеличения и чтения микропечати посредством сгибания банкноты и помещения линзы над микротекстом.

Прозрачное окно может также иметь определённые оптические свойства: служить цветным фильтром для выявления свойства метамерии красок (метамерный экран) или быть поляризационном фильтром для идентификации свойств жидкокристаллических пигментов красок. Банкнота также может содержать два поляризуемых прозрачных окна, которые, будучи совмещенными, затемнят или пропустят проходящий свет в зависимости от угла визирования «окон». Кроме того, муаровые экраны, нанесенные в прозрачном окне, могут быть использованы для визуализации скрытых печатных признаков.

Все публичные защитные признаки банкнот на полимерных субстратах, представляют собой видимые невооруженным глазом признаки, что является несомненным преимуществом перед бумажными аналогами.

Итак, современные банкноты выпускаются на различных субстратах. В первую очередь это бумага и полимеры. Особенности

подложки, безусловно, отразились на внешнем виде банкнот. Целый ряд элементов, используемых на бумаге, не могут быть применены на полимерных банкнотах. Для того чтобы завоевать популярность, полимерным банкнотам тоже потребовалось перенять у бумажных ряд признаков. В полимерных банкнотах нет возможности внедрить волокна, поместить водяной знак или защитную нить, которые стали фактически символами современного защитного комплекса. Поэтому производители полимерных банкнот создали теневые изображения (имитацию) водяного знака и нити, а прозрачное окно стало настолько эффектным элементом дизайна и эффективным средством защиты, что производители бумаги для банкнот предприняли все усилия, чтобы воспроизвести этот элемент на бумажных банкнотах. Какими бы ни были сложными по дизайну, теневые изображения не дают того уровня защиты, как водяной знак или защитная нить, однако они обеспечивают полимерным банкнотам привычный «банкнотный» вид.

Таким образом, наблюдается конвергенция защитных признаков, используемых на бумажных и полимерных банкнотах.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ IP-ТЕЛЕФОНИИ И ПРОГРАММ ПОДМЕНЫ НОМЕРОВ

Гайдин Александр Иванович
Начальник кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Воронежский институт МВД России

В статье рассматриваются проблемы организации и осуществления расследования хищений, совершенных с использованием IP-телефонии и программ подмены номеров.

Ключевые слова: расследование преступлений, IP-телефония, программы подмены номеров, кража, мошенничество, «Деанонимизация», «Финансы».

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF INVESTIGATION IN CRIMINAL CASES OF CRIMES COMMITTED USING IP TELEPHONY AND NUMBER SUBSTITUTION PROGRAMS

Gaidin A. I.

The article deals with the problems of organizing and conducting an investigation of thefts committed using IP telephony and number substitution programs.

Keywords: crime investigation, IP telephony, number substitution programs, theft, fraud, "Deanonymization",

Использование IP-телефонии и программ подмены номеров при совершении преступлений направлено на введение в заблуждение лица, который получает звонок, с целью убедить его в том, что зво-

© Гайдин А. И., 2022

нит доверенный субъект (родственник, знакомый, представитель банка, клиент компании, сотрудник правоохранительных и т.п.). Немаловажную роль используемые технологии играют и в сокрытии преступления, обеспечивая анонимность звонящему, что значительно затрудняет раскрытие преступления[7, с. 136-139]. Существующая практика расследования преступлений, совершенных с использованием IP-телефонии и программ подмены номеров, указывает на преобладание хищений в общей массе такого рода деяний.

Пример. Иванов М.В. совершил кражи с банковских счетов при следующих обстоятельствах. Находясь дома при помощи информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на сайте «Авито.ру» подобрал объявление о продаже мебельной стенки, размещенное потерпевшим А. Иванов М.В. умышленно используя возможности звонка через оператора SIP-телефонии под видом покупателя осуществил звонок на указанный в объявлении абонентский номер. Под предлогом перевода денежных средств на счет банковской карты А. в качестве оплаты за приобретаемую у последнего мебельной стенки, убедил и дезинформировал потерпевшего сообщить ему конфиденциальную информацию по банковской карте ПАО «Сбербанк России». А. будучи введенным в заблуждение относительно истинности преступных намерений последнего, сообщил преступнику номер своей банковской карты, срок ее действия, код безопасности и пароли, полученные сообщениями SMS, необходимые для подтверждения проводимых переводов Ивановым. Это позволило злоумышленнику тайно похитить у потерпевшего 12500 рублей. Приговором Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики Иванов М.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч.3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Анализ следственной и судебной практики указывают на распространение двух форм хищений, совершаемых с использованием IP-телефонии и программ подмены номеров: кража, предусмотренная п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ и мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ.

Для разграничения смежных составов необходимо руководствоваться указаниями в Постановлении Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении, растрате». В частности, учитывать разъяснение, что «не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать как кражу. В случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца,

данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража» [2].

Расследование преступлений, совершенных с использованием с IP-телефонии и программ подмены номеров, должно осуществляться с учетом методических рекомендаций по уголовным делам о хищениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и с использованием средств сотовой связи. Особенности расследования таких преступлений обусловлены спецификой установления подозреваемых ввиду применения ими соответствующих методов сокрытия преступления.

В наиболее часто встречающихся в практике ситуациях неочевидного хищения, поводом для возбуждения уголовных дел является заявление потерпевшего о совершении противоправного списания денежных средств с обслуживаемого расчётного счета[6, с. 67-70].

Получив от потерпевшего заявление о факте незаконного списания денежных средств со счета, орган дознания (оперативное подразделение), прежде всего, должен правильно оценить сложившуюся ситуацию с целью организации исполнения необходимых проверочных мероприятий. Их перечень и, соответственно, особенности тактики проведения зависят от показаний заявителя относительно причин оспариваемого платежа. Если при опросе лицо указывает, что ему неизвестно при каких обстоятельствах произошло списание денежных средств, то уместен следующий перечень мероприятий по установлению обстоятельств для решения вопросов о возбуждении уголовного дела:

– получение объяснений у всех лиц, имеющих отношение к проверяемому факту (заявителя; потерпевшего; заподозренного; очевидцев; сотрудников кредитных организаций и банков; представителей Интернет-провайдера);

– истребование и (или) изъятие документов и предметов (выписок о движении денежных средств; документов, подтверждающих операции по списанию и перечислению денежных средств; выписок из ЕГРЮЛ; сведений от провайдера о владельце IP-адреса; изъятие предметов, относящихся к обстоятельствам дела и (или) имеющих следы преступления (IP-систем, смартфонов, планшетов и др.);

– производство необходимых исследований и (или) судебных экспертиз (судебно-компьютерных, судебно-бухгалтерских, почерковедческих и иных экспертиз);

– проведение оперативно-розыскных мероприятий;

– проведение осмотра места происшествия (осмотр компьютерной техники с установленной системой дистанционного банковского обслуживания, осмотр банкоматов, квартир, помещений организаций и предприятий);

– проверка по оперативно-справочным и криминалистическим учётам;

– проведение осмотра документов и предметов (банковских карт, компьютерной техники, программного обеспечения и пр.);

– направление запросов в соответствующие кредитные и иные коммерческие организации;

– получение образцов для сравнительного исследования.

Пример. На территории Воронежской области доследственная проверка по заявлениям о хищении денежных средств со счетов граждан поручается дознавателям либо следователям. В рамках процессуальных действий они получают всю необходимую информацию в банках и сотовых компаниях без проведения ОРМ. Срок исполнения запросов следователем (дознавателем) устанавливается не более 5-7 дней и к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела в материале уже имеются все ответы.

При рассмотрении ходатайств органов дознания и следствия о получении разрешений на производство отдельных следственных действий до возбуждения уголовного дела, т.е. по материалу, зарегистрированному в КУСП, следует исходить из того, что в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для уравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в её производстве и получать заключение эксперта, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий исследований документов. предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий [3].

Особое значение для раскрытия и расследования хищений, совершаемых с использованием IP-телефонии и программ подмены номеров, имеет федеральный учет «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф». Данный ресурс позволяет накапливать и использовать в расследовании сведения о местах совершения преступлений; абонентских номерах телефонов IMEI-кодах; государственных регистрационных знаках автомашин; номерах расчетных счетов потерпевших и счетов, которые использовали преступники для перевода средств; способах совершения хищений; адресах интернет-сайтов и интернет-площадок, номерах виртуальных кошельков, ИНН/ОРГН.

Объяснения должны содержать в себе подробное описание механизма совершенного преступления, с указанием способа осуществления коммуникации между заявителем и преступником.

Также необходимо выяснить сведения о работе компьютерной техники, использовавшейся для работы в системе дистанционного банковского обслуживания. При опросе заявителя необходимо выяснить следующие вопросы: в какой период времени, и с какого абонентского номера был осуществлен телефонный звонок; номер

своего сотового телефона; на кого зарегистрирован номер; что (по возможности) дословно говорили звонившие; как они представлялись; называли ли они имена родственников или знакомых пострадавшего; выяснял ли звонивший материальное положение заявителя, уточнял ли сумму, которую тот может заплатить; кто указал способ перевода денег; как обосновали звонившие необходимость сообщения им данных платежной карты; получал ли SMS-сообщения; сколько раз звонили, торопили ли с ответом, оказывали ли психологическое воздействие, угрожали ли чем-либо; какую сумму денег перевел пострадавший?

После возбуждения уголовного дела при планировании расследования необходимо организовать работу по раскрытию преступления [5, с. 495].

Особое значение в расследовании рассматриваемых преступлений играет реализация тактических операций, направленных на определение субъектов преступной деятельности путем установления обстоятельств относящихся к осуществлению электронных платежей и обстоятельств коммуникации преступников с жертвой преступления и между собой. Планирование и реализация первой тактической операции (назовем ее условно «Финансы») позволяет установить участников электронных платежей, имеющих отношение к преступной деятельности.

Мы исходим из того, что в механизме каждого преступления, совершаемого в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, присутствуют действия, связанные с осуществлением платежей и иных транзакций с использованием электронных платежных систем.

В общей массе электронных платежей необходимо выделять транзакции, направленные на приобретение криптовалют, их «микширование» (смешивание в целях сокрытия источников поступления) и продажу. В русскоязычном домене сети Интернет представлено более 400 интернет-площадок по обмену криптовалют на их рублевый эквивалент, которые находятся вне поля правового регулирования. Использование криптовалют во взаиморасчетах, в совокупности с применением методов подмены номеров негативно сказывается на деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений и ограничивает их возможности по использованию в процессе доказывания информации о финансовых операциях (включая наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т. п.) лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать об их причастности к криминальной деятельности [4].

Вторая тактическая операция (назовем ее условно «Деанонимизация») представляет собой совокупность следственных действий, оперативно-розыскных и технических мероприятий, которые направлены на установление оборудования и лиц, которые его ис-

пользовали при удаленном соединении с потерпевшим для осуществления вербальной или текстовой коммуникации. Проводимые мероприятия направлены на обнаружение, прежде всего, виртуальных следов, оставшихся на ресурсах сети Интернет, которые были целенаправленно задействованы в технологии IP-телефонии (например, прокси-серверы, VPN-серверы и т.п.) и на которых, независимо от воли заинтересованной стороны, виртуальные следы сохранились с учетом особенностей технологии сетевого соединения (например, провайдер сети, оператор связи и т.п.).

Планирование и реализация тактических операций «Финансы» и «Деанонимизация» рассматриваются нами как неотъемлемая составляющая всей деятельности по расследованию преступления. Это обеспечивает неразрывную связь всех этапов методики расследования и максимально оптимизирует деятельность, что обусловлено рядом закономерностей познавательной деятельности. Истребование информации у различных субъектов, ее получение, анализ, использование в доказывании, особенно в ситуациях последовательного восстановления маршрута прохождения сигнала при соединении абонентов и абонентских устройств и восстановлении цепочки транзакций денежных средств представляет собой достаточно трудоемкий и затратный по времени процесс. Поэтому планирование и реализация тактических операций «Финансы» и «Деанонимизация» должны начинаться как можно раньше и осуществляться во взаимодействии с сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел, осуществляющих сопровождение расследования.

Список источников

1. Приговор по уголовному делу № 1-283/2020 // Арх. Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики. URL: http://www.sudact.ru. (дата обращения: 21.12.2021).

2. Постановление Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении, растрате» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/(дата обращения: 18.12.2021).

3. Зарубина Е.Н., Ивлиева Н.В. О проблемах взаимодействия подразделений уголовного розыска и коммерческих организаций при расследовании хищений денежных средств с банковских счетов граждан, совершенных с помощью телекоммуникационных технологий // Полиция России. 2021. № 1. С. 40-43.

4. Гаврилин Ю.В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. №4 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-tsifrovoy-transformatsii-narkoprestunosti-po-itogam-vserossiyskogo-onlayn-seminara (дата обращения: 11.10.2021).

5.Маркелов А.Г. Компромисс между государством и личностью при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 495.

6. Данилов А.В. К вопросу о деятельности органа дознания по выполнению неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым про-

изводство предварительного следствия обязательно / А.В. Данилов, А.Г. Маркелов // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 4 (10). С. 67-70.
7. Маркелов А.Г. Особенности проведения отдельных следственных действий с использованием инновационных технологий по уголовным делам в сфере экономики / А.Г. Маркелов, М.А. Нефедов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №1(29). С. 136-139.

УДК 343.98

РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР

Гончаров Дмитрий Константинович
Старший оперуполномоченный
Отдел экономической безопасности и противодействия коррупции Управления МВД России по г. Керчи

В статье рассмотрены некоторые существующие проблемы экспертно-криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере незаконной организации и проведения азартных игр. Рассмотрен процесс взаимодействия следователя и специалиста в области компьютерных технологий при проведении осмотра места происшествия. Обращено внимание на специфику получения и исследования следов преступлений данной категории. Предложены некоторые рекомендации при расследовании фактов незаконной организации и проведения азартны игр.

Ключевые слова: азартные игры, расследование, специалист в области компьютерных технологий, экспертно-криминалистическое обеспечение, изъятие игорного оборудования, судебная компьютерно-техническая экспертиза.

THE ROLE OF COMPUTER FORENSICS IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING

Goncharov D. K.

The article discusses some existing problems of forensic support for the investigation of crimes in the field of illegal organization and conduct of gambling. The process of interaction between an investigator and a specialist in the field of computer technology during the inspection of the scene is considered. Attention is drawn to the specifics of obtaining and investigating traces of crimes of this category. Some recommendations are offered when investigating the facts of illegal organization and conduct of gambling.

Keywords: gambling, investigation, specialist in the field of computer technology, forensic support, seizure of gambling equipment, forensic computer and technical expertise.

Незаконная деятельность по организации и проведению азартных игр оказывает весьма негативное влияние на экономические отношения и генерирует развитие криминальной среды в нашей стране. Правительством разработан ряд действенных мер, направленных на борьбу с данным негативным явлением. Так, Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и

© Гончаров Д. К., 2022

о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» установлены определенные ограничения на проведение азартных игр на территории Российской Федерации. Согласно положениям ст. 171.2 УК РФ запрещена организация и (или) проведение игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны либо с использованием информационно- телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет, средств связи, в т.ч. подвижной, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, сопряженное с извлечением дохода в крупном и особо крупном размере, либо совершенные организованной группой [12].

Однако, невзирая на суровые меры ответственности, предусмотренные за нарушение действующих правовых норм в сфере организации и проведения азартных игр, возможность получения значительного дохода при минимальных вложениях на приобретение и установку игрового оборудования привлекает огромное количество желающих заработать на зависимых от азарта игроках.

С целью обхода действующего законодательства, организаторы незаконных азартных игр, в ряде случаев не без участия коррумпированных чиновников и правоохранителей [2, с. 104], разрабатывают и используют различные схемы придания фактически проводимым азартным играм видимость разрешенной деятельности по продаже лотерейных билетов или предоставления услуг доступа в сеть Интернет.

Следует отметить, что успех расследуемых уголовных дел данной категории и направления их в суд, в первую очередь, зависит от качества и полноты собранных материалов на этапе документирования преступной деятельности в рамках Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [13], а также на первоначальном этапе расследования в соответствии с положениями Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации [11].

Анализируя данные судебной статистики Российской Федерации, можем наблюдать картину снижения количества лиц, которые были осуждены по ст. 171.2 УК РФ за период с 2018 по 2020 гг. Так, в 2018 году на территории РФ по указанной статье осуждено 1306 человек, в 2019 году- 1067 человек, 2020 году – 762 человека [10]. С одной стороны, данная статистика свидетельствует о положительной динамике профилактики преступлений в сфере незаконной игорной деятельности. Однако, если рассматривать данную категорию сквозь призму правоохранительной деятельности, то можно предположить, что к снижению количества выявленных преступлений приводит, недостаточно эффективная работа сотрудников правоохранительных органов по выявлению и документированию незаконной организации и проведения азартных игр, а также некачественное расследование уголовных дел.

Организовать и проводить азартные игры в одиночку практически невозможно, так как современный подход к подобного рода

деятельности исключает совмещение всех действий по подбору помещения, поиску и приобретению оборудования, установке и настройке необходимых программ, осуществлению технической поддержки игрового оборудования, поиску игроков, обеспечению безопасности проникновения нежелательных лиц в игровые помещения, обеспечению бесперебойного процесса наблюдения как снаружи, так и внутри игрового зала, в одном лице, так как каждая из указанных ролей требует каких-либо навыков, овладение которыми а одиночку довольно проблематично. В связи с чем, зачастую, преступления подобного рода могут быть охарактеризованы наличием организованности, отражающей особенность субъекта преступления [2, с. 74].

Использование современных технических возможностей позволяет преступникам эффективно руководить действиями соучастников и снижать вероятность быть изобличенными. Так, к примеру, в преступных сообществах, организованных в бескрайней сети Интернет, одни участники могут не знать и не встречаться друг с другом в повседневной жизни, что, безусловно, снижает риск быть разоблаченными [3, с. 299]. В то же время использование цифровых каналов связи позволяет им эффективно осуществлять совместные действия для достижения общей цели.

Экспертное исследование игорного оборудования как средства совершения преступления имеет немаловажную роль при решении вопроса о способах организации и проведения азартных игр [8].

При расследовании преступлений в сфере незаконной организации и проведения азартных игр, следователем проводится осмотр игорного оборудования с участием специалиста в области компьютерных технологий, а также назначает судебные компьютерные экспертизы, с целью обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов [1, с. 190].

Получение сведений о проводимых азартных играх на игровых автоматах, имеющих специальные электронные носители, осуществляется проведением осмотра следователем с участием специалиста, а также экспертным путем в специализированных экспертных учреждениях.

Эксперты при проведении компьютерно-технической экспертизы могут ответить на вопросы исправности представленного в их распоряжение игорного оборудования, о наличии установленных программ и приложений, возможного выхода в сеть Интернет при помощи таких программ. Однако, при этом вопросы о принадлежности таких программ к игровым, в большинстве случаев остаются без ответа. Проведение качественного осмотра с участием специалиста в области компьютерных технологий может решить подобного рода задачи. Практике известны случаи, когда уголовные дела по ст. 171.2 УК РФ направляются в суд без проведения экспертизы. Например, при расследовании уголовного дела в отношении группы лиц, которые осуществляли проведение азартных игр на территории г. Керчи Республики Крым, в ходе осмотра места происшествия с участием

специалиста были осмотрены страницы сайта в сети Интернет, на которые с помощью компьютера администратора осуществлялся выход и подключение к серверу для проведения азартных игр [5]. Указанный протокол осмотра и лег в основу обвинения как одного из доказательств незаконной организации и проведения азартных игр.

Так как компьютерно-технические экспертизы проводятся, как правило, в кабинете эксперта, для предоставления игорного оборудования эксперту необходимо его отключить от той сети, в которой оно работало, изъять в установленном порядке, упаковать надлежащим образом, и доставить в экспертное учреждение для последующего проведения той или иной экспертизы. Соответственно, при отключении такого оборудования и перевозке, оно может быть нарушено как физически, так и появляется вероятность утери определенных данных, которые могут лечь в основу проводимой экспертизы. Кроме того, на изъятом игорном оборудовании могут быть установлены средства защиты к доступу информации и запуску приложений в виде определенного рода паролей. Кроме того, некоторые статистические данные могут быть уничтожены удаленно. В связи с изложенным, при подключении экспертом данного оборудования к сети в стационарных условиях некоторые приложения и вовсе могут не запуститься, что отразится на качестве делаемых выводов.

Поэтому, заключение эксперта не в каждом случае будет отражать всю картину проходивших игровых процессов на оборудовании в момент его эксплуатации непосредственно в помещении игрового зала. В момент изъятия такого оборудования необходимо проводить особо качественный осмотр с описанием каждого действия и подробного отражения происходящих процессов, которые может определить и зафиксировать специалист в области высоких информационных технологий. Заключение эксперта может дублировать полученные сведения при проведении осмотра в месте проведения азартных игр, однако, может и не отразить всего комплекса происходивших процессов, когда это оборудование было подключено к локальной либо телекоммуникационной сети.

В практике расследования преступлений в сфере незаконной организации и проведения азартных игр встречались случаи противодействия организаторов и иных участников преступной группы, выражавшиеся в принятии мер к умышленному повреждению содержимого памяти жестких дисков игрового оборудования, установленных на системных блоках персональных компьютеров, в случае появления сотрудников правоохранительных органов в игорном заведении. В такой ситуации, с целью попытки восстановления потерянных данных необходимым будет изъятие такого оборудования для последующего проведения компьютерно-технической экспертизы. Зачастую экспертам удается восстановить электронно-цифровые следы на электронных носителях информации [9, с. 231].

С целью обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов, во время проведения осмотра с участием специалиста [9, с. 231]

и применением видеосъемки, целесообразно зафиксировать в протоколе осмотра, с помощью какой компьютерной техники осуществляется доступ в сеть, записать адреса, подлежащие осмотру сайта в сети Интернет, отразить в протоколе информацию, отображенную на экране, сделать копию изображения экрана. Как правило специалист осуществляет сохранение изображения экрана на носитель информации, который прикладывается к протоколу осмотра, после чего производит словесное описание осматриваемой интернет-страницы, что также фиксируется в протоколе осмотра с приведением дословного содержания отображаемой информации [8].

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий, средств связи и компьютеризации приводит к тому, что в настоящее время наибольшее распространение получили организация и проведение азартных игр с использованием персональных компьютеров, подключенных к телекоммуникационной сети, в том числе, с возможностью выхода в Интернет [14]. Поэтому наиболее ценная информация, доказывающая незаконное проведение азартных игр, будет получена при исследовании данных телекоммуникационных сетей, при помощи которых производился процесс игры. Исследование данных, хранящихся на носителях информации персональных компьютеров также имеют немаловажное значение в доказывании, однако зачастую уходят на второй план.

Однако, практические работники правоохранительных органов сталкиваются с проблемой, получения сведения о местонахождении сервера, на платформе которого осуществлялось проведение азартных игр в том или ином игорном заведении. Как правило, организаторы незаконных азартных игр, с целью попытки скрытия информации о фактически проводимых играх, приобретают пакеты доступа к определенным серверам, на которые загружены игровые приложения, позволяющие играть удаленно. В большинстве случаев при проникновении сотрудников правоохранительных органов в игровой зал с целью пресечения преступной деятельности, оператор, администратор либо сам организатор производят моментальное отключение игрового оборудования от сети питания, что, соответственно, приводит к прерыванию игрового процесса, так как связь с удаленным сервером теряется. Это в последствии может привести к потере важных данных и исключает возможность эксперту при проведении компьютерно-технической экспертизы идентифицировать установленные приложения и признать их исправными и предназначенными для проведения азартных игр с целью получения выигрыша.

На стадии сбора доказательств путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, необходимо принимать меры к установлению местонахождения удаленных серверов, посредством которых осуществляется проведение азартных игр. Далее, полученные результаты необходимо приобщить к материалам дела и в случае необходимости направить эксперту для проведения судебной компьютерно-технической экспертизы.

В данном случае на помощь приходит проведение компьютерных экспертиз частными экспертными учреждениями, которые, в отличие от экспертно-криминалистических центров системы МВД и Следственного комитета, способны проводить экспертизы по видеоматериалам, собранным в ходе оперативно-розыскной деятельности, рассекреченным в установленном порядке и предоставленным следователю. Как правило, эксперту ставятся следующие вопросы: исправны ли объекты, представленные в видеоматериалах; имеются ли на предоставленных видеофрагментах отображения программ для организации и проведения азартных игр; являются ли программы на предоставленных видеофрагментах игровыми; имеет ли предоставленное на видеофрагментах программное обеспечение какое-либо отношение к букмекерским программам, программному обеспечению торгов, расчетно-платежным системам, вексельным, опционным, фьючерсным и иным финансово-экономическим программам.

Исходя из практики назначения и проведения подобного рода судебных компьютерных экспертиз, зачастую организаторами игорных заведений для проведения азартных игр используются программы «Слоты» с выплатой вознаграждения по результатам игры. В случае получения вывода эксперта о том, что программы, отображенные в видеоматериалах, представленных на экспертизу, являются игровыми и предназначены для организации азартных игр с выплатой вознаграждения по результатам игры и не имеют при этом отношения к букмекерским программам, программному обеспечению торгов, расчетно-платежным системам, вексельным, опционным, фьючерсным и иным финансово-экономическим программам, данное экспертное заключение приобщается к материалам уголовного дела и ложится в основу обвинения.

Примером может служить уголовное дело, рассматриваемое в Ленинском районном суде г. Севастополя по обвинению группы лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 171.2, ч. 2 ст. 210 УК РФ, в основу обвинения которого легло заключение эксперта о проведении компьютерно-технической экспертизы видеоматериалов, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий при документировании членов преступного сообщества, одновременно проводивших азартные игры в двух помещениях на территории г. Керчи Республики Крым и четырех помещениях на территории г. Севастополя. В настоящее время в состав группы входит пять обвиняемых лиц, которые выполняли различные роли в организованном преступном сообществе [6].

Также, в качестве примера можно рассмотреть материалы уголовного дела по обвинению группы лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 171.2, ч. 2 ст. 210 УК РФ, которые, войдя в состав преступного сообщества, организовали и проводили азартные игры на территории г. Керчи и г. Ялты Республики Крым. На стадии документирования преступной деятельности фигурантов были получены видеофайлы с записью процесса азартных игр, проводимых фи-

гурантами в открытых ими незаконных игорных заведениях. На основании полученных видеоматериалов были проведены компьютерные экспертизы, по результатам которых программы, отображенные в них, признаны игровыми и предназначенными для организации азартных игр с выплатой вознаграждения по результатам игры [7].

Как упоминалось выше, в случае невозможности проведения осмотра игрового оборудования, подключенного к сети Интернет во время проведения азартных игр по тем или иным причинам (например, при экстренном отключении рубильника питания либо сети Интернет работником игорного заведения), необходимо на этапе документирования преступной деятельности фигурантов, необходимо зафиксировать процесс проведения азартных игры путем проведения ОРМ, рассекретить полученную информацию и предоставить в следственный орган.

При проведении судебной компьютерной экспертизы полученных видеофайлов в ходе проведения ОРМ, эксперт может визуализировать полученные видеоматериалы и идентифицировать интерфейс программ и сделать вывод о пригодности используемых программам, для организации азартных игр с выплатой вознаграждения по результатам игры используемыми для проведения азартных игр.

Таким образом, подводя итоги данной статьи, можем сделать вывод о том, что в стремительно развивающейся электронно-цифровой среде организаторы незаконной игорной деятельности находят способы уклонения от уголовной ответственности, используя возможности телекоммуникационных сетей, пробелов в законодательстве и отсутствие у подавляющего большинства правоохранителей навыков выявления и раскрытия незаконной организации и проведения азартных игр. Немаловажную роль в документировании преступлений данной категории имеет привлечение грамотных специалистов в области компьютерных технологий, а также своевременное обнаружение и фиксация электронно-цифровых следов и проведение качественных судебных компьютерных и компьютерно-технических экспертиз, а также слаженная работа оперативных сотрудников и сотрудников следственных органов, осуществляющих выявление, раскрытие и расследование данного рода преступлений.

Список источников

1. Дяблова Ю.Л., Тишутина И.В. К вопросу о роли специалиста в выявлении и преодолении противодействия расследованию организованной преступной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С.190.

2. Казбеков А.Ш. Теневые процессы в сфере игорного бизнеса // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11. С. 104.

3. Лимарь А.С. К вопросу о совершенствовании мер предупреждения незаконных организации и проведения азартных игр // Уголовная ответственность и наказание. Мат. Всерос. научн.- практ. конф. Под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань. 2017. С. 299.

4. Лихолетов А.А. Незаконные организация и проведение азартных игр, совершённые организованной группой: проблемы квалификации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 74.

5. Официальный сайт Керченского городского суда Республики Крым. URL: https://kerch--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&num ber=76831253&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 14.01.2022).

6. Официальный сайт Ленинского районного суда г. Севастополя. URL: https://leninskiy--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r&vnkod=92RS0003&srv_num=1&delo_id=1540006&delo_table=u1_case&case_type=0&u1_case__JUDICIAL_UIDSS=91RS0012-01-2020-005675-15 (дата обращения 15.01.2022).

7. Официальный сайт Ялтинского городского суда URL: https://yalta--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=746788&delo_id=1540006&new=0&text_number=1(дата обращения 17.01.2022).

8. Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 26 с.

9. Тишутина И.В. Цифровые следы в преодолении противодействия расследованию преступлений в сфере экономической деятельности // Цифровой след как объект судебной экспертизы. Мат. Междунар. науч-практ. конф. Москва: МГЮУ имени О. Е. Кутафина. 2020. С. 231.

10. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ: URL: http://stat.xn---7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения 13.01.2022.)

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_34481/(дата обращения 10.01.2022.)

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (дата обращения 10.01.2022.)

13. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.(дата обращения 11.01.2022.)

14. Черняев С.В. Исследование технологии организации азартных игр в сети Интернет // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2010. № 12. С. 255-260.

УДК 34

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДИСЦИПЛИН НА ПРИМЕРЕ ФОНДОВОЙ ЛЕКЦИИ «МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И БИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ»

Горбулинская Ирина Николаевна
Доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследования, кандидат юридических наук, доцент Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

Трущенков Игорь Владимирович
Старший преподаватель кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследования, кандидат юридических наук Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

На современном тапе развития общества методы и инструменты обучения претерпевают существенные изменения под влиянием новейших цифровых разработок. Одним из перспективных направлений является применение технологий дополненной реальности (AR) в образовательном процессе.

Ключевые слова: дополненная реальность, виртуальная реальность, образование, инновации

THE USE OF AUGMENTED REALITY ELEMENTS IN THE DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL MATERIALS DISCIPLINES ON THE EXAMPLE OF A STOCK LECTURE "MEDICAL-FORENSIC AND BIOLOGICAL RESEARCH METHODS IN FORENSIC EXAMINATION"

Gorbulinskaya I.N., Trushchenkov I.V.

At the modern stage of development of society, teaching methods and tools are undergoing significant changes under the influence of digitalization. One of the promising areas is the use of augmented reality (AR) technologies in the educational process.

Keywords: augmented reality, virtual reality, education, innovation

Дополненная реальность (augmented reality, AR) – это среда, в реальном времени дополняющая физический мир, каким мы его видим, цифровыми данными с помощью различных устройств (планшетов, смартфонов и др.) и определенного программного обеспечения. В отличие от виртуальной реальности (virtual reality) дополненная реальность лишь добавляет отдельные элементы в уже существующий мир. Виртуальная реальность искусственно создает целый мир заново [1].

Технологии дополненной реальности показали свою эффективность и применяются в военных целях, логистике, авиационной и автомобильной промышленности, машиностроении, туризме, прессе, музейном деле, торговле, бизнесе и других отраслях.

© Горбулинская И. Н., Трущенков И. В., 2022

Хотим продемонстрировать как можно использовать данную технологию дополненной реальности в образовательном процессе и какие преимущества это дает преподавателям и обучающимся.

Покажем это на примере фондовой лекции «Медико-криминалистические и биологические методы исследования объектов судебной экспертизы» по дисциплине «Естественнонаучные методы судебно-экспертных исследований».

Данная лекция – это полноценное пособие с теорией и практикой. Теория в виде текста с картинками помогает получать необходимые по теме знания, а элементы дополненной реальности позволяют освоить прочитанное и проверить правильность усвоения материала в формате «смотри и повторяй».

Использование элементов дополненной реальности способствует повышению информативности лекции и улучшает качество усвоения излагаемого материала.

Для просмотра интерактивной лекции в дополненной реальности необходимо установить на мобильный телефон или планшет бесплатную программу дополненной реальности, например «ARGIN» (доступно в App Store для iPhone и Play Market для Android). Также, к каждому подготовленном сюжету прикрепляются соответствующие маркеры и размещаются в учебно-методическом материале.

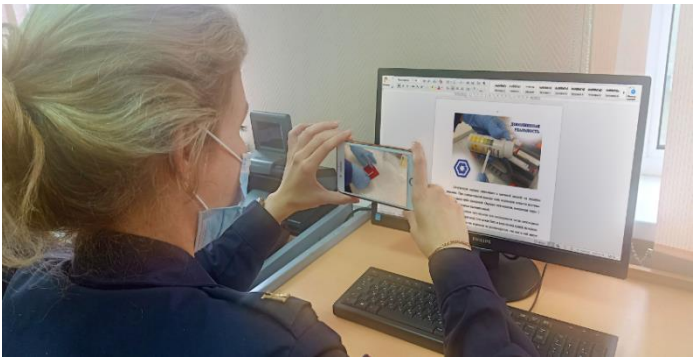
После наведения на «маркер» с картинкой камеры мобильного телефона или планшета на его экране начинает воспроизводиться видео сюжет соответствующего содержания.

В лекцию включено 9 «маркеров» дополненной реальности с видеосюжетами (Изображение 1).

Изображение 1. Видеосюжеты, включенные в лекцию с маркерами дополненной реальности

Каждый из видеосюжетов, включенных в содержание изучаемой лекции, наглядно демонстрирует методы и приемы работы со следами биологического происхождения при их обнаружении, фиксации и изъятии. Это позволяет улучшить восприятие и запоминание информации курсантами и слушателями. Причем, все ролики нами были засняты самостоятельно.

Удобство использование данного формата изучения заключается в том, что просматривать элементы можно как с электронного формата лекции, так и с печатного (Изображение 2).



Изображение 2. Пример воспроизведения элементов дополненной реальности на кране мобильного телефона с изображения на экране компьютера.

Так, изучать материал и просматривать элементы дополненной реальности возможно с электронного формата материала лекции, например, с экрана компьютера. При этом электронная версия может воспроизводиться как с флешки, так и с портала университета в системе автоматизации учебного процесса «Апекс-ВУЗ», куда мы разместили материал.

Также возможно работать и с распечатанным экземпляром лекции, например, с учебником, наведя камеру телефона на соответствующий маркер под картинкой. Причем это может быть как цветное, так и на черно-белое изображение (Изображение 3).

Изображение 3. Пример воспроизведения элементов дополненной реальности на кране мобильного телефона с печатного экземпляра лекции.

Сами Элементы дополненной реальности могут быть как видео сюжетами, так и аудио, графический материал, а также 3-D изображения – которые позволяют рассмотреть предмер со всех сторон всего лишь изменением положения телефона.

Данный формат был опробован при проведении занятий среди курсантов Института судебной экспертизы и слушателей факультета подготовки иностранных специалистов и показал свою эффективность при обучении в дистанционной форме. Особенно в условиях, когда ряд слушателей находились за пределами России и имели возможность участвовать в процессе обучения только в дистанционном режиме. Также, подобный формат подачи лекционного материала важен для самостоятельного изучения, если курсант или слушатель отсутствовал на занятии по какой-либо причине.

Полагаем, рассмотренные технологии дополненной реальности (AR) могут быть использованы в разных сегментах сферы образования.

Потенциал AR для сферы образования только начинает раскрываться, данные технологии, позволяя взаимодействовать с виртуальными и реальными объектами, делает процесс обучения более увлекательным, наглядным и динамичным. Кроме того, интегрированные в образовательный процесс технологии дополненной реальности стимулируют творческое мышление учащихся и развивают навыки решения проблем, а также обеспечивают гибкость обучения [2].

Разработка качественных образовательных AR-материалов – это задача, которая будет стоять на повестке дня в ближайшие годы.

Список источников

1. Wojciechowski R, Cellary W. Evaluation of learners' attitude toward learning in ARIES augmented reality environments. Computers and Education. №68. 2013. P. 570-585

2. Кирьянов А.Е., Йылмаз Р. М., Маслов Д.В., Масюк Н.Н., Воробьев Б.А. Технологии дополненной реальности в сфере образования // Инновации № 5 / 2020 (Режим доступа: https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2020/innovacii-n-5-2020/tehnologii-dopolnennoj-realnosti-v-sfere-obrazovaniya).

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ КОЖНОГО ПОКРОВА ЧЕЛОВЕКА, НЕ ИМЕЮЩЕГО ПАПИЛЛЯРНОГО УЗОРА, В ДОКАЗЫВАНИИ

Гребнева Алла Сергеевна

Доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы, кандидат юридических наук

Московский университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье рассматривается тема повышения эффективности проводимых экспертных исследований при расследовании преступлений путем исследования следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора. Обосновывается необходимость широкого исследования нетрадиционных следов.

© Гребнева А. С., 2022

Ключевые слова: следы кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, комплексный подход, идентификация личности.

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF TRACES OF THE SKIN OF A PERSON WHO DOES NOT HAVE A PAPILLARY PATTERN, IN PROVING

Grebneva A. S.

The article discusses the topic of increasing the effectiveness of expert research conducted in the investigation of crimes by examining traces of the skin have not a papillary pattern. The necessity of a broad study of non-traditional traces is substantiated.

Keywords: traces of the skin of a person who does not have a papillary pattern, an integrated approach, identity identification

Эффективность деятельности органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений во многом определяется степенью применения ими в работе общих и специальных научных технических знаний и умений.

Особенно востребованными такие знания и умения являются для специалистов, проводящих осмотр места совершения преступления с целью обнаружения, исследования, изъятия вещественных доказательств, а также производства экспертиз.

Развивающийся на основе состязательности сторон современный период уголовного судопроизводства, предъявляет повышенные требования к степени надежности и достоверности доказательственных аргументов.

Ввиду сказанного во всестороннем и объективном расследовании преступлений должно использоваться всякое, даже малое или незначительное доказательство. При этом особое внимание уделяется начальным этапам расследования, то есть осмотру места преступления, фиксации и изъятию вещественных доказательств. Такими доказательствами могут быть следы, оставленные на месте совершения происшествия, в первую очередь здесь важны следы кожного покрова человека, в том числе следы кожного покрова, имеющего папиллярного узора. Большей степенью информативности среди таких следов являются отпечатки кожного покрова лица и тела, а из таких – следы носа, лба, щек, ушей, губ и подбородка, а также локтей и коленей [1, с.31].

Как показывает практика, на основании опросов экспертов-криминалистов, при изъятии следов на месте преступления наибольшее внимание традиционно уделяется поиску и изъятию следов рук. В отношении следов кожного покрова, не имеющего папиллярных узоров, внимания практически не уделяется или уделяется мало. В результате такие следы не обнаруживаются и практически не изымаются, хотя эти доказательства могут быть с успехом использованы в целях идентификации личности. Необходимо учитывать также, что в основе образования следов кожного покрова, не имеющего папиллярного узора, лежат те же процессы, что и для образования следов рук. Вследствие этого, применяемые средства и

методы поиска, обнаружения, фиксации и изъятия следов известны и применимы, а работа по выявлению редко встречающихся следов в целом способна увеличить эффективность следственных действий и расследования преступлений.

К проблеме изучения следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, обращались российские и иностранные ученые-криминалисты. Возможность использования этих следов в доказывании в разной мере излагалась в трудах И.Н. Якимова, Г.Л. Грановского, Б.И. Шевченко, С.И. Ненашева, Н.П. Майлис, И. Каспржака и др.

Приходится констатировать, что в трудах упомянутых авторов аспекты рассматриваемой проблемы касались лищь идентификации личности, а разработке диагностических исследований по данному вопросу не уделялось должного внимания. В то же время установление свойств исследуемого объекта и механизма образования следов дает возможность более эффективно решать вопросы идентификации. Кроме того, необходимо учитывать что эффективному решению поставленных перед экспертом задач способствует применение комплексного подхода. Применение комплексного подхода в исследовании следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, является важным, поскольку позволяет реализовывать задачи по нескольким направлениям [4, с.171].

Комплексный подход исследования обусловливается составляющими частями исследуемого объекта. Например, в исследовании следов губ человека участвуют эксперт-трасолог и судебно-медицинский эксперт. Но, если обнаруженные следы оставлены губами человека, то в них имеется потожировое вещество, и в комплексной экспертизе принимает участие эксперт-биолог. В случае если в следы оставлены окрашенными помадой губами, то экспертизе принимает участие эксперт-химик [3, с.16].

Требования экспертной, следственной и судебной практики по сбору, исследованию и оценке доказательств на современном этапе заключаются в разработке новых подходов к изучению информационной базы в области следов кожного покрова человека, в том числе и «нетрадиционных» следов. Благодаря получаемой информации по результатам исследования «нетрадиционных» следов будут расширяться возможности экспертизы, увеличиваться диапазон решаемых задач и, тем самым, будет повышаться ее эффективность в целом. Расширение экспертных возможностей, за счет увеличения круга исследуемых объектов и совершенствования традиционных методов, позволит получить искомый результат в расследовании преступлений.

Анализ непосредственного изучения экспериментальных следов основан на том, что формирование строения участков кожного покрова, не имеющих папиллярных линий, обусловлено особенностями внутренних слоев дермы. Принимая во внимание то, что рельеф кожи образуется в период эмбрионального развития организма человека под действием широкого спектра факторов (состояния здоровья

матери и отца, вредных привычек родителей, переживаемых стрессов, климатических условий и т.д.), то уже при рождении ребенка рельеф кожи строго индивидуален, имеет ряд признаков, характерных только для одного человека. Несмотря на рост человека в течение жизни, и, соответственно, увеличение размеров узоров кожи и отдельных их деталей, общая структура рельефа не изменяется. Появление морщин в преклонном возрасте, глубокие повреждения, лишь дополняют узор новыми признаками и не влекут его изменения в целом. При незначительных повреждениях узор восстанавливается и сохраняется на протяжении всей жизни.

Важно сказать, рельеф кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, не является однородным. Так, отображение красной каймы губ включает вертикальные или наклонные борозды определенной формы, а рельеф кожи подбородка включает преимущественно крупные или звездообразные фолликулы. Данные фолликулы распределены на фоне мельчайших борозд, которые сходятся в области рта и веерообразно расходятся к свободному краю подбородка. Видны существенные различия между различными участками кожи, которым присущи свои характерные особенности. Эти особенности, отображающиеся в следах, дают возможность определить следообразующий участок кожного покрова человека с целью идентификации личности.

Учитывая то, что узор кожного покрова человека имеет определенные характеристики – форму, размер, взаимное расположение – отображение этих характеристик в следах позволяет идентифицировать конкретного человека. Идентификационных признаки можно разделить на общие и частные:

– общими идентификационными признаками кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, являются вид, форма, размеры следообразующих участков, направление морщин, борозд и др.

– частными идентификационным признаками являются признаки, характеризующие внешнюю форму и взаиморасположение отдельных деталей узора кожного покрова [5, с.607]. Эти признаки весьма разнообразны и насыщены. В частности, на одном квадратном сантиметре кожного покрова насчитывается более ста частных признаков. Многие из них могут быть выявлены лишь при большом увеличении. В то же время разнообразие деталей узора и их внешняя форма близки к четырем геометрическим фигурам: точке, линии, кругу и многоугольнику. Элементы узора носят микроскопический характер, не всегда видны невооруженным глазом. Эти элементы отображаются при следовом контакте и позволяют идентифицировать конкретный участок кожного покрова [2, с.124].

Таким образом, разработка современных теоретических основ и методических рекомендаций, направленных на решение идентификационных и диагностических задач криминалистического исследования следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярных узоров, не только очевидна, но и необходима.

Список источников

1. Гребнев Д.Ю. Экспертная этика при работе со следами кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора // Проблемы и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики органов внутренних дел: материалы международной дистанционной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан. Караганда, 2021. С. 31-35

2. Дмитриева Л.В., Татарчук А.С. О некоторых аспектах биометрической идентификации // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник статей. Москва, 2021. С. 123-125.

3. Майлис Н.П. Комплексный подход при изучении следов человека на современном этапе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15 № 2. С. 15-20.

4. Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза как правовое понятие // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 4 (32) . С. 170-175.

5. Татарчук А.С. Современные возможности использования информации о следах кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, при расследовании и раскрытии преступлений // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сборник научных трудов I Международного форума (7-8 июня 2017 г.). Москва: Московский университет имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 606-608.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ СЕКТОР УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК КАК ОСНОВА ПОЗНАНИЯ СОБЫТИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАССЛЕДОВАНИЯ

Журавлев Сергей Юрьевич
Профессор кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России

В статье рассматриваются методологические вопросы, связанные с формированием и применением криминалистического знания в процессе расследования преступлений. В научный оборот предлагается ряд понятий, которые уточняют содержание криминалистической культуры в общественных отношениях. Выделяются и комментируются элементы доказательственного процесса, которые имеют сложное соотношение и важное практическое значение.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, междисциплинарный объект и предмет уголовно-правовых наук, криминалистическая культура правоприменения, криминальная реальность, экономико-криминальная реальность, процесс познания следового пространства, методологические основы формирования доказательств.

CRIMINALISTIC SECTOR OF CRIMINAL LEGAL SCIENCES AS A BASIS FOR KNOWLEDGE OF CRIMINAL REALITY EVENTS AND FORMATION OF EVIDENCE FROM INVESTIGATION RESULTS

Zhuravlev S. Y.

The article deals with methodological issues related to the formation and application of forensic knowledge in the process of investigating crimes. In scientific

© Журавлев С. Ю., 2022

circulation, a number of concepts are proposed that clarify the content of forensic culture in public relations. The elements of the evidentiary process, which have a complex relationship and are of great practical importance, are singled out and commented on.

Keywords: criminal law sciences, interdisciplinary object and subject of criminal law sciences, forensic culture of law enforcement, criminal reality, economic and criminal reality, the process of cognition of the trace space, methodological foundations for the formation of evidence.

Формирование научной специальности 5.1.4. – уголовно-правовые науки, переосмысление выделенных направлений научных исследований, научный опыт и анализ практики применения уголовно-правовых знаний заставляет вновь обратиться к вопросу о роли криминалистического знания в общественных процессах, роли криминалистики в процессе юридической работы. Современный этап развития теории криминалистики характеризуется возрастанием интереса к инновационным разработкам в контексте роли криминалистики в правоприменении и правотворчестве [1, с. 74-78]. Значительное влияние криминалистического знания на данные процессы отмечалось ранее в наших работах [2, с. 49-53].

Профессиональная деятельность в сфере расследования преступлений в своей основе имеет специфическую мыследеятельность, которая не просто предшествует внешним действиям следователя или оперативного работника. Эта внутренняя работа лежит в основе принимаемых практиком методических и тактических решений. На сегодняшний день имеются пробелы в научном осмыслении и обосновании роли «внутренних» криминалистических средств в процессе правоприменительной и правотворческой деятельности [3, с. 141-145].

Процесс познания следового пространства с помощью криминалистических средств может происходить в уголовно-процессуальной и гражданско-правовой сфере. В первом случае его принято именовать выявлением, раскрытием и расследованием преступлений. Более широкий взгляд связан с применением категории «юридическое познание» [4, с. 98-103]. Его первым этапом является установление фактических обстоятельств дела с точки зрения их содержательной особенности и юридической значимости [5, с. 268].

Ранее Е.Р. Россинской высказано мнение о том, что единство природы всех родов и видов судебных экспертиз, независимо от вида процесса, диктует единство процессуальных форм использования специальных знаний [6, с. 54-61]. С учетом понимания теоретического единства криминалистики и теории судебной экспертизы возникает необходимость переоценки направлений развития криминалистической сферы. На каком-то этапе сформировалась линия принадлежности криминалистического знания исключительно применительно к вопросам раскрытия и расследования преступлений. Произошло своеобразное методологическое «приземление» криминалистики под крыло уголовного процесса. Отдельные попытки исследования роли криминалистического знания в других сферах

деятельности, в других процессах, например, в работе адвоката или иного представителя в гражданском процессе, частного детектива, специалиста по вопросам безопасности коммерческой организации, нотариуса, журналиста и т.п. не получили дальнейшего развития.

С учетом формирования в области социальных и гуманитарных наук специальности 5.1.4. – уголовно-правовые науки, дальнейшее развитие криминалистики будет иметь тенденцию приоритетного криминалистического обеспечения именно уголовно-правовой сферы. Но нельзя исключать вероятность появления отдельных работ, авторы которых, исходя из понимания функционального и познавательного единства процесса расследования (следования по следам), раскрытия (понимания сути следовых картин) и доказывания (накопления и представления суду аргументов связи обнаруженных следов с содержанием познаваемого события), будут рассматривать деятельность правоприменителя более широко имея в виду необходимость юридического познания криминальной реальности в целях восстановления справедливости в общественных отношениях и устранения вреда причиненного отдельным физическим и юридическим лицам, а также природе. В основе таких работ должен лежать междисциплинарный диалог с формулировкой понимания объекта и предмета исследований, а также внутренняя рефлексия исследователей, направленная на дифференциацию и интеграцию сфер научного знания и практической деятельности применительно к правовому сектору общественной жизни.

В одной из наших последних работ [7, с. 55-61] мы отмечали, что общим междисциплинарным объектом уголовно-правовых наук является пространство функционирования зла, которое проявляется в виде действий или бездействий, обусловленных злонамеренностью или преступным легкомыслием. Составляющей общего междисциплинарного объекта является процесс познания пространства зла средствами уголовно-правовых и иных привлекаемых для этого секторов научного знания, а также процесс восстановления справедливости в общественных отношениях уголовно-правовыми средствами. Закономерности функционирования пространства уголовно-наказуемого общественного зла и процесса восстановления справедливости уголовно-правовыми средствами являются общим междисциплинарным предметом уголовно-правовых наук.

Сформулированное понимание общего объекта уголовно-правовых наук согласуется с пониманием объекта юридического познания, который не должен замыкаться рамками «чисто» правовой материи. При этом, как отмечают современные исследователи, он и не может вбирать в себя всю не юридическую материю общества [8, с. 22-28]

Более частным пониманием междисциплинарного объекта уголовно-правовых наук является определенный в уголовном законе перечень криминальных процессов, явлений и событий, которые определяются как преступления, а также уголовный и исполнитель-

ный процесс «как специфическая отрасль государственной деятельности» [9, с. 72] по восстановлению справедливости в общественных отношениях через наказание виновного в совершении преступления и устранение вредных последствий его действий или бездействия. Закономерности криминальных процессов и отдельных преступлений, совершенствование материально-правовых, процессуальных и исполнительных норм, методических и тактико-технических средств правоохранительной и правозащитной деятельности являются частным междисциплинарным предметом уголовно-правовых наук.

Переосмысление криминалистической составляющей уголовно-правовых наук позволяет сформулировать ряд принципиальных положений. Выделим наиболее важные.

Совершенствование понятийного языка криминалистики и ее межпредметное самоопределение в комплексе уголовно правовых наук требует осознавания того обстоятельства, что с позиции криминалистической культуры правоприменения первоочередным в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной практической деятельности является познание криминальной реальности. Это значительная часть мира человеческих взаимоотношений, которая состоит из комплекса измененных объектов как совокупного следового пространства. Данные объекты, в результате воздействия со стороны нравственно деформированных лиц, которые осмысленно реализовали свои злые намерения или легкомысленно отнеслись к своей ответственности в общественных отношениях, приобрели качество доказательств, либо являются носителями доказательственной информации.

В этом смысле криминалистику следует рассматривать как науку о закономерностях и процессе познания различных проявлений криминальной реальности, а также методических и тактико-технических средствах восстановления криминального события в виде системы доказательств [10, с. 41-46].

В указанной выше работе мы определили «криминальную реальность» как измененное состояние общественных, экономических процессов, информационных ресурсов, документов, материальных объектов, интеллектуальной сферы людей как результат влияния злонамеренной человеческой воли и обусловленных ею действий, нарушающих права и свободы человека и гражданина, отношения собственности, общественный порядок и общественную безопасность, нормы по охране окружающей среды, конституционный строй Российской Федерации, требования по обеспечению мира и безопасности человечества.

Данное определение позволило сформулировать более частное понятие «экономико-криминальная реальность». Оно является ключевым для понимания существа экономических преступлений. Дело в том, что экономико-криминальный сектор общественных отношений имеет ряд ключевых особенностей. И главное в том, что конечная цель криминально ориентированной экономической деятельности состоит не просто в получении высокого дохода. Этот доход

обусловлен потерями других участников экономических отношений и причинением вреда природе.

Мы определяем «экономико-криминальную реальность» как измененное состояние экономических процессов, информационных ресурсов, документов, материальных объектов, интеллектуальной сферы людей, которые произошли под влиянием злонамеренной человеческой воли и обусловленных ею действий, направленных на получение необоснованного дохода или удовлетворения иного личного интереса за счет нарушения отношений собственности, прав других лиц, норм по охране окружающей среды применительно к деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В контексте перспективы межпредметного диалога в рамках новой научной специальности следует понимать, что криминалистика фактически учит правильному методическому и тактико-техническому самоопределению в ситуациях оперативно-служебной деятельности. Криминалистическое знание, в основе которого лежат категории «след», «информация», «отображение», «признак», «свойства объекта», «характеристика криминальной ситуации», «методическое решение» и т.п., нацеливает криминалистически образованного человека на точное и вдумчивое восприятие объектов криминальной реальности и той информации, которая возникает в результате их изучения. Криминалистика формирует способность обнаруживать, фиксировать и использовать в доказывании следы организованной человеческой деятельности, актов поведения отдельных людей в основе которых лежит злонамеренная и злохитростная мотивация, которая обуславливает противоправную поведенческую установку, либо легкомысленное отношение к личной ответственности человека за свое поведение, за свои проявления в общественных отношениях.

Расследование преступлений как процесс юридического познания имеет своей главной целью ясное понимание лицами, которые осуществляют расследование того, что собой представляет познаваемое событие как фрагмент криминальной реальности [11, с. 314-315], кто задумал, а кто осуществил криминальную схему, чей интерес прослеживается в последствиях расследуемого события, как соотносятся личностные, временные, территориальные, объектовые, предметные, следовые и иные элементы криминальной схемы.

Наши последние исследования [12, с. 121-129] позволяют заключить, что с методологической точки зрения сознание субъекта юридического познания должно опираться на три базовых программы мыслительных действий: а) алгоритмы познания криминальной реальности; б) алгоритмы принятия и реализации методических и тактических решений и составления процессуальных и оперативно-служебных документов; в) алгоритмы формирования квалификационных выводов по сформированной системе доказательств.

Важным методологическим ориентиром, применительно к формированию обстоятельств подлежащих доказыванию, является

понимание разницы между тем, что должно быть сформулировано в видовой или частной методике расследования преступления и применительно к доказыванию конкретного преступления.

Перечень обстоятельства подлежащих доказыванию в процессе расследования конкретного преступления, например, экономической и коррупционной направленности формируется:

– с учетом содержательных особенностей расследуемого факта экономико-криминальной реальности:

– на основе видовой криминалистической характеристики;

– с учетом положения диспозиции состава конкретного преступления или нескольких преступлений применительно к которым зафиксирована доказательственная информация;

– на основе понимания процессуальной регламентации и криминалистической структуры предмета доказывания.

Применительно к перечню зафиксированных доказательственных аргументов не имеют решающего значения особенности обнаружения признаков конкретного преступления на первоначальном этапе его расследования, специфика криминалистического анализа информации в процессе конкретного расследования, возможные трудности и ошибки, которые были допущены.

Перечень обстоятельства подлежащих доказыванию в частной методике расследования преступления экономической и коррупционной направленности формируется с учетом понимания исследователем всей совокупности изложенных в криминалистической характеристике следов подготовки и совершения данной группы преступлений, их возможной квалификационной характеристики, сложившейся практики доказывания по данному виду преступлений, процессуальной регламентации и криминалистической структуры предмета доказывания.

Применительно к конкретному перечню того что должно быть зафиксировано в разделе «обстоятельства подлежащие доказыванию» в частной методике расследования важное значение имеют положения других частных методик, различного рода аналитический материал следственных органов и оперативных подразделений по данной категории преступлений, особенности следовой картины зафиксированной в криминалистической характеристике по данной категории преступлений. Указанное выше как не относящееся к обстоятельствам подлежащим доказыванию излагается в разделах частной методики связанных с анализом существующих методических материалов по данной тематике, со спецификой криминалистического анализа исследованной предметной криминальной реальности, с итоговыми выводами по содержанию следовой картины данного преступления как результата сформированной криминалистической характеристики данного вида преступления.

Применительно к вопросу о формировании системы доказательств, как уже было связано выше, следует разделять эмпирический уровень формирования доказательств в рамках конкретного

расследования и научно-методический уровень построения модели предмета доказывания в рамках формируемой частной методики расследования. При этом в основе лежат базовые элементы данной интеллектуальной деятельности:

В памяти удерживается содержания изучаемой криминальной реальности: отдельного расследуемого факта или совокупности таких фактов по материалам многочисленных расследований. В конкретной смысловой формулировке выражается доказательственная «связка» применительно к конкретным обвинительным аргументам (субъект–ситуация, способ–следы и т.п.). Обязателен учет вероятной неполноты разработки конкретных детальных версий и необходимости продолжать эту работу для формулировки более правильных рабочих вопросов и оптимизации ранее сформулированных задач доказывания. Необходимо понимание того, как частная формулировка конкретного обстоятельства подлежащего доказыванию согласуется с положениями ст. 73 УПК РФ и диспозицией статьи уголовного кодекса РФ. При этом следует исключить возможность смешения уровней формулировки самих обстоятельств и подкрепляющей их аргументации. Очень важен контроль содержания лексических оборотов, которые используются в тексте формируемой частной методики.

Когда речь идет о процессе расследования конкретного проявления криминальной реальности, научно-методическое значение предлагаемого подхода состоит в удержании практика в определенных классификационных и познавательных рамках. Указанные рамки также важны для ученого-криминалиста, который проводит исследование по тематике, связанной с подготовкой методических рекомендаций по расследованию конкретного вида преступлений. Использование предлагаемого подхода позволит в научном плане размышлять о доказывании более обоснованно, а в практическом плане осуществлять процесс доказывания с большей эффективностью.

Список источников

1. Журавлев С. Ю. Методика и организация расследования преступлений как основные факторы эффективной деятельности органов предварительного следствия и дознания // Криминалистические средства обеспечения деятельности по выявлению и расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности : сборник статей / [под ред. А. Ф. Лубина]. Казань : Изд-во «Бук», 2017. С. 74-78.

2. Журавлев С. Ю., Крепышева С.К. Криминалистическая методика и тактика: контекст современного понимания роли криминалистики в юридической деятельности и юридическом образовании // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Н. П. Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / ред.-сост. М. А. Лушечкина. Москва : МАКС Пресс, 2015. С. 49-53

3. Журавлев С. Ю. Комплексная характеристика методических и тактических средств расследования преступлений в сфере экономики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 141-145.

4. Боруленков Ю.П. Деятельностный и технологический подходы как методологическая основа конструирования уголовного судопроизводства // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сборник материалов международной научно-практической конференции: в 2 ч. Москва, 2015. Ч. 1. С. 98-103.

5. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. Москва, 2016.

6. Россинская Е.Р. Воплощение идей Р.С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 54-61.

7. Журавлев С.Ю. Уголовно-правовые науки и криминалистическая составляющая уголовно-правовых знаний // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 55-61.

8. Боруленков Ю.П. Объект и предмет юридического познания // Закон и право. 2015. № 7. С. 22-28.

9. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под. ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. Москва: Юрайт, 2013.

10. Журавлев С.Ю. Криминалистическая культура правоприменения: содержание и дискуссионные вопросы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 41-46

11. Журавлев С.Ю. Развитие криминалистической культуры правоприменения как фактор совершенствования деятельности по расследованию преступлений // Белгородские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Выпуск 5. Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2019. С. 314-321.

12. Журавлев С.Ю. Уголовно-процессуальные основы и криминалистическая сущность предмета доказывания по уголовным делам // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1(49). С. 121-128.

УДК 343.12

ОНЛАЙН-ОБЫСК КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И НЕДОСТАТКИ

Зазулин Анатолий Игоревич
кандидат юридических наук, старший юрист
Юридическая фирма INTELLECT

Статья посвящена анализу предпосылок и перспектив введения такого известного зарубежной практике следственного мероприятия, как онлайн-обыск, а также возможным недостаткам применения данного действия. Проведен анализ существующих методов обыска в цифровой среде, на основе которого выделены проблемы, требующие новых подходов. Автором описываются основные процессуальные и криминалистические особенности онлайн-обыска, технические сложности и правовые ограничения его проведения (на примере Германии), а также перспективы решения им выделенных проблем в случае интеграции в российский уголовный процесс.

Ключевые слова: обыск, выемка, компьютерный вирус, удаленный доступ, цифровая информация.

© Зазулин А. И., 2022

ONLINE SEARCH AS AN INDEPENDENT INVESTIGATIVE ACTION: PRECONDITIONS, PROSPECTS AND DISADVANTAGES

Zazulin A. I.

The article is devoted to the study of the prerequisites and prospects for the implementation of such an investigative measure known to foreign practice as an online-search, as well as possible disadvantages of using this action. The author analyzes existing search methods in the digital environment, on the basis of which problems requiring new approaches are identified. The article also describes the main procedural and forensic features, technical difficulties and legal limitations of conducting an online search (using the example of Germany), as well as the prospects for solving the identified problems in case of its integration into the Russian criminal process.

Keywords: search, seizure, computer virus, remote access, digital information.

Эпоха Интернета – так можно охарактеризовать нынешнее время. Главные потоки информации уже давно перешли из материального пространства в пространство виртуальное: новостные сайты вместо газет, электронная почта вместо бумажных писем, онлайн-магазины и доставка вместо традиционных супермаркетов. Человечество все больше уходит в Интернет: об этом свидетельствует не только популярность веб-приложений, социальных сетей и онлайн-обучения, но и выделение цифровой экономики как приоритетной национальной цели развития [9].

Оборотная сторона процесса цифровизации – распространение киберпреступности. Согласно статистике МВД РФ и отчетам Генеральной прокуратуры РФ, преступлений, связанных с компьютерами и Интернетом, с каждым годом становится все больше, а их раскрываемость падает [4]. Усложняет работу следствия использование злоумышленниками таких технологий как VPN-туннелирование, «луковая» маршрутизация, облачные хранилища и иные способы анонимизации или затруднения отслеживания незаконного интернет-трафика.

Такое положение дел заставляет правоохранительные органы уделять больше внимания разработке новых и улучшению старых способов расследования. Одним из таких направлений является распространение режима обыска на удаленный компьютер, к которому подключен компьютер обыскиваемого лица. Иными словами, изъятый в ходе обыска компьютер может быть использован следствием для доступа через него к удаленным устройствам в целях поиска доказательств, если такой доступ ранее осуществлялся подозреваемым/обвиняемым. При этом указанные действия будут считаться составной частью обыска, а не новых следственным действием.

Такая идея была заложена еще в Будапештскую конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации (ETS №185 от 23 ноября 2001 г.). В соответствии с данным международным актом, в случае, когда компетентные органы производят обыск или получают аналогичный доступ к определенной компьютерной системе или ее части и имеют основания полагать, что искомые данные хранятся в другой компьютерной системе или ее части и когда такие данные на

законном основании могут быть получены из первой системы или с ее помощью, такие органы имеют возможность оперативно распространить производимый обыск или иной аналогичный доступ на другую систему.

Многими учеными и практиками предлагается именно такой подход, заключающийся в удаленном исследовании компьютерной информации в рамках традиционного обыска [5]. Однако он не лишен недостатков. По справедливому замечанию И.И. Карташова, технология «удаленного обыска» предполагает использование специальных познаний не только для обнаружения и закрепления (копирования) информации, но и для получения доступа к ней (обход или взлом паролей, использование специализированных программно-аппаратных средств и т.д.), что неминуемо приводит к модификации исходных данных, и, как следствие, утрате ими доказательственного значения [6, с. 24].

Проблемы с «удаленным обыском» возникают еще и тогда, когда злоумышленник использует свой компьютер для доступа к файлам и иной цифровой информации, находящейся на другом устройстве с ограниченным доступом.

К примеру, преступник использует удаленное облачное хранилище для сохранения детской порнографии (ст. 242.1 УК РФ). Для этого он включает свой компьютер, подключается к удаленному серверу посредством логина и пароля (или более совершенных способов защиты: шифрования, VPN, Tor) и сохраняет файлы в массиве иной, нейтральной информации – порнография, таким образом, остается спрятанной в терабайтах вполне безобидных файлов.

В таких случаях доступ к удаленному хранилищу посредством обычного осмотра следователем интернет-страницы будет невозможен: облако будет закрыто для обычного пользователя. Выемка компьютера в результате обыска может решить проблему лишь частично:

– зачастую первоначальный компьютер, с которого были загружены файлы, физически уничтожается злоумышленником, после чего для доступа к облаку используется другой компьютер без следов файлов;

– при использовании некоторых способов подключения к облаку, информация о просмотренных файлах может не сохранятся на устройстве пользователя;

– даже при сохранении такой информации, экспертиза, направленная на поиск таких файлов или их следов, может занять очень много времени, особенно при нынешней загруженности экспертных учреждений;

– в отдельных случаях затруднительно установить доступ к облаку с изъятого устройства. При этом получение информации о режиме доступа от самого обвиняемого невозможна в силу его права не давать показаний против самого себя.

Таким образом, выемка компьютера может либо не дать результатов, либо привести к необходимости длительной компьютерно-технической экспертизы, проведение которой затянет расследование.

Ко всему этому, даже при получении доступа к удаленному хранилищу, поиск в нем доказательственной информации посреди иной, не представляющей интерес для следствия, может быть очень трудоемким. Следователю или оперативному сотруднику необходимо просмотреть каждый файл и предварительно оценить его на соответствие признакам детской порнографии (или иного незаконного материала), что занимает очень много времени и сил. Сложности такого рода отмечают как отечественные практики и процессуалисты [7, с. 124], так и их зарубежные коллеги [2, с. 9].

Столь же неоднозначным является получение сведений о доступе к удаленному серверу и его содержимом от владельца облачного хранилища или провайдера. Первый в большинстве случаев располагается вне юрисдикции российских правоохранительных органов, что требует от них инициирования длительной процедуры запроса международной правовой помощи. Второй же может не иметь необходимых сведений в случае использования VPN и подобных ей технологий.

Необходимость решения этих проблем стала особенно остро ощущаться в последнее десятилетие невероятного развития и доступности интернет-технологий. В связи с этим многие страны начали разрабатывать альтернативные классическим следственные действия, направленные на более эффективный поиск доказательств в облачных и иных удаленных хранилищах.

Одним из таких решений стал онлайн-обыск. Данное мероприятие представляет собой целенаправленное инфицирование компьютера подозреваемого/обвиняемого специальным вирусом, передающим следствию информацию о доступе к облачному хранилищу и операциях с ним в режиме текущего времени.

Впервые использование удаленного доступа с помощью компьютерных вирусов в целях получения доказательств начало применятся в США в 2001 году, когда была разработана программа «Волшебный фонарь» (Magic Latern), позволявшая получать доступ к паролям пользователей компьютеров удаленно через Интернет [11, с. 309]. В 2007 году ей на смену пришла «CIPAV» (Computer and Internet Protocol Address Verifier). Программа позволяет получить, помимо прочего, информацию об IP- и MAC- адресах компьютера подозреваемого, его местонахождении, запущенных им программах и просмотренных веб-страницах [12, с. 56].

Такие следственные вирусы помогают правоохранительным органам США получать доступ к электронной переписке пользователя и сеансам подключения к удаленным устройствам даже если они осуществляются через зашифрованные каналы связи.

В Германии онлайн-обыск был введен в текст уголовно-процессуального кодекса Законом «О повышении эффективности и

практичности уголовного процесса» (Das Gesetz zur effektiveren und praxitauglicheren Ausgestaltung des Strafverfahrens) от 17.08.2017 г. и в настоящее время регулируется §100b УПК ФРГ.

Для осуществления внедрения в данные системы используется специальный тип программ, относящихся к компьютерным вирусам и получивших наименование «State Trojan», т.е. ГосТроян. Программа устанавливается на компьютер обвиняемого (или иных лиц в случаях, предусмотренных законом), после чего может записывать видеозвонки, сохранять введенные пароли, самостоятельно включать микрофон устройства и веб-камеру для записи переговоров [12, с. 56]. Кроме этого, она может производить поиск определенных файлов на жестком диске устройства и передавать их следствию, а также использовать так называемые регистраторы ключей, фиксирующие ввод клавиш без необходимости кэширования данных об этом на жестком диске. На практике установка ГосТрояна осуществляется либо через публичные средства подключения (например, публичные Wi-Fi-роутеры), либо (что более трудоемко) напрямую через Интернет (посредством отправки письма-спама на электронную почту) [2, с. 7-8].

Использование аналогичных технологий предусмотрено и в ряде других европейских стран, в том числе Нидерландах (ст. 125j, 126 nba, 126xx УПК Нидерландов) [1, с. 141].

С одной стороны, процессуальный механизм онлайн-обыска позволяет решить множество проблем, обозначенных в начале:

1. Сокращается время получения необходимых доказательств, так как не требуется проведения физического обыска и выемки цифрового устройства или проведения длительной компьютерной экспертизы изъятого устройства. Доказательства получаются следствием в режиме «онлайн», по аналогии с контролем и записью переговоров (ст. 186 УПК РФ).

2. Исключается риск потери доказательств при изъятии компьютера подозреваемого/обвиняемого или потери доступа через него к удаленному хранилищу.

Скрытая запись и передача следствию файлов-cookie и логов соединения с облаком позволяет в последующем сократить время на поиск необходимых доказательств среди иных данных на удаленном устройстве.

Отпадает необходимость привлекать провайдеров и операторов связи, так как фактически доказательства получаются «руками» самого подозреваемого/обвиняемого.

Так как в ходе онлайн-обыска, по сути, записываются действия пользователя, его проведение не изменяет данные на удаленном устройстве, к которому подключился целевой компьютер.

С другой стороны, значение этих преимуществ снижается за счет технической и правовой сложности реализации онлайн-обыска:

Следственный вирус должен суметь обойти антивирусную защиту целевого устройства (а в некоторых случаях, и оператора связи). Это уже снижает шансы на успех операции, особенно, если

преступник использует продвинутые средства защиты своего устройства при входе в Интернет, как например виртуальные машины.

По своей сути виртуальная машина представляет собой программное обеспечение, моделирующее работу компьютера (эмулирующее его аппаратное обеспечение – главным образом, процессор) [3, с. 21]. Принцип деятельности данной технологии – виртуально копировать алгоритмы и вычислительные процессы в отдельный работоспособный образ, отдельный от уже имеющейся на компьютерном устройстве операционной системы. При этом мощность виртуальной машины зависит от мощности физического (аппаратного) устройства.

Таким образом, при применении данной технологии на одном компьютере могут «умещаться» несколько независимых друг от друга виртуальных образов, использующих одно аппаратное оборудование, но разные эмулирующие модели, наподобие синдрома множественности личности у людей.

Для защиты от нежелательного внедрения из Интернета подходит такой тип виртуальных машин как «песочница» (Sandbox). Основная сфера применения данных машин – создание виртуального пространства, повторяющего «рабочую» операционную систему и изолированного от нее, для целей проверки на вредоносность полученных из Сети файлов. Благодаря изолированности песочницы (ее ядро с помощью аппаратной виртуализации отделено от ядра основной системы), вирусная программа не навредит настоящей операционной системе и не получит доступа к жесткому диску – а значит, онлайн-обыск не состоится.

Разнообразие электронных приборов (телевизоры, смартфоны, компьютеры), а также программного обеспечения (в т.ч. операционных систем) требует от следствия точного знания особенностей цифрового устройства-цели еще на этапе подготовки к онлайн-обыску. Следственный вирус должен быть подстроен под соответствующую операционную систему и тип (а в некоторых случаях – и производителя) устройства – и даже это не гарантирует успех. Кроме того, в отличие от большинства обычных сетевых вирусов, государственный вирус должен не просто внедриться в систему, но еще и предоставить возможность следствию осуществить необходимые поисковые действия;

Так как применение онлайн-обыска представляет собой значительное вмешательство в основные гарантированные Конституцией права граждан, его применение должно быть очень осторожным. Это диктует строгое регулирование применения данного следственного действия и существенно ограниченный круг материальных и процессуальных оснований для его проведения (расследование только особо тяжких преступлений и обязательная судебная санкция).

К сожалению, эти особенности онлайн-обыска во многом нивелируют преимущества его внедрения в уголовный процесс. Немецкие процессуалисты М. Хансен и А. Пфитцман, сравнивая плюсы и

минусы онлайн-обыска, приходят к выводу о его неоправданной сложности и ненадежности как средства поиска доказательств [10, с. 131]. Косвенно это подтверждается и данными статистики применения онлайн-обыска немецкими правоохранительными органами за 2019 год: за это время он был проведен всего по 21 уголовному делу [8].

Между тем, применение онлайн-обыска с использованием вирусов может стать хорошей альтернативой удаленному исследованию компьютерной информации в рамках традиционного обыска в случаях расследования особо тяжких и резонансных преступлений, таких как терроризм, торговля людьми и т.п., характеризующихся высокой общественной опасностью и важностью временного фактора (чем дольше расследуется преступление, тем выше риск его повторения или увеличения вреда от него в будущем). Возможные преимущества онлайн-обыска в таких делах будут превалировать над недостатками.

Список источников

1. Антонович Е. К. Электронное правосудие по уголовным делам в Нидерландах: современное состояние и перспективы / Е. К. Антонович // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10(74). С. 136-149.

2. Бродовски Д., Ян М. Цифровые доказательства в немецком уголовном процессе на стадиях предварительного расследования, рассмотрения дела по существу и ревизии / Д. Бродовски, М. Ян // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3(117). С. 4-19.

3. Гордеев А. В. Виртуальные машины и сети / А.В. Гордеев // Информационно-управляющие системы. 2006. № 2. С. 21-26.

4. Зубова Е. Киберпреступлений становится все больше, однако их раскрываемость уменьшается. URL: https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemost-umenshaetsya/ (дата обращения 30.01.2022). Текст : электронный.

5. Иванов А.Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы // Известия Саратовского университета. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. Т.9. Вып. 2. С. 74-77.

6. Карташов И.И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2016. Т.1. №15S. С. 23-25.

7. Курьянова М.Н., Товба О.Н. Проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с распространением материалов порнографического характера в сети Интернет // Вестник ВИ МВД России. 2016. №3. С. 121-126.

8. Официальная статистика Министерства юстиции ФРГ. URL: https://www.bundesjustizamt.de/DE/Themen/Buergerdienste/Justizstatistik/Telekommunikation/Telekommunikationsueberwachung.html (дата обращения 30.01.2022). Текст : электронный.

9. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 года №1632-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Текст : электронный.

10. Hansen M., Pfitzmann A. Online-Durchsuchungen. Rechtliche und tatsächliche Konsequenzen des BVerfG-Urteils vom 27. Februar 2008 / M. Hansen, A. Pfitzmann. Berlin: BWV. 179 s.

11. Janczewski L. J., Colarik A. M. Cyber Warfare and Cyber Terrorism / L. J. Janczewski, A.M. Colarik. – Hershey: Information Science Reference, 2008. 532 s.

12. Ramalo D.S. The use of malware as a means of obtaining evidence in Portuguese criminal proceedings / D.S. Ramalo // Digital Evidence and Electronic Signature Law Review. 2014. Vol. 11. P. 55-75.

УДК 343.98

ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ И ИНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Иванов Антон Викторович
Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия (КФ РГУП)

В настоящей статье рассматриваются особенности производства судебно-медицинских и генетических экспертиз в процессе расследования изнасилований. Исследуются предмет и задачи указанных экспертиз, решаемые ими вопросы, приводятся примеры судебно-следственной практики.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, генетическая экспертиза, обвиняемый, изнасилование, расследование преступлений.

PRODUCTION OF FORENSIC AND GENETIC EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF VIOLENT SEXUAL CRIMES

Ivanov A.V.

This article examines the features of the production of forensic medical and genetic examinations in the process of investigating rape. The subject and tasks of these examinations, the issues they solve, are investigated, examples of forensic practice are given.

Keywords: forensic medical examination, genetic examination, accused, rape, crime investigation.

Действующее уголовное законодательство предусматривает два вида насильственного посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность личности [1, с. 60]. 1. Изнасилование (ст. 131 УК РФ), т. е. половое сношение с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшей или другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. 2. Насильственные действия сексуального характера (ст.132 УК РФ), т.е. любые иные формы насильственного сексуального посягательства. Физическое насилие может выражаться, как в простом удержании (связывании), так и в нанесении потерпевшей (или иным лицам) побоев, либо причинении вреда здоровью. Угроза должна быть непосредственной и реальной, выраженной любой форме: действия (демонстрация оружия), вербальной (угроза убийством), конклюдентной (угрожающий жест). Беспомощное состояние потерпевшей может выражаться в сильной степени алкогольного или иного опьянения, тяжелой болезни, невозможности оказать сопротивление в результате связывания и т.д. Так, Зеленодольский городской суд Республики Татарстан вынес обвинительный приговор в отношении М. по части 1 статьи 131 УК РФ. Суд установил, что обвиняемый совершил изнасилование потерпевшей, с применением насилия и с

© Иванов А. В., 2022

использованием её беспомощного состояния. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан исключила квалифицирующий признак преступления «с использованием беспомощного состояния потерпевшей», основываясь на показаниях потерпевшей. Последняя пояснила, что М. повалил её на землю, нанёс удар кулаком в область глаза, отчего она потеряла сознание, и изнасиловал её. Придя в сознание, она попыталась оттолкнуть осужденного, но М. стал душить её, и она снова потеряла сознание. В данном случае потерпевшая во время изнасилования осознавала характер и значение совершаемых с нею действий и оказывала сопротивление виновному. Обвиняемый также показал, что он подавлял волю своей жертвы и не воспринимал ее как находящуюся в беспомощном состоянии [2].

При расследовании подобных преступлений обязательно проводятся судебно-медицинские экспертизы потерпевшим и подозреваемому. Данный вид экспертиз назначается в первую очередь, поскольку промедление в их проведении может привести к безвозвратной утере следов преступления. Например, назначение потерпевшей судебно-медицинской экспертизы целесообразно лишь в пределах до 3 суток с момента совершения изнасилования. По истечении данного срока биологические следы, как правило, становятся непригодными для исследования. Задачей производства подобного рода экспертиз является установление самого факта насильственного полового или иного сношения, причинения телесных повреждений, наличие венерических заболеваний или ВИЧ-инфекции.

Для производства экспертизы следователь направляет в экспертное учреждение потерпевшую, а если последняя обращалась в медицинские организации, то и соответствующие документы. В постановлении о назначении экспертизы ставятся следующие вопросы: имеются ли у потерпевшей во влагалище и заднем проходе повреждения, свидетельствующие о совершении в отношении нее полового акта; нарушена ли целостность девственной плевы; давность нарушения; имеются ли у потерпевшей во влагалище, заднем проходе и ротовой полости следы спермы, крови; имеются ли у нее телесные повреждения, их давность, тяжесть, характер, локализация, механизм образования; страдает ли потерпевшая венерическими заболеваниями или Вич-инфекцией; нет ли у потерпевшей признаков беременности, если да, то каковы сроки беременности?

Аналогичные вопросы, за исключением вопросов, касающихся полового сношения и признаков беременности ставятся в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы при наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ. Как правило, данные преступления совершают лица, страдающие различными формами психических расстройств и склонные к сексуальным извращениям. Нередко жертвами подобных преступлений становятся несовершеннолетние и малолетние. Так, приговором суда житель г. Ижевска был признан виновным в совершении насильственных

действий сексуального характера в отношении четвертых несовершеннолетних и совершении развратных действий в отношении шести мальчиков [3].

Следственной практике известны случаи ложного обвинения в совершении изнасилования, которые являются достаточно распространенными. Чаще всего они вызываются личными неприязненными отношениями, местью за какой-либо поступок (например, за ложное обещание жениться), преследуют корыстную цель с последующим вымогательством денег у подозреваемого, либо являются следствием неуравновешенного психического состояния заявительницы, наличия у нее каких-либо расстройств психики. Пример судебной практики. И. употребила спиртные напитки вместе с С., который во время возникшей ссоры ударил ее по лицу. После этого И. позвонила в отдел полиции с заявлением, что ее пытались изнасиловать. В отделе полиции она, будучи предупрежденной об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос, подала письменное заявление о якобы имевшем в отношении нее покушении на изнасиловании. В ходе проведенной проверки ее доводы не нашли подтверждения, и было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 131 УК РФ. И. была привлечена к уголовной ответственности по ч.2 ст. 306 УК РФ [4, с. 15-23]. При симуляции изнасилования женщина может самостоятельно нанести себе телесные повреждения в виде синяков, царапин и т.д. Данные «самоповреждения», как правило, очевидны для опытного судебного эксперта и легко могут быть выявлены.

Наряду с судебно-медицинской экспертизой живых лиц важнейшим видом экспертизы при расследовании половых преступлений является судебно-медицинская (биологическая) экспертиза вещественных доказательств. Для производства данного вида экспертизы следует произвести выемку личных вещей потерпевшей и подозреваемого, а также сделать смывы с тел. К объектам исследования судебно-биологической экспертизы относятся.

1.Человеческая кровь. Вопросами, подлежащими экспертному разрешению, являются: имеются ли следы крови на представленных предметах; принадлежит кровь человеку или животному; если кровь принадлежит человеку, то какова группа этой крови (по системе АВО и другим изосерологичсским. полиморфным белковым и ферментным системам); какова половая принадлежность крови.

2. Человеческие выделения (слюна, пот, сперма и пр.). Для обнаружения указанных объектов применяются химические исследования. Например, наличие слюны устанавливается цветной реакцией на амилазу с использованием крахмала и йода (раствор Люголя) [5, 96 с.].

Вопросы: имеются ли на представленных на исследование объектах следы слюны, спермы, мочи, пота, запаха; какова групповая принадлежность исследуемых объектов (слюны, спермы, пота, мочи); какова половая принадлежность слюны; принадлежит ли сперма кон-

кретному человеку; если след спермы произошел путем смешения ее от нескольких мужчин, то могли ли ими быть конкретные лица.

3. Человеческие волосы. При совершении изнасилований объектом исследования нередко становятся человеческие волосы, которые изымают с места происшествия, одежды и тела потерпевшей (подозреваемого). Эксперт исследует волосы, выявляя их морфометрические особенности (строение сердцевины и кутикулы, особенности пигментации волос и пр.) Это позволит сделать вывод о принадлежности волос конкретному лицу и может являться прямым доказательством вины преступника. Так, если подозреваемый отрицает факт знакомства с потерпевшей и нахождения с ней вместе, обнаружение его волос на ее одежде или теле будет способствовать разоблачению лжи и установлению истины по делу. Вопросы: являются ли представленные объекты волосами человека; каков механизм отделения волос; каково региональное происхождение волос (с какой части тела они произошли); подвергались ли волосы каким-либо воздействиям (механические повреждения, косметическая обработка, действие агрессивных сред); имеются ли на представленных волосах признаки заболеваний волос; какова давность стрижки, искусственной окраски, обесцвечивания волос и т.д.

Молекулярно-генетическая экспертиза, основанная на ДНК-анализе, позволяет произвести идентификацию личности более точно, нежели обычная судебно-биологическая. Предметом молекулярно генетической экспертизы является установление интересующих следствие фактов или событий путем исследования объектов, содержащих ДНК. К указанным объектам могут относиться любые человеческие выделения (кровь, слюна, костные и мышечные ткани и пр.). Полифморфные генетические признаки ДНК изучаемого объекта не являются индивидуальными, однако их совокупность уникальна, что позволяет провести идентификацию отдельного человека. Данная экспертиза решает следующие вопросы: кровь (слюна, сперма, волосы и т.д.) одного или нескольких лиц содержится в представленных (каких именно, откуда изъятых) образцах: не принадлежат ли биологические материалы, предоставленные на экспертизу одному и тому же лицу; не оставлены ли биологические следы кровными родственниками; какова вероятность того, что данный гражданин находится в родственных отношениях с конкретным человеком; могут ли останки неопознанного лица принадлежать близкому родственнику данного гражданина и пр. Следует отметить, что выводы данной экспертизы могут быть достаточно сложными для понимания их людьми, не обладающими специальными познаниями. Так, при расследовании уголовного дела по факту убийства, связанного с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера была проведена молекулярно-генетическая экспертиза исследовавшая содержимое половых путей, ротовой полости и прямой кишки жертвы. В заключении был сформулирован следующий вывод: «установлено, что в пробах ДНК, выделенных из следов,

содержащих сперму, выявлено выраженное ингибирующее влияние компонентов предмета-носителя на реакцию амплификации». Уголовное дело рассматривала коллегия присяжных заседателей, которым пришлось пояснять смысл данной фразы. В результате, присяжные вынесли обвинительный вердикт [6, с.11-14].

Расследование посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности является невозможным без использования специальных познаний, включая производство судебных экспертиз. Указанные преступления занимают особе место среди других преступлений против личности как по уровню социальной опасности, так и по сложности расследования. Это порождает множество проблем, решение которых является задачей как следственных работников, так и судебных экспертов.

Своевременное и правильное назначение судебно-медицинских экспертиз потерпевшей и подозреваемому, судебно-биологических экспертиз вещественных доказательств и прочих экспертных исследований является основанием будущего успешного проведения расследования.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями с дополнениями : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. Москва: Эксмо, 2021. 256 с.

2. Справка о результатах изучения практики рассмотрения судами Республики Татарстан уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 131-135 УК РФ за 2013 г. Сайт Верховного Суда Республики Татарстан. URL: http://vs.tat.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=189 (дата обращения 10.01.2022). Текст : электронный.

3. Сайт Устиновского районного суда г. Ижевска. Режим доступа: http://ustinovskiy.udm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=393#:~:text=132%20УК%20РФ%20(Насильственные%20действия,«а»%20ч. (дата обращения 10.01.2022) - Текст : электронный.

4. Старичков М. В. Судебные экспертизы в выявлении ложного доноса при инсценировке изнасилования / М.В. Старичков, О.В. Трубкина // Судебная экспертиза, 2019 г. №3. С. 15-23.

5. Пиголкин Ю.И., Дубровин И.А. Судебная медицина: учебник / Ю.И. Пиголкин, И.А. Дубровин. Москва: Медицинское информационное агентство, 2015. 328 с.

6. Хорошева А.Е. Криминалистические проблемы исследования и оценки заключения молекулярно-генетической экспертизы в судебном разбирательстве уголовных дел / А.Е. Хорошева // Российский следователь. 2017. №7. С. 11-14.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 264.1 УК РФ

Иванов Владислав Юрьевич
Преподаватель кафедры криминалистики
Уральский юридический институт МВД России

В статье рассматриваются проблемные аспекты, возникающие в практической деятельности органа дознания при расследовании преступлений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость по ст. 264.1 УК РФ. Автором рассмотрены некоторые особенности взаимодействия дознавателя и сотрудников подразделения ГИБДД в ходе расследования преступлений данной категории. Основываясь на личном практическом опыте, автор проанализировал проблемные моменты, с которыми может столкнуться дознаватель при доказывании вины подозреваемого, в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ.

Ключевые слова: алкогольное опьянение, освидетельствование, видеофиксация, взаимодействие, транспортное средство.

PROBLEM ASPECTS OF THE INITIAL STAGE OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanov V. Yu.

The article discusses the problematic aspects that arise in the practice of the body of inquiry in the investigation of crimes related to driving while intoxicated by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record under Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author considers some features of the interaction between the investigator and the employees of the traffic police unit in the course of investigating crimes of this category. Based on personal practical experience, the author analyzed the problematic moments that an investigator may encounter when proving the guilt of a suspect in the course of investigating crimes under Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: alcohol intoxication, examination, video recording, interaction.

Уголовная ответственность, за повторное управление автомобилем в состоянии опьянения, в российском законодательстве появилась ещё в 2014 году. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен статьей 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию». Данная норма носит преюдициальный характер, то есть повторность идентичных по характеру административных правонарушений образуют уголовно-наказуемое деяние.

Несмотря на относительную давность введения данного состава преступления в уголовный закон, по прежнему дознаватели сталкиваются с большим количеством трудностей, возникающих при расследовании уголовных дел возбужденных по ст. 264.1 УК РФ. Разберем подробнее данные проблемы.

© Иванов В. Ю., 2022

В соответствии с примечанием к ст. 12.8 КоАП РФ, под состоянием алкогольного опьянения подразумевается наличие в организме человека абсолютного этилового спирта 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови, либо в случаи наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека.

В случае если возникает подозрение о нахождении водителя транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения, сотрудники ГИБДД должны потребовать от водителя пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения (п. 2.3.3 ПДД). Основания для прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и процедура регламентирована ст. 27.12 КоАП РФ, п. 228-243 административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения и Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 года № 475.

Признаками указывающими на нахождение человека в состоянии алкогольного опьянения являются:

– поведение, не соответствующее обстановке;
– неустойчивость позы;
– резкое изменение окраски кожных покровов лица;
– нарушение речи;
– запах алкоголя изо рта.

Перечень является исчерпывающим, никакие другие признаки не могут выступать в качестве основания для проведения освидетельствования. Признаки алкогольного опьянения носят весьма «размытый» характер и наличие или отсутствие этих признаков, устанавливается исходя из субъективного мнения сотрудника полиции. Следует отметить, что не обязательно наличие этих признаков в совокупности, для возникновения основания освидетельствования водителя транспортного средства достаточно наличие хотя бы одного из них.

Относительно недавно существовало упущение в законодательстве. Так, задержанный водитель транспортного средства после остановки транспортного средства мог в присутствии сотрудника полиции, до начала прохождения освидетельствования, выпить алкогольную продукцию, чтобы скрыть состояние опьянения и избежать ответственности. Таким образом, создавалась ситуация, при которой задержанный водитель транспортным средством уже не управляет, но очевидно, что находится в состоянии алкогольного опьянения, при этом проверить, находилось ли лицо в состоянии алкогольного опьянения в момент управления транспортным средством, не представляется возможным. Данная недоработка законода-

теля была успешно решена введением нормы, предусмотренной ч. 3 ст.12.27 КоАП РФ – невыполнение требования Правил дорожного движения о запрещении водителю употреблять алкогольные напитки, наркотические или психотропные вещества после дорожно-транспортного происшествия, к которому он причастен, либо после того, как транспортное средство было остановлено по требованию сотрудника полиции, до проведения уполномоченным должностным лицом освидетельствования в целях установления состояния опьянения или до принятия уполномоченным должностным лицом решения об освобождении от проведения такого освидетельствования.

После установления у водителя признаков опьянения, сотрудник полиции составляет протокол об отстранении от управления транспортным средством.

Далее освидетельствование на состояние алкогольного опьянения производится с помощью специального технического средства (алкотестера), который должен соответствовать всем необходимым требованиям действующего законодательства. Тип алкотестера должен быть внесен в государственный реестр средств, которые утверждены в качестве средств измерения, разрешены к применению федеральной службой по надзору и обеспечивают запись результатов процедуры на бумажный носитель [1, с. 26-27]

Перед освидетельствованием сотрудник полиции обязан проверить исправность измерительного оборудования. В начале прохождения процедуры освидетельствования, сотрудником ГИБДД уведомляется водитель подлежащий освидетельствованию о видеофиксации процедуры и результатов освидетельствования. Также разъясняются его права и порядок прохождения процедуры. После чего сотрудник ГИБДД задает вопрос лицу, проходящему освидетельствование, на согласие о прохождении освидетельствования. В случае получения согласия, лицо, согласно инструкции к алкотестеру, проходит процедуру. По результатам проверки составляется акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. В случае несогласия с результатами освидетельствования, либо отказа от прохождения освидетельствования при помощи алкотестера, лицу предлагается пройти медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения в медицинском учреждении. В случае повторного отказа, согласно ч. 2 примечания ст. 264 УК РФ, считается, что лицо находится в состоянии алкогольного опьянения. Сотрудник ГИБДД отбирает объяснение у задержанного лица и, убедившись в том, что лицо является ранее подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления предусмотренного ч.2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ, либо ст. 264.1 УК РФ, выносит постановление о прекращении производства по делу об админи-

стративном правонарушении, составляет рапорт об обнаружении признаков состава преступления предусмотренного ст. 264.1 УК РФ и передает материал проверки дознавателю [2, с. 44-45].

Дознаватель, получив материал проверки, обязан проверить материалы административного дела, собранные сотрудником ГИБДД. В первую очередь дать оценку законности собранных доказательств и достаточности их для возбуждения уголовного дела по ст. 264.1 УК РФ [3, с. 214].

Существенное значение имеет правильность собранного материала сотрудником ГИБДД для дальнейшего возбуждения и расследования уголовного дела. На практике нередкие случаи, когда из-за некомпетентности сотрудника ГИБДД был некачественно собран первоначальный материал, что впоследствии повлияло на решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Такими недостатками могут быть:

– отсутствие видеофиксации на которой запечатлен момент движения автомобиля под управлением водителя находящегося в состоянии алкогольного опьянения;

– отсутствие видеофиксации на которой запечатлена процедура освидетельствования;

– видеофиксация, не позволяющая подтвердить факт причастности лица к совершению преступления;

– отсутствие документального подтверждения персональных данных задержанного лица при отсутствии документов, удостоверяющих личность;

– процессуальные неточности, допущенные в результате составления документов материала проверки.

Статья 264.1 УК РФ предполагает умышленный характер преступления, в связи с чем подозреваемый должен знать, о совершенном им административном правонарушении вступившим в законную силу по ст.12.8 либо ст.12.26 КоАП РФ.

Может сложиться ситуация, когда задержанный водитель отрицает факт осведомленности о наложении на него административного наказания по причине не участия в рассмотрении дела об административном правонарушении по ст.12.8 либо ст.12.26 КоАП РФ, а также, что он не сдал в установленном законом порядке водительское удостоверение и не оплатил штраф. В данной ситуации дознавателю следует запросить копии решения суда с отметкой о надлежащем извещении лица. В некоторых регионах имеется практика, что уголовное дело по ст. 264.1 УК РФ может быть возбуждено только при наличии копии данного документа.

Значимой особенностью является то, что юридическим моментом начала применения нормы ст. 264.1 УК РФ может являться только вступившее в законную силу решения суда по ст. 12.8 либо ст. 12.26 КоАП РФ, таким образом, если одно и тоже лицо было застигнуто за управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, до вступления решения в законную силу по

первому производству в суде, то состав преступления по ст. 264.1 УК РФ отсутствует. В сложившейся ситуации будет присутствовать два самостоятельных административных правонарушения.

Одним из главных доказательств является видеозапись, которая свидетельствует о факте движения транспортного средства под управлением виновного лица, а также нахождении его в состоянии алкогольного опьянения, что подтверждается результатом освидетельствования. Отсутствие видеозаписи, ставит под сомнение данные факты. Как правило, видеозапись записывается на оптический диск и приобщается к материалу проверки, в дальнейшем, в рамках расследования уголовного дела дознавателю следует осмотреть данный диск и отразить результаты в протоколе осмотра предметов. Тактической рекомендацией будет проведение данного следственного действия с участием подозреваемого и его защитника. Где в ходе осмотра видеозаписи, лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, подтвердит факт, что на видеозаписи в качестве лица управляющего автомобилем в состоянии алкогольного опьянения изображен именно он. Данный тактический прием позволит усилить доказательственную базу, в случае дальнейшего отказа подозреваемого от признания вины, в совершении преступления предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Впоследствии оптический диск с видеозаписью подлежит признанию и приобщению к уголовному делу в качестве вещественного доказательства.

В ряде регионов Российской Федерации сложилась практика производства выемки оптического диска с видеозаписью у сотрудника ГИБДД. Данное следственное действие, проводимое дознавателем, считается излишним, поскольку применение видеофиксации отражается в первичных документах собираемых сотрудником ГИБДД и прилагается к материалам проверки при передаче их дознавателю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 264.1 УК РФ.

По делам, предусмотренным ст. 264.1 УК РФ автомобиль, на котором передвигался подозреваемый, является вещественным доказательством и подлежит обязательному изъятию. Но зачастую, по причинам связанным с отсутствием места для хранения, дознаватели не изымают автомобиль, на котором передвигался подозреваемый. Действительно, в ряде территориальных органов отсутствует место для хранения громоздких изъятых предметов, таких как автомобиль. Практика некоторых регионов рекомендует, возложить функцию по хранению изъятых автомобилей дознавателями в рамках ст.264.1 УК РФ на автостоянку при ГИБДД, поскольку считается, что сопровождение по делам данной категории преступлений оказывают сотрудники ГИБДД. Также при отсутствии такого соглашения с подразделением ГИБДД, изъятый автомобиль, возможно хранить на территории отдела полиции [4]. Изъятый автомобиль в присутствии собственника следует закрыть и опечатать. Ключи от автомобиля следует поместить в камеру хранения вещественных доказательств.

Сотрудников ГИБДД, осуществивших задержание водителя в состоянии алкогольного опьянения, необходимо допросить в качестве свидетеля.

В практической деятельности существует такое понятие, как оперативное сопровождение уголовных дел, суть которого заключается в оказании помощи дознавателю в расследовании уголовного дела (поиске свидетелей, собирании характеризующего материала на подозреваемого и т.д.). Оперативное сопровождение оказывает значимое влияет на успешное расследование уголовного дела. На практике подразделение выявившее преступление оказывает в дальнейшем оперативное сопровождение по расследованию уголовного дела. Как правило это делают сотрудники уголовного розыска, но в случае если преступление было выявлено к примеру, участковым уполномоченным полиции, то вернее будет сказать, что данным подразделением будет оказываться не оперативное сопровождение, а просто сопровождение по расследованию уголовного дела. Применительно к ст. 264.1 УК РФ, логично будет предположить, что сопровождение в ходе расследования уголовного дела должны оказывать сотрудники ГИБДД. В большинстве регионов данная обязанность не возлагается на сотрудников ГИБДД или сотрудников иных подразделений, таким образом, дознаватель единолично, без чьей либо помощи расследует уголовное дело, что значительно осложняет процесс расследования.

Несмотря на теоретическую регламентацию положения указанного в законодательстве, в практической деятельности существует ряд проблем применения закона, в частности процедуры сбора доказательственной базы на первоначальном этапе расследования преступления.

Так при отсутствии видеофиксации момента движения транспортного средства под управлением водителя в состоянии опьянения может возникнуть серьезная сложность в доказывании вины подозреваемого, поскольку основу доказательственной базы составляет именно видео, на котором запечатлен момент совершения преступления.

Судебная практика показывает, что судьями, несмотря на неоднократность совершение преступлений в сфере безопасности дорожного движения, назначается наказание не связанное с лишением свободы: в виде обязательных работ (на срок от 80 до 480 часов) или в виде лишения свободы (на срок от 10 месяцев до 1 года) условно с испытательным сроком от 1 года до 2 лет. Лишение свободы как вид наказания за преступление по делам данной категории назначается судьями при рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, в 4-ый, 5-ый раз [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что институт преюдиции хоть и является относительно не новым изобретением законодательства, тем не менее, в правоприменительной практике возникает мно-

го проблем. С чем дознавателю и приходится сталкиваться в ходе расследования уголовных дел данной категории преступлений. Процедура расследование по ст. 264.1 УК РФ не всегда является лёгкой, процесс расследования может обладать большим количеством нюансов, а также требовать от дознавателя наличие необходимых знаний не только в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и знания административно-процессуального права.

Список источников

1. Егорова Н.Э. Выявление и документирование состояния опьянения лица, управляющего транспортным средством: учебное пособие / Н.Э. Егорова., А.Н. Добров. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2015. 52 с.

2. Павлова Е.А. Практические проблемы, возникающие при выявлении нарушений, ответственность за которые предусмотрена Ст. 264.1 УК РФ / Е.А. Павлова // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2016. № 1 (3). С. 43-46.

3. Трухин С.А. Процессуальные проблемы доказывания по уголовным делам по статье 264. 1 УК РФ / С.А. Трухин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 211-220.

4. Обзор правоприменительной практики по расследованию преступления, предусмотренного статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://48.мвд.рф/document/15111052/. (Дата обращения 15.01.2022). Текст : электронный.

УДК 343.98

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Исаенко Вячеслав Николаевич

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики

ГОУ ВО «Московский государственный областной университет»

В статье рассматриваются принципы методики расследования преступлений. Высказано мнение о чрезмерно широком либо, напротив, суженном их перечне в работах некоторых исследователей, а таже о неоправданном, по мнению автора, включении в их число отдельных положений. Предлагается система принципов частной методики как обязательных условий организации и проведения расследования.

Ключевые слова: расследование преступлений, частная методика расследования, принципы, система принципов методики расследования, оптимизация расследования.

THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF A PRIVATE METHODOLOGY OF THE INVESTIGATION CRIMES

Isaenko V. N.

The article discusses the principles of the methodology of the investigation of crimes. An opinion about excessively wide or, on the contrary, has been obvious. Their lists in the works of some researchers, as well as the unjustified inclusion in their number of individual provisions. It is proposed optimal, according to the author,

© Исаенко В. Н., 2022

the system of principles of a private methodology as mandatory conditions for the organization and investigation.
Keywords: investigation of crimes, private investigation methodology, principles, system of principles of investigation methodology, investigation optimization.

На современном этапе особую актуальность приобретает совершенствование системы частных методик расследования преступлений отдельных видов. Их использование призвано обеспечивать определение наиболее соответствующей обстоятельствам расследуемого преступления и строго упорядоченной совокупности следственных, оперативно-розыскных, организационно-управленческих и иных действий, подлежащих оптимальному выполнению в исходной и последующих ситуаций расследования для решения его частных и общей задач. Еще в 1934 г. С.А. Голунский и Г.К. Рогинский вполне определенно высказались о том, что методика расследования изучает те конкретные формы, в которых обычно проявляются преступления данного типа, те специфические приемы, которые используются преступниками для совершения этих преступлений, и на основе изучения этих приемов вырабатывает пути к раскрытию преступлений [4, с. 4-5]. Полагаем, что данный тезис достаточно четко обрисовывает круг задач, на теоретическое разрешение которых должны быть ориентированы исследования в данной области. Одновременно верно обращено внимание на роль частных методик, разработка и совершенствование которых, оптимизация содержания (в том числе с использованием цифровых технологий) – основная задача современной криминалистики.

В трудах ученых-криминалистов значительное внимание уделено исследованию проблем криминалистической методики, в том числе системе ее принципов. Поскольку их точки зрения на данный вопрос широко известны, полагаем возможным рассмотреть и проанализировать отдельные из них. Они не всегда совпадают, в них высказываются конкурирующие точки зрения относительно систем как общих, так и частных принципов рассматриваемой методики.

В 2003 г. И.А. Возгрин предложил широкую систему данных принципов, которая делится на три группы:

1. Общие принципы, формулирующие ее базовые положения как особой системы научного знания об организации и осуществлении уголовного преследования лиц, совершивших преступные деяния: принцип историзма, принцип системности криминалистического научного знания, принцип единства теории и практики в криминалистической методике расследования преступлений.

2. Частные принципы, определяющие исходные положения построения и использования частных методик расследования: законность, теоретическая обоснованность и практическая ценность, конкретность, плановая основа, этапность, ситуационность, реализация этических норм.

3. Специальные принципы, раскрывающие положения о структуре и содержании отдельных групп методик расследования преступлений, в которых разрабатываются комплексы практических рекомендаций следователям по организации и проведению расследования отдельных групп преступлений, объединенных общностью существенных их признаков [2, с. 260-288].

Представляется, что в предложенная И.А. Возгриным систему принципов криминалистической методик включены и такие положения, которые собственно криминалистическими не являются, т.к. они свойственны и иным отраслям юридической науки и практики (принципы историзма, законности, этики). Полагаем также, что специальные принципы не нашли широкого освещения в указанной его работе. По сути, их характер в интерпретации автора сводится к отражению в них особенностей методик расследования преступлений отдельных категорий.

Н.А.Селиванов к числу основных принципов методики расследования относит следующие (приводятся в сжатом виде): 1. Планомерность осуществления системы действий, из которых складывается расследование, обеспечивающее его полноту и экономичность. 2. Обусловленность методики расследования предметом доказывания. 3. Соответствие методики расследования по конкретному уголовному делу и построение ее основы на положениях соответствующей типовой методики, учитывающей типовую криминалистическую характеристику преступлений данного вида. 4. Построение системы следственных действий, образующих методику расследования по тому или иному уголовному делу, с учетом обстоятельств дела, конкретной следственной ситуации. 5. Оптимальность набора следственных действий, обеспечивающего полноту, точность и экономичность расследования. 6. Подразделение следственных действий на первоначальные и последующие. 7. Оптимальная последовательность намечаемых и проводимых следственных действий. 8. Включение в структуру методики расследования не только простых элементов в виде отдельных следственных действий, но и сложных – в виде комплексов следственных действий, подчиненных каким-либо частным задачам. 9. Рациональность чередования не только отдельных следственных действий внутри каждой частной их совокупности (комплекса), но также определение оптимальной очередности осуществления самих названных совокупностей. 10. Подвижность, динамичность методики расследования любого конкретного преступления [7, с. 122-128].

В данном перечне принципов очевидно их отнесение более к непосредственной деятельности по организации и проведению расследования. В то же время представляется несколько излишним повторение условия оптимальности и последовательности не только к набору намечаемых и проводимых следственных действий, но также их сочетаний. Полагаем, что данное требование в равной мере распространяется на весь процесс планирования и проведения рассле-

дования. В частности, нельзя не учитывать, что такой неотъемлемый принцип методики расследования как подвижность и динамичность в его практическом проявлении нередко заставляет следователя отказываться от ранее намеченного и представляющегося оптимальным комплекса действий, искать иной путь расследования.

Р.С. Белкина констатирует, что в общих положениях криминалистической методики должны найти отражение исходные принципы, заключающиеся в следующем:

I. При разработке методики расследования любого вида преступлений криминалистика исходить из требования строжайшего соблюдения законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия.

II. При разработке криминалистической методики следует исходить из знания способов совершения преступлений, условий, определяющих выбор способа и возникновение следов его совершения. Криминалистическая методика, обобщая накопившийся опыт, позволяет учесть ошибки, допущенные при расследовании конкретных видов преступлений.

III. Частная криминалистическая методика должна быть рассчитана на ее адаптацию применительно к конкретным условиям расследования. Это требует при ее разработке учета типичных следственных ситуаций, формулирования типичных версий, определения круга типичных доказательств и ориентиров для установления виновного.

IV. Расследование преступлений должно преследовать цель не только изобличения виновных, привлечения их к уголовной ответственности и возмещения причиненного преступлением ущерба, но и выяснения и устранения обстоятельств, способствующих совершению или сокрытию преступлений.

V. Обобщение следственной практики предполагает разработку такого важного для дела борьбы с преступностью вопроса, как изыскание путей и форм координации и тесного взаимодействия в работе следователя и оперативных работников, использование помощи населения и средств массовой информации при производстве расследования, эффективное использование в целях установления истины специальных познаний [1, с. 203-204].

В работах ученых-криминалистов, опубликованных в последние годы, также уделено внимание формированию комплексов принципов криминалистической методики расследования, содержание которых в своей основе как близко к приведенным, так и различается по объему и по содержанию.

В.Д. Корма называет в качестве основных принципов методики принципы ситуационности, этапности и планомерности [5, с. 15-18].

А.М. Кустов считает принципами криминалистической методики следующие: 1) законность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; 2) полноту, объективность и всесторон-

ность расследования; 3) обеспечение прав и свобод человека и гражданина, втянутого в уголовное судопроизводство [6, с. 149].

Представляется неоправданным отсутствие в системах принципов, предложенных В.Д. Кормой, А.М. Кустовым, обусловленности частной методики предметом доказывания по находящемуся в производстве уголовному делу, планомерность, ситуационный подход, взаимодействие следователя с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений. Сложно согласиться с включением А.М. Кустовым, а также Р.С. Белкиным и другими учеными в число принципов криминалистической методики положений уголовно-процессуального права, обязанность соблюдения которых установлена законом. По этому поводу еще А.Н. Васильев подчеркнул, что процессуальные правила следственных действий и научные уголовно-процессуальные положения не входят в содержание криминалистической методики расследования и криминалистики вообще [2, с. 11].

Несомненным представляется формирование более выверенной системы принципов частных криминалистических методик расследования. Она должна включать только те положения, следование которым безусловно необходимо при выполнении этой деятельности, а также быть сформированной с должной полнотой и разумной достаточностью составляющих ее принципов. Несмотря на очевидную взаимосвязь криминалистики и уголовного процесса, включение в число принципов криминалистической методики принципов и других положений уголовно-процессуального права является излишним с учетом содержания предмета криминалистики.

Деятельность следователя характеризуется последовательностью перехода от первоначального к последующим его этапам. С учетом характера и сложности структуры процессуальной и криминалистической деятельности на каждом из них, а также видовой специфики расследуемого преступления, решение типичных задач предварительного следствия целесообразно осуществлять путем применения тактических комплексов – ситуационно обусловленных сочетаний организационно-управленческих, следственных, оперативно-розыскных, организационно-управленческих и иных действий, выполняемых в определенной последовательности. Названные комплексы являются подсистемами действий в общей системе частной методики.

С учетом существенного расширения информационных возможностей расследования считаем необходимым включить в число принципов методики его осуществления использование сведений о преступлениях того же вида или разновидности как ориентира в построении оптимальной индивидуальной методики расследования преступления, дело о котором находится в производстве следователя в данный момент. При расследовании преступлений совершенных без очевидцев, нельзя также не учитывать не только возможность, но и обязанность принятия мер к выявлению других преступлений, обстоятельства которых могут указывать на их серийность.

С учетом изложенного полагаем, что система принципов частной методики как необходимого средства оптимизации расследования включает следующие положения: 1) обусловленность предметом доказывания; 2) этапность и планомерность; 3) ситуационная и информационная обусловленность; 4) комплексный подход к решению частных задач расследования сообразно отдельным устанавливаемым обстоятельствам; 6) использование результатов оперативно-розыскной деятельности; 7) использование материалов расследования других преступлений данного вида или разновидности, а также материалов обобщения и анализа практики их рассмотрения в судах.

Список источников

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. / Р.С. Белкин. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. 837 с.

2. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений / А.Н. Васильев. Москва: ЛексЭст. 2002.(Перепеч с изд. 1978 г.). 64 с.

3. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография / И.А. Возгрин. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. 475 с.

4. Голунский С.А. Техника и методика расследования преступлений / С.А. Голунский, Г.К. Рогинский. Москва: Гос.изд-во «Советское законодательство», 1934. 28 с.

5. Корма В.Д. Методика расследования преступлений: современное состояние, проблемы: монография / В.Д. Корма. Москва: Юрлитинформ, 2020. 200 с.

6. Кустов А.М. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XXI в.): монография. В 2 т. Т. 2 / А.М. Кустов, В.О. Лапин; под ред. А.М. Кустова. Москва: Юрлитинформ, 2021. 327 с.

7.Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий: монография/Н.А. Селиванов. Москва: Юридическая литература,1982. 112 с.

УДК 343.98

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ, КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ

Калюжный Александр Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

В статье проводится классификация международных правовых актов, исследуется содержание специализированного международного законодательства в сфере обеспечения прав инвалидов. Автором обосновывается его неотъемлемая принадлежность к структуре методик расследования ятрогенных преступлений и методик расследования преступлений против свободы личности. Аргументируется значение имплементированного международного законодательства для выявления закономерностей формирования методик расследования преступлений.

Ключевые слова: преступления, методика расследования, международное законодательство, права инвалидов.

© Калюжный А. Н., 2022

SPECIALIZED INTERNATIONAL LEGISLATION IN THE FIELD OF ENSURING THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABLED AS A COMPONENT PART OF CRIMINALISTIC INVESTIGATION METHODS

Kalyuzhny A. N.

The article provides a classification of international legal acts, examines the content of specialized international legislation in the field of ensuring the rights of persons with disabilities. The author substantiates its inalienable belonging to the structure of methods for investigating iatrogenic crimes and methods for investigating crimes against individual freedom. The importance of the implemented international legislation for identifying patterns in the formation of methods for investigating crimes is argued.

Keywords: crimes, investigation methods, international legislation, rights of the disabled.

Здоровье человека является одной из значимых категорий, проблематика исследования которого является приоритетной областью познания многих наук. Среди направлений исследования здоровья, не теряют актуальность разработки в сфере обеспечения и реализации прав инвалидов. Рассматриваемые проблемы являются значимы и для криминалистической науки, позволяя разработать составную часть методик расследования ятрогенных преступлений и методик расследования посягательств на свободу личности (имплементированные положения в ст.128 УК РФ относятся и ятрогенным преступлениям, и к посягательствам на свободу личности), обосновав правовые основы расследования вида (группы) указанных преступлений и выявить детерминанты формирования соответствующих методик.

Проведенный анализ международно-правовых основ, регламентирующих правоотношения инвалидов, позволяет нам условно классифицировать имеющиеся международные нормы на группы, отличающиеся по юридической силе правовых актов, предмету правового регулирования, территориальной сфере их действия и другим основаниям. Выбрав критерий юридической силы, мы разделили международное законодательство в сфере обеспечения права на здоровье на следующие группы: основополагающие международно-правовые нормы, носящие универсальный характер и гарантирующие неотъемлемые права и свободы человека; региональные международно-правовые нормы, представленные актами Европейского Союза, стран Содружества независимых государств, и других межгосударственных объединений; а также специализированное законодательство в сфере охраны здоровья, регламентирующее права в области материнства, умственно отсталых лиц, инвалидов и др. Особенностями последней группы правовых актов выступает ориентация международного законодателя на отдельные (частные) вопросы правового регулирования в сфере охраны здоровья.

Поскольку международно-правовыми документами «инвалидность» определяется как постоянное или временное функциональное ограничение, вызванное физическими, умственными или сенсорными дефектами, состоянием здоровья или психическим заболеванием [1, с. 139], обратимся к комплексу правовых актов, учреждающих

правовой статус инвалидов, содержащих направления совершенствования их жизнедеятельности и механизмы реализации прав инвалидов государствами.

Неоднократное обращение членов международного сообщества к различным проблемам инвалидов, позволило рассматривать данные категории людей как субъектов права, имеющих соответствующий правовой статус, процедуры реализации которого должны осуществляться наряду с другими людьми. Развитием указанного подхода стало принятие в 1969 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларации социального прогресса и развития. Положения рассматриваемой Декларации гарантировали защиту инвалидов, людей, страдающих физическими и умственными недостатками (ст.11), закрепив право каждого жить в условиях свободы (ст.1), провозгласив ликвидацию всех форм неравенства и эксплуатации отдельных лиц (ст. 2) [2].

Основываясь на принципах достоинства личности и ценности ее прав и свобод, а также выражая приверженность основополагающим международно-правовым актам, Генеральная Ассамблея ООН в 1975 г. приняла Декларацию о правах инвалидов. Подчеркивая терминологические толкование категории «инвалид», как лица, имеющего врожденный или приобретенный физический или умственный недостаток (ст.1), Декларация провозглашает равенство их прав в сравнении с другими людьми (ст.4). Декларация запрещает любые формы эксплуатации и дискриминации инвалидов, гарантируя профессиональное медицинское, психиатрическое лечение (ст.6), квалифицированную юридическую помощь, учитывающую их физическое или умственное состояние (ст.11) [3].

Содействию реализации прав инвалидов, восстановлению их дееспособности, улучшению социального и экономического положения способствует Всемирная программа действий в отношении инвалидов (1982 г.), являющаяся одним из специализированных правовых актов в исследуемой нами сфере. Основываясь на международной классификации дефектов, инвалидности и нетрудоспособности [4, с. 21], Всемирная программа действий закрепила термины «инвалидность», «нетрудоспособность», «дефект», устранив имеющуюся в них ранее противоречивость, а также выработала направления профилактики инвалидности. Среди таких направлений Всемирная программа выделила: предупреждение инвалидности, восстановление трудоспособности указанных лиц, их информационное и общественное просвещение, подготовка медицинского персонала и др.

Учитывая положения основополагающих международных правовых актов, а также опыт реализации Всемирной программы действий в отношении инвалидов, в 1993 г. Генеральной Ассамблеей ООН были разработаны и утверждены Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов [5, с. 42]. Правила подчеркнули, что права инвалидов выступают предметом пристального внимания со стороны различных международных организаций и направлены на учреждение их равенства (прав инвалидов) с другими

лицами. Рассматриваемый правовой акт уточнил понятия «инвалидность», «нетрудоспособность», «реабилитация», «обеспечение равных возможностей».

Правила возложили на государства-участников обязанность разработки программ реабилитации инвалидов, лиц, с психическими расстройствами, обеспечения им доступа к любым видам медицинского лечения, лекарственным препаратам (правила 2 и 3), реализации свободы личности (правило 9), провозглашения и гарантированности прав инвалидов в национальных законодательствах (правило 15) [5, с. 43].

Актуализируя проблемы, связанные с инвалидностью, в 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о правах инвалидов. Положения анализируемой Конвенции гарантируют защиту личной целостности, подчеркивая право каждого на уважение его физической и психической целостности (ст.17); свободу от пыток и других жестоких и бесчеловечных видов наказания и обращения, включая медицинские опыты и эксперименты (ст.15); свободу передвижения (ст.18) и неприкосновенность частной жизни (ст.22). Исследуемый правовой акт закрепляет и право на свободу и личную неприкосновенность лиц, страдающих психическими расстройствами, указывая на то, что инвалидность не может быть основанием для ограничения или лишения свободы (ст.14) [6].

Конвенция о правах инвалидов явилась документом, систематизирующим и обобщающим права и свободы инвалидов, а также лиц, страдающим психическими расстройствами. Она же предусмотрела гарантии реализации и обеспечения, закрепленных в ней прав и свобод.

Проанализированные нами положения специализированного законодательства детализируют сферу применения неотъемлемых прав и свобод, закрепленных в основополагающих международно-правовых актах, акцентируя свое внимание на инвалидах, их правовом и социальном статусе, гарантиях и механизмах реализации, предоставленных прав.

Содержание специализированного международно-правового законодательства в сфере обеспечения прав инвалидов выступает неотъемлемой частью правовых основ методик расследования ятрогенных преступлений и методик расследования посягательств на свободу личности, детализируя рассмотренные положения в нормах отечественных правовых актов. Конкретизация права на охрану здоровья и обеспечение гарантий реализации правового статуса инвалидов находят воплощение в положениях уголовного законодательства России, устанавливающего составы ятрогенных преступлений, посягательств на свободу личности. Указанные деяния выступают правовой базой, основой для их объединения в группы, виды, обоснования единых для них способов совершения исследуемых посягательств, общих для них приемов раскрытия и расследования, а также аргументации единых закономерностей построения методик расследования соответствующих преступлений [7, с. 155]. Следует отме-

тить, что любая методика расследования преступлений или их группы (вида), детерминирована развитием законодательства в определенные периоды времени и его современным состоянием, поскольку именно законодатель определяет особенности криминализации или декриминализации деяний [8, с. 253]. Изучение международно-правовых основ в сфере здравоохранения позволяет оценить их имплементацию в нормы отечественного законодательства, выявив составы преступлений оставшихся без внимания отечественного законодателя, или же наоборот излишне криминализированными им (законодателем).

Изложенное свидетельствует о том, что положения специализированного международно-правового законодательства в сфере охраны здоровья (охраны прав инвалидов) являются составной частью методик расследования преступлений.

Список источников

1. Жаворонков Р.Н. Проблемы толкования Конвенции ООН о правах инвалидов: правосубъектность лиц с психическими расстройствами // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 135-145.

2. Декларация социального прогресса и развития // Официальный сайт Организации объединенных наций [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/ declarations/socdev.shtml (Дата обращения 26.01.2022 г.).

3. Декларация о правах инвалидов // Официальный сайт Организации объединенных наций [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ disabled.shtml (Дата обращения 26.01.2022 г.).

4. Ручкина Г.Ф., Демченко М.В. К вопросу о соответствии требованиям Конвенции о правах инвалидов качества жизни инвалидов в Российской Федерации и проводимых реабилитационных мероприятий // Международное публичное и частное право. 2018. № 5. С. 20-25.

5. Заборовская Ю.М. Влияние Конвенции ООН о правах инвалидов на уголовно-исполнительную политику России и исправление осужденных инвалидов // Международное право и международные организации. 2018. № 1. С. 40-46.

6. Конвенция о правах инвалидов // Бюллетень международных договоров. № 7. 2013.

7. Боровских Р.Н., Гармаев Ю.П. Основы концепции укрупненных (общих, базовых) криминалистических методик расследования преступлений // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 152-157.

8. Шурухнов Н.Г. Классификация криминалистических методик расследования преступлений, ее теоретическое и практическое значение // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 252-256.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУИЦИДА ОСУЖДЕННЫХ-СМЕРТНИКОВ

Китаев Николай Николаевич
Доцент кафедры юриспруденции, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист России
Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск)

Ардашев Роман Георгиевич
Старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы, кандидат юридических наук
Академия управления МВД России (г. Москва)

В статье авторы освещают вопрос о том, что само существование в российском обществе лиц, осужденных к смертной казни, которая реально могла приводиться в исполнение, обусловило возникновение в СМИ ряда легенд, которые можно рассмотреть с позиций криминалистики при исследовании темы о суициде убийц, осужденных к смертной казни.

Ключевые слова: суицид осужденных убийц, смертная казнь, предсмертные записки, инсценировка, легенды, криминалистика.

SOME CRIMINALISTIC ASPECTS OF SUICIDE OF MURDERERS SENTENCED TO DEATH PENALTY

Kitaev N. N., Ardashev R. G.

The article, the authors highlight the issue that the very existence in Russian society of persons sentenced to death, which could actually be carried out, led to the emergence of a number of legends in the media that can be considered from the standpoint of forensic science when studying the topic of suicide by death row convicts.

Keywords: suicide of convicted murderers, death penalty, suicide notes, dramatization, legends, criminalistics.

Конституционный суд РФ 2 февраля 1999 г. принял постановление, согласно которому смертные приговоры в России выноситься не могут. Правоприменительная практика российской действительности свидетельствует, что этот «акт гуманизма» очень ободряюще подействовал на лиц, совершивших убийства при отягчающих обстоятельствах. Для преступников исчез мощный сдерживающий фактор – гарантированный законом страх за реальную потерю своей жизни в случае совершения особо тяжких преступлений [1, с. 43].

Одним из авторов в Иркутском следственном изоляторе было опрошено 53 человека, осужденных к смертной казни за убийства. В следственном изоляторе г. Иркутска в те годы приводились в исполнение смертные приговоры, вынесенные судами в Иркутской и Читинской областях, а также в Якутии и Бурятии. При этом 42 опрошенных сообщили: признание в убийстве ими было дано в надежде на смягчение наказания, сохранение им жизни судом [2, с. 35].

© Китаев Н. Н., Ардашев Р. Г., 2022

Социологические исследования отдельных авторов свидетельствуют, что страх наказания удерживает от совершения преступлений от 14 до 24% совершеннолетних граждан [3, с. 323]. Мы солидарны с мнением известного ученого Бестужева-Лады И.В.: «…Пока смертная казнь хоть в малейшей степени помогает сдерживать смертоубийства – отменять ее так же преступно-глупо, как «отменять» деньги, армию, милицию и другие государственные атрибуты…» [4, с. 291].

Нетрудно подсчитать, что наличие смертной казни в системе уголовного наказания современной России спасало бы ежегодно многие тысячи человеческих жизней. К сожалению, законодатель, решая проблему смертной казни, не посчитался с общественным мнением, хотя большинство населения страны (по разным источникам – от 65 до 90%) выступает против отмены смертной казни (особенно в отношении убийц, педофилов, террористов и бандитов).

При изучении аспектов отечественной криминалистики недавнего прошлого приходится сталкиваться с утверждением (мнением, легендами) о том, что суицид убийц, осужденных в нашей стране к исключительной мере наказания, на самом деле являлся инсценировкой.

Один из авторов настоящей публикации много лет работал следователем, с помощью надзирающих сотрудников органов прокуратуры длительное время изучал личности смертников, что нашло отражение в его диссертации (1981-1993 гг.) [5, с. 166]. За весь период работы следователем, по уголовным делам Китаева Н.Н. 58 убийц было приговорено к смертной казни, из которых 41 осужденный – казнен, 4 – покончили с собой в камерах смертников, а по 13 убийцам вышестоящая инстанция заменила расстрел на длительное лишение свободы [6]. Приходилось изучать и архивные расстрельные дела в различных регионах СССР, что впоследствии было оформлено в виде монографии, подтвердившей – по некоторым делам к смертной казни приговаривались невиновные люди, а часть таких невиновных оказалась казненной [7]. Но из 224 изученных уголовных дел (18 покончивших суицидом в камерах смертников) нет ни одного, где самоубийство осужденного оказалось бы инсценировкой. Создатели подобных «легенд» [8, с. 334-335] в СМИ просто не были знакомы с совершенно секретным приказом МВД СССР, регламентирующим особый порядок содержания лиц, осужденных к исключительной мере наказания (одиночное содержание в камерах, специальный режим допуска лиц для любых контактов с осужденными и т.п.). Этот приказ продолжал действовать в России и после распада СССР.

С 30-х годов минувшего века в СССР на осужденных к смертной казни проводились опыты с заведомо летальным исходом – в специальной лаборатории НКВД, которой руководил доктор Майрановский Г. На смертниках испытывали всевозможные яды, а также виды специального оружия. Лишь во время экспериментов с умерщвлением уколами отравленной трости, зонта и пишущей ручки было

уничтожено несколько десятков осужденных смертников. Эту лабораторию переименовали позднее в «токсическую лабораторию МГБ СССР». Сам Майрановский был арестован и осужден «за незаконное хранение отравляющих веществ» – его подробные показания об этих массовых убийствах смертников сыграли важную роль в процессе над группой Берии Л. П. в 1953 году. Материалы архивного уголовного дела Майрановского Г. свидетельствуют о широко практиковавшемся экспериментальном умерщвлении людей: «Почти ежедневно в лабораторию поставляли заключенных, приговоренных к высшей мере «социальной защиты» – к расстрелу… Майрановский приводил в лабораторию дряхлых и цветущих по состоянию здоровья людей, полных и худых… Одни умирали через три-четыре дня, другие мучились с неделю…».

Очевидно, сведения о совершенно секретной лаборатории Майрановского дали основание для литературного изобретения – «куклы», придуманной предателем Резуном В.Б. Кадровый советский разведчик Резун, сбежавший на Запад в 1978 году, пишет под псевдонимом Виктор Суворов. Его книга «Аквариум» посвящена ГРУ – Главному разведуправлению Генерального штаба Российских вооруженных сил.

О тренировках спецназа ГРУ Резун-Суворов пишет: «Кукла – это человек такой. Человек для тренировки… Это преступник, приговоренный к смерти… Говорят, что приговоренных к смерти на уран посылают. Чепуха. На уране обычные зеки работают. Приговоренных к смерти более продуктивно используют. Один из видов такого использования – сделать его куклой в Спецназе. Нам хорошо, и ему. Мы можем отрабатывать приемы борьбы, не боясь покалечить противника, а у него отсрочка от смерти получается… Приказывают куклу длительно использовать, осторожно. Но это на качество занятий не очень влияет. Ты его не можешь сильно калечить, а у него ограничений нет… Терять ему нечего. Шею свернуть запросто может. Оттого бой с куклой в сто раз полезнее, чем тренировка с инструктором или коллегой. Бой с куклой – настоящий бой, настоящий риск».

О склонности Суворова В. к фальсификации и выдумкам ради сенсаций много лет писали разные специалисты, к той же категории относятся и мифические «куклы-смертники». Наше изучение нормативных документов, регламентировавших порядок содержания осужденных к смертной казни и само ее исполнение в Советском Союзе, показало, что кроме экспериментов в лаборатории Майрановского, приговоренные к исключительной мере наказания в нашей стране умерщвлялись тем способом, который указывался в приговоре (расстрел, повешение). Кроме того, следует учесть, что в камеры смертников после вынесения приговоров регулярно попадали лица, имевшие категорию «Мастер спорта СССР» по различным видам спортивных единоборств, тогда как военнослужащие спецназа ГРУ далеко не всегда обладали такой квалификацией.

Если гипотетически представить возможность, о которой пишет Суворов, использования таких смертников для тренировки бойцов спецподразделений, то нетрудно понять – подобный осужденный мастер рукопашного боя получит возможность в поединках-спаррингах убивать безнаказанно военнослужащих спецназа, не неся за это никакой ответственности (он уже осужден к смертной казни). Абсурдность данной ситуации, очевидно, просто не приходила в голову изобретателю «кукол» Суворову В.

В легендах о смертниках (СМИ) можно было найти утверждения о том, что покончившие суицидом осужденные оставляли предсмертные письма, в которых указывали истинных виновников содеянного и настоящие обстоятельства криминальных событий. На самом деле такие записки осужденных к исключительной мере наказания (обращения, жалобы и т.п.) в подавляющем большинстве случаев не содержали существенной новой информации по делу [9, с. 2-4]. Стремление избежать смертной казни (отдалить ее исполнение) традиционно способствовало созданию арестованными (осужденными) различных оправдательных версий, о чем писал еще Браиловский В.В.

Исключение здесь составляет, пожалуй, дело П., которого обвиняли в совершении убийства несовершеннолетнего В, сопряженного с актом мужеложства, а затем – в убийстве 7-летнего Р., на трупе которого имелось более 90 колото-резаных ран. В ходе расследования П. называл фамилии разных соучастников, путался в показаниях, отказывался от признания и вновь давал новое. В последствие выяснилось, что П. был подвергнут сексуальному и иному насилию со стороны сокамерников, содержался в так называемой «пресс-хате» [10]. Иркутский областной суд вынес 22 августа 1995 г. П. смертный приговор, а его соучастников – А., Г. и Д. приговорил к разным срокам лишения свободы. Верховный Суд России приговор отменил, указав в своем определении от 3 апреля 1996 г., что «…приговор не подписан председательствующим по делу судьей Е.» (лист 3 определения), направил дело на рассмотрение в Иркутский областной суд – в ином составе судей.

Оказалось, что П. покончил с собой в камере смертников (самоповешение) еще 7 октября 1995 г., оставив записки, указывающие на истинную картину криминальных событий. Сообщники П., узнав о его смерти, стали корректировать свои показания в выгодном для себя варианте. Определением судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 27 августа 1996 г. уголовное дело в отношении П. прекращено в связи с его смертью (п. 8 ст. 5 УПК РФ). 1 октября 1996 г. Иркутский областной суд вынес обвинительный приговор А., Г. и Д., сославшись на прежние показания П. и его предсмертные записи [11]. Все трое были приговорены к лишению свободы, но отсутствие П. давало преступникам и их адвокатам широкую возможность маневра в кассационных жалобах. И Верховный Суд России своим определением от 27 января 1997 г. приговор

изменил – в отношении Д. приговор отменен за отсутствием в его действиях состава преступления.

В отношении А. суд переквалифицировал инкриминируемые деяния и освободил его из-под стражи. Только Г. были оставлены 13 лет лишения свободы (соучастие в убийстве Р., сопряженном с мужеложством).

Материалы данного архивного дела не содержат сведений, почему судья Е., вынося смертный приговор, не подписал его экземпляры (как рукописный, так и машинописный).

Список источников

1. Китаев Н.Н. О тактике получения признания вины от лица, осужденного к смертной казни, с последующей отменой приговора // Сибирские криминалистические чтения. Вып. XI. Иркутск, 2000. С. 43-46.

2. Китаев Н.Н. Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств. Иркутск, 1992. 168 с.

3. Келина С.Г. Смертная казнь в системе советской уголовной политики // Смертная казнь: за и против. Москва, 1989. С. 322-333.

4. Бестужев-Лада И. В. Гуманизм и псевдогуманизм // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 276-297.

5. Китаев Н.Н. Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство: Дис…канд. юрид. наук. Томск, 1994. 234 с.

6. Комаров А. На допрос вызывается …труп // Труд-г. 1999. – 9 декабря.

7. Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. Санкт-Петербург, 2004. 338 с.

8. Суворов В. Освободитель. Аквариум. М., 1997. 592 с.

9. Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Криминалистическое значение предсмертных писем убийц, покончивших суицидом // Российский следователь. 2012. № 20. С. 2-4.

10. Бегагоина Л.А сообщники ушли от ответа // Восточно-Сибирская правда. 1995. 2 сентября.

11. Архив Иркутского областного суда, 1996. Уголовное дело № 2-160-96.

УДК 343.98

СОДЕРЖАНИЕ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Климова Яна Александровна
Доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД,
кандидат юридических наук
Волгоградская академия МВД России

В условиях развития новых трендов подростковой преступности особое значение приобретает проблема совершенствования содержания существующих элементов криминалистической характеристики и разработки новых эффективных методик расследования преступлений в данной сфере. Безусловно огромное влияние на сферу преступности несовершеннолетних оказывает стремительная цифровизация всех сфер жизни. В статье рассматриваются содержание основных элементов криминалистической характеристики механизма преступлений,

© Климова Я. А., 2022

совершенных несовершеннолетними, актуальные проблемы методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Автором предлагается рассматривать личность несовершеннолетнего преступника и способ совершения преступления в качестве ключевых элементов криминалистической характеристики механизма рассматриваемого вида преступлений.

Ключевые слова: методика расследования, несовершеннолетний, криминалистическая характеристика механизма преступлений, преступность несовершеннолетних, цифровизация, преступления террористической и экстремистской направленности

THE CONTENT OF THE MAIN ELEMENTS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE MECHANISM OF CRIMES COMMITTED BY MINORS

Klimova Y. A.

In the context of the development of new trends in juvenile delinquency, the problem of improving the content of existing elements of criminalistic characteristics and developing new effective methods of investigating crimes in this area is of particular importance. Of course, the rapid digitalization of all spheres of life has a huge impact on the sphere of juvenile delinquency. The article discusses the content of the main elements of the criminalistic characteristics of the mechanism of crimes committed by minors, the actual problems of the methodology of investigation of crimes committed by minors. The author proposes to consider the identity of a juvenile offender and the method of committing a crime as key elements of the criminalistic characteristics of the mechanism of the type of crimes under consideration.

Keywords: investigation methodology, juvenile, criminalistic characteristics of the mechanism of crimes, juvenile delinquency, digitalization, crimes of terrorist and extremist orientation

В Стратегии национальной безопасности в качество приоритетного направления ее реализации прямо указана борьба с преступностью несовершеннолетних [1]. Это обусловлено тем, что удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними на протяжении длительного времени остается на достаточно высоком уровне [2]. Данная тенденция продолжает усиливаться, во многом приобретая новое качественное содержание.

В своем обращении Президент РФ В. В. Путин подчеркнул важность активной работы правоохранительных органов в направлении снижения подростковой преступности. Особое внимание Президент заострил на необходимости наращивания активности в Интернет-пространстве с целью недопустимости склонения несовершеннолетних к совершению преступлений по средствам глобальной сети [3].

В качестве основной проблемы, снижающей качество предварительного расследования данной категории дел, можно выделить тот факт, что в настоящего времени отсутствуют разработки соответствующей научно обоснованной криминалистических характеристик и методик расследования новых видов преступлений, совершенных несовершеннолетними (в частности, возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинств, участия в массовых беспорядках, призывов к терроризму и экстремизму и др.).

Особое внимание хотелось бы уделить содержанию элементов криминалистической характеристики механизма таких преступлений, как возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, публичные призывы к террористической и экстремистской деятельности, которые, как правило, совершаются несовершеннолетними в составе группы.

Говоря о личности несовершеннолетнего преступника, следует учитывать, что негативное влияние на преступность несовершеннолетних оказывают экстремистские проявления в молодежной среде, которые развиваются практически на всей территории Российской Федерации. В качестве основной причины их популярности следует отметить широкое распространение «деструктивных идей» в сети «Интернет». При этом в процессе осуществления своей деятельности идеологи экстремизма особую ставку делают на несовершеннолетних. Это обусловлено тем, что именно они являются наиболее мобильной средой, легко подверженной внешнему влиянию и воздействию.

Анализ уголовных дел дает основание утверждать, что чаще всего рассматриваемые преступления совершают несовершеннолетние в возрасте 14-18 лет, как правило, нигде не работающими и не учащимися, реже – учащимися школ, студентами ССУЗов и ВУЗов.

Так, резонансное жестокое убийство произошло в ночь на 13 июня 2020 года, после Дня России. Виталий Васильев нанес 20 ножевых ранений 17-летнему гражданину Азербайджана Тимуру Гаврилову, который скончался на месте происшествия. Было установлено, что на протяжении нескольких лет (в том числе являясь несовершеннолетним) Васильев состоял в неформальной организации, где воспитывалась ненависть к людям иной национальности [5].

Кроме этого, для уяснения специфики расследования данной группы преступлений, совершенных несовершеннолетними, следует особое внимание уделить рассмотрению такого элемента криминалистической характеристики как способ совершения преступлений. Особенность заключается в том, что рассматриваемые преступления все чаще совершаются с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и в основной своей массе несовершеннолетние преступники предпочитают дистанционный способ, не требующий специальных знаний в области техники, характеризующийся доступностью и анонимностью, легким доступом к широкой аудитории, глобальным распространением, высокой скоростью передачи информации, простота в использовании, наличием мультимедийных возможностей, а также минимальными затратами и усилиями для подготовки и совершения таких преступлений.

Этим обусловлена современная особенность проявления экстремизма в молодежной среде, заключающаяся в развитии принципиально новой тенденции: объединению преступных групп несовершеннолетних по «сетевому» принципу: в мобильных мессенджерах («WhatsApp», «Viber», «Telegram»), социальных сетях («TikTok», «ВКонтакте», «Twitter», «Instagram», «Мой Мир»

(на Mail.ru), «FaceBook», «Одноклассники», «Моя живая страница», «Планета», «Внезапно.ру», «Привет.ру»), на специализированных сайтах (видеохостинг «YouTube», игровые сообщества), на интернет-площадках маркетплейсов теневой сети «DarkNet». Деструктивные группы, построенные по «сетевому принципу», в своей деятельности предполагают большую самостоятельность, действуя в обычное время автономно, они в определенное время могут объединяться для проведения групповых противоправных действий, создавая достаточно большие массы правонарушителей. В качестве координирующего органа, определяющего время и место проведения подобных «акций», используется коммуникационная сеть «Интернет».

В подтверждение этого можно привести многочисленные примеры из следственной и судебной практики.

Так, летом 2020 года группа 14-летних девятиклассников вели во «ВКонтакте» переписку, где обсуждали идеи анархизма. Летом 2020-го они наклеили на здание ФСБ соответствующие листовки. По данным ФСБ, школьники готовились к террористической деятельности с октября 2019 года, изучая запрещенную экстремистскую литературу и просматривая фильмы об изготовлении взрывчатки, а также отрабатывая навыки в заброшенных зданиях и на пустырях. По данному факту было возбуждено уголовное дело по статье 205.3 УК («Прохождение обучения с целью осуществления террористической деятельности») [6].

Таким образом, дальнейшее исследование элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений видится нам перспективным. Поскольку разработка новых средств и методик выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними с применением современных технологий, позволит органам расследования эффективно осуществлять уголовное судопроизводство по данной категории дел.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

2. Анализ состояния преступности несовершеннолетних в г. Волгограде за 12 месяцев 2020 года, за первое полугодие 2021 года (на основании материалов уголовных дел).

3. Путин оценил работу по профилактике подростковой преступности. URL: https://ria.ru/20200226/1565224302.html (дата обращения 25.01.2022).

4. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети «Интернет». URL: https://ncpti.su/ (дата обращения 28.01.2022). Текст : электронный.

5. «Новости Волгограда». URL:https://v1.ru/text/theme/18835/ (дата обращения 20.01.2022). Текст : электронный.

6. «Лента.ру» интернет-газета. Электронное периодическое издание (Lenta.ru). URL: https://lenta.ru/news/2020/11/20/kansk/ (дата обращения 20.01.2022). Текст : электронный.

УДК 343.1

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АДВОКАТА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ

Крысин Виктор Александрович
Старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье проведен критический анализ существующих подходов к определению понятия противодействия расследованию. Автор определяет противодействие расследование и дает классификацию ее видов. Далее раскрываются отдельные виды деятельности защитника, воспринимаемые следователем (дознавателем) как формы негативного воздействия с целью получения определенных для защиты результатов.

Ключевые слова: адвокат, защитник, право на защиту, противодействие, расследование.

LAWYER'S OPPOSITION DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION: CONCEPT, FORMS

Krysin V.A.

The article provides a critical analysis of existing approaches to the definition of the concept of counteraction to an investigation. The author defines counteraction to the investigation and gives a classification of its types. Further, certain types of activities of the defender, perceived by the investigator (interrogating officer) as forms of negative influence in order to obtain certain results for the defense, are disclosed.

Keywords: lawyer, defender, right to defense, opposition, investigation.

Кроме раскрытия и расследования преступлений в задачи предварительного расследования также входит соблюдение прав лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. При условии, когда следователь (дознаватель) соблюдает данные требования закона, отношения между ним и адвокатом формируются в конструктивном русле и данные участники уголовного судопроизводства активно взаимодействуют. А вот когда следователь (дознаватель) стремиться «любой ценой» завершить предварительное расследование с направлением уголовного дела в суд, адвокат вынужден активно вмешиваться в процесс расследования, а зачастую и противодействовать следователю (дознавателю).

В российской юридической науке противодействие расследованию понимается по-разному. Например, А. Ф. Лубин, С. Ю. Журавлев считают, что «противодействие расследованию – система действий (или бездействия), преследующих цель воспрепятствовать вовлечению следов преступления в сферу уголовного судопроизводства и последующего их использования в качестве судебных доказательств» [1, с. 345].

© Крысин В. А., 2022

Полагаем с таким мнением нельзя согласиться, так как зачастую процесс воздействия направлен не только на следы преступления, но и на различные источники информации – потерпевших, свидетелей, имея цель путем психологического и физического воздействия склонить их к даче ложных показаний.

А. Ф. Волынский, В. П. Лавров определяли противодействие раскрытию и расследованию преступлений как совокупность противоправных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений [2, с. 93].

Данное определение также имеет недостатки, так как адвокат, исполняющий обязанности защитника, не относится к перечисленным лицам. Конечно, защитник всегда действует в интересах подзащитного, но это не означает, что он должен покрывать его с помощью противоправных действий.

Р. Г. Мартыненко считает, что понятие противодействие расследованию выросло из понятия сокрытия преступления, являющегося составной частью преступной деятельности [3, с. 10].

Однако, как следует из практики, не всякое противодействие расследованию является преступной деятельностью, к примеру, когда подозреваемый (обвиняемый) воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ, не свидетельствует против себя и своих близких, что затрудняет расследование, но к преступным действиям не относится.

Главным недостатком приведенных выше понятий является то, что в качестве лица, располагающего возможностью противодействия следователю (дознавателю), не указывается защитник – лицо, которое в силу своей процессуальной функции может противодействовать следователю (дознавателю), но, тем не менее, не препятствовать как таковому сбору доказательств. Противодействие, как указывает В. Н. Карагодин, «представляет собой информационный барьер, препятствующий получению органами расследования объективных и достоверных сведений. Рассматриваемая деятельность заключается в уничтожении, перекодировке информации, перекрытии каналов поступления ее к органам расследования. Адвокат же, действующий в рамках полномочий, определенных законом, не участвует в подобных операциях, а дает свою трактовку событий на основе данных, собранных следствием и представленных самой защитой. В этих случаях его действия следует рассматривать не как противодействие, а как конкуренцию, состязание со следствием» [4, с. 89].

Баев М. О. рассматривает противодействие, как выражение принципа состязательности уголовного процесса, как деятельность сторон, направленную на усложнение формирования и полное или частичное опровержение конечного процессуального тезиса, формулируемого противоположной стороной в соответствии с ее уголов-

но-процессуальной функцией и противоречащего интересам противоборствующей стороны [5, с. 7].

Рассмотрев данные подходы к определению противодействия, можем констатировать, что данное понятие представляет собой – действия (бездействие) подозреваемого (обвиняемого), их защитников, а также иных лиц, чьи интересы противоположны интересам стороны обвинения, и которые заключаются в различном воспрепятствовании расследованию дела, обжаловании действий (бездействий) и решений лица, в производстве которого находится уголовное дело, сборе доказательств, оправдывающих лицо, подвергаемое уголовному преследованию, использовании ошибок, допущенных следователем (дознавателем), для укрепления позиции защиты по делу.

Мы согласны с позицией Н. А. Подольного о том, что деятельность адвоката-защитника не может быть противопоставлена расследованию, так как она является его составной частью. Защитник может собирать доказательства, но эти доказательства имеют значение в целом для расследования, следовательно, тем самым он своей деятельностью оказывает влияние на всесторонность, полноту и объективность расследования» [6, с. 28].

Но все-таки, рассматривая в целом деятельность адвоката, мы полагаем, что данный участник уголовного судопроизводства является единственным барьером, способным сдерживать следователя (дознавателя) от незаконного привлечения лица к уголовной ответственности, который наделен правом при необходимости противопоставить свои действия действиям следователя (дознавателя).

Кроме того, защитник может предъявить собранные доказательства непосредственно в суде, где уже следователь (дознаватель) не сможет каким-либо образом повлиять на ход рассмотрения дела. В. П. Смирнов считает, что «обвинение и защита в уголовном процессе противоположны по отношению друг к другу, и в таком отношении они представляют собой социальное противоречие, именуемое конфликтом, проявление которого выражается в противоборстве сторон» [7, с. 59]. А под конфликтом понимается «состояние отношений между следователем (дознавателем) и защитником, как сторонами, имеющими прямо противоположные интересы, что не может быть ничем иным как борьбой» [8].

Рассмотрев предлагаемые различными учеными варианты классификации противодействия предварительному расследованию, полагаем представить ее в следующем содержании:

– акты, препятствующие привлечению к ответственности виновных и способствующие привлечению невиновных;

– акты противодействия, способствующие выявлению оправдательных доказательств и их противопоставление собранным обвинительным доказательствам;

– акты противодействия, препятствующие незаконным действиям (решениям) следователя (дознавателя);

– акты противодействия, направленные на изменение хода расследования, решения о производстве следственных и иных процессуальных действий;

– акты противодействия, препятствующие установлению обстоятельств, характеризующих личность виновного и влияющие на степень и характер его ответственности;

– акты противодействия установлению характера и размера ущерба;

– акты противодействия, направленные на воспрепятствование установлению причин и условий совершения преступления.

В зависимости от формы противодействия, его также можно классифицировать, как:

– активное противодействие, которое характеризуется действиями, состоящими в активном сокрытии следов преступления, оказании негативного воздействия на иных участников уголовного судопроизводства, даче заведомо ложных показаний, обжаловании действий и решений следователя (дознавателя);

– пассивное противодействие, при котором заинтересованные лица бездействуют, к примеру, отказываясь давать показания – скрывают важные обстоятельства либо умалчивают об допущенных следователем (дознавателем) ошибках.

Из практики следует, что адвокат-защитник противодействует лицу, в производстве которого находится уголовное дело, как правило, в обеих формах.

Однако, зачастую расцениваемые следователем (дознавателем) действия адвоката как противодействие – таковыми не являются, так как «сложность и неоднозначность названного явления (противодействия расследованию) состоит в том, что, во-первых, не известен реальный его масштаб, во-вторых, остаётся непонятной та грань, которая отделяет законную деятельность адвоката (защитника) от незаконной, в-третьих, имеются опасения, что борьба с данным негативным явлением может перерасти в борьбу с адвокатами, принципиально и последовательно исполняющими свой долг» [9, с. 280].

Опрошенные следователи и дознаватели в основной своей массе заявили, что в ходе предварительного расследования сталкивались с такими формами противодействия со стороны адвокатов, как:

– отказ адвокатов от подписания протокола следственного действия, либо внесение в него замечаний;

– заявление немотивированных ходатайств, направленных на затягивание расследования, а впоследствии и при ознакомлении с материалами уголовного дела;

– уклонение адвокатов от участия в следственных действиях;

– необоснованное обжалование действий и решений лица, в производстве которого находиться уголовное дело, вышестоящим должностным лицам и в суд;

– скрытое воздействие на свидетелей и иных участников уголовного процесса.

А вот большинство адвокатов, в ходе их опроса, заявили, что они, честно выполняя свой долг, лишь своевременно реагируют на процессуальные и иные нарушения, допускаемые лицами, в производстве которых находиться уголовное дело, и их реакцию на такие нарушения не следует воспринимать как противодействие следователю (дознавателю), так как такие действия являются проявлением состязательности сторон по обеспечению защиты от обвинения.

Полагаем, что можно согласиться с таким мнением адвокатов, так как необходимые и законные их действия, направленные на установление всех обстоятельств преступного деяния, не должны восприниматься следователями(дознавателями) как акты противодействия.

Список источников

1. Лубин А. Ф. Нейтрализация противодействию расследованию / А. Ф. Лубин, С. Ю. Журавлев ; под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина. Нижний Новгород : Нижегор. ВШ МВД России, 1995. 445 с.

2. Волынский А. Ф. Организационное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) : материалы научно-практической конференции / А. Ф. Волынский, В. П. Лавров. Москва: ЮИ МВД России, 1997. 193 с.

3. Мартыненко Р. Г. Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мартыненко Роман Георгиевич. Краснодар, 2004. 217 с.

4. Карагодин В. Н. Криминалистические исследования профессиональной деятельности адвокатов / В. Н. Карагодин. Екатеринбург : Чароид, 2002. 289 с.

5. Баев М. О. Противодействие как выражение принципа состязательности в уголовном процессуальном исследовании преступлений / М. О. Баев // Воронежские крим. чтения. 2005. Вып. 6. С. 7-13.

6. Подольный Н. А. Законное противодействие расследованию со стороны защитника : понятие-фантом или отражение действительности? / Н. А. Подольный // Адвокатская практика. 2003. № 5. С. 28-31.

7. Смирнов В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства / В. П. Смирнов // Государство и право. 1998. № 3. С. 59-62.

8. Кронов Е. В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

9. Подольный Н. А. Незаконное противодействие расследованию со стороны отдельных адвокатов / Н. А. Подольный // Материалы международной научно-практической конференции. Уфа : РИО БашГУ, 2003. С 280.

УДК 34

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОСНОВА АКТИВАЦИИ ИНТУИЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Кузнецов Александр Александрович
Профессор кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Омская академия МВД Российской Федерации

Предложен анализ интуиции в работе следователя в процессе расследования преступлений. Рассматриваются признаки интуиции и ее предпосылки. Предлагаются направления активизации интуиции. Дополнительным стимулом является возникающая стрессовая ситуация. Делается вывод о том, что развитие интуиции у следователя основано на получаемой информации с учетом личного опыта и обусловлено качествами личности.

Ключевые слова: следователь, информация, интуиция, эрудиция, опыт, версия, расследование

INFORMATION AS THE BASIS FOR ACTIVATING THE INVESTIGATOR'S INTUITION

Kuznetsov A. A.

An analysis of intuition in the work of an investigator in the process of investigating crimes is proposed. The signs of intuition and its prerequisites are considered. Directions for activating intuition are proposed. An additional stimulus is the resulting stressful situation. It is concluded that the development of intuition in the investigator is based on the information received, taking into account personal experience and is due to the qualities of the individual.

Keywords: information, intuition, erudition, experience, version, investigation, investigator

В повседневной жизни каждый человек может назвать случаи, когда внезапное озарение приводит к пониманию выхода из сложившейся проблемной ситуации. Такой феномен в науке принято называть интуицией. Проблематика зарождения и реализации интуиции постоянно привлекает внимание ученых различных специальностей. Наиболее в этом направлении преуспели философы и психологи. Но даже, в недрах академической науки можно встретить различное толкование понятия интуиции. На сегодня можно отметить существование двух направлений, относящихся к интуиции. Так, И.В. Васильева, П.Е. Григорьев подчеркивают, что с одной стороны, интуиция – процесс переработки информации, полученной в ходе жизненного опыта через органы чувств от непосредственно, физически локально действующих стимулов. Этот механизм познания обобщает накопленный опыт; источник этого опыта можно отследить и логически объяснить. С другой стороны, интуиция – это «прямое чувствование», необъяснимое с точки зрения традиционных, рациональных, логических представлений, вне известных способов восприятия и коммуникации; механизм переработки информации о физических нелокальных, личностно и/или биологически

© Кузнецов А. А., 2022

значимых событиях, посредством совокупности психических процессов и воспроизведения в продуктах сознания, деятельности, поведения [1, с. 7].

В психологической литературе интуицию принято рассматривать с точки зрения мышления и психологии творчества. Достаточно интересны исследования в области социальной интуиции, механизмов межличностного познания, эмоциональной составляющей данного понятия и другие. В основном можно сделать предварительный вывод о том, что интуицию большинство исследователей связывают с пределами информированности субъекта, его компетентностью в принятии решения, в ситуациях, когда выбор неоднозначен. При этом решение принимается на бессознательном уровне. По нашему мнению, именно неопределённая ситуация, стрессовая, опасная для человека и позволяет говорить о проявлениях интуиции.

Применительно к деятельности следователя проблематика возникновения интуиции и возможности ее использования в уголовном процессе также интересует многих ученых и практиков. Одним из первых к следственной интуиции обратился А.Р. Ратинов, который еще в 1958 году охарактеризовал ее как основанную на опыте и знаниях способность непосредственного решения следственных задач при ограниченных исходных данных [2]. В последующем, возвращаясь к интуиции подчеркивал, что в смысле процессуальном интуиция, конечно, не имеет никакого значения. Сотня самых остроумных догадок, не проверенных и не подтвержденных реальными фактами, останется бесполезной игрой ума и ни в коем случае не может служить основанием для решения задач уголовного судопроизводства [3, с. 165]. В тоже время, при отсутствии реальных фактов, свидетельствующих о развитии преступного события, интуитивные догадки могут помочь следователю в обосновании направлений поиска информации, выборе тактических приемов проведения следственного действия, обосновании сомнения в принимаемом решении, особенно при планировании оперативно-тактических комбинаций. Следует признать, что интуиция играет определенную роль в деятельности следователя, о чем свидетельствуют и исследования криминалистов [4, с. 650-651; 5, с. 101-103]. А также прикладные исследования в области развития, стимулирования интуиции. Так, Д.В. Сакович, предлагает пошаговый алгоритм использования интуиции с использованием психологических технологий [6, с. 21]. Е. А. Науменко, Г. Д. Бабушкин представляют интуицию как профессиональное качество и предлагают рекомендации по ее развитию [7, с. 12-13].

Поэтому следует поддержать позицию М.В. Баранова, который выделяет основные признаки следственной интуиции: 1) основанием интуитивного предположения выступают знание и опыт следователя; 2) бессознательность мыслительных процессов, конструирующих интуитивное предположение; 3) слабая логическая связь между криминалистически значимой информацией и интуитивным предположением [8, с. 363]. В тоже время надеется на то, что интуиция при-

дёт и поможет в проблемной ситуации не стоит, без ее развития, стимуляции результат не получить. Игра воображения, особенно во сне, может привести к озарению (в психологии существует термин – инсайт), но не следует забывать, что бессознательному предшествовала иная деятельность мышления, которая человеку не позволяет осознать все процессы. Сам процесс интуиции настолько стремителен, что сознание не фиксирует его процесс протекания. Поэтому, если не стимулировать сознание, то и не получить догадки, особенно когда последние бывают случайными и не имеющими никакого отношения к материалам расследования.

Следует напомнить, о каких знаниях и опыте следователя в этом отношении может идти речь. Говоря о знаниях, мы обращаем внимание на общетеоретические, такие так философия, психология, логика и специальные, связанные с юриспруденцией. Но и этого может быть недостаточно для работы следователя, особенно если речь идет о специализации расследования отдельных видов или групп преступлений. Следует говорить о направлениях повышения квалификации и получении дополнительных знаний из области смежных с юриспруденцией наук (например, информатики, бухгалтерского учета и т.п.). Если говорить о опыте следователя, то здесь следует иметь в виду не только профессиональный опыт работы по аналогичным уголовным делам, но и личный (жизненный) опыт. Далее, говоря о бессознательных мыслительных процессах, конструирующих интуицию, следует вспомнить о предпосылках такого явления. Речь идет о развитии фантазии у конкретного человека, насколько он может себе представить, вообразить, например, план работы по отдельному обстоятельству, подлежащему установлению по уголовному делу или насколько возникшее подозрение (сомнение) может быть реализовано в версию. Помимо этого, такие качества следователя, как наблюдательность (способность критически относиться к полученной информации), сосредоточенность на определенной цели, добросовестность в оформлении полученных результатов, а также инициатива в принятии решения должны оцениваться самим исполнителем. Нередко достаточно впечатлительный человек от увиденного или услышанного может испытать стресс и на фоне эмоциональной окраски произошедшего прийти к неправильному решению или наоборот предвосхитить окончательное решение. Когда речь идет о таком признаке интуиции, как слабая логическая связь между информацией и предположением, то считаем именно стрессовая, конфликтная ситуация в сочетании с различными видами ассоциаций может привести в активации интуиции.

Таким образом, осознав каковы признаки интуиции и ее предпосылки можно говорить о ее активации, применительно к деятельности следователя. Здесь мы еще раз оговоримся, что, по нашему мнению, правильнее говорить о интуиции следователя, а не о следственной интуиции. Любой процесс активации должен быть представлен в определенной последовательности. Не вдаваясь в разъяс-

нение самой процедуры, отметим исследование, которое провел В.А. Шефер. Активизация интуиции происходит в следующей последовательности: 1) постановка вопроса; 2) приложение усилий по поиску решения; 3) наступление интеллектуальной усталости в случае, если решение не обнаруживается; 4) отдых или отвлечение на другую деятельность; 5) появление решения в результате активизации интуиции [9, с. 63]. Более пространно последовательность развития интуиции предлагает Г.А. Зорин: 1. Пристальное изучение тупиковой следственной ситуации с представлением вероятностной модели расследуемого события. 2. Удерживание в сознании элементов решаемой задачи. 3. Усиления возбуждения при рассматривании решаемой проблемы. 4. Многократное перекодирование незрительной информации в зрительные образы (по Р. М. Грановской). 5. Создание условий для вызревания идеи (дать подсознанию время). 6. Акцентирование целей, к которым стремится следователь. 7. Формирование ориентиров поиска, т. е. символов, которые могут указать направление поиска решения. 8. Фильтрация всей информации через доминанту. Главное – «зацепить» ассоциацию (по смежности, сходству, контрасту), которая сможет дать импульс к решению проблемы тупиковой ситуации. 9. Эмоциональное «погружение» в ситуацию, поставившую проблему. Неравнодушный, сопереживающий следователь глубже и богаче воспринимает следственную ситуацию [10, с. 169-174].

Общеизвестно, что проявление интуиции зависит от окружающей человека среды, сегодня условия жизни достаточно комфортны, поэтому и проявления интуиции достаточно редки. Что касается следственной деятельности, особенно в рамках ограниченного срока расследования самой процессуальной процедурой, то на лицо достаточно стойкая стрессовая ситуация. Регулярное поступление информации об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, приводит к постоянному ее анализу следователем, независимо от того находится он на рабочем месте или проводит время с семьей. Можно говорить и о профессиональной интуиции следователя. Для развития и активации интуиции необходимо сосредоточиться на познаваемой информации, поставить перед собой цели (основные и второстепенные) и активно стремиться их достичь.

Для следователя дополнительным стимулом является возникающая стрессовая ситуация, в которой необходимо найти правильное решение. Интуиция не может использоваться в оценке доказательств, но позволяет следователю превратить догадку в способ проверки информации. Причем для следователя такая догадка будет, несомненно, правильным и единственным решением. В этом, несомненно, кроется опасность предвзятого отношения к имеющейся информации. В такой ситуации именно профессиональный опыт должен сыграть положительную роль независимо от того в каких аспектах проявляется деятельность следователя (когнитивной, коммуникативной и т.п.). И тут уместно еще раз сказать, что не догадка, а реальные факты должны быть положены в основу принятия решения.

Таким образом, представляется, что именно информация (ее объем, форма предоставления, отношение к расследованию) с учетом эрудиции и опыта следователя может привести к принятию решения на основе интуиции. В любом случае отвергать такую возможность было бы неправильно. А оценка возможных вариантов решения проблемных следственных ситуаций будет уже основываться на доказательственной информации с учетом логических приемов мышления.

Список источников

1. Психология в деятельности сотрудников ОВД. Проблемы профессиональной интуиции : учебное пособие для вузов / И.В. Васильева, П.Е. Григорьев. 2-е изд., стер. Москва : Юрайт, 2020. 205 с.
2. Ратинов А.Р. О следственной ситуации // Социалистическая законность. 1958. № 4. С. 24-30
3. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. Москва: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. 837 с.
5. Ян Пещак. Следственные версии. Криминалистическое исследование: Перевод со словацкого / Пещак Я.; Под ред.: Ратинов А.Р. (Вступ. ст.); Пер.: Ларин А.М. Москва: Прогресс, 1976. 228 с.
6. Сакович Д.В. Алгоритм пошаговой технологии использования интуиции в деятельности следователя // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2007. № 4 (31). С. 20-22.
7. Науменко Е.А., Бабушкин Г.Д. Интуиция в структуре принятия решений в экстремальной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 7-13.
8. Баранов М.В. Роль интуиции в процессе построения следственных версий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып.1 Ч.1. Тула; Изд-во ТулГУ, 2010. 381 с.
9. Шефер В.А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода. Дисс. канд. юр. наук. Калининград. 2016. 243 с.
10. Зорин Г.А., Зорина М.Г., Зорин Р.Г. Возможности криминалистического анализа в процессе предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам. Москва: Юрлитинформ, 2001. 336 с.

УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Кулешов Юрий Николаевич
Директор Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) кандидат юридических наук, доцент

Правильное определение тактики расследования – это успех в установлении обстоятельств совершения преступления. Тактика всегда определяется на основе анализа имеющейся о преступлении информации. Она всегда имеет свои

© Кулешов Ю. Н., 2022

особенности в зависимости от того преступление какого вида расследуется. Эти особенности имеются у экономических преступлений в сфере строительства, которые необходимо принимать во внимание для того, чтобы определить тот набор тактических средств, которые способны обеспечить установление истины.

Ключевые слова: тактика расследования; тактический приём; следственное действие; следственная хитрость; следственная тайна; экономические преступления в сфере строительства

TACTICAL FEATURES OF THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES IN THE FIELD OF CONSTRUCTION

Kuleshov Yu. N.

The correct definition of investigation tactics is success in establishing the circumstances of the commission of a crime. Tactics are always determined based on the analysis of the information available about the crime. It always has its own characteristics, depending on what kind of crime is being investigated. These features are present in economic crimes in the field of construction, which must be taken into account in order to determine the set of tactical means that can ensure the establishment of the truth.

Keywords: investigation tactics; tactical technique; investigative action; investigative cunning; investigative secrecy; economic crimes in the field of construction

Сложность расследования экономических преступлений в сфере строительства состоит в некоторых особенностях, которые следователь должен учитывать. Одной из основных таких особенностей является то, что преступность данных деяний скрывается в деталях, а потому важно чтобы следователь умел их прочитать. При этом он должен знать какие именно детали важны для установления обстоятельств совершения преступления рассматриваемого вида. Это достаточно сложно поскольку для преступлений данного вида характерно то, что на обстоятельства совершения преступления указывают цифровые данные, скрытые в документах бухгалтерского учёта и некоторых иных документах [1]. Среди множества цифровых данных, содержащихся в этих документах необходимо выявить именно те, которые относятся к совершённому преступлению. Это очень сложно и именно на это часто рассчитывают преступники. Не менее сложным является и то, чтобы выявить людей, которые могут что-то сообщить именно о совершённом преступлении, поскольку даже очевидцы преступлений рассматриваемого вида далеко не всегда могут определить, что из виденного ими относится к обстоятельствам совершения конкретного преступления. При этом, в ходе выяснения обстоятельств совершения преступления следователь должен предпринять усилия к тому, чтобы не спровоцировать противодействия со стороны лиц, которые не заинтересованы в установлении истины. Для этого он должен правильно определиться с выбором стратегии и тактики расследования преступлений названного вида.

Одной из истин, лежащих в основе любого успешного расследования, является то, что проблемы расследования определяют средства, использование которых следователем способно обеспечить их

разрешение [2]. Это применимо и к расследованию экономических преступлений в сфере строительства: сложность названных выше проблем определяет сложность той системы средств, которые должны быть применены следователем ради установления обстоятельств совершённого деяния. К таким криминалистическим средствам относятся следственные действия и тактические приёмы. Посредством их проведения часто решаются не только тактические, но и стратегические задачи. Уже на начальном этапе расследования решается вопрос о том арсенале криминалистических средств, которые необходимо выполнить для того, чтобы установить все обстоятельства совершения экономического преступления в сфере строительства. При этом, важным является определение последовательности использования названных криминалистических средств, поскольку от этого зависит их эффективность. Последовательность в использовании названных криминалистических средств также определяется особенностями криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида и особенностями проводимого расследования.

Успех проведения следственных действий, а также всего расследования часто зависит от умения следователя использовать тактические приёмы. Порядок проведения следственных действий определяется в соответствующих нормах уголовно-процессуального законодательства, что создаёт иногда впечатление того, что это и есть та тактика, которой следователь обязан придерживаться. Однако, этот указанный в уголовно-процессуальном законе порядок является не тактикой проведения соответствующего следственного действия, а системой требований, следование которым способно гарантировать, во-первых, права участников уголовного судопроизводства и, во-вторых, – объективность и достоверность полученных в результате доказательств. Тактика же всегда зависит от складывающихся следственных ситуаций и в зависимости от них позволяет решать наиболее оптимальный порядок в выполнении действий, который способен обеспечить решение соответствующих тактических задач [3]. Она предполагает то, что познание, которое является сутью расследования, достигается оптимизацией использования тех средств, которые предоставляются следователю уголовно-процессуальным законодательством [4]. Тактика индивидуализирует проводимое расследования в зависимости от особенностей расследуемого преступления и тех ситуаций, в которых э то расследование выполняется. В то же время требования к порядку выполнения следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, всегда едины и независимы от особенностей преступления, которое расследуется и тех следственных ситуаций, в которых выполняется соответствующее следственное действие.

Особенности тактики всегда связываются с особенностями не только выполняемых следственных действий, но и тех тактических приёмов, которые совершаются при её реализации [5]. От того насколько подготовленным и своевременным будет выполнение так-

тического приёма во многом зависит успех при решении вполне определённой тактической задачи [6]. С проведением тактических приёмов часто связывают успех проведения соответствующих следственных действий. Это связано с тем, что тактические приёмы часто проводятся в рамках соответствующих следственных действий и содействуют достижению цели, которая ставится перед этим следственным действием [7]. Однако тактические приёмы в отдельных случаях могут проводится и за пределами соответствующих следственных действий (к примеру, при подготовке соответствующего следственного действия). Более того, они могут быть не связанными с отдельными следственными действиями, а ориентироваться на решение отдельных задач, встающих перед расследованием. В отдельных случаях встаёт вопрос о том, что отдельные тактические приёмы позволяют решать не только тактические задачи, но и задачи более высокого уровня – стратегические. То какие тактические приёмы будут применяться при расследовании конкретного преступления во многом зависит от особенностей названного преступления и тех ситуаций, которые складываются в ходе проводимого расследования.

Одной из тактических особенностей расследования экономических преступлений в сфере строительства является то, что предъявление обвинения и допрос обвиняемого здесь следует проводить на последующем, а не на начальном этапе (как это имеет место, к примеру, при расследовании убийств). Данная особенность объясняется тем, что одной из задач, стоящих перед расследованием, является предотвращение противодействия со стороны лиц, незаинтересованных в установлении истины, на начальном этапе, когда следователь ведёт сбор доказательств об обстоятельствах совершения преступления. На начальном этапе следователь стремится сформировать систему доказательств, с помощью которых он желает уличить виновное лицо (виновных лиц) в совершении преступления рассматриваемого вида. На данном этапе он предпринимает тактические приёмы, которые должны позволить скрыть от названных лиц истинные задачи, которые преследует следователь при выполнении отдельных следственных действий. Здесь часто предпринимается такой тактический приём, как следственная хитрость [8], целью которой является успокоить истинных виновников совершённого преступления, убедив, к примеру, их в том, что выполняемые действия являются лишь формальностью. Данный тактический приём, как правило, конструируется с учётом конкретной сложившейся следственной ситуации, в которой он применяется. Следственная хитрость не поддаётся типизации, она всегда индивидуальна и отображает особенности конкретного расследования [9]. Помимо следственной хитрости применяются также такие тактические приёмы, как убеждение в том, что конкретным лицам можно не опасаться, поскольку следствие вовсе не видит их причастными к совершённому преступлению. Также применяется и другой приём, состоящий в убеждении в том, что следствие стремится лишь к тому, чтобы, выяснив все

обстоятельства, прекратить уголовное дело. То есть, названные тактические приёмы являются психологическими и их задачей является убеждение в том, чтобы виновное лицо не опасалось результатов проводимого расследования, а потому не препятствовало ему.

Само планирование предъявления обвинения и допроса обвиняемого на последующем этапе расследования следует рассматривать как тактический приём, относящийся к группе общих тактических приёмов, имеющих значение для производства всего расследования, позволяющий установить максимально полно обстоятельства совершённого преступления. С учётом того, что данный приём фактически решает стратегические задачи, определяющие весь ход расследования, вполне возможно, следовало бы его именовать стратегическим приёмом и тем самым выделить особую группу средств расследования – стратегические приёмы. К ним, возможно, следовало бы отнести действия по планированию, выдвижению версий, а также иных действий, которые способны оптимизировать весь ход проводимого расследования. Это следует из того, что такие приёмы влияют на успех всего проводимого расследования, а не только отдельных следственных действий. Кроме того, такие приёмы ориентированы на достижение целей, имеющих стратегическое значение – установление обстоятельств совершения преступления, которые будут положены в основу соответствующего процессуального решения.

Одним из важнейших моментов тактики расследования экономических преступлений в сфере строительства является взаимодействие следователя с органами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и с органами, осуществляющими контрольно-ревизионную деятельность. От данного взаимодействия зависит момент, когда наиболее целесообразно выполнять то или иное следственное действие, то есть, когда имеются благоприятные для этого условия, под которыми понимаются условия, способствующие полноте, всесторонности и объективности получаемых доказательств. Это обусловлено тем, что для расследования названных преступлений характерным является нестабильность самого проводимого расследования, поскольку в ходе него может появляться негативное воздействие факторов, которые ранее не принимались во внимание, но которые способны радикально изменить условия расследования, сделав их неблагоприятными. Данная нестабильность часто проявляется в том, что могут в любой момент появиться документы, которые обнуляют уличающее качество уже полученных. При этом, новые документы могут быть внешне подлинными и для опровержения, содержащихся в них сведений понадобятся дополнительные усилия. В связи с этим, следователь на каждый момент расследования должен иметь информацию о намерениях лиц, не заинтересованных в объективности проводимого расследования. В связи с этим, тактика расследования рассматриваемых преступлений должна предполагать не просто взаимодействие с органами, уполномоченными законом на проведение оперативно-розыскных меро-

приятий, а постоянного, в течении всего расследования взаимодействия, при котором следователь может рассчитывать в любой момент получить оперативно значимую для него информацию в рамках соответствующего уголовного дела. При расследовании названных преступлений следователю часто необходима не просто информация, а такой её объём, который мог бы позволить сделать вывод о развитии тех или иных неблагоприятных факторов и спрогнозировать развитие следственной ситуации.

Одной из особенностей тактики расследования экономических преступлений в сфере строительства является взаимодействие с контрольно-ревизионными органами, а также с аудиторскими организациями, которые предоставляют важную информацию, позволяющую определять, как общее направление производимого расследования, так и то, какие действия следует совершать в конкретный момент. Здесь важно то, что получаемая благодаря взаимодействию с названными органами и организациями информация позволяет выявить основной объём обстоятельств совершения конкретного преступления и достоверно указывает на лиц к нему причастных. Данное взаимодействие также важно и потому, что соответствующие специалисты названных органов могут указать наиболее перспективное направление поисковых действий по обнаружению доказательств, уличающих конкретных лиц в совершении преступления. Кроме того, в отдельных случаях проверочная деятельность названных органов может использоваться в качестве прикрытия для проведения следственных действий. Это важно поскольку позволяет предотвратить противодействие лиц, незаинтересованных в проводимом расследовании. В отдельных случаях для того, чтобы избежать противодействия следователи прибегают к следственной хитрости, скрывая за деятельностью соответствующих контрольно-ревизионных органов собственную деятельность по выявлению обстоятельств совершения преступления. Данный тактический приём приносит положительные результаты, поскольку позволяет получить необходимые изобличающие доказательства и на основе этого полно, всесторонне и объективно установить имевшее место событие преступления.

Важное тактическое значение для расследования экономических преступлений в сфере строительства имеет умелое использование следственной тайны [10]. Она является также одним из достаточно эффективных средств, с помощью которого можно создать благоприятные условия для установления истины. При этом, данное средство тактического воздействия на следственную ситуацию определяется и регулируется ст. 161 УПК РФ. То есть, данное криминалистическое средство имеет законодательное закрепление. При расследовании рассматриваемого вида преступлений следственная тайна используется для предотвращения противодействия расследованию со стороны лиц не заинтересованных в установлении всех обстоятельств совершённого деяния, а если таковое уже имеется –

в снижении его эффективности. Очевидным является то, что при отсутствии информации о ходе проводимого расследования противодействие не может быть достаточно эффективным. Кроме того, сама следственная тайна может быть благоприятным условием для разрешения конкретных тактических задач. Классическим примером является то, что в условиях дефицита информации о ходе расследования виновные в совершении преступления лица начинают додумывать, а порой и придумывать то, чего на самом деле нет. Это часто бывает в интересах следствия, поскольку привносит панику и лица, её испытывающие начинают совершать ошибки, которые становятся уликами поведения, изобличая их в причастности к совершённому преступлению. Следственная тайна, как тактико-криминалистическое средство, всегда применяется либо с тактическими приёмами, либо со следственными действиями (в зависимости от той тактической задачи, которую необходимо разрешить).

Умение использовать названные тактические средства обеспечивает успех в расследования экономических преступлений в сфере строительства. По этой причине уже в самой методике должно особое внимание уделяться им, поскольку только в этом случае можно добиться высокого качества расследования, а достоверность полученных знаний обеспечит обладание следователем истины, которая является важной основой для вынесения справедливых процессуальных решений.

Список источников

1. Москалёва Е.Г. Криминологический анализ преступности в сфере экономики / Е.Г. Москалёва, Н.Н. Подольная // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Том 31. №1. С. 117-123.

2. Подольный, Н.А. Отдельные проблемы преподавания криминалистики в современных условиях / Н.А. Подольный // Проблемы права. 2019. № 1 (70). С. 73-78.

3. Крамаренко В.П. Основы тактики использования технико-криминалистических средств, применяемых для раскрытия и расследования преступлений / В.П. Крамаренко, Е.С. Шевченко // Евразийская адвокатура. 2021. № 2 (51). С. 80-84.

4. Подольный Н.А. Компромисс в соотношении с истиной и справедливостью уголовного судопроизводства / Н.А. Подольный // Вторые чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов: сборник материалов Международной научно-практической видеоконференции. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. 2020. С. 30-34.

5. Ушаков С.И. Криминалистическая тактика: понятие, система, задачи и значение в расследовании преступлений / С.И. Ушаков // Молодой ученый. 2020. № 5 (295). С. 234-236.

6. Сафронский Г.Э. Значение криминалистической тактики в расследовании преступлений / Г.Э. Сафронский, Н.Ю. Шляхова // Современное право России: проблемы и перспективы: материалы V международной научно-практической конференции. Москва: Издательский дом «ИМЦ». 2021. С. 412-419.

7. Нурмухамедова Н.Ф. Тактика производства следственных действий на стадии предварительного расследования / Н.Ф. Нурмухамедова // Трибуна ученого. 2020. № 11. С. 325-330.

8. Подольный Н.А. Следственная хитрость – средство оптимизации расследования / Н.А. Подольный // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научно-практических статей. Москва: Юрлитинформ, 2020. С. 325-332.

9. Каминский А.М. Использование электронных криминалистически неупорядоченных банков данных в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений / А.М. Каминский, Н.А. Подольный, Д.А. Овчинникова. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2020. 84 с.

10. Подольный Н.А. Следственная тайна - общее условие предварительного расследования и тактико-криминалистическое средство установления обстоятельств совершения преступления / Н.А. Подольный // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 164-172.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (изм. и доп. на 30 декабря 2021 г.) [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // СЗ РФ. 2001. №52 (часть I). Ст. 4921.

УДК 343.98

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ: НОРМАТИВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И ТАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ

Лифанова Лилия Геннадьевна
Профессор кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена анализу проблем законодательного и криминалистического толка, возникающих при производстве проверки показаний на месте. Акцентировано внимание на различность суждений о порядке проведения данного следственного действия, количестве участников, возможности изъятия предметов и документов в процессе данного процессуального мероприятия.

Ключевые слова: проверка показаний на месте, следственное действие, собирание доказательств.

ON-SITE VERIFICATION OF INDICATIONS: REGULATORY REQUIREMENTS AND TACTICAL RECOMMENDATIONS FOR CONDUCTING

Lifanova L. G.

The article is devoted to the analysis of legislative and forensic problems that arise during the verification of evidence on the spot. Attention is focused on the difference in judgments on the procedure for conducting this investigative action, the number of participants, the possibility of withdrawing objects and documents during this procedural action.

Keywords: verification of testimony on site, investigative action, collection of evidence.

Одним из средств достижения задач уголовного судопроизводства является уголовное преследование, суть которого состоит в изобличении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступ-

© Лифанова Л. Г., 2022

ления. Собирание доказательств для установления обстоятельств совершенного преступного события, а также виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Основным способом собирания доказательств является производство следственных действий.

До 2001 года в систему следственных действий не включалась проверка показаний на месте, несмотря на то, что фактически она производилась и активно использовалась в процессе доказывания. Правоприменители были вынуждены «подменять» наименование данного действия на «следственный эксперимент», «допрос с выходом на место происшествия», «осмотр места происшествия с участием подозреваемого (обвиняемого)». В юридической литературе тех лет мнения ученых кардинально отличались: одни авторы обосновывали необходимость включения проверки показаний на месте в структуру следственных действий [1], другие, напротив, отрицали такую целесообразность [2, с.58].

Нормативное закрепление проверки показаний на месте, а также активное использование в качестве средства доказывания, не решили отдельных проблем ее производства.

В целом, непосредственной задачей проверки показаний является уточнение сведений как о событии в целом, так и по отдельным, наиболее значимым обстоятельствам преступного деяния. Результатом данного следственного действия может явиться выявление новых и определение достоверности уже имеющихся доказательств по уголовному делу, разоблачение самооговора, устранение противоречий в показаниях соучастников преступления. По сути, проверка показаний – это повторный допрос лица с выходом на местность с целью указания на объекты, о которых он уже сообщил следователю.

В ходе данного следственного действия проверяются знания ранее допрошенного лица о месте, объектах, предметах относительно места совершения преступления, его возможности воссоздания обстановки и обстоятельств произошедшего ранее события, констатация факта, что упомянутые предметы и объекты действительно существуют [3, с. 102].

Серьезной правоприменительной проблемой является отсутствие указание в законе на возможность изъятия и приобщения к материалам уголовного дела каких-либо предметов в ходе проверки показаний на месте. Единства мнений по этому вопросу среди ученых нет.

Так, М.А. Фомин высказывает категоричную позицию, суть которой сводится к недопустимости изъятия предметов в процессе проверки показаний на месте [4, с. 217-218]. Автор полагает, что в таком случае происходит совмещение проверки показаний на месте с другим самостоятельным следственным действием – выемкой. Похожую позицию занимают А.О. Зернов и Е.В.Воскресенская [5, с. 276].

Сторонники противоположной точки зрения полагают, что «…изъятие обнаруженных предметов и документов, имеющих значение для дела, в некоторых случаях являются составной частью проверки показаний на месте» [6, с. 167]. Аналогичные суждения высказывают С.А. Шейфер [7, с. 135], В. И. Белоусов и А. И. Натура [8, с. 102].

Сложившаяся ситуация обосновывает неодинаковый подход следователей к вопросу возможности изъятия предметов, документов и следов при проверке показаний на месте: в одном случае они изымаются в ходе рассматриваемого следственного действия, в другом – по ее окончанию в ходе осмотра места происшествия. Заметим, что согласно позиции Верховного Суда РФ, изъятие предметов в процессе проверки показаний на месте является законным [9].

Неодинаков подход ученых к вопросу о времени производства проверки показаний на месте. По мнению отдельных авторов, проверку показаний на месте «нельзя отнести к безотлагательным первоначальным следственным действиям, так как для ее осуществления требуются определенный объем информации о преступном событии, значительные усилия по подготовке, организации и производству» [10, с. 102]. По мнению С.В. Баско и А.А. Чертовой проверка показаний на месте носит неотложный характер [11, с. 102]. Полагаем, что тактически правильным проверку показаний на месте проводить как можно скорее после допроса лица о преступном событии. Это предотвратит его возможный отказ от ранее данных показаний, закрепит доказательственное значение полученной информации.

При подготовке к проведению проверки показаний на месте следователь должен предусмотреть разные варианты хода и результатов данного следственного мероприятия и понимать, что неподтверждение показаний ранее допрошенного лица является основанием выдвижения новых версий по уголовному делу. Выяснять причину расхождений в показаниях, полученных на допросе и в ходе проверки показаний на месте, следует сразу по мере их возникновения.

Дискуссионным является вопрос о возможности одновременной проверки на месте по одному и тому же событию показаний нескольких лиц. Несмотря на то, что такое положение напрямую противоречит ч.3 ст.194 УПК РФ, в юридической литературе обосновывается целесообразность такого порядка. Так, О.Д. Жук пришел к выводу о возможности при производстве по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.210 УК РФ, и связанных с ними преступлений, использовать так называемую «очную ставку на месте» в случае, если устранение противоречий в ходе ранее проведенной очной ставки следователем будет признано менее целесообразным, нежели в ходе одновременной проверки показаний на месте [12, с. 34].

Нам представляется, что приведенная точка зрения заслуживает внимания. Участие в проверке показаний нескольких субъектов может оказать эффективное психологическое воздействие на лицо, которое, по мнению следователя, дает недостоверные показания, пыта-

ется умалить свою роль в совершенном деянии. Безусловно, организация такого сложного следственного действия потребует серьезных организационных решений, однако существенно повышается его результативность.

Принимая решение о проведении одновременной проверки показаний нескольких лиц, следователю надлежит досконально проработать план действий на месте производства данного следственного действия. В первую очередь следует определить, кто из участвующих лиц будет первым воспроизводить на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, полностью или частично, где будет в это время находится второй участник проводимого процессуального мероприятия. В том случае, если следователь допускает, что одновременная проверка показаний двух лиц может привести к изменению показаний, которые, по его мнению, является наиболее достоверными, полными и объективными, на ложные, то такую поверку показаний на месте проводить нецелесообразно.

Таким образом, процессуальный порядок проверки показаний на месте требует дальнейшего законодательного совершенствования в целях исключения неодинакового толкования ее сути и процедуры проведения, а также расширения процессуальной самостоятельности следователя в процессе расследования преступлений.

Список источников

1. Криминалистика: Учебник / Васильев А.Н. [и др.] ; Отв. ред.: С. А. Голунский. Москва : Госюриздат, 1959. 512 с.

2. Избранные труды / Белкин Р.С. Москва: Норма, 2009. 768 с.

3. Чупилкин Ю.Б. Особенности производства проверки показаний на месте / Ю.Б.Чупилкин, О.А.Луценко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 5 (11). С.101-106.

4. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство): учебно-практическое пособие / Фомин М.А. Москва: Юрлитинформ, 2004. 536 с.

5. Зернов, А.О. Актуальные проблемы производства проверки показаний на месте / А.О.Зернов, Е.В.Воскресенская // Право, экономика и управление: актуальные вопросы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции.13 декабря 2019 г. Чебоксары, 2019. С. 275-278.

6. Следственные действия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Гаврилин Ю. В., Победкин А. В., Яшин В. Н. Москва: Кн. мир, 2006. 186 с.

7. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / Шейфер С.А. Москва: Юрлитинформ, 2004. 184 с.

8. Проверка показаний на месте в ходе предварительного следствия. Научно-практическое пособие / Белоусов В.И., Натура А.И. Москва: Юрлитинформ, 2006. 144 с.

9. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2007 № 88-о07-4 // СПС Консультант Плюс.

10. Криминалистические аспекты производства следственных действий: учеб. пособие / под общ. ред. доц. М.М.Горшкова. Омск: Омская академия МВД России, 2020. 128 с.

11. Баско С.В. Производство проверки показаний на месте на современном этапе развития уголовного судопроизводства / С.В.Баско, А.А.Чертова // Социально-экономическое развития России: проблемы, тенденции, перспективы.

Сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции. В 5-ти томах. Том 5. Курск, 2020. С. 12-14.
12. Жук О.Д. Особенности производства следственных действий по уголовным делам об организации преступного сообщества (ст.210 УК РФ) / О.Д.Жук // Законодательство и экономика. 2012. № 11. С.33-35.

УДК 343.98

О ВЕРСИОННОМ АНАЛИЗЕ ИСХОДНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лубин Александр Федорович
Профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры судебной экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,

В статье рассматриваются сущность версионного анализа исходной информации субъектов выявления и расследования преступлений. При этом утверждается, что не существует особой криминалистической деятельности и, соответственно, криминалистического мышления. Однако можно говорить о версионном анализе информации.
Ключевые слова: криминалистическая деятельность, криминалистическое мышление, версионный анализ информации, расследование преступлений.

ON VERSION ANALYSIS OF INITIAL INFORMATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Lubin A. F.

The article deals with the essence of the version analysis of the initial information of the subjects of detecting and investigating crimes. At the same time, it is argued that there is no special forensic activity and, accordingly, forensic thinking. However, we can talk about a versioned analysis of available information.
Keywords: forensic activity, forensic thinking, version analysis of information, crime investigation.

Судя по всему, на роль ключевого фактора в современной криминалистической дидактике предлагается категория «криминалистическое мышление». Так, Н.П. Яблоков подчеркивает, что такое мышление позволяет его обладателю «…из выявленных и должным образом оцененных следов, ничтожнейших побочных обстоятельств сделать выводы, связать указанные следы и обстоятельства логически и сплести из них «крепкую нить» фактических данных…» [1, с. 156]. Все верно, но как «связывать» и «сплетать» такую нить – это осталось проблемой «черного ящика» (кибернетический термин, используемый для обозначения системы, внутреннее устройство и механизм работы которой очень сложны, неизвестны или неважны в рамках данной задачи) [2, с. 346-358]. И все же профессор Н.П. Яблоков и его ученик увидели в этой проблеме немалую перспективу и выдвинули идею о создании новой криминалистической теории – «теории криминалистического мышления» [3, с. 232].

© Лубин А. Ф., 2022

Как по команде, стали рождаться дефиниции. Например, Д.В. Бахтеев определил, что криминалистическое мышление как «совокупность личностных установок познающего субъекта и базирующихся на них способов познавательной деятельности, позволяющих воспринимать и обрабатывать фрагментированную, неполную информацию в целях выявления и объяснения преступного события» [4, с. 221]. Невольно возникает вопрос: каковы способы познавательной деятельности, позволяющие воспринимать и обрабатывать фрагментированную информацию? Снова – дежурный «черный ящик».

А.Б. Соколов предложил понятие «криминалистическое мышление» толковать как «интеллектуальную деятельность лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, а также предварительное расследование, которая выражается в познании значимых явлений, событий и фактов объективной действительности с учетом имеющихся знаний, их осмыслении, проектировании модели результата при выборе оптимального решения в организационно-тактическом плане на определенный момент» [5, с. 69]. Здесь – познание, моделирование и принятие решений, соответствующих определенному моменту.

Д.А. Степаненко выделила основные элементы криминалистического мышления: 1) опосредованное отражение «следовой картины» события преступления; 2) поиск связей в системе «преступник-деятельность-среда-результат преступной деятельности; 3) реконструкция события преступления; 4) сбор доказательственной и иной криминалистически значимой информации [6, с. 15]. Можно видеть в этом определении структуру «ядра профессионального мышления следователя». Правда, не совсем понятно, почему Д.А. Степаненко имеет в виду только следователя. Мало чем отличается такое «ядро» от профессионального мышления оперативного работника и дознавателя.

А.Ю. Головин «в базовом варианте» предлагает «определить криминалистическое мышление как основанный на криминалистических знаниях, навыках и опыте субъектов криминалистической деятельности интеллектуальный процесс постановки и решения ими различных задач судопроизводства» [7, с. 66].

Здесь необходимы комментарии. Во-первых, А.Ю. Головин ошибочно полагает, что такое мышление базируется только на криминалистических знаниях. Основа любого мышления – знания из любых отраслей науки. Во-вторых, термин «криминалистическая деятельность», на наш взгляд, не является корректным. По причине того, что в какой-то – адвокатской, прокурорской, судейской – деятельности используются криминалистические средства, она не становится криминалистической. Агроном, использующий статистику, не становится статистиком. Экспертная форма деятельности, в которой применятся криминалистические знания, не становится криминалистической, так же как следственная и оперативно-разыскная.

Представлены и другие определения, отличающиеся как по объему, так и по редакции, но не по сути [8, с. 125-129; 9, с. 119; 10,

с. 128-132]. В целом можно задаться вопросом: если не существует криминалистического мышления, то, вероятно, не существует и криминалистической деятельности?

Так или иначе, речь идет о нормальном («штатном») человеческом мышлении, которое иногда называется простым здравым смыслом. Пожалуй, что нет особого «ботанического» мышления, не существует специального «химического» мышления или «биологического». В самом деле, озабоченность дамы, разглядывающей загадочное пятно на платье, мало чем отличается от версионного мышления следопыта, который расшифровывает интеллектуальный подлог в документе. Да, здесь существует разница в «теоретической нагруженностью опыта», под которым всякий разумеет только свой собственный» [11, с. 54]. Получается так: нельзя противопоставлять версионное мышление, версионный анализ и здравый смысл, но различать необходимо.

Признаки различия, на наш взгляд, таковы. Во-первых, так называемый здравый смысл не претендует на собственное истолкование. Версионный анализ же выделяется как обособленный прием научного анализа, входящий в инструментарий, с помощью которого происходит приращение знания. Во-вторых, могущество здравого смысла следует трактовать скорее как «смещение линии горизонта, по мере приближения открывающее новую перспективу при сохранении направления движения» [12, с. 25]. Версионный анализ, как правило, связан с перемещением на новую позицию с новой перспективой. В-третьих, здравый смысл не слишком обременен заботой о собственной технологии мышления. Между тем криминалистическая наука должна постоянно заботиться о своей технологии и аналитических инструментах – соответствует ли качество и уровень версионного анализа поставленным научным и практическим задачам.

Надо признать, что в криминалистике нет ни научных и практических задач, которые прямо или косвенно не были бы связаны с версионным моделированием либо преступной деятельности, либо деятельности по расследованию преступлений. Однако в обоих случаях мысленное моделирование носит вероятностный, версионный характер. По-видимому, логично сначала обозначить ту структуру деятельности, в которой доминирует версионный анализ, а затем изложить его сущность и специфические особенности.

В свое время российский процессуалист и криминалист Я.И. Баршев, указывал на две части методики расследования: в одной части должны содержаться «общие версии», в другой – «средства их проверки» [13, с. 128-130]. Но убедительной концепции о структуре расследования преступлений как не было, так и сейчас нет. Точек зрения – множество. Так, например, Г.Г. Зуйков писал, что данная структура складывается из следующих частей:

1) определение обстоятельств, подлежащих установлению;

2) возбуждение уголовного дела, первоначальные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия;

3) тактика последующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

4) определение мер по устранению причин и условий, способствующих совершению данного вида преступления [14, с. 211].

Надо признать: такой подход к исследованию структуры методики расследования и доказывания не является подлинно научным, хотя бы потому, что «определение обстоятельств, подлежащих установлению» не является промежуточной, а «сквозной» задачей, а тактика следственных действий необходима и до возбуждения уголовного дела. Следует искать другой путь.

Н.П. Яблоков не стал усложнять проблему и ограничился выделением трех этапов: первоначального, последующего и заключительного [14, с. 127-129]. Р.С. Белкин одобрил такой подход и привел ряд аргументов о целесообразности именно этих трех этапов структуры расследования [16, с. 784-786]. Эта позиция стала общепринятой. Впрочем, случались отклонения. Так, в представлении В.Я. Колдина, криминалистическая классификация этапов (стадий, фаз, элементов) расследования должна быть направлена на выявление, прежде всего, информационно-познавательной стороны этого процесса:

– обнаружение источников информации о расследуемом событии;

– извлечение информации о расследуемом событии из источников;

– формирование частных информационных систем и установление отдельных обстоятельств расследуемого события;

– формирование общей информационной системы и установление фактической структуры расследуемого события [17, с. 45].

Наши попытки усовершенствовать эту структуру велись с расчетом на то, чтобы она отвечала не только научным задачам, но и чисто прикладным или, в крайнем случае, учебно-методическим (дидактическим). В результате разработана и апробирована новая структура, которая хоть и не нажила славы, но и отторжения не случилось [18, с. 87]. В этой структуре главное состоит в том, чтобы каждый элемент, каждый структурный шаг был логически связан с решением промежуточной задачи: не решив ее невозможно перейти к следующей.

Таким образом, по нашему мнению, логическая структура расследования преступлений в сфере экономики (для основных форм деятельности) состоит из семи задач (шагов):

1) выявления криминальной ситуации (так называемые «ножницы» – расхождение между тем «как должно» и «как есть» – обнаружение признаков преступления);

2) формирование исходной информации (проверочные действия, доследственная проверка);

3) криминалистический анализ (оценка результатов доследственной проверки с точки зрения достоверности и достаточности);

4) построение версий (выдвигаются типичные и иные версии);

5) разработка версий (каждая версия рассматривается как большая посылка, а следы – как результаты, которые позволяют решить вопросы, подлежащие разрешению);

6) планирование проверки версий (определяется последовательность решения вопросов, выбирается соответствующая процедура для решения каждого вопроса, намечается исполнители и сроки выполнения процедур (средств доказывания));

7) реализация плана («ноги в руки») [19, с. 45-53].

Каждая задача вполне логична и конкретна. Так, например, если не выявишь признаки «строительного» преступления (наличие криминальной ситуации – шаг первый), то нет смысла формировать исходную информацию путем проведения комплекса проверочных действий – шаг второй. Если нет результатов проверочных действий, то нечего и анализировать (шаг третий), а, значит, нет информации для построения версий (шаг четвертый). Если отсутствуют версии, то нет возможности приступить к их разработке (шаг пятый). Не разработав версии (не определив следствия-следовые картины, не сформулировав обстоятельств, подлежащих выяснению), невозможно составить план проверки версий (шаг шестой). А если такой план отсутствует, то его нельзя реализовать (шаг седьмой).

Можно заметить, что на всех этапах расследования доминирует процедура версионного анализа информации. Именно она преобладает в умственных действиях оперативных сотрудников органов дознания и должностных лиц органов предварительного расследования, независимо от того, сознают ли они это или нет. Однако бесспорно, что «догадка предшествует доказательству» (А. Пуанкаре).

Следователи и оперативные работники, в своих решениях опираются не только на закон, но и на единую технологию версионного анализа. Когда речь заходит о деталях этой технологии, то тут возникает множество оговорок. Главная из них: способный человек будет раскрывать преступления и без всякой технологии, а бездарному не поможет никакая технология. Способным надо родиться.

И все же мастерство для «средних» учеников закладывается профессиональной школой, аккумулирующей в себе лучшие традиции и опыт многих поколений. Школа развивает и шлифует природные задатки ученика, формирует необходимые навыки и делает его гибким и отзывчивым на всякое творческое задание. Без овладения техникой версионного анализа нельзя быть не только мастером сыска и доказывания по уголовному делу, но и порядочным ремесленником. Алгоритм версионного анализа не подменяет собой творчества, а создает для него наиболее благоприятные условия.

Техника и логика версионного анализа является открытой для критики и верификации. Эта логика, благодаря «навигации» алгоритма и его зримой форме, позволяет диагностировать ход мышления, управлять этим ходом, выявлять и устранять «стихийность» ошибки. В целом требовалось преодолеть эмпиризм в версионном анализе и ввести его в рамки определенной системы научно-

педагогической школы. Теперь можно признаться, что сверхзадача дидактического замысла носила почти авантюрный характер. За основу было взято учение о динамическом стереотипе, его сущности, формировании и практическом значении.

Известно, что на протяжении жизни у человека вырабатывается множество самых различных навыков, обеспечивающих нормальное существование во всех сферах его деятельности в быту, на производстве, в сфере социального общения, на отдыхе. Это навыки ношения одежды, приема пищи, вождения автомашины, речевые и письменно-двигательные навыки, навыки выполнения производственных операций на станке, компьютере, диспетчерском пульте и т.д. Ни в каком перечне нет упоминания о навыках профессионального версионного анализа следователя, оперативного работника, специалиста, дознавателя, эксперта… Это мастерство находится еще в пеленках.

Динамический стереотип версионного анализа позволяет:

– сократить временные и организационные расходы на внешние действия;

– реализовать опережающее отражение действительности.

Срабатывает постулат: «Научи мозг, а мозг научит тело».

Следует признать, что человеческий мозг всегда отражает мир опережающе. Это реакция не на прошлое событие, а подготовка, обеспечение будущего. Академик П. К. Анохин утверждал, что «формирование подготовительных изменений для будущих событий», выступает в качестве «закона опережающего отражения действительности» [20, с. 21]. Согласно этой концепции, опережающее отражение действительности – свойство человеческого разума опережать во времени и пространстве закономерное течение последовательных событий внешнего мира [21, с. 97-109]. «Опережающее отражение действительности» – удивительный механизм связи настоящего с прошлым и будущим.

Эксперименты Бенджамина Либета показывают, что существует, по словам Н.М. Амосова, «отделение разума от мозга»: бессознательные электрические процессы в головном мозге, называемые Bereitschaftspotential (потенциальная готовность), предшествуют осознанным решениям для выполнения волевого действия. Говоря иначе, бессознательное, возможно, являются причиной волевых актов, которые ретроспективно считаются сознательными мотивами. Мозг готовится к действию задолго до того, как мы принимаем осознанное решение совершить это действие [22, с. 529-539].

Академик Н.М. Амосов объяснил эту мистику тем, что на основе многократной активации (повторяемости) перехода из временной памяти в длительную возникают (возбуждаются) и укрепляются связи («тропы»). Развивая гипотезу И. П. Павлова о связях нейронов, Н. М. Амосов доказал: нейроны больше возбуждаются по «проторенным связям», чем «по площади». И далее: «Простое возрастание

количества моделей (связей) в памяти не отражает «уровень ума», хотя и является его непременным условием» [23, с. 49, 150].

Проторенность нейронных связей – разгадка формирования условных рефлексов и любых типов динамических стереотипов. В том числе, умственных. Динамический стереотип версионного анализа информации – это умственные манипуляции, доведенные до автоматизма. Логично: если связи длительное время не возбуждаются повторно, то их проходимость (проторенность) уменьшается – тропы зарастают. Кибернетики любят такую иллюстрацию: газон посеяли, таблички, где ходить-не ходить отсутствуют. Жители ходят по газону так, как им надо. И только после этого наметившиеся на газоне тропинки асфальтируют.

Вряд ли необходимо здесь и сейчас дискутировать, что управляет поведением человека – мозг или осознанная воля. Главное другое – человек не может не думать, не анализировать в проблемной ситуации. Он не ждет, когда информационная копилка наполнится до определенной отметки. Запретить думать в проблемной ситуации – это противоречит природе человеческого разума [24, с. 10]. Противоречит алгоритму версионного анализа и то положение, что сначала версии строятся (выдвигаются), а затем разрабатываются [25, с. 5]. Это – широко распространенное и устойчивое заблуждение Отдельные авторы находят в этом процессе даже не две, а «три, четко выраженные последовательные стадии»: выдвижение, разработку и практическую проверку [26, с. 70].

Я. Пещак так же подразделяет версионный мыслительный процесс на три этапа: «Первый этап – собирание фактического материала, его логический анализ и оценка. Второй этап – выведение и формулировка собственно следственных версий, включая выведение и формулировку предположений, составляющих основу этих следственных версий. Третий этап – выведение следствий, которые должны существовать в случае истинности отдельных следственных версий, и проверке существования этих следствий [27, с. 75]. Полагаем, что суть не в количестве этапов и не в том, что эти схемы условны, «ибо четкие границы между выделенными этапами во времени и последовательности мыслительного процесса не всегда можно определить вследствие их фактического переплетения» [28, с. 106]. Сам подход к версионному анализу информации в целом является ошибочным.

Во-первых, частные версии не являются иерархически одноуровневыми элементами общей версии о преступной деятельности. Они – звенья единой цепи, в которой каждое предшествующее звено индуктивным или дедуктивным образом открывает последующее.

Во-вторых, тот же «железный» структурализм не позволяет привести в «движение» всю систему структурных элементов. Каждый элемент-версия строится независимо от других и разрабатывается самостоятельно. При таком подходе не получается «сцеп-

ления» частных версий, которые бы складывались в целостную картину общей версии.

А. Р. Ратинов в своей вступительной статье к монографии Яна Пещака справедливо подчеркивает, что «в сознании следователя воображаемые картины не остаются застывшими фотоснимками, а являются движущимися и звучащими кинокадрами. Они сохраняют жизнь, темп и те формы движения, которые были свойственны отражаемым объектам в действительности. Такая динамическая система и есть модель преступления (курсив наш. – А. Л.)…» [29, с. 10].

То, что для исходной версии можно назвать разработкой (выведением следствий), для последующей будет ни чем иным, как построением версии (выдвижением, конструированием). Смысл заключается в том, что первая частная версия (например, о субъекте преступной деятельности) рассматривается как посылка, а вторая, частная же, версия (скажем, о способе совершения действий) выводится как следствие и так далее – дедуктивно – по всей цепи элементов-частных версий. То, что для исходной версии можно назвать разработкой (выведением следствий), для последующей будет ни чем иным, как построением версии (выдвижением, конструированием). Смысл заключается в том, что первая частная версия (например, о субъекте преступной деятельности) рассматривается как посылка, а вторая, частная же, версия (скажем, о способе совершения действий) выводится как следствие и так далее – дедуктивно – по всей цепи элементов-частных версий («принцип матрешек»).

Никто, будучи в трезвом уме, не может сегодня призывать к тому, чтобы уметь все, чтобы быть во всем впереди, выделяясь в мастерстве версионного анализа. Функциональный динамический стереотип версионного анализа – результат длительных упражнений. По выражению Аристотеля: «То, что мы должны делать, предварительно научившись, мы учимся делать только тогда, когда делаем именно это» [30, с. 21]. При этом на вооружение должны быть приняты дидактические постулаты: 1) версионное, сознательное мышление протекает в словах и не иначе; 2) обучаемый должен верить в свои мысли, ощущать их и даже видеть; 3) формула версионного мышления – это условно-вероятностный силлогизм по типу: «если, ...то, вероятно,...»; 4) «научи мозг, а мозг научит тело»; 5) кому Бог отказал в уме, тот на примерах понимает; 6) знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов. Симбиоз, а точнее – сочетание зрительности, вербальности и рефлексии образуют своего рода синергизм мыследеятедьности. Скажи (покажи) как ты думаешь, и я скажу, насколько вероятен и убедителен твой вывод. Происходит единство формы и содержания. В этом состоит смысл и пафос алгоритмического версионного анлиза.

В порядке заключения. Версионный анализ – понятие, обозначающее криминалистическое учение, предметом которого являются закономерности оценки исходной информации, закономерности построения, разработки и планирования проверки версий. Это учение

находится еще в процессе становления, и, естественно, соответствующая терминология также непрерывно развивается, уточняется и совершенствуется.

Впрочем, иждивенческий подход к могуществу и всесильности алгоритма версионного анализа неуместен. Его абсолютизация – верный путь к скорой смерти и забвению самой идеи. Достаточно сказать, что устойчивым фундаментом версионного анализа информации служит знание закономерностей механизма преступной деятельности определенного вида. Однако об этом – отдельный разговор, требующий свободного времени и любви к науке.

Список источников

1. Яблоков Н.П. К вопросу о криминалистическом мышлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2012. С. 156-159.

2. Бунге, Марио. Общая теория черного ящика. Философия науки. Т. 30. № 4. Москва, 1963. С. 346-358.

3. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. 2-изд. доп. и перераб. Москва: Норма, 2009. 288 с.

4. Бахтеев Д.В. Понятие и признаки криминалистического мышления // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. №2. С. 216-222.

5. Соколов А.Б. Криминалистическое мышление: понятие е содержание // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №4. (55). С. 69. (68-72)

6. Степаненко Д.А. К вопросу об определении категории «криминалистическое мышление» // Российский следователь. 2016. №7. С. 13-17.

7. Головин А.Ю. К вопросу о понятии «криминалистическое мышление» // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.-практ. статей / под общ. ред. проф. И.М. Комарова. Москва: Юрлитинформ, 2020. С. 60-66.

8. Шамшиев П.А. Взгляды на содержание криминалистического мышления // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы международной научно-практической конференции «III Балтийский юридический форум. 19 декабря 2014 г. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2015. С. 125–129.

9. Шамшиев П.А. Криминалистическое мышление как состояние «открытости ума» при решении следственных задач // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. №3. С. 119-121.

10. Шутемова Т.В. Создание теории криминалистического мышления – осознанная необходимость / Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Н.П. Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. Москва: МАКС Пресс, 2015. С. 128-132.

11. Малкей М. Наука и социология знания. Москва: Прогресс, 1983. 253 с.

12. Сапле Ф. Поиски философского понимания научных теорий // Научные теории: структура и развитие. Москва: Наука, 1978. С. 23–32.

13. Баршев, Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / Соч. орд. проф. уголов. и полиц. законов в Имп. С.-Петерб. ун-те, д-ра прав Я. Баршева. Санкт-Петербург: тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел.канцелярии, 1841. 297 с.

14. Зуйков Г.Г. Понятие, сущность и общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика. В 2-х т. Т. 2. Москва, 1970. С. 211-227.

15. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2008. 400 с.

16. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Россий-

ской Федерации, профессора Р. С. Белкина. Москва: НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА - М). 990 с.
17. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 134 с.
18. Расследование преступлений в сфере экономики: учебник. Под ред. В.Д. Грабовского и А.Ф. Лубина. Нижний Новгород, 1995. 400 с.
19. Лубин А. Ф. Практические занятия по криминалистической методике в специализированном вузе // Совершенствование содержания обучения специалистов аппаратов БХСС. Горький: ГВШ МВД СССР, 1988. С. 45–53.
20. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. Москва, 1978. 400 с.
21. Анохин П. К. Опережающее отражение действительности // Вопр. философии. 1962. № 6. С. 97–109.
22. Libet, Benjamin. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // The Behavioral and Brain Sciences : журнал. 1985. Вып. 4. № 8. S. 529–539.
23. Амосов Н. М. Алгоритмы разума. Киев: Наукова думка, 1979. 224 с.
24. Ратинов А. Р. Вступительная статья // Пещак Я. Следственные версии. Криминалистическое исследование. Москва, 1976. 227 с/
25. Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. Москва: Юрид. лит., 1978. 104 с.
26. Пантелеев И. Ф. Криминалистическая версия // Криминалистика. Москва, 1995. С. 70-78.
27. Пещак Я. Следственные версии. Криминалистическое исследование. Москва, 1976. 227 с.
28. Яблоков Н. П. Криминалистические версии // Криминалистика. Москва, 1995. С. 106-110.
29. Ратинов А. Р. Вступительная статья // Пещак Я. Следственные версии. Криминалистическое исследование. Москва, 1976. 227 с.
30. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. Москва, 1975. 249 с.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Лужинская Елена Леонидовна
Старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

В статье рассматриваются особенности решения вопроса по установления возраста лиц, запечатленных на изображениях и видеозаписях порнографического характера в рамках культурологической и судебной портретной экспертизы. Проводится анализ возрастных периодизаций, закрепленных в методиках вышеуказанных экспертиз. Предлагаются рекомендации по выбору вида экспертизы для установления возраста лица на изображениях (видеозаписях), исходя из определенных категорий расследуемых уголовных дел.

Ключевые слова: назначение экспертизы, установление возраста, малолетний, несовершеннолетний, пубертатный период, культурологическая экспертиза, судебная портретная экспертиза.

© Лужинская Е. Л., 2022

ON THE QUESTION OF THE ADVANTAGE OF JUDICIAL PORTRAIT EXAMINATION FOR CERTAIN CATEGORIES OF CRIMINAL CASES

Luzhinskaya E. L.

The article discusses the features of resolving the issue of age determination of persons depicted in images and videos of a pornographic nature within the framework of cultural and judicial portrait examination. The analysis of age periodizations, fixed in the methods of the above examinations, is carried out. Recommendations are proposed for choosing the type of examination to age determination of a person in images (video recordings), based on certain categories of criminal cases under investigation.

Keywords: expediency an examination, age determination, underage, puberty, cultural examination, forensic portrait examination.

В теории науки криминалистической тактики многими учёными-криминалистами разрабатывались рекомендации по назначению судебных экспертиз, привлечению специалистов как сведущих лиц. Существующие алгоритмы назначения и проведения судебных экспертиз, апробированные в следственно-экспертной практике, позволяют следователю либо иному лицу, назначившему экспертизу, особенно не имеющему достаточного опыта работы, эффективно использовать при расследовании преступлений специальные знания судебных экспертов. Анализ ошибок, допускаемых как инициаторами назначения экспертиз, так и непосредственно судебными экспертами, способствует повышению качества заключений экспертов, устранению оснований для признания их недопустимыми доказательствами, обеспечению полноты и всесторонности установления обстоятельств преступления.

Вместе с тем существующие алгоритмы назначения судебных экспертиз требуют постоянной и своевременной актуализации, в связи с появлением новых объектов исследования, разработкой новых методических материалов проведения судебных экспертиз, а также в связи с появлением новых составов преступлений. Возникают также сложности при выборе вида экспертизы при возможности решения одних и тех же задач в рамках разных экспертиз.

В настоящее время в области исследования внешнего облика человека наблюдаются процессы и дифференциации, и интеграции знаний с учётом собственных и сопутствующих признаков внешности. В результате данных процессов экспертное исследование изображений внешнего облика человека происходит не только в судебной портретной экспертизе.

При подготовке и назначении судебной портретной экспертизы необходимо решить ряд вопросов и прежде всего – вопрос о целесообразности ее назначения, т.е. принятии соответствующего тактического решения в каждом конкретном случае.

В настоящей статье рассмотрим особенности решения диагностического вопроса по установлению возраста лица, запечатлённого на изображениях и определимся с целесообразностью его решения в рамках портретной экспертизы по отдельным категориям дел.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь (п. 2 ст. 228 УПК Республики Беларусь) назначение и проведение экспертизы является обязательным, «если необходимо установить возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнение» [1]. При фактическом наличии лица и отсутствии у него документов, подтверждающих возраст, установить его можно путём проведения судебно-медицинских, судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз. А в случаях наличия только изображения лица (фотоснимки, видеозаписи и пр.) решение вопроса об установлении возраста становится затруднительным.

В правоприменительной практике обязательное проведение экспертизы по установлению возраста по изображениям лица, когда оно не установлено не такая уж и редкость. В настоящее время, в Интернет-ресурсах так называемого «DarkNet» очень часто можно увидеть видеоизображения (ролики) и фотоизображения (фотоснимки) (далее – изображения) порнографического характера, где фигурируют дети, явившиеся жертвами педофилов и их развратных действий – груминга. Целью груминга является получение с использованием глобальной компьютерной сети Интернет интимных фото/видео ребёнка для последующего шантажа и вымогательства у него денег, либо склонения к сексуальной связи [2].

При обнаружении правоохранительными органами изображений порнографического характера с запечатлёнными на них неизвестными лицами (предполагаемо несовершеннолетними), и установлении их места изготовления, т.е. выявления страны, где произошло преступление (при помощи метаданных файлов, интерьера места съемки и др.), обстоятельство установления возраста запечатлённых лиц имеет ключевое значение для возбуждения уголовного дела по факту изготовления и распространения порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего, что предусмотрено ст. 343-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3]. Согласно п. 7 ст. 4 УК РБ малолетний – это «лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста четырнадцати лет», а п. 8 ст. 4 УК РБ несовершеннолетний – это «лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет» [3]. Таким образом, без экспертного заключения о возрасте запечатлённого на изображениях лица нельзя дать надлежащую правовую оценку при разрешении материалов проверок.

Для диспозиции статьи 343-1 УК РБ наличие на изображениях и использование «заведомо малолетнего лица в изготовлении порнографических материалов» [3], будет являться квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 вышеуказанной статьи. При этом распространение изображений порнографического характера, на которых запечатлены несовершеннолетние, в том числе и малолетние

лица, будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 343-1 УК РБ. И, если часть первая статьи 343-1 УК РБ относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, то часть третья этой же статьи относится к категории особо тяжких преступлений, которая влечет за собой наказание в виде лишения свободы до 13 лет. В связи с этим, экспертная ошибка по определению возраста в рамках отнесения к одной из вышеуказанных возрастных категорий может привести к значительным правовым последствиям.

Решение такого вопроса, как правило, не вызывает проблем, если на изображениях примерный возраст ребенка очевиден даже без применения специальных познаний. Сложность возникает при исследовании внешности современных подростков, часто пытающихся выглядеть старше за счёт различных ухищрений, в частности при определении экспертом крайних градаций возрастных категорий, т.е. к примеру, запечатленному на изображении подростку на вид 12-14 лет либо 13-15 лет. Но в первом случае лицо подпадает под категорию «малолетний», а во втором случае, из-за верхней границы, указанной экспертом, уже нет. В связи с этим, решение вопроса по установлению возраста лица в рамках судебной портретной экспертизы по данной категории дел, представляется проблематичным.

Рассмотрим более подробно. Так, согласно, литературных источников по габитоскопии и методических рекомендаций по проведению судебной портретной экспертизы, диагностическое исследование возраста лица, запечатлённого на изображениях решается только лишь в рамках возрастной периодизации, но не определения календарного возраста. При определении возраста руководствуются следующим правилом: фиксируют признаки, свидетельствующие о минимальной возрастной границе, затем вносятся поправки в соответствии с данными об условиях жизни, состоянии здоровья описываемого человека, после чего делаются выводы о примерном возрасте.

Выделяют следующие возрастные периоды: детский (новорожденный, грудной, раннее детство, первый и второй периоды детства), подростковый, юношеский, молодой, средний, пожилой, старческий, долгожитель [4, с. 55].

Отнесение человека к тому или иному периоду осуществляется путём изучения строения его анатомических элементов и сопоставления с нормой их развития для данного возрастного периода [5, с.24-26]. На практике возраст человека на вид характеризуется путём его обозначения количеством прожитых лет от минимума до максимума для данного периода (например, 17-21, 25-30 лет и т.д.).

Возвращаясь к нашей теме, в категории «несовершеннолетний» или «малолетний» в рамках указанной периодизации нас будут интересовать такие периоды как подростковый – от 12 до 16 лет (девушки) или 13-17 лет (парни) и юношеский период – от 17 до 20 лет (девушки) до 22 лет (парни), в которых чёткая грань отнесения к категории «несовершеннолетний» и «малолетний» размывается, и при ответе экспертом на вопрос, что возраст запечатленного на

видеозаписи лица относится к подростковому с указанием периода 12-16 лет либо 13-17, не поможет решению вопросов о наличии квалифицирующего признака «заведомо малолетний», а в случае отнесения возраста лица к юношескому периоду 17-20, так и в целом в вопросе по возбуждению уголовного дела в целом.

Решение вопроса по установлению возраста лица на изображениях и видеоматериалах в Республике Беларусь также решается и судебной культурологической экспертизой при исследовании порнографического материала при наличии на изображениях обнажённых людей. На разрешение судебной культурологической экспертизы выносятся вопросы: «Относятся ли представленные объекты экспертизы к порнографическим материалам и (или) предметам порнографического характера? Если да, то содержат ли такие объекты изображение человека, имеющего признаки препубертатного (раннего пубертатного) периода развития (созревания), какому возрастному периоду они соответствуют?» (проводится в Государственном комитет судебных экспертиз Республики Беларусь). Методикой данной экспертизы предусмотрена другая возрастная периодизация, основанная на половом созревании и развитии человека. В рамках такой периодизации выделяют следующие периоды: детский 0-9 лет; препубертатный период 9-11 лет (для девочек), 10-12 (для мальчиков), первый пубертатный период 12-14 лет (для девушек) и 13-16 (для парней), второй пубертатный период 15-17 лет (для девушек), 17-22 (для парней) и период половой зрелости от 18-45 лет (для женщин), 23-51 (для мужчин) [6] (дальнейшая периодизация не рассматривалась). Анализируя данную периодизацию, можно отметить, что при исследовании лиц женского пола первый пубертатный период 12-14 лет и второй пубертатный период 15-17 лет как раз укладываются соответственно в категорию «малолетний» и «несовершеннолетний» и позволяют инициаторам назначения экспертиз получить как правило полные ответы по установлению, возраста лица. С лицами мужского пола этот вопрос затруднен, верхние границы между категориями «малолетний» и «несовершеннолетний» в рамках первого пубертатного период 13-16 лет и второго пубертатного периода 17-22 для парней не соответствуют вышеуказанным категориям. Но, как показывает следственная и экспертная практика, в 90 % случаях по данной категории дел на изображениях запечатлены лица женского пола. Вопрос по лицам мужского пола требует дополнительного исследования.

Поэтому, при необходимости установления возраста лица, запечатлённого на изображениях по категории дел, связанных с изготовлением и распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (малолетнего), необходимо назначать судебную культурологическую экспертизу. Это обусловлено тем, что для вышеуказанного состава обязательным признаком для квалификации является возраст лица запечатленного на изображениях («малолетний»,

«несовершеннолетний»), а периодизация возраста, предусмотренная портретной экспертизой, не позволит в случае исследования изображений подростков чётко отнести их к указанным категориям. В связи с этим, рекомендуем инициаторам назначения экспертиз перед назначением экспертизы консультироваться у экспертов по вопросу определения вида экспертизы.

Выполнение указанных рекомендаций позволит оптимизировать взаимодействия инициаторов назначения экспертиз и судебных экспертов, избежать конфликтных ситуаций, назначения повторных экспертиз и затягивания сроков принятия процессуальных решений по вопросам о возбуждении уголовного дела и квалификации преступных действий.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь 295-З от 16.07.1999 г. Текст : электронный // URL: https: //kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb/228.htm (дата обращения 31.01.2022)

2. Что такое груминг в интернете и как уберечь от него детей. Текст : электронный // URL: https: // life.pravda.com.ua/columns/2018/12/19/234802/ (дата обращения 31.01.2022).

3. Уголовный Кодекс Республики Беларусь 275-З от 9.07.1999 г. Текст : электронный // URL: https: //kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/343-1.htm (дата обращения 31.01.2022)

4. Зинин, А. М. Габитоскопия и портретная экспертиза: учебник / А. М. Зинин, И. Н. Подволоцкий ; под ред. Е. Р. Россинской. Москва: Норма : Инфра-М, 2018. 288 с.

5. Виниченко, И.Ф. и др. Криминалистическое описание внешности человека. Москва, 1998. С. 198.

6 Культурологическая экспертиза. // URL: https: // sudexpert.gov.by/ru/kult_exp.html (дата обращения 30.01.2022).

7. Периоды полового созревания URL: http://www.bibliotekar.ru/valeologia-2/35.htm (дата обращения 30.01.2022). Текст : электронный

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ К ДОПРОСУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО

Макаренко Илона Анатольевна
Заведующий кафедрой криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Башкирский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы, которые встают перед следователем при установлении психологического контакта с несовершеннолетним участником уголовного судопроизводства. Указывается на необходимость учета интересов и потребностей современных подростков, большую часть времени проводящих за гаджетами. Рассматриваются вопросы, возникающие в процессе приглашения законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого.

Ключевые слова: несовершеннолетний обвиняемый, допрос, психологический контакт, законный представитель.

© Макаренко И. А., 2022

PREPARATION PECULIARITIES FOR THE INTERROGATION OF A MINOR

Makarenko I. A.

Abstract. The article deals with the issues the investigator faces when establishing psychological contact with a minor participant in a criminal proceeding. The necessity of taking into account the interests and needs of modern teenagers, who spend most of their time on gadgets is indicated. The issues arising in the process of calling the legal representatives of a minor accused in are considered.

Keywords: minor accused, interrogation, psychological contact, legal representative.

Особенностям расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, тактике производства следственных действий и установлению психологического контакта с подростками, проблемам участия третьих лиц в уголовном процессе посвящено немало работ. Тем не менее и в настоящее время на многие вопросы нет однозначного ответа. В связи с неуменьшающимся ростом преступлений, совершенных несовершеннолетними, текучестью кадров в следственных органах и отсутствием опыта работы в принципе и с несовершеннолетними, в частности, особенности допроса этой категории участников уголовного судопроизводства, как самого распространенного следственного действия, несомненно должны обсуждаться и корректироваться с учетом психологических изменений современных подростков.

Кроме того, что в подростковом возрасте у детей выражена эмоциональная возбудимость, неуравновешенность характера, быстрая смена настроения и другие проявления физической и психологической незрелости, для современных подростков стало нормой еще и «ничего не хотеть». Одной из причин такой пассивности является уход из реальной жизни в виртуальную – интернет-игры, интернет-общение, видео, тексты (чаще всего безграмотные и примитивные), музыка, картинки и т.д. Дети снизили до минимума общение «в живую» и ограничиваются общением через смс и социальные сети. Такой контекст развития современного подростка усложняет установление с ним психологического контакта и получения показаний, если он попадает в орбиту уголовно-правовых отношений.

Л.Л. Каневский рассматривал психологический контакт как «состояние, при котором участники следственного действия проявляют интерес и готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга» [1, с. 112-113]. Соглашаясь с определением, предложенным профессором Л.Л. Каневским, полагаем, что для того, чтобы подросток проявил интерес и был готов к общению необходимо, по меньшей мере, иметь представление об интересах подросткового поколения, владеть специфическими терминами, принятыми у несовершеннолетних, быть в курсе сложившихся в семье подростка отношений для правильного выбора родственника, который будет представлять его законные интересы и т.д.

В идеале, конечно, было бы целесообразно в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства и, в первую очередь, обвиняемых, проводить судебно-психологическую экспертизу, как, например, предлагал Н.А. Подольный [2], однако, практически решить этот вопрос в настоящее время нет объективных условий.

Поэтому, несмотря на то, что не все родители в состоянии установить с подростком доверительные отношения и обладать сведениями о его внутреннем мире, они, тем не менее, остаются одними из самых осведомленных лиц о несовершеннолетнем, представляющих его интересы. Согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства [3]. По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, законные представители привлекаются в обязательном порядке, и как верно отмечает О.Х. Галимов, вступление в уголовный процесс законных представителей не зависит от воли и желания представляемого лица, поскольку полномочия на представительство они приобретают не от представляемого, а на основании закона. Поэтому от оказываемой законным представителем помощи представляемый отказаться не может [4, с. 58].

Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления прокурора, следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Перечень лиц, которые могут быть законными представителями несовершеннолетнего, в п. 12 ст. 5 УПК является исчерпывающим. Однако, как в таком случае интерпретировать ч. 1 ст. 437 УПК, посвященную участию законного представителя в производстве о применении принудительных мер медицинского характера? В ней указывается, что при отсутствии близкого родственника (выделено нами – И.М.) законным представителем может быть признан орган опеки и попечительства. К близким же родственникам в соответствии с п. 4 ст. 5 УПК относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Значит, исходя из ст. 437 УПК законными представителями несовершеннолетнего обвиняемого могут быть также родные братья и сестры, дедушка и бабушка.

Анализируя далее нормы уголовно-процессуального законодательства, мы пришли к выводу, что остается открытым вопрос и о том, кого целесообразнее приглашать, если в соответствии с ч. 4 ст. 426 УПК законный представитель отстраняется от участия в уголовном деле. Если руководствоваться буквой закона и перечнем

законных представителей, обозначенных в п. 12 ст. 5 УПК, в этом случае должен быть привлечен орган опеки и попечительства. На наш взгляд, это не выход из положения, так как, во-первых, представители органа опеки и попечительства, как правило, безразличны к судьбе, правам и законным интересам несовершеннолетнего обвиняемого, во-вторых, анализ практики свидетельствует, что подход к участию в уголовном деле этих лиц формальный, чаще сводящийся к заявлению с просьбой провести расследование и рассмотреть уголовное дело в судебном заседании без их участия.

И здесь мы вновь возвращаемся к необходимости получения следователем информации об условиях жизни и воспитания подростка, характеристике его родителей и взаимоотношений в семье. Только после анализа такой информации следователь может остановиться на кандидатуре, которая действительно будет защищать права и законные интересы несовершеннолетнего, и не исключено, что это могут быть как близкие родственники подростка, так и иные лица, которые пользуются у подростка авторитетом и уважением, положительно характеризуются и проявляют заботу о несовершеннолетнем. Иными словами, считаем, что п. 3 ст. 5 УПК РФ, в котором идет речь о близких лицах, состоящих в свойстве с потерпевшим или свидетелем, было бы логично применить и в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, в силу сложившихся обстоятельств к которым нецелесообразно приглашать их законных представителей, а иных близких родственников нет.

Исходя из сказанного, считаем необходимым расширить круг лиц, которые могут быть законными представителями несовершеннолетнего обвиняемого. К ним можно отнести:

близких родственников – родителей, усыновителей, родных братьев и родных сестер, дедушку, бабушку;

2) близких лиц, которым дороги жизнь, здоровье и благополучие несовершеннолетнего в силу сложившихся личных отношений;

3) опекунов или попечителей несовершеннолетнего;

4) представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний;

5) органы опеки и попечительства.

Существуют различные точки зрения и по поводу того, кого конкретно приглашать в качестве законного представителя? Л. Новобратский полагает, что этот вопрос должен быть решен семейным соглашением, при недостижении которого персональный выбор законного представителя должен принадлежать самому обвиняемому, непосредственно заинтересованному в этом вопросе [5, с. 10]. По мнению Ю.П. Михальчук, право выбора законного представителя необходимо предоставить несовершеннолетнему обвиняемому [6, с. 46]. А.С. Ландо подвергает критике такую точку зрения, отмечая, что неэтично давать несовершеннолетнему подростку право выбора отца или матери в качестве законного представителя [7, с. 16-17]. В.В. Шимановский считает, что поставленный вопрос должен

решать следователь, учитывая мнение законных представителей и исходя из задачи обеспечения защиты интересов несовершеннолетних [8, с. 59].

Проанализировав указанные точки зрения, исходя из того, что законный представитель, во-первых, призван оказывать несовершеннолетнему моральную и психологическую поддержку; во-вторых, действовать в интересах несовершеннолетнего; в-третьих, активно пользоваться предоставленными ему правами и совместно с адвокатом выбирать наиболее эффективные и оптимальные пути защиты несовершеннолетнего, мы полагаем, что в том случае, когда несовершеннолетний обвиняемый из благополучной семьи, то решение вопроса, кто будет его законным представителем, должно находиться в плоскости усмотрения семейного совета с учетом мнения самого подростка. В том случае, если подросток из неблагополучной семьи, где его воспитанием никто не занимался, выбор законного представителя должен сделать следователь. Предварительно он должен побеседовать с несовершеннолетним по этому вопросу, собрать необходимую информацию об условиях жизни и воспитания подростка, близких ему лицах, опросив для этого самих родителей обвиняемого, соседей по месту жительства, педагогов, обучавших несовершеннолетнего.

Современное уголовно-процессуальное законодательство считает присутствие законного представителя на первом допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого обязательным условием его проведения. Насколько это целесообразно? Еще в 1958 году Л.М. Карнеева, С.С. Ордынский, С.Я. Розенблит высказали мнение, что родители приглашаются только в том случае, если они не связаны с совершенным преступлением и известно, что подлежащий допросу несовершеннолетний относится к ним с уважением [9, с. 193]. Данный тезис относился авторами к любому несовершеннолетнему, допрашиваемому следователем. В 1959 году Г.М. Миньковский конкретно указал, что вызов родителей для участия в допросе несовершеннолетнего обвиняемого представляется в большинстве случаев нецелесообразным. Обвиняемый, в ряде случаев, будет испытывать в присутствии родителей чувство страха, стыда и т.д., будет чутко реагировать на эмоции отца и матери, следить за их мимикой, движениями, улыбками и в соответствии с этим давать свои ответы [10, с. 120]. За более чем полвека сказанное выше не утратило своей актуальности. Соглашаясь с мнением ученых, также считаем, что в присутствии родителей подросток максимально будет приуменьшать свою роль в совершенном преступлении, оправдывать себя, недоговаривать, опасаясь еще и наказания от них.

В этих условиях установление при допросе благоприятной атмосферы – крайне непростая задача: по сути в одном помещении собираются стороны, имеющие абсолютно разные цели. Следователь должен получить правдивые показания по существу расследуемого дела, несовершеннолетний обвиняемый склонен к максимальному

сокрытию обстоятельств совершенного деяния и приуменьшению своей роли в нем, законный представитель будет прилагать все усилия, чтобы его ребенок избежал наказания.

Для решения столь сложной задачи следователю как минимум необходимо подготовиться к допросу и провести все необходимые организационные мероприятия; обладать коммуникативными способностями, учитывая интересы, потребности, специфику развития и общения современных подростков; обладать глубокими знаниями материалов расследуемого дела, информацией о взаимоотношениях в семье несовершеннолетнего обвиняемого.

Таким образом, мы рассмотрели лишь небольшую часть проблем, возникающих при подготовке к допросу несовершеннолетнего обвиняемого, установлении с ним психологического контакта, которые необходимо обсуждать на теоретическом уровне, при необходимости вносить изменения в законодательство и, главное, совершенствовать навыки и умения практических работников, непосредственно принимающих участие в расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Список источников

1. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991.

2. Подольный Н.А. Теоретические и практические основы раскрытия и расследования преступлений, совершенных молодежными организованными преступными группировками: Дисс. … докт. юрид. наук. Москва, 2007.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021).

4. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. Санкт-Петербург: Питер, 2001.

5. Новобратский Л. Законный представитель несовершеннолетнего в уголовном процессе // Сов. юстиция. 1962. № 24.

6. Михальчук Ю.П. Основные уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты допроса несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии. Краснодар, 2004.

7. Ландо А.С. Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе. Саратов, 1977.

8. Шимановский В.В. Законные представители обвиняемого и потерпевшего в предварительном следствии // Соц. законность. 1971. № 7.

9. Карнеева Л.М., Ордынский С.С., Розенблит С.Я. Тактика допроса на предварительном следствии. Москва: Юрид. лит., 1958.

10. Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. Москва: Юрид. лит., 1959.

УДК 34

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Максимов Николай Валерьянович
Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук,
ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары

В статье раскрываются проблемы, возникающие при дактилоскопировании граждан, проживающих на территории Российской Федерации, в случае, если они привлекаются в качестве потерпевших или свидетелей по уголовному делу, когда возникает необходимость установления их личности. Проведенный правовой анализ обосновывает необходимость введения всеобщей дактилоскопической регистрации.

Ключевые слова: криминалистика, дактилоскопия, регистрация, закон, отпечатки рук, образцы для сравнительного исследования.

LEGAL ISSUES OF FINGERPRINTING OF THE CIVILIAN POPULATION

Maksimov N. V.

The article discloses the problems that arise when fingerprinting citizens living in the territory of the Russian Federation, if they are involved as victims or witnesses in a criminal case, when the need arises to establish their identity. The legal analysis has justified the need for universal fingerprinting.

Keywords: forensic science, fingerprinting, registration, law, handprints, samples for comparative examination.

Дактилоскопия – одно из направлений криминалистической техники, в котором закреплены задачи, направленные на регулирование общественных отношений и способы решения данных задач с помощью экспертных, специальных криминалистических знаний. При помощи дактилоскопирования сегодня можно не только установить самого человека, но и определить определенные его свойства, которые имеют важное практическое значение и в научном плане. Единственно, для этого необходимо, чтобы образцы отпечатков рук каждого гражданина были зарегистрированы в соответствующей базе. Однако, это далеко не так просто.

Правовые основы дактилоскопической регистрации в Российской Федерации прописаны, прежде всего, в основном законе страны – Конституции [1], в области прав граждан по соблюдению их свобод и законных интересов, касающиеся порядка доследственной проверки сообщений о преступлениях, а также в Федеральных законах «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (далее – Закон о регистрации) [3], «О полиции» (далее ФЗ «О полиции) [2] и ведомственных НПА, регулирующих отношения, связанные с дактилоскопированием гражданского населения. Так, в п. 27 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» определено, что на полицию, помимо прочего, «возлагается обязанность проводить государственную дактилоскопическую регистрацию». Причем,

© Максимов О. А., 2022

данной процедуре подвергаются в обязательном порядке «лица, задержанные по подозрению в совершении преступления, заключенные под стражу, обвиняемые в совершении преступления, подвергнутые административному наказанию в виде административного ареста, иные задержанные лица», которых нельзя идентифицировать иным способом в кратчайшее время (п. 19 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О Полиции»). Закон обязывает дактилоскопироваться и будущим сотрудникам при приеме на работу (п.7 ст.25 ФЗ «О Полиции»), как и всем лицам, служащим в правоохранительных органах, в соответствии с законом о регистрации.

Российское законодательство выделяет два вида дактилоскопической регистрации: добровольную и обязательную. Обязательной регистрации подлежат лица, указанные в ст. 9 Закона о регистрации. Этот список довольно обширен и включает лиц так или иначе связанных с военной службой и с правоохранительными органами. Помимо указанных лиц, все неопознанные трупы также подлежат обязательной государственной дактилоскопической регистрации. Дактилоскопическая информация, полученная в результате проведения государственной дактилоскопической регистрации, используется для «предупреждения, раскрытия и расследования преступлений» (ст. 6 Закона о регистрации) например, для розыска пропавших без вести граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Добровольная дактилоскопическая регистрация возможна при поступлении письменного заявления от лица, и осуществляется на основании ведомственного нормативно-правового акта – Приказа МВД России № 640 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению добровольной государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (далее «Регламент») [5].

При поступлении сообщения о совершении преступления проводится доследственная проверка в соответствии со ст. 144 и ст. 145 УПК РФ [4]. В ходе данной проверки потерпевшим и иным лицам, которые с точки зрения органов полиции могут оставить следы рук на «законных» основаниях на месте проведения осмотра места происшествия, может быть предложено пройти добровольное дактилоскопирование, т.е. с согласия лиц, которое проводится по письменному заявлению гражданского лица в (п. 16.1 Регламента). В случае отказа, в соответствии со ст. 202 УПК РФ (получение образцов для сравнительного исследования), для производства дактилоскопической экспертизы лицо проводящее проверку обязано вынести постановление о получении у таких лиц образцов. В этом случае дактилоскопирование становиться обязательным, при этом, на законных основаниях, по поручению следователя или дознавателя сделать это могут без согласия потерпевшего и иных лиц, прибегнув к физической силе, но при этом не допуская унижения чести и достоинства и методов опасных для жизни и здоровья (ч. 2 ст. 202 УПК РФ).

Получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено до возбуждения уголовного дела.

Нарушение данных требований и получение дактилоскопических карт без соответствующего постановления или письменного заявления относится к иным не допустимым доказательствам, полученным с нарушением требований УПК РФ. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК.

Таким образом, федеральное законодательство не требует поголовного дактилоскопирования законопослушных граждан (пока не доказано иное), а предусматривает его проведение только в том случае, когда установить их личность невозможно в связи с отсутствием документов подтверждающих личность или когда возникает необходимость подтверждения нахождения лица в определенном месте и исключения его отпечатков рук из базы проверяемых следов. Для этого, с точки зрения закона, необходимо только наличие постановления или письменного заявления.

А как быть, если совершено преступление, к примеру, в селе и для его раскрытия сотрудники полиции откатывают поголовно весь населенный пункт, для проверки на причастность к совершению данного преступления?

Сегодня это происходит постоянно и с нашей точки зрения не законно. Как указывает Ю.А. Кузьмин, на месте совершения преступления остаются дактилоскопические следы-отображения, которые используются в уголовно-процессуальном доказывании [6, с. 134], но ведь по смыслу закона, как было ранее отмечено, отпечатки пальцев необходимо сдавать только в двух случаях (ст.7 Закона о дактилоскопической регистрации). А как быть с потерпевшими, свидетелями, родственниками потерпевших, которые могут оставить свои следы-отображения на месте преступления, например, придя в гости?

Нарушение указанного ограничения (например дактилоскопирование, когда по документам имеется возможность установить личность правонарушителя) является незаконным и может быть обжаловано в суд. Как быть? Если законопослушный гражданин действительно хочет помочь следствию, тогда необходимо взять у него заявление о добровольной дактилоскопической регистрации для проверки по конкретному преступлению, и затем удалить из базы в течении 3-х дней. Или вообще не заносить в базу, а проверить только по конкретному преступлению и д/к уничтожить при отрицательном результате, составив об этом соответствующее постановление.

Для устранения указанных проблем, думается, выход здесь только один – всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан, находящихся на территории России. Вопрос об этом поднимался еще в начале века, однако данные нововведения не смогли пройти, в основном из-за слабого технического оснащения. В 2014 году депутат Р. Худяков предпринял решительные попытки ввести универ-

сальную дактилоскопическую регистрацию. Он предложил поправки в закон, который бы позволил снимать отпечатки рук как у российских граждан с момента рожденья, так и у иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории нашей страны.

В этом вопросе не остался в стороне и «Комитет по безопасности и противодействию коррупции» в Государственной Думе РФ, которым была организована и проведена Международная научно-практическая конференция «Совершенствование системы дактилоскопической регистрации», где ученые и практические работники, ратующие о расширении списка лиц подлежащих обязательной регистрации, обсудили перспективы принятия такого решения. Результатом обсуждения были выдвинуты определенные предложения, в числе которых было рекомендовано внести дополнения в круг лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации включив в него лиц, получающих права на управление транспортными средствами, лицензию на оружие, претендующих на получение российского паспорта и т.д. [7, с. 303]. Т.е. вполне конструктивные предложения, которые ведут нас к всеобщей дактилоскопической регистрации. Кроме того, обязательная регистрация отпечатков рук окажет серьезное влияние на идентификацию неопознанных трупов, которых в стране в среднем составляют более тысячи человек в год, а также сыграет положительную роль в растущих террористических угрозах и в миграционном движении.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 21.12.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

3. О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 01.07.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: текст с изменениями и дополнениями на 30.12.2021: [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

5. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению добровольной государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: Приказ МВД России от 28.09.2018 № 640. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 19.01.2022). Текст: электронный.

6. Кузьмин Ю.А. Личность наркопреступника / Ю.А. Кузьмин. // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект) : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2015. С. 132-136.

7. Михайлов М.А. Совершенствование системы дактилоскопической регистрации: конференция в государственной думе / М.А. Михайлов // Юридические науки. 2015. № 1. С. 292-305.

УДК 343.13

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУКИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

Наметкин Денис Валерьевич
Доцент кафедры уголовно-процессуального права,
кандидат юридических наук
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Нижний Новгород)

Федулов Андрей Владимирович
Доцент кафедры уголовно-процессуального права,
кандидат юридических наук, доцент
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Нижний Новгород)

Методологической основой в процессе написания использовались общенаучные и частные методы: анализ, исторический, синтез, дедукция, индукция, аналогия и описание, которые позволили наиболее полно изучить использование результатов ОРД в уголовно-процессуальных отношениях и установить закономерности развития сыскной деятельности Российской Федерации.

Ключевые слова: результаты оперативно-разыскной деятельности, уголовный процесс, доказательства.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SCIENCE OF OPERATIONAL AND SEARCH LEGISLATION OF THE CIS PARTICIPANT STATES

Nametkin D.V., Fedulov A.V.

The methodological basis in the process of writing used general scientific and private methods: analysis, historical, synthesis, deduction, induction, analogy and description, which made it possible to most fully study the use of the results of the OSA in criminal procedural relations and establish patterns of development of the detective activity of the Russian Federation.

Keywords: results of operational-investigative activities, criminal proceedings, evidence.

Использование результатов ОРД как метода борьбы с преступностью имеет многолетнюю историю, как науки, рассматривается сквозь призму совершенствования и правового регулирования. Говоря о процессе формирования ОРД, необходимо иметь отчетливое представление о том, насколько глубоко исследована и разработана структура ОРД. На процесс формирования активно повлияли достижения юридической мысли не только России, но и особенности менталитета других стран мира.

Тема использования результатов ОРД в стадии судебного разбирательства приобретает особое звучание на международной арене и выходит за пределы государства, основы которого рассмат-

© Наметкин Д. В., Федулов А. В., 2022

риваются с учетом социально-экономических и политических процессов, происходивших в этих странах.

Агентурная деятельность имеет глубокие исторические корни. Исторические летописи впервые охарактеризовали о методах сыска задолго до нашей эры. В частности, еще в древние времена сыскная деятельность имела негласный характер, о чем свидетельствуют священные писания.

Словами Цицерона: «Задача права не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он до времени не превратился в ад».

Сфера исследований тайного сыска весьма разнообразна и получила освещение в ряде научных трудов С. Н. Жарова [1, с. 66], А. О. Лядова [2, с. 4], А. Ю. Шумилова [3, с. 42], А. В. Шахматова [4, с. 27], Е. Г. Юдина [5, с. 238], где обосновывается периодизация правового регулирования ОРД.

В Республике Казахстан проблемам совершенствования ОРД посвящены работы С. Ж. Галиева [6, с. 96], Е. Е. Каймульдинова [7, с. 138], С. В. Паташкова [8, с. 259], О. Е. Сапарина [6, с. 25], Ж. М. Чокина [8, с. 259] и др., а актуальная тема ОРД нашла свое отражение в Республике Кыргызстан у таких авторов как: А. С. Базарбаева [9, с. 308], Т.И. Сайфутдинов [10, с. 27].

Изучая историю становления ОРД необходимо обратить внимание на истоки ее формирования в других странах. В качестве примера рассмотрим Республики Казахстан и Кыргызстан, входившие в состав Российской Империи с 1867 года.

За те почти четыре тысячи лет, что прошли с момента первых упоминаний о сыске в Ветхом Завете, функции органов, осуществляющих сыскную деятельность, периодически изменялись и перераспределялись, были подвергнуты ликвидации отдельные виды направлений.

Важной вехой в развитии ОРД является приказ о тайных делах, принятый в XVII веке. Следует отметить, что период царствования Петра I знаменуется как усиление сыскной деятельности.

Впоследствии были приняты нормативно-правовые акты от Закон № 35890 «Об учреждении судебных следователей», Закон № 35891 «Наказ судебным следователям» и Закона № 35892 «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок» [11].

Сразу следует оговориться, что несмотря на принятые меры чиновников криминогенная обстановка в Российской Империи продолжала ухудшаться. Данные общероссийской статистики показывают противоположную тенденцию и констатируют рост числа тайных хищений. По данным Б.Н. Миронова, в период с 1874-1883 гг. в среднем в год фиксировалось 41,9 тыс. краж, а с 1899-1905 гг. – уже 82,4 тыс. [12, с. 800].

Таким образом, все факты ухудшения криминогенной обстановки указывали на то, что необходимо принять меры по изменению структуры полиции.

Следует отметить, что впервые в качестве пилотного проекта 31 декабря 1866 г. приказом по полиции г. Санкт-Петербург № 266 в России была учреждена сыскная часть [13, с. 630]. В начале своего пути проект показал свою эффективность, поэтому было принято решение о создании сыскных частей и в других регионах России. Однако, в силу организационных недостатков присутствующих в то время, рост преступности не регрессировал.

Процесс становления сыска был прерван революционными действиями 1917 года, это отразилось в ликвидации и отмене деятельности сыскных органов.

В дальнейшем сложилась отрицательная обстановка борьбы с преступностью, в следствие чего было утверждено в 1918 году положение «Об организации отдела уголовного розыска» в городах и уездах [14, с. 100]. Целью создания данных отделов являлась расследование преступлений негласным путем.

В тот же период времени была утверждена инструкция ОРД, представляющая собой методические рекомендации, для реализации поставленных задач и возникающих проблем, а также возможность проведения наружного наблюдения и разведывательной деятельности с целью раскрытия преступлений.

В процессе проведения ОРД в качестве основного метода использовалась провокация со стороны сотрудников, ведущих расследования [15, с. 8].

С утверждением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью», в поисках путей совершенствования ОРД, закрепили как основную обязанность принятие оперативно-розыскных мер за милицией [16, с. 17].

Главным образом, с 1991 года милиция должна была осуществлять ОРМ с использованием технических средств, в целях предупреждения, обнаружения, пресечения и раскрытия преступлений.

В советский период в Республиках Казахстан и Кыргызстан ОРД не регламентировалась на законодательном уровне, органы осуществляли оперативную деятельность брав за основу засекреченные инструкции. Кроме того, в учебных дисциплинах отсутствовала любая информация, связанная с ОРД.

По сравнению с чередой регулярных изменений законодательства ОРД в Российской Федерации, органы внутренних дел Казахстана и Киргизии не торопились принимать свои законы. Республика Казахстан приняла закон в 1992 году, а Республика Кыргызстан в 1994 году, до указанного времени Республики осуществляли ОРД в рамках Закона СССР «О советской милиции» [17].

Динамика развития законодательства ОРД в период распада СССР приостановилась, что повлекло за собой рост преступлений. Создание «Этического кодекса оперативного работника органов внутренних дел», был одним из первых толчков после распада СССР, в данном кодексе описаны этические нормы, соответствующие оперативным работникам при осуществлении служебной и внеслужебной деятельности. Впоследствии этический кодекс не был распространен сотрудникам оперативных служб для регулирования ОРД.

Развивая концепцию ОРД, в 1992 году был принят Закон об ОРД в Российской Федерации» [18].

В результате изучения, следует сделать вывод о том, проблема использования результатов ОРД в стадии судебного разбирательства обусловлена системой уголовного судопроизводства, которая формировалась на протяжении 100 лет. В любом случае, возможность успешного разрешения будет зависеть от рационального соотнесения всех особенностей с объективно существующими потребностями практики доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В данном случае мы видим, какой долгий и кропотливый путь становления и развития законодательства в области ОРД. Многочисленные изменения в законодательстве ОРД эффективно сказались на охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

В юридической литературе отмечено, что исторические этапы становления и развития зарубежных стран в области оперативно-розыскного законодательства делятся на три этапа:

– зарождение сыска (1860 – 1917 гг.) – возникновение и зарождение сыска в Российской Империи;

– революционный период (1917 – 1991 гг.) усиление правовой регламентации сыскной работы. развитие законодательного ОРД;

– современный период (1991 – по наши дни) развитие общегосударственных основ РФ.

В заключение необходимо отметить, позднее становление законодательного оформления ОРД, лишь в 1994 году было признано научной специальностью.

Список источников

1. Жаров С. Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2010. 459 с.

2. Лядов А. О. Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1997. 186 с.

3. Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России: монография. Москва: Изд. Шумилова И.И., 1997. 229 с.

4. Фёдоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: монография. Санкт-Петербург: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2005. 338 с.

5. Юдин Е. Г. Организационно-правовые основы развития уголовного сыска в системе МВД России в 1866–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 238 с.

6. Галиев С. Ж. Комментарий к Закону Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» / С. Ж. Галиев, Сапарин О. Е. Алматы: Жеті жарғы, 1998. 96 с.
7. Каймульдинов Е. Е. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в Республике Казахстан: сборник нормативных актов и документов / Е. Е. Каймульдинов, П. В. Волошин, А. Б. Исин. Костанай: КСТУ им. академика З. Алдмажара. 2008. 138 с.
8. Паташков С. В. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / С. В. Паташков, Ж. М. Чокин, Е. Е. Каймульдинов. Алматы: «Юный полиграфист». 2002. 259 с.
9. Базарбаев А. С. Совершенствование и развитие оперативно-розыскной деятельности в Кыргызстане: дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2011. 308 с.
10. Сайфутдинов Т.И. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебно-методическое пособие по спецкурсу. Бишкек: Изд-во КРСУ. 2007. 27 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 35. Отд. 1. №35890–35892. СПб. 1862 // URL: www.nlr.ru (дата обращения 20.02.2021).
12. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Санкт-Петербург. 2015. 992 с.
13. Очкур Р. В. Полиция России. Век XVIII – век XX / Р.В. Очкур [и др.]. Москва: АСТ: Полиграфиздат; СПб. Астрель. 2010. 510 с.
14. Вестник Народного Комиссариата Внутренних Дел. 1918. 28 декабря. № 24. С. 8-12.
15. Шумилов А.Ю. Развитие правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в России (XVIII–XX вв.). Москва: Изд. Шумилова И. И. 1998. 363 с.
16. Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью: [указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. / Утратил силу 20 марта 1991 г. № 2002-1 «О введении в действие Закона СССР «О советской милиции»] 1991. № 12. Ст. 319.
17. Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 «О советской милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 12. Ст. 319.
18. Федеральный закон от 12.08.1995 г. №144-ФЗ ред. от 01.07.2021 «Об оперативно-розыскной деятельности» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519. (дата обращения 26.01.2022).

УДК 343.98

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ

Овчинникова Диляра Александровна
Старший юрисконсульт по работе с банкротами ПАО «Т ПЛЮС».

В статье раскрыта актуальность темы банкротств в сфере жилищно-коммунального хозяйства, приведена типичная криминалистической модель преступной деятельности по преднамеренному банкротству управляющей организации, рассмотрены теоретические основания построения такой модели.

Ключевые слова: криминалистическая модель, преднамеренное банкротство, управляющая организация.

© Овчинникова Д. А., 2022

THEORETICAL BASIS OF CONSTRUCTING A CRIMINALISTIC MODEL OF FRAUDULENT BANKRUPTCY OF GOVERNOR ORGANIZATIONS

Ovchinnikova D. A.

The article reveals the relevance of the topic of bankruptcies in the sphere of housing and communal services, provides a typical criminalistic model of criminal activity for the fraudulent bankruptcy of a governor organization, examines the theoretical foundations for building criminalistic model.

Keywords: criminalistic model, fraudulent bankruptcy, governor organizations.

Основным способом целевого взаимодействия человека с окружающим его материальным миром – является деятельность [1, с. 23]. Применение этого положения для решения задач практики раскрытия преступлений изложено в концепции общепризнанного в методологии криминалистики системно-деятельностного подхода, разработанного М.К. Каминским [2, с. 596]. С точки зрения данного подхода человеческая деятельность – форма организации жизни социального субъекта, при которой его активность побуждается мотивом, определяется целью, реализуется путем решения системы задач через операционализмы: действия, движения, операции и средства их выполнения путем воздействия на исходные состояния окружающих его объектов [3, с. 24].

Преступная деятельность (далее – ПД) рассматривается как разновидность человеческой деятельности, следовательно, имеет те же компонентный состав и структуру, что и другие виды деятельности. ПД – сложная система явлений, в процессе которых субъект этой деятельности замышляет, подготавливает, выполняет и маскирует преступление, то есть достигает поставленных целей преступным путем. Она реализуется совокупностью действий, каждое из которых строится индивидом с учетом наличных условий, то есть выполняется своим способом при помощи движений и с использованием знаниевых или орудийных средств [4, с. 56]. Основываясь на концептуальных положениях системно-деятельностного подхода, можно построить предельно общую, высокой степени абстракции, модель деятельности по замышлению, подготовке, выполнению, маскировке преступления, а также осуществлению противодействия его раскрытию. «Особое место занимает моделирование в науке криминалистике, особенно в ее общей теории, в некоторых частных теориях и отдельных теоретических построениях» [5, с.140]. Криминалистическая модель строится системно и отражает: а) строение ПД (состав и связь образующих ее компонентов); б) функционирование ПД; в) информирование (процессы преобразований состояний объектов (информация) и формы их существования (коды) [6, с. 26].

В обобщенном виде модель ПД можно представить в виде последовательных блоков: субъектный; фаз развития ПД и их задач; операционализмов решения задач ПД; следовой блок ПД.

В рамках настоящей статьи будет рассмотрен блок операционализмов решения задач ПД в сфере преднамеренного банкротства

управляющих компаний. Выбор сферы исследования обусловлен следующим. Согласно данным официальной статистики [7, с. 10], в первом полугодии 2021 г. количество корпоративных банкротств выросло на 9,2% к такому же периоду 2020 года до 4 918 шт. Количество граждан (включая индивидуальных предпринимателей), признанных банкротами в первом полугодии 2021 г. составило 88 046, что в 2,1 раза больше, чем в январе-июне 2020 г. Таким образом, происходит постоянный рост банкротств граждан и организаций. Статистика также сообщает, что за период с 2015 по 2018 г. количество заключений арбитражных управляющих (лицо, осуществляющее профессиональную деятельность, назначенное судом для проведения процедуры банкротства) о наличии признаков преднамеренного банкротства возросло с 906 до 1 876 шт. В дальнейшем рост заключений продолжился [8, с. 19]. Вместе с тем, согласно данным МВД РФ [9, с. 44], всего за 2021 г. выявлено 217 преступлений в сфере банкротства. Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за первое полугодие 2021 г. по ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство» было осуждено 11 человек [10].

Сложность выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере банкротства обусловлена для правоохранительных органов особой спецификой данной категории дел. Еще более сложным случаем является совершение этих преступлений в достаточно криминализированной и не менее специфичной сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ).

Способом преодоления сложностей в выявлении и расследовании данных преступлений видится нам в детальном изучении данной ПД, которое мы начнем с блока операционализмов решения задач ПД.

По смыслу ч. 1.3 ст. 161, ч. 1 ст. 192 Жилищного кодекса Российской Федерации, управляющая организация (далее – УК) – коммерческая организацией оказывающая услуги по управлению многоквартирными домами (далее – МКД) на основании лицензии. Управление МКД включает в себя: организацию процесса выполнения работ и оказания услуг по содержанию общего имущества МКД; обеспечению граждан коммунальными и другими услугами; иную деятельность. Собственники помещений в МКД вносят плату за жилое помещение и коммунальные услуги УК, она, в свою очередь, обязана приобретать и оплачивать коммунальные ресурсы ресурсоснабжающей организации (далее – РСО). В целях использования собранных с населения целевых денежных средств на собственные нужды, лица, контролирующие УК, могут предпринять меры по уходу от исполнения обязательств перед кредиторами и банкротству компании. Распространенную модель ПД можно представить следующим образом.

1. Субъект получает лицензию на управление МКД. При осуществлении текущей деятельности субъекты создают ряд аффилированных технических компаний, которые представлены в качестве:

подрядных организаций для осуществления работ в МКД, компаний для ведения юридической работы; агентских организаций – для сопровождения функций начисления платы для потребителей и ее сбора, дальнейшего перенаправления денежных средств. Многочисленные примеры судебных актов отражают данную практику, например: Определение СК ЭС ВС РФ от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837:

Согласно определению, раскрытому в Письме ФНС России от 10.03.2021 N БВ-4-7/3060@», техническая компания - компания, не ведущая реальной экономической деятельности в своем интересе и на свой риск и не исполняющая налоговые обязательства в связи со сделками, оформляемыми от ее имени, компания, не обладающая необходимыми активами, не выполняет реальных функций, и принимает на себя статус участника операций с использованием формального документооборота в противоправных целях.

2. Субъекты ПД искусственно увеличивают объемы выполненных работ и услуг, их стоимость. Денежные средства, собранные с населения перечисляются исключительно в аффилированные, созданные субъектами ПД организации. УК не перечисляет РСО денежные средства за поставленные коммунальные ресурсы. С одной стороны происходит накопление денежных средств в аффилированных организациях, с другой – накопление долгов УК перед кредиторами. Например: Постановление АС Поволжского округа от 02.02.2016 по делу № А65-31168/2011.

Одним из способов вывода денежных средств также является завышение зарплаты, выплата премий и вознаграждений, необоснованное количество нанятых сотрудников. Денежные средства выдаются контролирующим лицам «под отчет», а также в виде займов, после чего не возвращаются в организацию. Например: Постановление АС Уральского округа от 12.09.2019 по делу № А76-10614/2016.

3. Не желая расплачиваться с накопившимися долгами, УК превращается субъектами ПД в «центр убытков». Для этого, единственный источник поступления денежных средств – МКД (его население), переводится под управление другой вновь созданной аффилированной УК. Часто используются сходные до степени смешения наименования, несмотря на запрет закона. Так называемое «переголосовывание» домов происходит посредством фальсификации протоколов голосования. Таким образом, доходная часть переходит в новую УК, контролируемую теми же лицами и схема повторяется. Например: Определение СК ЭС ВС РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760.

4. Далее субъекты ПД переводят основные активы – дебиторскую задолженность. Для этого также создается аффилированная техническая компания, с которой заключается договор уступки прав требований. Управляющая организация передает весь свой актив – дебиторскую задолженность собственников МКД другой организации, однако оплату за уступленные права не получает. Формально задолженность даже взыскивается в судебном порядке, однако, исполнительные производства не возбуждаются. Техническая компа-

ния по полученной первичной документации во внесудебном и судебном порядке собирает с собственников МКД плату. К слову, в Удмуртской Республике уровень собираемости платы за жилищно-коммунальные услуги не опускается ниже 90 %. Далее техническая компания аналогичным образом выводит полученные средства в пользу выгодоприобретателей под различными основаниями (юридические услуги, зарплата и т.д.). Чаще всего все технические компании исключаются из ЕГРЮЛ налоговой службой как недействующие, поскольку они не сдают отчетность и не располагаются по юридическому адресу.

5. Управляющая компания лишается всех активов и источников их получения, а также денежных средств и становится более неспособной исполнить свои обязательства перед кредиторами, что приводит ее к банкротству.

Таким образом, распространенная модель ПД включает в себя массу преступных деяний, перечисленных УК РФ, но, в конечном счете, сводится к созданию из функционирующего общества центра убытков путем вывода активов и денежных средств в иные контролируемые структуры.

Все эти действия, безусловно, оставляют богатую следовую картину и для противодействия такого рода ПД, необходимо эффективная деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений (ДВРП). Однако в рамках данной работы рассмотреть ее не представляется возможным.

Список источников

1. Криминалистика: Учебник / Отв.ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд. перераб. и доп. Москва: Юристъ, 2005.

2. Протасевич А.А. Методология криминалистического учения о человеке и человеческой деятельности / А. А. Протасевич, Е. И. Фойгель // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т.11. № 3.

3. Каминский М.К. Криминалистическое учение о механизме преступления, способах его подготовки, совершения и сокрытия // Криминалистика. Т. 1: История, общая и частная теории. Москва, 1995.

4. Матушкина Н.В. Тенденции развития средств выражения в криминалистике / Н.В. Матушкина // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 1.

5. Каминский А.М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ижевск.2008. 393с.

6. Шкляева Г.А. Криминалистически неупорядоченные банки данных и их использование в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений: дис. . канд. юрид. наук. Ижевск, 1999.

7. Статистический бюллетень ЕФРСБ от 30.06.2021 URL: https://www.fedresurs.ru/news.

8. Статистический бюллетень ЕФРСБ от 31.12.2018 URL: https://www.fedresurs.ru/news.

9. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/ .

10. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: официальный сайт, раздел «Данные судебной статистики», форма № 11.2. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Перепелкин Вячеслав Иванович
Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук
ФГБОУ «ЧГУ им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Предлагаемая работа посвящена к проблемам и особенностям организации, проведения осмотра места происшествия при расследовании некоторых экологических преступлений. Анализируются современные возможности качественной фиксации обстановки преступления. Исследуются проблемы организации качественного осмотра.

Ключевые слова. Расследование, экологические преступления, осмотр места происшествия, следы совершения преступления, фиксация, изъятие, сохранение следов преступления.

FEATURES OF INSPECTION OF THE INCIDENT SITE IN ENVIRONMENTAL CRIMES

Perepelkin V. I.

The proposed work is devoted to the problems and features of the organization, conducting an inspection of the scene in the investigation of some environmental crimes. Modern possibilities of high-quality fixation of the crime situation are analyzed. The problems of organizing a qualitative inspection are investigated.

Keywords. Investigation, environmental crimes, inspection of the scene, traces of a crime, fixation, seizure, preservation of traces of a crime.

Экологические преступления занимают особое место среди уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных уголовным кодексом Российской Федерации. Это обусловлено тем, что практически во всех случаях их действие распространяется на неопределенный круг лиц, охватывает большие пространства, воздействует на флору и фауну, не связаны с границами отдельного государства, их последствия могут отразиться столетия вперед.

По данным ООН и Интерпола «общий ущерб от таких преступлений составляет от 91 млрд. до 258 млрд. долларов»[1].

Эти преступные деяния связаны в основном с незаконной эксплуатацией природных ресурсов, в частности, вырубкой лесов, добычей полезных ископаемых, рыболовством и т. пр.

По данным МВД РФ январе – декабре 2021 года зарегистрировано 20289 экологических преступлений, раскрыто – 10432, что составляет чуть более половины[2]. Только за 2 месяца 2021 года ущерб от экологических преступлений в стране составил 2,7 млрд. руб. [3].

Выступая на Пленарном заседании Госдумы 16 ноября 2021 года, Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов отметил, что ущерб от экологических преступлений умышленно занижается и призвал ввести ответственность для таких организаций [4]. По данным Министерства

© Перепелкин В. И., 2022

природных ресурсов и экологии Российской Федерации у объектов накопленного вреда экологии живут около 86 млн. россиян [4].

Следует заметить, что по данным многих исследователей латентность экологических преступлений составляет от 60 до 90% в зависимости от вида.

Для эффективной организации и раскрытия таких, как и многих других преступлений, большое значение приобретает осмотр места происшествия. По фактам экологических преступлений осмотр проводится немедленно после получения информации. Это продиктовано с необходимостью фиксации места происшествия в неизменном виде, так как невозможно сохранить обстановку места происшествия в течение длительного времени без изменения. Своевременность осмотра места происшествия позволяет не только обнаружить и зафиксировать следы экологического преступления, но и уяснить обстановку преступления, механизм и масштаб загрязнения.

Особое значение при подготовке и производстве осмотра приобретает использование современных научно- технических данных по разным отраслям науки. Осмотр места происшествия выступает действенным способом обнаружения вещдоков различных видов биологического и промышленного происхождения, а также традиционных криминалистических следов [5].

Как правило, отличительной особенностью места происшествия при загрязнении окружающей среды выступает множество объектов осмотра, обширные территории загрязнения. Поэтому особое значение приобретает фиксации обстановки происшествия. Традиционные планы места происшествия, составляемые следователем путем измерения участков местности визуально, как правило, не точны. Поэтому мы предлагаем составить общий и частный планы места происшествия на основе спутниковых онлайн карт, отметив в них соответствующие изменения, возникшие в ходе совершения конкретного экологического преступления. Границы экологических изменений, при условии видимых признаков, например, незаконная вырубка леса, загрязнения водоема и т. пр., можно определить, применив, воздушные летательные аппараты. Использование современных средств фиксации позволит участникам следственных действий установить вероятные места загрязнения пространства или их распространения, принять экстренные меры по приуменьшению вредных последствий преступного деяния.

Задачей осмотра обычно является: установление и фиксация территории загрязнения, его источника и наступивших последствий, а также полное и качественное изъятие необходимых проб воздуха, воды, грунта, отдельных экземпляров погибшей флоры и фауны.

К осмотру могут быть подвергнуты:

– участки местности;

– загрязненные водные пространства;

– загрязненное воздушное пространство;

– производственные и складские помещения промышленных, коммунальных, сельскохозяйственных предприятий и других организаций, их очистные сооружения;

– пораженные вредными веществами люди, животные, птицы, рыба, сельскохозяйственные культуры и др.

Как правило, к осмотру места происшествия по экологическим преступлениям привлекаются широкий круг специалистов: водной, лесной охраны, при гибели рыб – ихтиологи, птиц–орнитологии, диких животных – охотоведы, зоологии, сельскохозяйственных животных – ветеринары и т. пр.

При этом в любом случае, необходимо принять меры по оказанию помощи пострадавшим, устранению причин и последствий загрязнения, пресечению его дальнейшего распространения, подготовить криминалистическую технику и иные средства осмотра, фиксации, изъятия и сохранения доказательств.

Оценив степень зараженности воздуха и местности, безопасность нахождения на территории участников осмотра необходимо провести краткий опрос очевидцев, осуществляют охрану места происшествия.

Для качественного проведения осмотра, необходимо использовать технические и криминалистические средства, предназначенные для осуществления экспресс-анализа и забора проб воздуха, воды, грунта, хранения отдельных экземпляров погибших животных (зверей, птиц, рыб, насекомых) и растительности.

При осмотре обширных по площади территорий ориентирующую и обзорную фото- и видеосъемку следует проводить с вертолетов, также с использованием современных малогабаритных дронов.

В ходе проведения осмотра первоначально постараться определить главный узел осмотра, которым может быть сам источник загрязнения или участок территории (акватории), на которой осуществлялся незаконный промысел, нарушивший экологию.

Осмотр экологических преступлений, как правило, проводится от центра к периферии. Следует осмотреть территорию вокруг главного узла, порой на большом расстоянии могут быть обнаружены признаки преступления и преступников, например, места, где обитали правонарушители (шалаши, лесные избушки).

Центральный узел места происшествия подвергается сплошному осмотру, периферийные зоны - выборочному.

Для обнаружения источника загрязнения необходимо учитывать данные о направлении и силе ветра, характере рельефа местности, температуре и скорости течения воды и т. пр.

В ходе детального осмотра уделяется внимание, как источнику, так и последствиям загрязнения: местам скопления отходов производства, сосредоточения погибших животных, птиц, рыбы, пораженных сельскохозяйственных посевов и дикорастущих растений.

Список источников

1. Https: //www.bbc.com› 160603_enviromental_crime_cost (дата обращения 28.01. 2022г.)
2. Статистика и аналитика - МВД России https://мвд.рф› dejatelnost › statistics (дата обращения 28.01.2022г.)
3.https://www.kommersant.ru› doc (дата обращения 28.01.2022г.)
4. https://www.pnp.ru› social › genprokuror-prizval-vves. (дата обращения 28.01.2022г.).
5. Максимов Н.В. Об определении длины стопы по следу обуви / В.Н, Чулахов, Н.В. Максимов // Судебная экспертиза. 2014. № 3 39). С. 71-78.

УДК 343.98

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Петров Михаил Валерьевич
Начальник отдела по расследованию организованной преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков, подполковник юстиции
Следственная часть по расследованию организованной преступной деятельности (на правах управления) Следственного управления ГУ «Управление МВД России по г. Ижевску»

В статье рассматриваются следственные ситуации, которые наиболее часто встречаются на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В зависимости от сложившейся следственной ситуации автор предлагает перечень следственных действий и иных мероприятий по делам данной категории. Раскрываются особенности производства отдельных следственных действий.

Ключевые слова: следственные ситуации, следственные действия, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, наркотические средства, сеть Интернет.

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS FOR THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Petrov M.V.

The article deals with the investigative situations that most often occur at the initial stage of the investigation of crimes in the field of illicit drug trafficking committed using information and telecommunication networks. Taking into account the current investigative situation, the author suggests a number of investigative measures and techniques for this category of cases. The application of certain investigative procedures is also discussed.

Keywords: investigative situations, investigative procedures, crimes of illicit drug trafficking, addictive drugs, the Internet.

© Петров М. В., 2022

Определение следственной ситуации по уголовному делу является важной составляющей для выдвижения правильных версий в ходе расследования уголовных дел. Первым автором, предложившим понятие «следственная ситуация» является А. Н. Колесниченко. Он определил следственную ситуацию как складывающееся в ходе расследования преступлений положение, при котором имеются какие-либо доказательства, в зависимости от которых возникают конкретные задачи по их сбору и проверке [5]. Впоследствии в юридической литературе авторами выдвигались различные определения понятия «следственная ситуация». В. К. Гавло определяет следственную ситуацию как отражение существенных черт события, которые формируются на основе фактических данных на определенном этапе расследования преступлений [1]. Н. П. Яблоков под следственной ситуацией понимает положение на определенном этапе расследования, которое обладает индивидуальностью и определяется совокупностью доказательственной базы и иной значимой для расследования информации [6]. Анализ определений понятия «следственная ситуация» позволяет сделать вывод, что большинство авторов под ним понимают совокупность доказательств, которыми располагает следователь на определенном этапе расследования.

По мнению А. М. Каминского и П. С. Шиняевой, которого придерживается автор статьи, система криминалистических рекомендаций должна строиться исходя из анализа типичных следственных ситуаций [3]. Рассматривая преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, в юридической литературе авторы выделяют до десяти следственных ситуаций. По мнению С. Д. Зоирова такое количество следственных ситуаций по делам данной категории может вызвать сложности в выработке эффективной методики выявления и расследования указанных преступлений [2]. В зависимости от конкретной следственной ситуации выполняется необходимый перечень следственных действий и иных мероприятий. При совершении преступлений указанного вила с использованием сети Интернет, на наш взгляд, к наиболее типичным следственным ситуациям можно отнести следующие.

Первая ситуация. Подозреваемый задержан за совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, которые у него изъяты. В такой ситуации на первоначальном этапе, на наш взгляд, необходимо провести следующие мероприятия:

– задержание подозреваемого и его личный досмотр. При производстве личного досмотра необходимо произвести изъятие вещества, упаковки, технических средств, денег, а также иных предметов, подтверждающих причастность задержанного к незаконному обороту наркотических средств;

– химическое исследование изъятого вещества;

– опрос задержанного;

– направление подозреваемого на медицинское освидетельствование на предмет установления наркотического опьянения;

– допрос подозреваемого. Перед допросом необходимо разъяснить положения о возможности заключения досудебного соглашения. В то же время, мы поддерживаем мнение И. Каталымовой по поводу того, что «огромным недостатком данного института в России может стать то, что такое безоговорочное признание вины станет «царицей доказательств» и «искать истину не будет необходимо» [4];

– обыск по месту жительства подозреваемого. При его производстве следует обратить внимание на изъятие компьютерной техники, упаковки, электронных весов, записей на тему незаконного оборота наркотических средств;

– допрос всех возможных свидетелей;

– очные ставки (при необходимости);

– осмотр изъятых веществ и предметов. Все изъятые сотовые телефоны и компьютерную технику необходимо осмотреть на предмет обнаружения переписки между соучастниками, схем преступной деятельности и способов совершения преступлений, мест изъятия и оборудования тайниковых закладок. Обнаруженная информация позволит установить принадлежность задержанного лица к конкретной преступной группе;

– назначение различных видов экспертиз в зависимости от незаконных действий с наркотическим средством (комплексная (химическая, дактилоскопическая, трасологическая), судебные медицинская и психиатрическая экспертизы, молекулярно-генетическая экспертиза, компьютерно-техническая судебная экспертиза);

– проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление каналов поставки наркотических средств, соучастников преступной деятельности, мест незаконного хранения наркотических средств. Установление связей задержанного, его образа жизни. Способов поставки наркотических средств. Преступных ролей каждого из участников преступной группы и периодов преступной деятельности. Способов осуществления преступной деятельности и мер конспирации. Установления лиц, осведомленных о преступной деятельности задержанного и иных фигурантов. Установления способов легализации денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем.

Так, согласно уголовному делу № 12101940001040592 по обвинению Д, 23 сентября 2021 г. на территории г. Ижевска сотрудниками полиции по подозрению в причастности к незаконному обороту наркотических средств был задержан гражданин Д. В ходе его личного досмотра было изъято вещество, являющееся смесью, содержащей в своем составе α-пирролидиновалерофенон (синоним PVP), который является производным наркотического средства N-метилэфедрон в крупном размере массой 35,75 г. В ходе предварительного расследования на основе вышеуказанного алгоритма следственных действий и иных мероприятий была установлена

причастность гражданина Д. к совершению преступления, предусмотренного ч. 3 ст.30, п. «г» ч.4 ст.228.1 УК РФ.

Вторая ситуация. Подозреваемый задержан по подозрению в причастности к незаконному обороту наркотических средств. При нем наркотических средств не обнаружено, но имеются технические средства (сотовый телефон). Для такой ситуации на первоначальном этапе, по нашему мнению, следует провести следующие действия:

– личный досмотр подозреваемого с изъятием находящихся при нем технических средств;

– опрос задержанного;

– направление подозреваемого на медицинское освидетельствование на предмет установления наркотического опьянения;

– изъятие у задержанного образцов для сравнительного исследования: смывов с рук, буккального эпителия и отпечатков пальцев рук и ладонных поверхностей;

– осмотр изъятых технических средств с целью обнаружения информация о причастности к незаконному обороту наркотических средств. При этом необходимо осмотреть содержание всех установленных в технике мессенджеров на предмет наличия информации на тему незаконного оборота наркотических средств;

– отработка и проверка информации о причастности к незаконному обороту наркотических средств;

– производство осмотров мест происшествия по информации о причастности к незаконному обороту наркотических средств, обнаруженной в технических средствах. В ходе производства данного следственного действия необходимо изымать обнаруженные вещества с упаковкой, обеспечивая сохранность возможных следов. Кроме того, необходимо изымать обнаруженные следы на поверхностях (почва, снег) в непосредственной близости с местом обнаружения веществ. В ходе осмотров необходимо устанавливать наличие видеофиксации мест, с которых производится изъятие веществ, либо мест в непосредственной близости;

– допрос подозреваемого, в ходе которого можно использовать результаты иных следственных действий, что может сыграть положительную роль в преодолении противодействия со стороны защиты и побуждении подозреваемого и его защитника к сотрудничеству. Необходимо предъявить протоколы осмотров технических средств и мест происшествия для того, чтобы подозреваемый дал пояснения относительно имеющейся информации;

– проверка показаний подозреваемого на месте. Может быть проведена с целью установления мест тайниковых закладок с наркотическими средствами, мест незаконного хранения наркотических средств;

– обыск по месту жительства подозреваемого;

– допрос всех возможных свидетелей;

– очные ставки (при необходимости);

– осмотр изъятых веществ и предметов;

– назначение различных видов экспертиз;

– проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Так, согласно уголовному делу № 12101940001032592 по обвинению Б., 09 августа 2021 г. на территории г. Ижевска сотрудниками полиции по подозрению в причастности к незаконному обороту наркотических средств был задержан гражданин Б. Наркотических средств при нем обнаружено не было. Был осмотрен сотовый телефон, изъятый в ходе личного досмотра задержанного и получена информация об оборудовании им тайниковых закладок с наркотическим средством на территории г.Ижевска. В ходе осмотров мест происшествий на участках местности на территории г. Ижевска сотрудниками полиции были обнаружены и изъяты вещества, являющиеся смесью, содержащей в своем составе наркотическое средство мефедрон (4-метилметкатинон) в крупном размере массой 5,45 г. В ходе предварительного расследования на основе вышеуказанного второго алгоритма следственных действий и иных мероприятий была установлена причастность гражданина Б. к совершению преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, п. «г» ч.4 ст.228.1 УК РФ.

Очень часто на практике, простая на первый взгляд следственная ситуация перерастает в более сложную. Например, в случае установления дополнительных фактов, или соучастников преступной деятельности. Либо, при поступлении информации о деятельности законспирированной преступной группы с межрегиональными связями. При установлении канала поступления наркотических средств. В процессе расследования следственная ситуация изменяется под влиянием различных обстоятельств, что приводит к необходимости корректировки процесса расследования, изменения тактики производства конкретных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Для грамотного и эффективного производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий следственная ситуация имеет основополагающее значение. Верная оценка следственной ситуации способствует полноте производства следственных действий и иных мероприятий. Исходя из складывающихся следственных ситуаций, разрабатываются типичные алгоритмы расследования определенного вида преступлений, и производится планирование расследования. Обладая знаниями об индивидуальности следственных ситуаций, следователь будет способен организовать быстрое, полное и объективное расследование уголовного дела, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, совершенным с использованием сети Интернет с направлением уголовного дела в суд.

Список источников

1. Гавло В. К. О следственной ситуации в методике расследования хищений, совершенных с участием должностных лиц / В. К. Гавло // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. Москва, 1973. С. 90-95.

2. Зоиров С. Д. Типичные следственные ситуации по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств / С. Д. Зоиров // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 8. С. 88-93.

3. Каминский А. М. О системе организационно-тактических рекомендаций по установлению лица, скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия / А. М. Каминский, П. С. Шиняева // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2021. №. 3, Т. 31. С. 445-449.

4. Каталымова И. Досудебное соглашение или «сделка с правосудием» [Электронный ресурс] / И. Каталымова. Режим доступа: //apno.ru/content/view/33

5. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 Уголовный процесс и криминалистика. Судебная экспертиза / А. Н. Колесниченко. Харьков, 1967. 27 с.

6. Яблоков Н. П. Следственная ситуация в методике расследования преступлений / Н. П. Яблоков // Актуальные направления развития методики и тактики расследования : материалы расширенного заседания Ученого совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Москва, 1975. С. 21-27.

УДК 343.14

КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО- СЕКСОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПРИ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Погодина Татьяна Григорьевна
Профессор кафедры криминалистики,
доктор медицинских наук, доцент
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации»

В статье рассматриваются особенности назначения и производства комплексной судебной психолого-сексолого-психиатрической экспертизы по уголовному делу при преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Анализируются актуальные статистические данные, психопатологические последствия для жертвы. Определены цели, объекты, задачи экспертов на каждом этапе исследования.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, психолого-сексолого-психиатрическая экспертиза.

COMPREHENSIVE FORENSIC PSYCHOLOGICAL, SEXUAL AND PSYCHIATRIC EXAMINATION IN PROVING A CRIMINAL CASE FOR CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOLABILITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE INDIVIDUAL

Pogodina T. G.

The article discusses the features of the appointment and production of a comprehensive forensic psychological, sexual and psychiatric examination in a criminal case for crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual. The current statistical data, psychopathological consequences for the victim are analyzed. The goals, objects, tasks of experts at each stage of the study are determined.

© Погодина Т. Г., 2022

Keywords: crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual, psychological-sexual-psychiatric examination.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности следует рассматривать как сложную правовую и медико-социальную проблему, имеющую особую значимость в связи с тяжелыми последствиями для физического и психического здоровья жертвы.

Сексуальное насилие как феномен привлекает внимание исследователей различных специальностей во всем мире. Врачи расценивают его как клинический диагноз с тяжелыми медицинскими последствиями. Так, по мнению Н. Келлог (США) за пострадавшими следует обязательно обеспечить медицинское наблюдение. Последствиями насилия могут быть такие психопатологические симптомы как нарушения сна в виде ночных кошмаров, расстройства мышления, проблемы с концентрацией внимания; затруднения при приеме пищи, самоуничижительное поведение, идеи виновности, и как следствие – суицидальные мысли [1, с. 63].

При этом большая часть таких преступлений не регистрируется в связи с тем, что жертва не обращается в правоохранительные органы в силу особенности состава преступления, связанного с интимной сферой жизнедеятельности человека. В соответствии с исследованиями криминологов показатель латентности насильственных половых преступлений превышает 50% [2, с. 422]. Тем не менее, даже учитывая эти особенности, показатели официальной статистики демонстрируют актуальность проблемы. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2020 году, за совершение преступлений, предусмотренных ст. 131-135 УК РФ было осуждено 5911 человек (в 2018 – 7216, а в 2019 – 6845 человек). Как указывает Руденко А.С. возраст лиц, совершивших преступления был в основном в границе от 18 до 24 лет (38% от всех осужденных). Чаще они имели среднее образование, а 9 из 10 преступников проживали в той же местности, где совершили преступные действия [3, с. 63].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывает судьям на необходимость наиболее полного использования научных достижений для всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, ориентируясь на результат судебной экспертизы, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний [4].

При доказывании по уголовным делам при преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности необходим целый комплекс судебных экспертиз с использованием специальных знаний в области судебной медицины, судебной психиатрии, сексологии, психологии, гинекологии, урологии, андрологии, эндокринологии, а также и других направлений.

Прежде всего, необходимо установить сам факт сексуального насилия, определить степень вреда, причиненного здоровью человека, а также подтвердить причинно-следственную связь между расстройством здоровья и насильственными действиями. Обязательным является изучение особенностей психосексуального развития и поведения; состояние психического здоровья, психоэмоциональной сферы подозреваемого, его индивидуально-психологические особенности и наличие сексуальной патологии. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указывается, что мотив совершения указанных преступлений для квалификации содеянного значения не имеет [5].

Как считают исследователи, большая часть преступлений против половой неприкосновенности совершаются лицами с аномалиями психики (в виде аддиктивной или эндогенной патологии, расстройств личности, психоорганических заболеваний). В связи с этим особое значение имеет комплексная психолого-сексолого-психиатрическая экспертиза, в проведении которой принимают участие врачи сексолог, эксперт-психиатр и эксперт-психолог. Такая экспертиза может быть как досудебной на основании запроса физических и юридических лиц, либо адвокатов, с последующим составлением заключения специалиста, так и судебной по определению суда, постановлению следователя либо дознавателя, с последующим составлением заключения эксперта.

Весь процесс производства экспертизы может быть разделен на три этапа, в каждом из которых происходит взаимодействие всех трех экспертов. Объектами исследования являются как лица подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, потерпевшие, так и протоколы показаний, очных ставок, материалы проверок, а также переписка в сети «Интернет», фотоматериалы, аудиозаписи и прочие документы.

На первом этапе происходит выявление медицинского критерия, то есть расстройства здоровья и диагностика ее нозологической принадлежности. Ведущая роль принадлежит эксперту-психиатру, оценивающему психическую сферу на основе клинико- психопатологического метода, а также сексологу, выявляющему аномалии сексуального влечения и сексуального развития. Психолог на этой стадии проводит экспериментально-психологическое исследование с анализом психосексуальной сферы, способствующее диагностике.

На втором этапе роли психиатра и психолога паритетны. Психиатром оценивается способность к произвольной регуляции деятельности, выраженность имеющихся расстройств и их влияние на способность руководить своими действиями. Психологом определяется мотивация и рефлексия в отношении сексуального поведения, способность прогнозировать последствия межполового взаимодействия. Таким образом, устанавливается юридический критерий в виде возможности осознавать фактический характер действий и способность руководить ими.

Третий этап характеризует отношение подэкспертного к юридически значимой ситуации. Психологом оцениваются ситуационные и личностные факторы в виде актуальных сексуальных сценариев, трактовка поведения жертвы. Сексолог исследует влияние психосексуального развития на понимание конкретной ситуации. По итогам проведенных исследований дается заключение, имеющее значение для судебного решения.

Заключение, в котором не учтены все обстоятельства, имеющие значение для дела, или отсутствуют ответы на все поставленные вопросы является неполным. Так, в соответствии с определением Верховного Суда Российской Федерации № 82-АПУ14-22, было признано неполным заключение первичной экспертизы гражданина М., который был признан виновным в совершении действий сексуального характера в отношении потерпевшей О., не достигшей возраста четырнадцати лет. Специалист – сексолог указал в заключении, что по представленным материалам, с учетом однократности деяния, а также недостаточности информации о признаках расстройств сексуального предпочтения, педофилии у подэкспертного не обнаружено. При дальнейшем расследовании было установлено, что М. неоднократно совершал действия сексуального характера и ему было предъявлено обвинение еще по трем преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. С учетом этих новых фактических обстоятельств специалистам были предоставлены дополнительные материалы (протоколы допросов потерпевшей и ее законного представителя) и была назначена дополнительная амбулаторная комплексная судебная сексолого-психиатрическая экспертиза [6].

Как показывает практика, особое значение в проведении таких экспертиз имеет норма, содержащаяся в статье 22 УК РФ об ограниченной вменяемости, когда подэкспертный из-за психического расстройства не в полной мере осознает фактический характер и общественную опасность своих действий. При этом может быть даже обостренная реакция на поведение жертвы, способствующая агрессивному поведению.

Анализ материалов судебно-следственной практики показывает, что есть также случаи, когда причиной развратных действий были не психические аномалии, а поиск материальной выгоды, например, когда преступники пытались торговать фотографиями обнаженных девушек, полученных обманным путем или использовать их для шантажа родителей.

В любом случае, при назначении и производстве экспертизы должны неукоснительно соблюдаться требования нормативных актов, определяющих сроки, порядок производства экспертных исследований, проводиться всестороннее обследование подэкспертных с использованием современных методов диагностики, поскольку это имеет большое значение для установления фактических обстоятельств дела, правильного и своевременного его разрешения и вынесения судом законного и мотивированного решения.

Список источников

1. Келлог Н.Д. Сексуальное насилие/ Н.Д. Келлог // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2015. №6. С. 62-79.

2. Хайрутдинова Л.Р К вопросу о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности/ Л.Р. Хайрутдинова // Аллея науки. 2019. № 8 (35). С. 420-424.

3. Руденко А.С. Характеристика личности осужденного по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А.С. Руденко, Д.М. Акпаев // Вестник Самарского юридического института 2021. № 5 (46). С. 62-66.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс». Текст: электронный.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс». Текст: электронный.

6. Обобщение судебной практики о назначении... ULR: http://pravo163.ru›obobshhenie-sudebnoj-praktiki-o-…(дата обращения 23.01.22). – Текст: электронный.

УДК 343.98

ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЕ ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Погодина Татьяна Григорьевна
Профессор кафедры криминалистики,
доктор медицинских наук, доцент
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Берзинь Ольга Александровна
профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, доцент
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

В статье проводится оценка фальсифицированного лекарственного средства в рамках криминалистической характеристики; указывается, что фальсифицированные лекарственные изделия встречаются намного реже недоброкачественных. Обсуждается эффективность мер, направленных на профилактику такого вида преступлений.

Ключевые слова: фальсификация лекарственных средств, предмет преступления, криминалистическая характеристика.

FALSIFIED MEDICINAL PRODUCT AS AN OBJECT OF FORENSIC ANALYSIS

Pogodina T.G., Berzin O.A

The article evaluates the falsified medicinal product within the framework of forensic characteristics; it is indicated that falsified medicinal products are much less

© Погодина Т. Г., Берзинь О. А., 2022

common than substandard ones. The effectiveness of measures aimed at preventing this type of crime is discussed.
Keywords: falsification of medicines, the subject of the crime, criminalistic characteristics.

Во время борьбы с эпидемией, в которую погружен весь мир, особое значение приобретает качество и эффективность лекарственных средств. Следствием использования подделок могут быть не только финансовые потери у отдельных лиц, медицинских организаций, производителей лекарственных изделий, но и прямая угроза жизни и здоровью граждан.

В соответствии с данными ВОЗ объем мировой торговли такими препаратами, достигает 20 млрд долларов, составляя около 7% от всего фармацевтического рынка. Движение этих средств наиболее активно в тех странах, где нет необходимого контроля за производством, поставкой и реализацией лекарств. Фальсифицируют, прежде всего лекарственные средства, пользующиеся спросом у граждан. Это антибиотики, на долю которых приходится более 40% всех подделок, гормональные препараты (7%), обезболивающие средства (6%) [1, с. 48].

Следует отметить, что в последние годы повсеместно усилен государственный контроль за оборотом лекарственных средств, усугубилась ответственность, что привело к незначительному снижению их количества на фармацевтическом рынке. Так, в США за торговлю фальсифицированными лекарственными средствами грозит пожизненное заключение или штраф до 200 миллионов долларов, в странах Евросоюза – штраф более 300 тысяч евро или тюремное заключение до 10 лет; в Индии, Турции предусмотрены наказания в виде лишения свободы на срок от 30 до 50 лет [2,с.134].

В России производство и распространение фальсифицированных лекарств отнесено к разряду экономических преступлений, угрожающих жизни и здоровью людей и в соответствие со статьей 238.1. УК РФ, (введенной Федеральным законом от 31.12.2014 № 532-ФЗ) за их обращение предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет со штрафом в размере от двух миллионов до пяти миллионов рублей, если деяния повлекли по неосторожности смерть двух или более лиц.

В последние годы значительно усилен государственный контроль за оборотом лекарственных средств. По сравнению с 2018 и 2017 годом данный показатель снизился в 6-7 раз. Тем не менее, проблема по-прежнему актуальна, на что указывают многочисленные исследования, посвященные вопросам уголовно-правового противодействия незаконному обороту фальсифицированной медицинской продукции.

Как известно, разработка вопросов, связанных с обсуждением методики расследования преступной деятельности, начинается с формирования характеристики того вида преступлений, для расследования которых она предназначена. Криминалистическая характе-

ристика должна наполняться наиболее значимыми элементами, аккумулирующими в себе присущие данному виду преступления признаки, среди которых центральное место занимают сведения о предмете преступного посягательства.

Как указывает Хилюта В.В., проблема определения предмета преступления в доктрине уголовного права до сих пор является одной из наиболее спорных и остродискуссионных [3, с.73]. Большинство советских ученых и отдельные современные исследователи (Н. И. Коржанский, Е. А. Фролов, В. Я. Таций, С. Ф Кравцов) предметом преступления признают вещи материального мира, путем воздействия на которые причиняется вред объекту преступления. Ряд исследователей (Вишнякова И.В., Винокуров В.Н.) в последние годы отстаивают точку зрения о том, что предметом преступления могут быть не только вещи как предметы материального мира, но и нематериальные блага (информация, интеллектуальная собственность, имущественные права), по поводу которых также складываются общественные отношения. Как указывает Козаченко И.Я., речь должна идти не о «предметных» и «беспредметных» преступлениях, а о двух группах преступлений: в одних случаях, предметом выступают различного рода материальные ценности (имущество, деньги и т. п.), в других – предметом служат нематериальные ценности (честь, достоинство, интеллектуальная собственность и т. п.) [4, с.210]. Таким образом, предметом может выступать как материальный, так и нематериальный объект, а также физическое лицо, которым в результате совершения преступления причинен вред.

С криминалистических позиций в рамках криминалистической характеристики, предмет – это, непосредственно то лекарственное средство, которое фальсифицируется, нанося вред общественным отношениям, охраняющим здоровье человека как объекту преступления.

В этой связи важной информацией является законодательное закрепление понятия фальсифицированного лекарственного средства в Российском законодательстве, которое исчисляется с 2004 года. Данное определение практически воспроизводило определение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в соответствии с которым фальсифицированным лекарственным средством является продукт, преднамеренно и противоправно снабженный этикеткой, неверно указывающей подлинность препарата и/или изготовителя [5, с.112].

В настоящее время фальсифицированным лекарственным средством в соответствии с п. 37 ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об обращении лекарственных средств» следует признавать лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе. То есть, это не обязательно препарат, приносящий вред здоровью. Например, местный производитель, стремясь к обогащению, может упаковывать препараты известных фирм под своей торговой маркой, не нарушая их состав.

В рамках криминалистического анализа важным критерием также является способ совершения преступления фальсификации. Ученые выделяют фальсификацию качественную, когда активное вещество заменяют на нейтральное; количественную, заключающуюся в уменьшении содержания активного вещества; информационную, когда происходит умышленное искажение назначения средства; стоимостную, искажающую реальную себестоимость препарата и видовую, когда происходит замена упаковки дешевого препарата на упаковку дорогого. По данным Игембаева К.А. (2019), чаще других встречается качественная фальсификация, составляя более 25% от всех подделок [6, с. 121].

С позиции криминалистического анализа, в данной классификации допущено смешение понятий: «фальсифицированное» лекарственное средство, «недоброкачественное» и «контрафактное». Расшифровка данных терминов также дана в ст. 4, где указано, что недоброкачественное лекарственное средство не соответствует требованиям фармакопейной статьи, нормативной документации или нормативного документа, а контрафактное – это то, которое находится в обороте с нарушением гражданского законодательства. Впрочем, в соответствии со статьей 57 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ в России запрещена продажа как фальсифицированных, так и недоброкачественных, и контрафактных лекарственных средств, поэтому каждое из них может рассматриваться как элемент криминалистической характеристики преступной деятельности, связанной с фальсификацией лекарств.

Как показывает анализ правоприменительной практики, фальсифицированные лекарственные средства встречаются намного реже недоброкачественных. Так, по данным Росздравнадзора, в результате проведенных мероприятий за первое полугодие 2019 года всего было изъято из обращения 637 серий лекарственных средств, качество которых не отвечает установленным требованиям. Среди них лишь одно признано фальсифицированным.

С криминалистических позиций важно, что фальсифицированная продукция, также как и оригинальная, имеет товарный знак, фирменное наименование, указание места происхождения товара и т.д. По месту производства фальсифицированные лекарственные средства могут быть разделены на две группы: промышленного производства, то есть выпущенные на предприятиях, имеющих лицензию на изготовление лекарственных средств и кустарного производства, когда производитель не имеет государственной лицензии на данный вид деятельности. В первом случае действующее начало может заменяться на более дешевое или в целях экономии уменьшается содержание активного вещества. Во втором – состав средства может значительно отличается от оригинала, то есть быть недоброкачественным.

Для исключения распространения фальсифицированных, недоброкачественных и контрафактных лекарственных средств при

поступлении в аптечную сеть, в соответствие с приказом Минздрава России от 31.08.2016 N 647н «Об утверждении Правил надлежащей аптечной практики лекарственных препаратов для медицинского применения», все продукты должны быть подвергнуты приемочному контролю, производящемуся путем оценки: внешнего вида, цвета, запаха; целостности упаковки; соответствия маркировки препарата требованиям, установленным законодательством об обращении лекарственных средств; правильности оформления сопроводительных документов; наличия реестра деклараций, подтверждающих качество лекарства в соответствии с нормативными документами. Все перечисленные шаги должны учитываться при разработке криминалистических рекомендаций по выявлению лекарственных средств сотрудниками правоохранительных органов.

Также нужно информировать сотрудников о таком очередном шаге в борьбе с фальсификацией лекарственных средств, как обязательная регистрация для всех участников рынка в национальной системе цифровой маркировки «Честный знак», позволяющей отслеживать движение лекарственных средств и препаратов от производителя до потребителя.

Рассмотренные нами особенности должны в полной мере учитываться при проведении криминалистического анализа лекарственных препаратов, в отношении которых есть подозрение, что они являются фальсифицированными.

Список источников

1. Огвоздин В.Ю. Управление качеством. Основы теории и практики: учебное пособие для вузов / В.Ю. Огвоздин. Москва: Дело и сервис, 2012. 248 с.

2. Пасько В.В. Государственные меры по борьбе с фальсификацией и контрафактом лекарственных средств/ В.В. Пасько, Е.А. Шумаева // Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит». 2019. № 3 (15). С. 130-139.

3. Хилюта В.В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия / В.В. Хилюта // Журнал российского права.2016. № 7. С. 70-79.

4. Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселова. Москва : Юрайт, 2019. 373 с.

5. Берзинь О.А. Криминалистические задачи по противодействию преступности в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств / О.А. Берзинь, Т.Г. Погодина // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 111-115.

6. Игембаев К.А. К проблеме установления способа совершения фальсификации лекарственных препаратов // Аграрное и земельное право. 2019. № 10 (178). С. 121-124.

УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Попова Елена Ильинична
Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия; Восточно-Сибирский университет технологий и управления

Мазуренко Дмитрий Валентинович
Старший прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры Республики Бурятия

В статье обращается внимание на высокую общественную опасность налоговых преступлений. Авторы рассматривают некоторые тактические приемы, реализуемые при расследовании уклонения от уплаты налогов. Предлагаются рекомендации по их реализации.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, расследование, тактический прием, налоговые преступления.

TACTICAL INTERROGATION TECHNIQUES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO EVASION FROM PAYING TAXES

Popova E. I., Mazurenko D. V.

The article draws attention to the high social danger of tax crimes. The authors consider some tactical techniques implemented in the investigation of tax evasion. Recommendations for their implementation are offered.

Keywords: tax evasion, investigation, tactics, tax crimes.

Преступления в сфере налогообложения в настоящее время являются серьезной проблемой. К наиболее распространенному способу совершения таких общественно опасных деяний, выявляемых правоохранительными органами в деятельности юридических лиц, следует отнести уклонение от уплаты налогов. Ответственность за такое преступление, предусмотрена статье 199 Уголовного кодекса Российской Федерации. И, если, в случае совершения таких преступлений физическим лицом размер ущерба бюджетной системе нашей страны зачастую не является особо существенным, то в случае уклонения от уплаты налогов организациями ситуация обстоит по-другому. По данным Следственного комитета России из-за налоговых преступлений ежегодно бюджет нашей страны недополучает более 58 млрд. рублей [1].

На сегодняшний день разработано большое число рекомендаций по выявлению уклонения от уплаты налогов. Такие рекомендации предлагаются как правоохранительными органами [2; 3], так и учеными-исследователями [4; 5; 6]. Однако, как показало изучение соответ-

© Попова Е. И., Мазуренко Д. В., 2022

ствующих источников до настоящего времени не все вопросы выявления уклонения от уплаты налогов организациями освещены в полной мере. В связи, с чем хотелось бы уделить внимание некоторым тактическим приемам расследования уклонения от уплаты налогов.

Мнения ученых криминалистов по поводу того, что же собой представляет тактический прием, можно разделить на две основные группы. Первая группа ученых считает, что тактический прием – это научная рекомендация, имеющая конкретное содержание [7, с. 44; 8, с. 65]. Вторая группа ученых, которая, кстати сказать, является более многочисленной, считает, вслед за Р.С. Белкиным, что тактический прием – это наиболее рациональный способ действия или такая же линия поведения лица, осуществляющего процессуальное действие [9, с.170; 10, с.673; 11, с. 317; 12,с. 197-198; 13. с. 57].

Следует указать, что ученые, точку зрения которых мы изложили первой, отождествляют тактический прием и тактическую рекомендацию. Исследователи же, относимые нами ко второй из указанных групп, помимо тактического приема, в структуре криминалистической тактики отдельно выделяют еще и такую категорию, как тактическая рекомендация. Под тактической рекомендацией, как правило, понимается научно обоснованный совет о целесообразности применения того или иного тактического приема в типовой следственной ситуации [12, с. 198].

В настоящее время широко известен целый ряд тактических приемов допроса. В их числе: снятие либо создание напряжения допрашиваемого, использование положительных свойств / слабых сторон его личности, отвлечение внимания, форсированный или замедленный темп, создание мнения о большей / меньшей осведомленности следователя; использование противоречий в показаниях одного и того же лица; первоочередное предъявление «решающего» доказательства и многие другие.

На основании подпункта «а» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 199 УК РФ, производится следователями Следственного комитета Российской Федерации. Хорошие результаты при допросе следователями указанного органа расследования либо по поручению следователя в порядке, установленном частью 1 статьи 152 УПК РФ лицом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, по делам анализируемой нами категории дает тактический прием «допущение легенды». Так, следователь, располагая доказательствами причастности представителя юридического лица, относящегося к числу органов управления организации, а возможно и лица, осуществляющего фактическое принятие управленческий решений по распоряжению финансово-хозяйственными активами компании к преступлению, предусмотренному статьей 199 УК РФ, в том числе доказательствами по созданию налоговой схемы, предусматривающей уклонение от уплаты налогов путем создания видимости деятельности двух и более организаций, прикрыва-

ющих в конченом итоге деятельность одного юридического лица, может предложить такому лицу дать показания по обстоятельствам исчисления налооблагаемой базы и полноте произведенных перечислений налогов в бюджет. Сообщенные допрашиваемым лицом сведения максимально полно фиксируются (может быть применена видеосъемка – часть 5 статьи 166 УПК РФ). Далее следователь или лицо, уполномоченное на проведение этого следственного действия, предъявляет доказательства: протоколы допросов представителей налоговой службы, работников юридического лица, осуществляющих ведение бухгалтерского учета, а возможно лиц, принимающих непосредственное участие в формировании выручки организации (заказчики, контрагенты, клиенты), указывающие на недостоверность показаний обозначенного нами представителя юридического лица. Данный тактический прием зачастую вызывает эмоциональное напряжение допрашиваемого, понимание того, что сотрудникам правоохранительных органов известны факты уклонения от уплаты налогов. При таких условиях задачей лица, производящего допрос, является убеждение (подкрепление уверенности) лица в том, что в распоряжении органов расследования имеется и в ближайшее время еще, бесспорно будет, получена дополнительная информация (доказательства), указывающие на признаки не только преступления, предусмотренного статьей 199 УК РФ, но и, вероятно, сопутствующих посягательств.

После этого, целесообразно применение иных тактических приемов, направленных на убеждение подозреваемого принять добровольное решение об отказе от противодействия уголовному преследованию, в том числе путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве [14, с. 168]. В случае получения положительных результатов, лицо, производящее допрос, должно понимать, что гражданин, подвергающийся уголовному преследованию, может изменить свое мнение о сотрудничестве с органами расследования. В связи с чем, в дальнейшем необходимо стимулировать этого субъекта, поддерживать у него убежденность в необходимости в отказе от противодействия.

В случае уклонения от уплаты налогов с использованием схемы, при которой несколько юридических лиц прикрывают деятельность одного хозяйствующего субъекта, чем способствуют занижению задекларированной налогооблагаемой базы принципиально важно выявить действительного (фактического) организатора этой преступной деятельности, который оказывает влияние на принятие экономических решений всеми участвующими в схеме организациями, в том числе по исчислению и уплате налогов. Типично, что им является реальный, а не номинальный руководитель организации. Для этих целей рекомендуется провести допрос всех руководителей головной организации, дочерних фирм, организаций контрагентов. Кратко изложим алгоритмы таких допросов. Следователь (оперативный работник) вызывает только одного гражданина из числа руко-

водителей разных юридических лиц – допустим гражданина А., зарегистрированного в едином государственном реестре юридических лиц в качестве руководителя одной из организаций, участвующих в приведенной нами схеме по противоправной оптимизации налоговых обязательств (несколько раз). Остальные представители взаимозависимых организацией и фактический руководитель (организатор) об этом знают, но их не вызывают. При встрече с гражданином А. лицо, производящее следственное действие просто беседует, но о сути выявленного налогового правонарушения не сообщает. В такой ситуации остальные руководители-номиналы, а также фактический руководитель начинают думать о том, что А. их может изобличить следователю (оперативному работнику). И вот когда настает время для вызова других. На допросе они, опасаясь, что А. их уже изобличил, начинают давать правдивые показания или наоборот выдвигать новые защитные версии. Для опровержения защитных версий, преодоления возникающего противодействия уголовному процессу, целесообразно предъявить собранные доказательства, с помощью которых убедить допрашиваемого к сотрудничеству или как минимум к поиску им компромиссных решений [15; 16. с. 107-116].

Список источников

1. В Следственном комитете назвали ущерб от налоговых преступлений для бюджета: URL: https://www.rbc.ru/economics/25/07/2020/5f1bb3d59a7947bd3e6a5f03 (дата обращения 24.01.2022). Текст : электронный.
2. Методические рекомендации Следственного комитета России «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)» (подготовлены Следственным комитетом РФ и Федеральной налоговой службой) : URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71623780/ (дата обращения 24.01.2022). Текст : электронный.
3. Как ФНС будет бороться с уклонением от налогов в 2021 году: URL: https://kontur.ru/articles/6054 (дата обращения 24.01.2022). Текст : электронный.
4. Александров И.В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
5. Козлов В. А. Научные основы криминалистической характеристики налоговых преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2006.
6. Скороделова Е.И. Исходные следственные ситуации по делам о налоговых преступлениях и планирование их разрешения // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Выпуск 2. Часть 1. 2010. : URL: https://cyberleninka.ru .
7. Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. Москва: Юридическая литература, 1981. С.4.
8. Комиссаров В.И. Теоретические проблемы следственной тактики. Саратов, 1987. С. 65.
9. Баев О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Эксмо, 2009. С. 170.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 673.
11. Филиппов А.Г. Криминалистическая тактика // Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. Москва: Юрайт, 2011. С. 317.
12. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2009. С. 197-198.

13. Комиссаров В.И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. Москва: Юрлитинформ, 2009. С. 57.
14. Попова Е. И. Досудебное соглашение о сотрудничестве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты : учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2020. 168 с.
15. Попова Е.И. Расследование с использованием норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ) / науч. ред. д.ю.н., проф. Ю.П. Гармаев. Москва: «Юрлитинформ», 2017. 216 с.
16. Попова Е.И. О необходимости создания криминалистических методик на основе принципа компромисса // Lex russica. 2017. 9 (130). С. 107-116.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Романов Валерий Иванович
Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего образования Российской Федерации
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В настоящей статье исследуются особенности применения современных тактических приемов допроса в процессе расследования преступлений. Особое внимание уделено последовательности действий следователя при подготовке к допросу, выбору тактики общения с допрашиваемым лицом. Проанализированы тактико-психологические моменты допроса.

Ключевые слова: допрос; следователь; тактика допроса; психология допроса, предварительное следствие, тактические приемы

TACTICAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF INTERROGATION AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Romanov V. I

This article examines the features of the use of modern tactical interrogation techniques in the process of investigating crimes. Special attention is paid to the sequence of actions of the investigator in preparation for the interrogation, the choice of tactics of communication with the interrogated person. The tactical and psychological aspects of the interrogation are analyzed.

Keywords: interrogation; investigator; interrogation tactics; psychology of interrogation, preliminary investigation, tactical techniques

В настоящее время допрос представляет собой самый распространенный способ получения доказательств в уголовном судопроизводстве. При помощи допроса следователь или орган дознания получают сведения о совершенном преступлении. Такой информацией обладают свидетель, подозреваемый и обвиняемый.

Как показывает практика допрос является самым распространенным следственным действием, без помощи которого не обходится ни одно уголовное дело [7, с. 109].

© Романов В. И., 2022

В уголовно-процессуальном законе положения о допросе изложены сравнительно кратко, им посвящены статьи 187-190 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Анализ нормативных положений показал, что закон определяет только общие правила допроса, не обращая внимания на детали. В частности, не уделяется должного внимания тактическим приемам, которые могли бы поспособствовать эффективности его проведения.

На наш взгляд, тактические приемы, применяемые следователем в процессе допроса, находятся в зависимости от того какое именно преступление совершил обвиняемый. Одновременно правила, установленные уголовно-процессуальным законодательством, носят общеобязательный характер, в связи с чем несоблюдение их может расцениваться как нарушение законности проведения следственного действия.

Допросу посвящена обширная литература [2, 5,6, 8], многие из работ стали уже библиографической редкостью. Мы не ставим перед собой задачу, не повторяя всего сказанного в многочисленных монографиях, учебниках, статьях, пособиях, ссылаясь, где это возможно останавливаться подробно на них. Обратим внимание на наиболее важные и сложные вопросы, касающиеся нынешней сложившейся обстановки в судебно-следственной практике.

В процессе проведения допроса особое внимание уделяется тактическим приемам его проведения, основанных, преимущественно, на правилах психологии и криминалистики.

С точки зрения психологии допрос предполагает определенное воздействие на допрашиваемое лицо. Специфика допроса построена на влиянии следователя на сознание и психологическое спокойствие допрашиваемого, с целью добиться желаемого и необходимого для расследования результата.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет уяснить, что психологическое воздействие в ходе допроса может быть правомерным и неправомерным. Такое разделение основано на возможном использовании следователем метода шантажа, угроз, а в некоторых случаях и насилия, которые считаются недопустимыми и неприемлемыми в следственной практике.

Допустимые формы психологического воздействия в процессе следственных действий оцениваются с точки зрения требований законности, допустимости и достоверности, с учетом применения части 1 статьи 88 УПК РФ. Следует учитывать, что угроза может быть правомерной, а иногда и специально предусмотренной в законе. Например, следователь предупреждает свидетеля или потерпевшего об ответственности за введение следствие в заблуждение посредством дачи ложных показаний.

В следственной практике очень часто встречаются такие формы тактико-психологического воздействия, как обман. Примером может служить демонстрация фальшивого постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также сообщения

допрашиваемому лицу о наличии доказательств его вины, а также неосуществимые обещания прекратить расследование по уголовному делу.

В большинстве случаев такие приемы психологического воздействия на допрашиваемого не могут быть эффективными, они негативно воспринимаются допрашиваемым и отражаются на его желании дать правдивые показания.

В работе следственных органов наиболее распространенным приемом допроса считается установление психологического контакта с допрашиваемым. Определение психологического контакта при допросе широко известно в криминалистической науке и юридической психологии.

Так, к примеру, психологический контакт определяется в качестве эмоциональной положительной связи, сформированной на общих интересах и единстве целей и задач следователя и допрашиваемого лица [4, с. 109].

На наш взгляд, основное внимание в процессе допроса принадлежит именно личной информации, которую следователь получает от допрашиваемого. Именно в этот момент следователь в процессе допроса получает согласие на мирную беседу о произошедшем событии, направленной на получение сведений, по существу, произошедшего преступного события.

В момент допроса между следователем и допрашиваемым лицом устанавливается личностный контакт, при помощи которого получаются сведения, которые впоследствии приобретают форму доказательств. Именно они способны обеспечить наличие криминалистически значимой информации в деле, а также диагностики первоначальных признаков психологического состояния лица в момент совершения преступления.

Следственные действия, носящие вербальный характер взаимодействия его участников предусматривают общение, которое в своей совокупности образует систему, именуемую контактом.

Психологический контакт весьма известен и широко применим в криминалистической науке и практике. Именно он знаменует собой развитие личностного общения следователя и допрашиваемого лица, основанного на положительных и отрицательных эмоциях, формирующих окончательный результат процедуры допроса.

Как нам видится психологический контакт предусматривает определенные действия:

– психологию общения, основанную на взаимном общении собеседников;

– сам процесс общения;

– взаимосвязь между сторонами.

Процедура психологии общения следователя с подозреваемым (обвиняемым) обусловлена предметом, целями, формирующими следственное действие.

Такая позиция, как нам представляется, соответствует направлениям социальной психологии как наиболее важной, заключительной стадии установления психологического контакта в процессе проведения следственного действия.

Психологический контакт основан на товарищеском общении, предусматривающем исключительно дружескую беседу, основанную на доверии, понимании сторон следственных действий.

Одновременно считаем, что «дружеский момент общения» в процессе проведения следственного действия в большинстве случаев является преувеличенным, поскольку достичь понимания и взаимопонимания следователя и подозреваемого достаточно сложно.

В заключение проведенного нами исследования отметим, что современные преступники научились оказывать активное сопротивление расследованию. Особенно это происходит в хорошо организованной преступной среде, использующей новейшие достижения науки и техники для реализации преступных целей. Именно такие обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования знаний правоохранительных органов в борьбе с преступностью, использования современных тактических приемов и комбинаций, способных улучшить расследование по уголовным делам.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (по состоянию на 3 ноября 2021 г.). Москва: Проспект, 2021.

2. Ароцкер Л.Е. Тактика и этика судебного допроса. Москва, 1969.

3. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. Москва: «Юрид. лит», 1976.

4. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учеб. для вузов. Москва, 1996.

5. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973.

6. Рыжаков А.П. Допрос: основания и порядок производства. Москва: Дело-Сервис, 2017.

7. Романов В.И. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений (процессуальные, тактические и этические аспекты). Казань, 2001. С.109.

8. Романов В.И. Тактические и психологические особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Межд. науч-практ. конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. Ун-та, 2018. С. 516-617.

УДК 343.98

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КРИМИНАЛИСТИКИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Романова Галина Валерьевна
Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Казань)

На сегодняшний день трудно себе представить современный мир без компьютера, мобильного телефона, цифровой фото- видеокамеры, и интернета. На протяжении много времени внедрение в нашу жизнь научных и технических достижений выступало в качестве необходимого условия совершенствования общественных отношений, но вряд ли кто-либо сможет говорить о том, что эти процессы всегда проходили легко, признавались и принимались обществом. При всей привлекательности и поистине прорывных перспективных возможностях научно-технические средства криминалистики исключением не стали. В статье рассматриваются современные возможности научно-технических средств в расследовании преступлений в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: научно-технические средства, криминалистика, высокие технологии, компьютерная техника, информационные технологии, электронно-вычислительная техника, электронные носители информации.

MODERN POSSIBILITIES OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL MEANS OF CRIMINALISTICS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGY

Romanova G. V.

Today it is difficult to imagine the modern world without a computer, a mobile phone, a digital photo-video camera, and the Internet. For a long time, the introduction of scientific and technical achievements into our lives has been a necessary condition for improving public relations, but hardly anyone can say that these processes have always been easy, recognized and accepted by society. With all the attractiveness and truly breakthrough promising opportunities, scientific and technical means of criminology have not become an exception. The article discusses the modern possibilities of scientific and technical means in the investigation of crimes in the field of high technology.

Keywords: scientific and technical means, criminalistics, high technologies, computer technology, information technology, electronic computing equipment, electronic media.

Цифровые следы являются материальными невидимыми следами. В основе механизма их образования лежат электромагнитные взаимодействия двух и более материальных объектов – объективных форм представления компьютерной информации. В быстроменяющемся современном мире, где цифровизация, искусственный интеллект, компьютерные технологии и многое другое, привело к тому, что появились новые способы совершения преступлений. В расследовании которых большое значение имеют так называемые цифровые (электронные, виртуальные, компьютерные) следы.

© Романова Г. В., 2022

Цифровой след – любая криминалистически значимая компьютерная информация, представленная в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [3, с. 10-19].

Для борьбы с IT – преступлениями в 2019 году распоряжением председателя СК России А.И. Бастрыкина в Главном следственном управлении создано специализированное подразделение – отдел по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий. Основанием создания такого отдела была особая специфика и сложность таких преступлений, их неочевидность, межрегиональный и международный характер.

К таким средствам, в частности относятся: датчики радиоэлектронной обстановки (РЭО), устройства извлечения судебной информации (UFED), «Мобильный криминалист», XRY, MOBILedit, дубликаторы Tabloo и др. Технические устройства позволяют определять место нахождения определенного гаджета (а следовательно, и его владельца)в конкретном месте (до метров) и в конкретное время (до секунд), извлекать информацию (включая удаленную) из памяти мобильных устройств, а также электронных накопителей (карт памяти, SIM-карт, флеш-накопителей и др.) участников уголовного процесса как в ходе проверки сообщений о преступлениях, так и в ходе их расследования.

В конце 2019 года количество различных устройств, подключенных к сети Интернет, составило 42 миллиарда (в 2013 году – 10 миллиардов устройств) [4], т.е. в шесть раз превысило число жителей Земли. Число пользователей Интернета в Российской Федерации составляет свыше 90 миллионов человек (70% от населения страны) и продолжает расти. Россия занимает первое место в Европе по числу пользователей глобальной сети [5].

Лица, с той или иной целью пользующихся киберпространством, так или иначе оставляют так называемые электронные следы.

Судебно-следственная практика свидетельствует о высоком удельном весе их раскрытия и усиления доказательственной базы в ходе расследования за счет цифровых следов, т.е. информации, содержащейся в электронных устройствах, каналах, сетях. Причем с каждым годом такие возможности значительно расширяются.

Следователи криминалисты СК России подтверждают интенсивное развитие и постоянное расширение территории использования современных телекоммуникационных технологий, в особенности мобильного Интернета, и связанные с этой тенденцией инновационные подходы в методике раскрытия и расследования отдельных видов преступлений.

Грамотное, профессиональное применение криминалистической техники, предназначенной для анализа биллинговой информации, привело к обнаружению лиц, причастных к совершению резонансных криминальных посягательств. Так, например, в г. Ачинск Красноярского края, молодая сотрудница банка похитила 15 миллионов рублей, 49 тысяч долларов и евро. Преступление было совер-

шено в начале декабря 2021 года. Бесследно исчезнуть в наш «цифровой» век преступнице не удалось. На основе анализа биллинговой информации данных с видеокамер наблюдения банка позволили определить место нахождение подозреваемой. Она находилась в родном городе, никуда не уезжала. Далее тактически грамотно проведенный допрос матери молодой женщины позволил убедить подозреваемую не скрываться и явиться с повинной в полицию. Преступление было раскрыто в кратчайшие сроки [2, с. 10].

В последнее время особое внимание уделяется расследованию преступлений коррупционной направленности. В частности, с помощью аппаратно-программного комплекса «Сегмент С» (далее – АПК «Сегмент») удается обрабатывать достаточно большой объем биллинговой информации, определять параметры базовых станций стандартов 2G и 3G. В зависимости от условий и поставленных перед следствием задач может использоваться стандарт 4G, но в этом случае уже нужно использовать специальное программное обеспечение, такое, например, как NetMonitor, G-NetTrack и т.д.

Указанные технические комплексы и программы позволяют решать сложные аналитические задачи, наглядно визуализировать результаты аналитических исследований, что представляет ценность в современных условиях расширения судебной практики с участием присяжных заседателей.

С 2018 года используется предоставленный ПАО «МегаФон» доступ к автоматизированной системе обработки запросов (АСОЗ), позволяющей следователю по фамилии, имени, отчеству и дате рождения разыскиваемого лица оперативно получать сведения о зарегистрированных на него абонентских номерах. Также система сообщает индивидуальный номер мобильного устройства связи (IMEI), используемый с абонентским номером, и наоборот. То есть при получении анкетных данных о личности подозреваемого возможно в короткий срок установить все зарегистрированные на него абонентские номера, а далее определить, какие из них активны в настоящее время и с каким мобильным устройством используются. С учетом данной информации следователь ориентирует оперативные службы на поиск пользователя абонентского номера или мобильного аппарата, находящегося в распоряжении разыскиваемого лица.

Одновременно с помощью системы можно быстро узнать, когда и где подозреваемый пополнял баланс мобильного телефона, а в случае использования для этих целей банковской карты, вне зависимости от ее владельца, в последующем получить выписки по данной карте и, изучив платежи, выйти на след подозреваемого.

Субъекты преступной деятельности зачастую используют сотовую связь при подготовке, совершении и сокрытии преступлений, либо электронное мобильное устройство находится при таком лице и автоматически регистрируется относительно базовых станций, точек сети Wi-Fi, оснащено глобальным навигационной системой (ГЛОНАСС), что позволяет определить следователю координаты

местоположения технического средства. Кроме того, различные приложения (такси, каршеринг), игры, карты и пр. содержат данные о маршрутах движения пользователя вместе с устройством. Преступники порой завладевают мобильными устройствами потерпевших, пользуются, либо уничтожают их, некоторое время передвигаются вместе с потерпевшим, что, безусловно, способствует установлению координат и времени нахождения таких устройств. Часто подозреваемые пользуются традиционными средствами, в которых установлены навигаторы, оборудованные приемными и передающимися модулями систем GPS, видеорегистраторы, часто работающие в постоянном режиме видеосъемки, такими же устройствами могут быть оборудованы и автомобили потерпевшего или свидетеля.

В настоящее время криминалистические подразделения обеспечены специальной высокотехнологической криминалистической техникой, позволяющей извлекать полную информацию (включая удаленную) из памяти названных мобильных устройств и электронных накопителей (карт памяти, SIM-карт и др.) участников уголовного процесса как в ходе проверки сообщений о преступлениях, так и в ходе их расследования.

К такой технике относятся: универсальное устройство извлечения судебной информации (UFED-Universal Forensic Extraction Device), «Мобильный криминалист», XRY, MOBILedit, «Тарантула» и др.). При этом данная криминалистическая техника позволяет работать практически с любой моделью мобильных устройств, в том числе с поврежденными устройствами, планшетными компьютерами на основе любой операционной системы, навигаторами.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (по состоянию на 3 ноября 2021 г.). Москва: Проспект, 2021.

2. Бондарев А. Укравшая крупную сумму сотрудница банка сдалась полиции // Российская газета. 2021. 15 декабря. № 284 (8635). С. 10.

3. Вехов В.В., Смагоринский Б.П., Ковалев С.А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза.2016. № 2 (46). С. 10-19.

4. Cisco Visual Networking: Global Mobile Data Traffic Forecast Update, 2013-2018. http://www.cisco /com

5. Выступление Президента РФ В.В. Путина на Международном конгрессе по кибербезопасности в Москве 06.07.2018.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Саливаров Вячеслав Яковлевич
Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова» (г. Чебоксары)

Перепелкин Вячеслав Иванович
Доцент кафедры уголовного права и процесса
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова» (г. Чебоксары)

В статье автор анализирует специфичность преступлений в сфере железнодорожного транспорта России, особенности проведения по ним следственных действий, тонкости проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: преступление, расследование, прокурорский надзор, железнодорожный транспорт.

CRIMES IN THE SPHERE OF RAILWAY TRANSPORT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROBLEMS OF THEIR INVESTIGATIONS IDENTIFIED DURING THE PROSECUTOR'S SUPERVISION

Salivarov V. Ya., Perepelkin V. I.

In the article the author analyzes the specificity of crimes in the field of railway transport in Russia, the peculiarities of conducting investigative actions on them, the subtleties of conducting operational-search measures.

Keywords: crime, investigation, prosecutor's supervision, railway transport.

Надзор за законностью деятельности органов предварительного расследования осуществляется независимо от их ведомственной принадлежности. Он выражается в контроле за точным и единообразным исполнением законов органами дознания, а также предварительного следствия. В случае же выявления нарушений норм права, закон обязывает прокурора лично вмешаться в производство дознания и исправить допущенные ошибки. Данные полномочия вытекают из содержания ст.37 УПК РФ.

Осуществляя надзор за законностью досудебного производства, прокурор особое внимание уделяет на решения органов предварительного расследования, связанных с производством следственных действий, ограничивающих Конституционные права граждан, применения мер пресечения как – заключение под стражей, об окончании предварительного расследования [5. с.487].

Согласно п.2 ст.1 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации», целью прокурорского надзора являются:

© Саливаров В. Я., Перепелкин В. И., 2022

обеспечение верховенства закона; единство и укрепление законности; защита прав и свобод человека и гражданина; защита охраняемых законом интересов общества и государства.

В 2019 г. общий уровень преступности в России вырос до 1384 преступлений на 100 тыс. человек, а в 2020 году – на 1400. Но, тем не менее, состояние общей преступности в стране остается более низким, чем во все предшествующие годы, начиная с 1991 г.

В 2020 г. число зарегистрированных преступлений в России увеличилось на 1%, а число погибших в результате преступных посягательств сократилось на 5.4%.

В целях обеспечения правопорядка на транспорте, эффективной реализации поставленных перед ним задач, в соответствии со ст. 17 закона о прокуратуре и приказом Генпрокурора Российской Федерации от 15 июля 2011 г. № 211, надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, а также расследованием уголовных дел о преступлениях на транспорте возложен на специализированные (транспортные) прокуратуры.

И потому, приоритетными для транспортных прокуроров являются вопросы обеспечения бесперебойного функционирования транспортного комплекса, защиты прав работников транспортных предприятий и пассажиров [1. с.133].

В указанный сфере, транспортными прокурорами за истекший период 2020 г. выявлено более 50,5 тыс. нарушений, для устранения которых внесено около 20 тыс.актов прокурорского реагирования.

В ходе осуществления прокурорского надзор выявлены многочисленные нарушения требований закона о железнодорожном транспорте в Российской Федерации, которые явились причинами высокого уровня транспортных происшествий и иных событий, возникающих при движении железнодорожного подвижного состава, сопровождаемых причинением вреда имуществу физических, юридических лиц, а также жизни и здоровью граждан [4. с. 449].

Так, количеству транспортных происшествий по состоянию на 1 июля 2020 г. составило 8 крушений поездов и 1 аварию, последствиями которых явились гибель людей и повреждение 82 единиц подвижного состава. Анализ показывает, что каждые 2 дня на железнодорожном транспорте страны происходит 3 нарушения безопасности движения.

На досудебной стадии уголовного судопроизводства, прокурорами выявлены 2,8 млн. правонарушений, почти две трети из них - при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях. В целях устранения выявленных нарушений внесено 240 тыс. актов прокурорского реагирования, 117 тыс. должностных лиц органов дознания и предварительного следствия привлечены к дисциплинарной ответственности.

В ходе осуществления прокурорского надзора выявлен значительный рост преступлений, уголовные дела о которых приостановлены в связи с отсутствием реальной возможности участия в уголов-

ном процессе подозреваемого либо обвиняемого [2. с.193]. В первом полугодии 2020 г. прокуратурой России отменены 225,9 тыс. решений о приостановлении дознания и предварительного следствия, как решение не соответствующие закону (УПК РФ).

В ходе осуществления прокурорского надзора выявлены существенные упущения в деятельности органов дознания и предварительного следствия. По-прежнему остается актуальной проблема раскрываемости преступлений на транспорте. По итогам 2018 г. нераскрытыми остались 12889 преступлений, в 2019 г. - 12415 (-3,7% к показателю предыдущего года).

В анализируемый период отмечается значительный рост числа прекращенных уголовных дел: 4061 в 2018 г. 5060 в 2019 г.

Основными причинами низкой раскрываемости преступлений, а также прекращения уголовных дел являются:

1) некачественный осмотр места происшествия, а также в выполнении других следственных действий в ходе расследования;

2) отсутствие в органах дознания и предварительного следствия высококвалифицированных специалистов (дознавателей, следователей);

3) отсутствие должных специалистов в экспертно-криминалистической службе;

4) нарушения закона в приеме, регистрации и сроков рассмотрения заявлений, сообщений о преступлении;

5) отсутствие должной связи органов предварительного следствия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Между тем необходимо отметить специфичность совершаемых преступлений в сфере железнодорожного транспорта России, особенности проведения по ним следственных действий, тонкости проведения оперативно-розыскных мероприятий [3. с. 330].

Во многих случаях в указанной сфере преступления совершаются в условиях неочевидности, организованными группами, причиняется огромный имущественный вред, представляют большую общественную опасность как для общества, так и для государства.

Список источников

1. Кузьмин Ю.А. Личность наркопреступника // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сборник материалов Всерос. науч.-практич. конф. 2015. С. 132-136.

2. Перепелкин В.И. Особенности осмотра места происшествия при расследовании убийств // Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества. Материалы XVI межвузовской научной конференции. Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института. 2015. С. 192-198.

3. Саливаров В.Я. Вопросы объявления розыска подозреваемого, обвиняемого, дознавателем, следователем на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы противодействия преступлениям в сфере экономики: материалы Всерос. науч.-практич. конф.; под ред. Е.Е. Черных. 2015. С. 326-331.

4. Саливаров В.Я., Патшина Т.А. Правовое положение потерпевшего на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства //

Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета. 2016. С. 447-450.

5. Саливаров В.Я., Патшина Т.А. Вопросы прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 486-489.

УДК 343.98

ЦИФРОВЫЕ СПОСОБЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Скобелин Сергей Юрьевич
Декан факультета подготовки следователей,
кандидат юридических наук, доцент
ФГОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации»

В статье рассматриваются современные способы раскрытия и расследования преступлений с использованием цифровых следов. Предлагается подход к рассмотрению таких следов в узком и широком направлениях. Раскрываются основные тенденции отечественной цифровой криминалистики.

Ключевые слова: цифровые преступления, расследование, цифровая криминалистика, цифровые следы.

DIGITAL METHODS OF CRIMES DISCOVERY AND INVESTIGATION

Skobelin S. Yu.

The article discusses modern methods of detecting and investigating crimes using digital traces. An approach is proposed to consider such traces in narrow and broad directions. The main trends of domestic digital forensics are revealed.

Keywords: digital crime, Investigation, digital forensics, digital footprints.

Многофункциональность и постоянное совершенствование цифровых устройств (гаджетов), различных программ и приложений только расширяет пользовательские и, соответственно, криминалистические возможности.

Способом совершения многих преступных проявлений становится сеть «Интернет» (различные мессенджеры: WhatsApp, Viber, Telegram, Skype, Facebook, Line, WeChat и др.; социальные сети («ВКонтакте», Instagram, «Одноклассники», Facebook, Twitter; электронная почта; компьютерные игры, а также мобильная (сотовая) связь.

В ответ на это меняются выработанные и разрабатываются новые нетривиальные подходы к выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию подобных преступлений.

Всё чаще объектом изъятия и последующего осмотра (экспертного исследования) в ходе следственных действий становятся так называемые гаджеты участников уголовного процесса.

© Скобелин С. Ю., 2022

Ноутбук, планшет, цифровой браслет (часы), электронная книжка, смартфон или простой сотовый телефон имеются практически у каждого взрослого человека и даже ребенка. Все эти электронные устройства напрямую связаны окутавшей Мир сетью Интернет, часто синхронизированы между собой. Одним из основных способов передачи информации и общения между людьми (текстовые сообщения, звуковые сигналы, изображения, видео) стали программы мгновенного обмена сообщениями. Жизнедеятельность человека в населенных пунктах, на транспорте, в помещениях, жилых домах и даже в космосе фиксируется с помощью систем цифровой видеозаписи [2, с. 27].

В криминалистической теории наблюдается тенденция изучения так называемых цифровых (электронных, виртуальных, компьютерных) следов преступной деятельности в следующих основных направлениях:

В узком направлении – это предупреждение, раскрытие и расследование собственно преступлений в сфере компьютерной информации (Глава 28 УК РФ).

Данные преступления (Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст.272 УК РФ); Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст.273 УК РФ) и др. чаще являются предикатными для совершения (или сокрытия) других преступлений: хищений, распространения экстремистских материалов, фальсификации итогов голосования и др.

В широком направлении - противодействие киберпреступности (в сфере информационных технологий), то есть не только преступлений, указанных выше, но и совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (чаще – сети «Интернет» и сотовой связи).

Речь идет о доведении с использованием сети «Интернет» до самоубийства или склонении к самоубийству; дистанционных хищениях в финансово-банковской сфере; призывах к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, массовым беспорядкам; сбыте наркотических средств, оружия; обороте порнографических материалов или предметов, организации азартных игр, преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др.

При этом темпы роста таких преступлений колоссальны. Согласно данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» в 2018 году количество подобных преступлений составило 132733 (7% от всех зарегистрированных преступлений), это более чем в два раза (112,7%) превысило аналогичный показатель за 2017 год. В 2019 году таких преступлений было зарегистрировано 294409 (14,5% в общем числе выявленных преступлений), а это на 70% превышает аналогичный период 2018 года. Уже в 2020 году их количество составило более полумиллиона – 510396 (+73,4% к предыдущему году и 25% от всех зарегистрированных преступле-

ний. Представляется, что тенденция увеличения преступлений, совершенных таким способом будет продолжаться.

Больше половины таких преступлений – это тяжкие и особо тяжкие преступления (52,4%), совершенные с использованием сети «Интернет» (58,8%), а почти половина (42,9%) – с помощью средств мобильной связи. Немало преступлений совершается с использованием расчетных (пластиковых) карт, компьютерной техники, программных средств, фиктивных электронных платежей [4, с. 7].

Отметим, что в 2019 году в статистических данных МВД отдельно выделен раздел, посвященный сведениям о преступлениях, совершенных с использованием информационно- телекоммуникационных технологий, что еще раз подтверждает актуальность рассмотрения данной темы.

Относительно видов преступной деятельности, в основном (80,4%) это кражи или мошенничества, а также преступления, связанные с незаконным оборотом (производство, сбыт, пересылка) наркотических средств (9,2%). Также были выявлены совершенные рассматриваемым способом следующие преступления: незаконные организация и проведение азартных игр (171.2 УК РФ), изготовление порнографических материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

В тоже время, анализ следственной практики свидетельствует о том, что цифровые следы в криминалистике следует рассматривать значительно шире. Они актуальны при проведении процессуальных проверок и расследовании любых преступлений независимо от объекта и способа посягательства, категории или формы вины, осведомленности или неосведомленности лица об их оставлении, а также принадлежности тому или иному участнику уголовного процесса (подозреваемому, потерпевшему или свидетелю). Интерес представляют и цифровые способы доказывания преступной деятельности, использование высокотехнологичной криминалистической техники и специализированных программ для получения значимой для следствия информации при осмотре или проведении экспертных исследований гаджетов пользователей, аналитике большого объема биллинговой информации, системы «Поток», «Магистраль» и пр.

Специфику приобретают и неординарные способы доказывания таких преступлений, объективная сторона которых выражается в распространении какой-либо информации (ст. 110.2, 128.1, 137, 185.1, 179, 283.1 УК РФ), либо публичных призывах к противоправной деятельности (ст.ст.212, 242, 280, 354.1 УК РФ). Это осмотры социальных сетей пользователей (отправителя-получателя), их электронных устройств и фото фиксация (скриншоты) страниц, на которых отображается количество и адреса отправленных сообщений, фото-видеофайлов, просмотров, лайков, дизлайков, комментариев.

Суды и присяжные заседатели положительно воспринимают подобную практику, она достоверна и надежна.

Актуальность раскрытия и расследования преступлений, где в качестве средств и способов совершения используются информационно-телекоммуникационные технологии привела к созданию в правоохранительных органах специализированных подразделений: технико-криминалистическое управление, а также специализированные экспертные подразделения в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета Российской Федерации, управление «К» в МВД России и др.

Для борьбы с IT-преступлениями в 2019 году распоряжением Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным в Главном следственном управлении создано специализированное подразделение – отдел по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий. В обосновании необходимости создания данного отдела отмечалась особая специфика и сложность таких преступлений, их неочевидность, межрегиональный и международный характер.

В Московской академии Следственного комитета Российской Федерации тематика и тонкости работы с цифровыми следами включены в учебные планы и рабочие программы таких дисциплин как «Криминалистика», «Фото-видеозапись следственных действий» и «Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений». Кроме этого, студенты, направляемые от следственных органов Следственного комитета России обучаются в МГТУ им. Н.Э. Баумана, где создана специальная кафедра «Цифровая криминалистика».

В современной следственной практике при доказывании виновности (невиновности) подозреваемых чаще всего встречаются следующие цифровые следы:

1. Видеофиксация (как самими преступниками, так и произведенная помимо их воли) подготовки, совершения, сокрытия преступлений;

2. Биллинговая информация о соединениях между абонентами (абонентскими устройствами);

3. Информация, содержащаяся в памяти (облачном хранилище) смартфона, телефона участника уголовного судопроизводства;

4. Криминалистически значимая информация, находящаяся в памяти домашнего (рабочего) компьютера (ноутбука, планшета, моноблока) участника [2, с. 23];

4. Метаданные и цифровая информация различных гаджетов, позволяющая определить местонахождение гаджета и его владельца;

5. Социальные сети как источник криминалистически значимой информации;

6. Данные истории браузера пользователя;

7. Данные дистанционного зондирования поверхности Земли;

8. Цифровые данные компьютерных систем авто-мото транспорта в раскрытии и расследовании преступлений (датчики EDR и IV).

Обнаружение, фиксация, изъятие и исследование такой информации, безусловно имеет свою специфику. Для этого используются современная высокотехнологичная техника (Мобильный криминалист, XRY, UFED), специальные программы для работы с цифровыми следами, тактические особенности получения и последующего использование цифровой информации при доказывании виновности (невиновности) лица в совершении преступления, разработаны рекомендации в повышении эффективности использования следователями цифровых следов в раскрытии и расследовании преступлений [3, с. 52].

Грамотное и правильно процессуально оформленное обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение цифровой информации, в значительной мере способствует оперативному изобличению всех участников преступного события, розыску и задержанию последних, поиску скрытых трупов, похищенного и в целом обеспечению надежной доказательственной базы для органов следствия.

Список источников

1. Багмет А.М. Скобелин С.Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. №2. С. 23.

2. Скобелин С.Ю. Использование цифровых технологий при доказывании преступной деятельности. Российский следователь. 2019. №3. С. 27.

3. Шеметов А. К. О понятии виртуальных следов в криминалистике // Российский следователь. 2014. № 20. С. 52.

4. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2021 года). Статистический сборник. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Москва. 2022. С. 7.

УДК 343.2/.7

К ВОПРОСУ О ПОКАЗАНИЯХ МАЛОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Славгородская Ольга Александровна
Доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

В статье рассматриваются возможности использования показаний малолетних свидетелей. Определены особенности необходимости рассмотрения данной возрастной категории, рассмотрены вопросы возможностей формирования психологического контакта с малолетними свидетелями.

Ключевые слова: допрос, малолетний, показания, психологический контакт, свидетель, следователь.

ON THE ISSUE OF THE TESTIMONY OF MINOR WITNESSES

Slavgorodskaya O. A.

The article discusses the possibilities of using the testimony of juvenile witnesses. The features of the need to consider this age category are determined, the

© Славгородская О. А., 2022

issues of the possibilities of forming psychological contact with juvenile witnesses are considered.

Keywords: interrogation, juvenile, testimony, psychological contact, witness, investigator.

Современные технологии, внедряясь во все сферы жизнедеятельности человека, активно используются и в процессе реализации деятельности по противодействию преступности. Однако, несмотря на устойчивую тенденцию использования новейших технических достижений науки в практике раскрытия, расследования и предотвращения преступлений информация о человеке и возможностях ее использования остается востребованной и актуальной. Наибольшие возможности использования информации о человека представляет реализация процесса общения, происходящего при проведении допроса. Допрос в целом является сложным следственным действием и, особенно в ситуациях проведения допроса несовершеннолетних. Отдельное же место среди допроса несовершеннолетних традиционно занимает допрос несовершеннолетних свидетелей.

Насколько возможно использование свидетельских показаний несовершеннолетних при расследовании преступлений, вопрос, который остается предметом дискуссий в течение длительного периода времени.

Свидетельские показания как важный элемент процесса установления истины по уголовному делу в течении перманентно повергались критической оценке на предмет достоверности сообщаемых сведений. При анализе показаний, сообщаемых несовершеннолетними свидетелями, наряду с традиционным критичным оценочным подходом к оценке степени достоверности показаний свидетелей добавляются и присущие несовершеннолетним возрастные и психологические особенности.

Неоднозначность подхода к возможности использования свидетельских показаний породила в свое время дискуссию, начавшуюся в конце века XIX и затронувшую век XX. По поводу возможности использования свидетельских показаний, даваемых несовершеннолетними, высказывались как зарубежные, так и отечественные ученые (Г. Гросс, А.Ф. Кони) противники такого использования имелись также и в России и за рубежом(в. Штерн, Ж. Дюпре, А.Я. Вышинский) [6, с. 9-12].

Причем о том, что возрастные ограничения могут быть рассмотрены как критерий, повышающий степень достоверности, показаний, сообщаемых свидетелем, было известно еще на ранних этапах формирования представления о сущности и содержании свидетельских показаний. Так, Дигесты Юстиниана, оказавшие существенное влияние на формирование римского права содержали в себе Титул IV, посвященный достоверности доказательств, согласно которому свидетельские показания являлись доказательствами. Формирование критериев оценки показаний свидетелей включали в себя и определение категории лиц, которые не могли привлекаться в качестве

свидетелей. К подобной категории были отнесены « несовершеннолетние», не призывавшиеся к свидетельству [4, с. 523].

В действительности вопрос о возможности использования свидетельских показаний несовершеннолетних должен определятся исходя из содержания показаний, и возможности при их помощи установить обстоятельства, имеющие значение для установления истины по уголовному делу.

Причем, если мы будем рассматривать возможность свидетельствования несовершеннолетних не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в иных сферах, здесь возможность дать свидетельские показания определяется возможностью быть осведомленным в отношении определенных обстоятельств. По сложившейся практике вопросы о достоверности сведений, сообщаемых несовершеннолетним свидетелем, практически не исследуется.

Особое значение использование возможностей оценки достоверности свидетельских показаний приобретает с расширением границ их применения в качестве доказательств. Традиционная сфера уголовного судопроизводства и административное расследование (Ст.26.3 КоАП РФ) не ограничивают использование свидетельствах показаний. Подобная возможность предусмотрена в ст. 64 АПК РФ, ст. 69 ГПК РФ. Определенную специфику имеют и свидетельские показания(ст. 90 НК РФ), используемые при проведении налоговых проверок.

Действительно, в сфере гражданского судопроизводства, административного судопроизводства не так часто прибегают к использованию свидетельских показаний несовершеннолетних, и естественно речь о таких показаниях не идет применительно к арбитражному судопроизводству и при рассмотрении налоговых правонарушений. Хотя, если рассматривать ситуации с участившимися случаями эмансипации, то необходимость прибегнуть и использованию данных показазний может оказаться не столь уж и нереальной.

В соответствии с действующим законодательством несовершеннолетние – это лица, которым исполнилось 14 лет, ног не исполнилось 18. Причем в гражданском законодательстве выделена еще и категория малолетних, к которым отнесены несовершеннолетние, не достигшие 14 лет (ст. 28 Гражданского кодекса РФ).

Выделение категории малолетних применительно к гражданскому законодательству было определено совокупностью сложившихся правоотношений. Однако, настоящее время требует и от уголовного и уголовно-процессуального законодательства уточнения данного правового понятия.

Связано это с участившимися случаями привлечения к процессу дачи показаний лиц, которые не достигли 14 лет, но уже могут выступать в качестве лиц, дающих показания как потерпевшие и свидетели.

При появлении необходимости привлечения к свидетельствованию в данных ситуациях необходимо учитывать психологические

особенности характерные не просто для несовершеннолетних, но и непосредственно для малолетних свидетелей.

Если для несовершеннолетних уже существуют методические рекомендации, ориентированные на проведение допроса с учетом сформировавшихся особенностей психического развития, которые должны быть известны следователю и составлять для него неотъемлемую часть деятельность при проведении допросов с участием названной категории лиц, то в отношении малолетних свидетелей ситуация характеризуется высокой степенью сложности.

Общеизвестно, что не существует четких критериев нижней границы, с которой возможно производить допрос малолетних. Индивидуальные особенности психического и физического развития ребенка не позволяют до настоящего времени эти границы четко определить и постоянно ими руководствоваться. В тоже время следователю, даже при естественной помощи специалиста, привлекаемого к подобному допросу самому также необходимо иметь представление о том, с какими проблемами ему придется столкнуться при проведении в случае необходимости допроса малолетнего свидетеля.

Определение возможности проведения допроса малолетних свидетелей реализованное при непосредственном участии специалиста это только одна часть существующих сложностей. Далее необходимо определить ключевые направления установления с допрашиваемым малолетним свидетелем психологического контакта.

Несмотря на отсутствие однозначно определенной понятийной категории психологического контакта преобладающим является понимание его как создание обстановки, которая способствует общению следователя с допрашиваемым. И оценивается как отдельная часть производства допроса [2, с. 277]. Понятие психологического контакта предполагает такой уровень взаимоотношений на допросе, при котором участвующие в нем лица готовы воспринимать исходящую друг от друга информацию [3, с. 489].

Рассматривая психологический контакт в качестве непременного условия допроса, профессор Н.И. Порубов определяет его как «состояние при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга» [5, с. 47]. Его формирование неразрывно связано с заинтересованностью в информации или в лице, который выступает в качестве ее источника. «Заинтересованность – первый элемент психологического контакта. Это эмоционально окрашенная направленность личности, связанная со стремлением познать, насколько значима информационная связь для другого индивида…» [7, с. 14].

Определение стадий развития контакта основано на выделении следующих взаимообуславливающих стадий: 1. взаимное оценивание; 2. взаимная заинтересованность; 3. обособление в диаду [8, с. 201]. Оценивая возможность использования названной характеристики применительно ситуации формирования психологического контакта при производстве допроса свидетеля необходимо учитывать особен-

ные условия его реализации, изначально предполагающие обособленность участников.

Состояние обособленности самих участников допроса, должно быть максимально использовано следователем как основа для дальнейшего благоприятного формирования психологического контакта. В связи с чем необходимо базируясь на состоянии обособленности максимально использовать данное состояние при организации допроса и в обстановке его проведения создаваться благоприятную среду. «Для установления контакта важно чтобы допрос производился наедине. В этом имеется глубокий психологический смысл. Контакт при допросе предполагает элемент доверительности» [5, с. 54-55]. В остальном же развитие процесса установления психологического контакта происходит в рамках классической схемы.

Следовательно, ключевым элементом формирования психологического контакта при допросе свидетеля является то, как воспринимает сам допрашиваемый внутреннюю обстановку, которая складывается в процессе производства данного следственного действия. Процесс формирования психологического контакта можно реализовывать на различных стадиях производства допроса, и на основе разнообразных тактических приемов.

Однако, все утверждения относительно понимания психологического контакта и его формирования применительно к взрослым свидетелям не могут быть в полной мере отнесены к несовершеннолетним и особенно к малолетним свидетелям. Указывая на отличие психологического контакта между следователем и несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем Р.И. Зайнуллин, подчеркивает, что его особенностью является состояние сознания несовершеннолетних свидетелей или потерпевших [1, с. 203].

Следовательно, ключевым моментом следует определить необходимость получение наиболее полного представления о малолетнем свидетеле и использовать вся полученную информацию для установления с ним психологического контакта.

Тактические приемы наиболее эффективные при проведении допроса малолетних свидетелей, способствующие установлению психологического контакта были сформированы О.Ю. Скичко указавшей на то, что при проведении допроса необходимо в первую очередь учитывать особенности психологии:

– не следует начинать контакт с прямого обращения к стеснительному ребенку. Ему необходимо привыкнуть к новой обстановке и людям, поэтому и общение начинать следует не с ребенка, а с сопровождающего его лица;

– не стоит сразу же усаживать малолетнего, следует предоставить возможность ему свободно перемещаться в помещении;

– в сложных ситуациях следует использовать психологический прием основный на своего рода отстраненности, т.е. полного отсутствия внимания к ребенку, которое способно подтолкнуть малолетнего к проявлению заинтересованности новым человеком;

– следует обеспечить при всей непринужденности обстановки серьезное отношение ребенка ко всему происходящему, к тем вопросам, которые ему задаются и всему что, что он рассказывает;

– выделение ориентировочного этапа допроса малолетнего, позволяющего составить представление о психологии ребенка, его уровне развития, возможностях восприятия и передачи определенной информации [6, с. 120-121].

Реализация в полной мере указанных тактических приемов возможна при осуществлении тесного процесса взаимодействия со специалистами, и помимо этого при наличии у следователя познаний в области возрастной психологии. Особое место играет и дальнейшее развитие криминалистического учения о свидетеле, включая и изучение несовершеннолетних и малолетних свидетелей.

Список источников

1. Зайнуллин Р.И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: дисс. ... доктора юридических наук: 12.00.12 / Зайнуллин Р. И. Ростов-на-Дону, 2021. 480с.

2. Криминалистика: учебник / под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова / В.Д. Зеленский, Г.М. Меретуков. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2015. 704 с.

3. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. Москва; Юрист, 2005. 781с.

4. Памятники римского права: законы XII таблиц, институция Гая, Дигесты Юстиниана. Москва: Зерцало, 1997. 608с.

5. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике. / Н.И. Порубов. Минск, 1968. 276с.

6. Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. / О.Ю. Скичко. Москва: Юрлитинформ, 2006. 184с.

7. Хайдуков Н.П. Тактико-психологические основы воздействия на участвующих в деле лиц. / Н.П. Хайдуков. Саратов: Изд-во СГУ, 1984. 128с.

8. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология / Ю.В. Чуфаровский. Москва: Проспект, 2013. 470с.

УДК 343.98

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИИ АВТОМОТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, ВЫДВИЖЕНИЕ И ПРОВЕРКА ВЕРСИЙ

Старцева Екатерина Александровна
Доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук
Нижегородская академия МВД России

В статье исследуются уголовного дела, возбужденные по факту хищения автомототранспорта. Рассматриваются типичные следственные ситуации по анализируемой категории преступлений, выделяются определенные особенности для каждой из них. Разработан алгоритм наиболее целесообразных и эффективных мероприятий и следственных действий по каждой из указанных следственных ситуаций. Выдвигаются и разрабатываются версии о личности преступника, его профессиональных умениях и навыках, его социальной принад-

© Старцева Е. А., 2022

лежности; версии, относящиеся к количественному составу и степени организованности лиц, которыми было совершено преступное деяние; версии относительно мотивов расследуемого события на основе места обнаружения транспортного средства, технического состояния, времени, прошедшего с момента хищения до его обнаружения.

Ключевые слова: хищения автомототранспортных средств, типичные следственные ситуации, следственные действия, версии.

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS IN CASES OF THEFT OF MOTOR VEHICLES, NOMINATION AND VERSION CHECK

Startseva E. A.

The article examines the criminal cases initiated on the fact of theft of motor vehicles. Typical investigative situations for the analyzed category of crimes are considered, certain features for each of them are highlighted. An algorithm of the most appropriate and effective measures and investigative actions for each of these investigative situations has been developed. Versions are put forward and developed about the identity of the criminal, his professional skills and skills, his social affiliation; versions related to the quantitative composition and degree of organization of the persons who committed the criminal act; versions regarding the motives of the investigated event based on the location of the vehicle discovery, technical condition, time elapsed from the moment of theft to its discovery.

Keywords: theft of motor vehicles, typical investigative situations, measures and investigative actions.

Отправным моментом при расследовании того или иного деяния признается стадия возбуждения уголовного дела. Данная стадия включает в себя реализацию действий, предусматривающих прием, регистрацию, рассмотрение и разрешение конкретного заявления и сообщения относительно совершенного преступного деяния.

При изучении уголовных дел, возбужденных по факту хищений автомототранспортных средств, было выявлено, что наиболее частыми поводами к возбуждению становились:

– заявление относительно преступного деяния – 81%;

– явка с повинной – 6%;

– сообщение относительно преступного деяния, которое было получено из другого источника – 13%.

Крайне редко в качестве повода к возбуждению уголовного дела по факту кражи автомототранспорта выступает явка с повинной. В основном явка с повинной поступает в случаях, когда было произведено задержание лица по подозрению в совершении какого-либо преступного деяния и, желая сотрудничать с органами следствия, заявляет относительно совершения им другого преступного деяния.

Что касается сообщений о преступных деяний из других источников, то стоит отметить, что к их числу возможно отнести: рапорта сотрудников уголовного розыска относительно обнаружения признаков преступного деяния, которые были установлены при проведении оперативно-розыскного мероприятия.

На первоначальном этапе расследования можно выделить следующие следственные ситуации, учитывая данные о лицах и предмете преступления:

1) установлены признаки, указывающие на то, что было совершено преступное деяние, одновременно с этим отсутствуют сведения о лицах, которые совершили хищение. При этом автомототранспортное средство не обнаружено (40%);

2) получена информация о лицах, совершивших хищение, но автомототранспортное средство не обнаружено (18%);

3) задержано лицо, похитившее автомототранспортное средство, но автомототранспортное средство не обнаружено (5%);

4) обнаружено автомототранспортное средство, при этом информация о лице его похитившем неизвестна (15%);

5) правоохранительными органами была получена информация о лицах, совершивших хищение автомототранспортного средства, при этом, их местонахождение неизвестно, но обнаружено автомототранспортное средство (14%);

6) лицо, которым было совершено хищение автомототранспортного средства задержано и транспортное средство обнаружено (8%).

Типологизировав данные следственные ситуации, были выделены определенные особенности для каждой из них, а также произведена разработка алгоритма, определяющего наиболее целесообразные и эффективные мероприятия, применительно к каждой следственной ситуации.

Раскроем наиболее подробно особенности каждой из шести вышеуказанных следственных ситуаций.

Начнем с первой следственной ситуации. Отметим, что для нее характерно то, что процесс расследования осуществляется в недостатке информации. Исходя из этого, с точки зрения расследования, данная следственная ситуация обладает наиболее неблагоприятным и сложным характером. При этом возникновение подобной следственной ситуации происходит более часто, нежели в других (в 40% случаях).

Такая следственная ситуация может возникнуть тогда, когда похищение автомототранспортного средства осуществляется с открытых территорий, в частности: парка, улицы, сквера и т.п.

Проанализировав следственную практику, были определены стандартные действия следователя в подобной ситуации.

В частности следователем:

– осматривается место происшествия;

– допрашивается потерпевший и свидетели;

– осматриваются предметы и документы, указывающие на наличие автомотранспортного средства и определяющие его принадлежность конкретному потерпевшему.

Успех в расследовании хищений автомототранспортных средств во многом зависит от того, насколько целеустремленный, активный и ориентированный на задержание преступников оперативный сотрудник, которому было поручено раскрытие данного деяния. Большая вероятность задержать похитителя появляется в том случае, если будет осуществлено введение плана «Перехват».

Стоит акцентировать внимание на том, что когда не установлены очевидцы преступления, в качестве единственного с криминалистической точки зрения значимого информационного источника могут выступать следы, обнаружение которых возможно на месте преступного деяния. Соответственно следователем должны быть проявлены максимальные усилия для того, чтобы их обнаружить, изъять и зафиксировать данные следы в процессе осмотра места происшествия.

Следующую следственную ситуацию от предыдущей отличает то, что для нее характерно установление определенных сведений относительно лиц, которыми было совершено хищение.

В том случае, если были установлены подозреваемые и обнаружено транспортное средство, осуществляется реализация следующих мероприятий [1, с. 520]:

– ставится похищенное автомототранспортное средство на учет в рамках автоматизированной поисковой базе;

– оперативно перекрываются вероятные пути, по которым похищенное автомототранспортное средство может двигаться;

– составляются розыскные ориентировки, на которых указываются приметы подозреваемых, а также индивидуально-определенные признаки похищенного автомототранспортного средства;

– проверяются лица, которые получили ранее судимость за совершение аналогичного преступления, и дают посредством проявления своего поведения основания подозревать их в реализации такого деяния;

– наводятся справки по базам оперативных и справочных учетов;

– проводится проверка возможных мест «отстоя», а также где может переоборудоваться и сбываться похищенное автомототранспортное средство.

В ситуациях, когда субъект преступной деятельности уже был установлен, наиболее эффективным будет проведение обысков по месту жительства, по месту работы, для того, чтобы установить автомототранспортное средство, либо иные объекты, которые относятся к изучаемому событию преступления.

Как указывалось выше, для третьей следственной ситуации свойственно то, что было реализовано задержание подозреваемого, при этом транспортное средство не обнаружено. Такое возможно, в частности, при явке с повинной; либо когда получена информация относительно преступления, совершенного лицом, который подозревается в совершении иного преступления.

Соответственно, в качестве первоочередных действий, реализуемых следователем применительно к этой следственной ситуации, является розыск похищенного транспортного средства.

Алгоритм действий следователя в подобных ситуациях:

– допрашивается подозреваемый;

– допрашивается потерпевший;

– задерживается подозреваемый и осуществляется проведение его личного обыска;

– проводятся обыски по месту жительства и месту работы подозреваемого;

– обыскиваются места, где проживают знакомые и родственники подозреваемого и т.д.

При четвертой следственной ситуации: обнаружено похищенное транспортное средство, при этом не установлена информация о лице, которое его похитило [2, с. 305].

Наиболее важным мероприятием, проводимым в рамках подобной следственной ситуации, следует признать осмотр обнаруженного автомототранспортного средства, направленный на обнаружение, фиксацию и изъятие следов преступления.

Полагаем, чтобы установить и разыскать преступников по горячим следам, целесообразно осуществить следующие мероприятия:

– стоит применить служебно-розыскную собаку;

– проверить по базам оперативных и справочных учетов лиц, которые ранее совершали аналогичные преступные деяния, применяя при этом такие же способы;

– проверить обнаруженное транспортное средство по информационно-поисковой системе «Автопоиск» и ФИС ГИБДД «Автомобиль», «Розыск».

Возникновение пятой следственной ситуации – в случаях, когда осуществлено задержание и допрос подозреваемого, но он после этого скрылся.

В подобной ситуации крайне важно установить его местонахождение. Для этого осуществляется:

– немедленная рассылка розыскных ориентировок;

– наведение справок по оперативным и справочным учетам;

– оперативно перекрываются наиболее вероятные пути, по которым может двигаться преступник;

– организация наблюдения за лицами, которые подозреваются в соучастии данного преступления.

Нередко возникает необходимость в проведении и таких мероприятий, как: прослушивания телефонных переговоров; снятия информации с технических каналов связи и т.д.

После того, как была получена информация о том, где находится разыскиваемое лицо или автомототранспортное средство, в отношении их производится процедура оперативного наблюдения.

По сравнению со всеми выше рассмотренными следственными ситуациями, для шестой ситуации свойственен наиболее благоприятный характер. Подобная ситуация может возникнуть преимущественно в том случае, если преступник был задержан по горячим следам, или с поличным на месте преступления.

Что касается алгоритма действий, реализуемых применительно к каждой следственной ситуации, то можно представить его следующим образом, а именно:

– подозреваемое лицо подлежит задержанию, а также осуществляется проведение его личного обыска;

– подозреваемое лицо подлежит допросу;

– осматривается место, где произошло преступное деяние и место, где было обнаружено транспортное средство;

– допрашиваются свидетели;

– обыскиваются места, где проживают и работают задержанные, их знакомые и родственники;

– допрашивается потерпевший.

Оперативно-розыскные мероприятия в рамках подобной следственной ситуации проводятся для того, чтобы получить сведения относительно механизма реализации преступного деяния, а также об иных участниках преступления, и соответственно установить их местонахождение. Также в ходе проработки данной следственной ситуации, осуществляется проверка причастности задержанного лица к другим аналогичным преступлениям.

Огромное значение в процессе раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений играет выдвижение и разработка версий [3, с. 54].

Что касается хищений автомототранспортных средств, то наиболее часто в рамках первоначального этапа расследования, осуществляется выдвижение следующих общих типичных версий, а именно:

– имел место факт кражи автомототранспортного средства;

– имел место факт угона автомототранспортного средства;

– кража была инсценирована (к примеру, для получения страхового возмещения);

– хищение автомототранспорта не было, а имело место заблуждение владельца автомототранспортного средства (в частности, когда например, автомобилем воспользовался кто-то из родственников).

Учитывая следственные ситуации, в рамках первоначального этапа расследования, возможно выдвижение типичных частных версий, в частности: указывающие на личность преступника, его профессиональную и социальную принадлежность.

В качестве подобных версий, например, возможно выделить следующие версии:

– хищение автомототранспорта совершено лицом, не имеющим работы;

– хищение автомототранспорта совершено лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста;

– хищение автомототранспорта совершено лицом, ранее судимым за аналогичное преступное деяние, и др.

Также следователь может произвести выдвижение версий, относящихся к количественному составу, а также степени организованности лиц, которыми было совершено преступное деяние:

– хищение автомототранспорта совершено одним лицом;

– хищение автомототранспорта совершено группой лиц;

– хищение автомототранспорта совершено организованной преступной группой.

В том случае, если имела место явка с повинной, могут быть выдвинуты следующие частные версии, являющиеся наиболее типичными:

– хищение автомототранспорта действительно совершило лицо, которое явилось с повинной;

– хищение автомототранспорта совершило другое лицо, имеет место самооговор.

Подтвердив ту или иную версию, следователь сможет осуществить выдвижение новых версий при расследовании и определить круг дальнейших следственных действий и мероприятий, имеющих оперативно-розыскной характер, которые нацелены на то, чтобы установить истину по уголовному делу [4, с. 107].

В частности, если обнаружение транспортного средства было осуществлено в месте предполагаемого «отстоя, возможно выдвижение следующих версий:

– хищение автомототранспорта совершило лицо или группа лиц, которые вернутся к месту где хранится автомобиль по прошествии некоторого времени, чтобы его забрать;

– хищение автомототранспорта было инсценировано, чтобы получить страховую выплату.

Учитывая место, где было обнаружено транспортное средство (на улице, во дворе, на пустыре и т.п.), а также принимая во внимание его техническое состояние (обычное, аварийное и т.п.), а также учитывая время, прошедшее с момента хищения до его обнаружения, осуществляется выдвижение определенных версий относительно мотивов расследуемого события [5, с. 17]:

– владелец автомототранспортного средства инсценировал хищение своего транспортного средства для того, чтобы уйти от ответственности за совершенное им дорожно-транспортное происшествие;

– совершен угон автомототранспортного средства;

– имеет место покушение на хищение автомототранспорта, однако наступление преступного результата не произошло по независящим от преступников причин (закончился бензин, произошло возникновение технической неисправности автомобиля, которая препятствовала транспортировке и пр.);

– использование автомототранспортного средства происходило для совершения другого преступного деяния, и в дальнейшем было брошено.

Изучив ряд уголовных дел, возбужденных на территории Нижегородской области по факту хищения автомототранспортных средств, был выявлен ряд недостатков при выдвижении и проверки версий по уголовным делам. А именно, достаточно часто следователями осуществляется выдвижение ограниченного количества версий, не разрабатывая при этом альтернативные версии. Исходя из этого, происходит возникновение ситуации, когда следователями отдается предпочтение фактам, которые подтверждают выдвинутые ими версии, и при этом пренебрегают фактами, противоречащие им.

Стоит отметить, что недостаток времени и необходимых знаний, выступают в качестве серьезных препятствий для того, чтобы эффективно расследовать преступное деяние. Для того, чтобы оптимизировать следственную деятельность в подобных условиях, необходимо чтобы у следователя под рукой имелось наличие четких и конкретных рекомендаций. На наш взгляд, при совершенствовании методического обеспечения в целом, будет возможно повысить эффективность расследования рассматриваемых преступлений.

Список источников

1. Криминалистика : учеб. / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина, Е.П. Ищенко и др. М., 2000. 672 с.

2. Криминалистика : учеб. / под ред. Б.П. Смагоринского. Волгоград, 2015. 472 с.

3. Кулагин Н.И., Кравченко В.Г. Планирование и организация работы по сложным уголовным делам. Ростов-на-Дону, 1991. 58 с.

4. Воронцов А.В., Парфенов А.В. Направления совершенствования деятельности органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 104-108.

5. Андрухов В.А. Профилактика, выявление и раскрытие преступлений, связанных с кражами, угонами и легализацией транспортных средств, сотрудниками подразделений ГИБДД в Краснодарском крае // Вестник Краснодарского Университета МВД России. 2011. № 4 (14). С. 16-19.

УДК 343.98

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Тишутина Инна Валериевна
Профессор кафедры криминалистики
доктор юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье раскрываются причины совершенствования частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию в современных условиях всеобщей цифровизации и активного внедрения достижений научно-технического прогресса во все сферы жизни и деятельности общества и государства. Аргументируется зависимость развития положений теории, трансформации преступной деятельности по противодействию расследованию и деятельности правоохранительных органов по ее выявлению и преодолению от результатов НТП и скорости внедрения современных достижений в практику. Новый взгляд на отдельные положения теории и переосмысление существующих научных подходов, становятся закономерным результатом модификации ключевых технологий и позволяют обозначить перспективы развития теории в плане дальнейшего изучения форм, видов, способов и приемов противодействия расследованию и разработки методов и средств его выявления и преодоления.

Ключевые слова: частная криминалистическая теория, противодействие расследованию, цифровизация, выявление, преодоление, трансформация, методы, средства, приемы, информация, телекоммуникационные средства.

© Тишутина И. В., 2022

ABOUT SEPARATE DIRECTIONS OF MODERNIZATION OF PRIVATE CRIMINALISTIC THEORY OF OVERCOMING OBSTACLE TO INVESTIGATION

Tishutina I. V.

The article reveals the reasons for improving the private forensic theory of overcoming opposition to investigation in the modern conditions of universal digitalization and the active introduction of the achievements of scientific and technological progress in all spheres of life and activity of society and the state. The dependence of the development of the provisions of the theory, the transformation of criminal activity to counter the investigation and the activities of law enforcement agencies to identify and overcome it from the results of scientific and technical progress and the speed of introducing modern achievements into practice is argued. A new look at certain provisions of the theory and a rethinking of existing scientific approaches become a natural result of the modification of key technologies and allow us to outline the prospects for the development of the theory in terms of further studying the forms, types, methods and techniques of countering the investigation and developing methods and means to identify and overcome it.

Keywords: private forensic theory, counteraction to investigation, digitalization, detection, overcoming, transformation, methods, means, techniques, information, telecommunication means.

Происходящая в настоящее время модернизация глобальных жизненных процессов на основе повсеместной цифровизации неминуемо влечет изменения в развитии различных областей науки, в том числе наук уголовно-правового спектра. Криминалистика, как известно, является проводником науки в практику деятельности правоохранительных органов, и, соответственно, находится «на передовой» внедрения новейших достижений научно-технического прогресса в процесс раскрытия и расследования преступлений. В этой связи активно дискутируются в научных кругах вопросы как о совершенствовании, изменении системы науки в целом, так и о развитии ее отдельных теорий и учений. Очевидное влияние результатов внедрения новых информационно-телекоммуникационных и компьютерных технологий на предмет криминалистики, ее цели и задачи, содержание и структуру ее общей и частных теорий, дает почву для проведения актуальных научных исследований.

В аспекте такого всеобщего переформатирования, обратим внимание на частную криминалистическую теорию преодоления противодействия расследованию преступлений. Поэтапное развитие данной теории, обоснованное нами ранее [1; с. 50-84], безусловно, должно быть скорректировано в связи происходящими принципиальными изменениями в сущности противодействия расследованию, его формах и способах, а также средствах и методах его выявления и преодоления.

В рамках настоящего этапа, начало которого представляется целесообразным ассоциировать с внесением в уголовно-процессуальное законодательство РФ первых изменений, направленных на получение в рамках расследования информации из телекоммуникационных систем (ст. 186.1 УПК РФ), отмечаются суще-

ственные корректировки в рамках общей системы знаний частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию, касающиеся системы знаний о механизме противодействия расследованию и системы криминалистических рекомендаций по его выявлению, преодолению и предупреждению.

Цивилизация трансформируется, существенное изменение структуры информационной среды, появление новых способов распространения и передачи информации, изменение количества и качества ее восприятия потребителем, привели к тому, что сегодня практически каждый человек оставляет ежедневно в открытом доступе в сети огромное количество информации – по оценкам разных исследователей до 1,5 Гб. Обыденными становятся технологии, которые еще вчера казались недостижимыми.

Скорость развития всех информационных процессов в обществе и на разных направлениях внедрения современных и особенно цифровых технологий, что очевидно – колоссальна, она не просто в разы, а в десятки и сотни раз быстрее предыдущих этапов развития научно-технической революции. Согласно закону ускоряющейся отдачи, чем мощнее становится та или иная технология, тем большее ускорение в своем развитии она приобретает, демонстрируя экспоненциальный рост. Еще в 1993 году на симпозиуме VISION-21 Центра космических исследований NASA имени Льюиса и Аэрокосмического института Огайо был представлен доклад «Технологическая сингулярность», суть которого заключалась в том, что «грядут перемены, сравнимые с появлением человека на Земле, - развитие техники неизбежно приведет к созданию сверхмощного искусственного интеллекта, обладающего специфическим разумом.»[2; с. 15, 62]

Общество еще не готово к таким существенным трансформациям, но следует помнить, что все новейшие достижения моментально использует преступная среда. Сегодня отмечается не только появление новых видов преступной деятельности, но и принципиальное изменение способов давно известных преступных посягательств и в целом механизма, источников информации о них, обстановки, в которой реализуются действия. Преступность активно и наступательно использует новейшие достижения научно-технического прогресса: информационно-телекоммуникационные технологии, искусственный интеллект, технологии больших данных и т.п.

Соответственно, результатом цифровизации преступности в целом становится и трансформация способов и приемов противодействия расследованию, его механизма, свойств личности субъектов противодействия (в частности, мышление, речь, память, и др.), характера их поведения в целях противодействия расследованию. Закономерно в этой связи и изменение его признаков, а значит – источников информации о фактах противодействия.

Следовательно, в числе форм противодействия расследованию практически целесообразно рассматривать наряду с противодействием без воздействия на доказательственную информацию, воздействие

не только на вербальную и материально-отображаемую доказательственную информацию, их источники и носители, но и на цифровую доказательственную информацию, на ее источники и носители.

При этом, так как реализация форм противодействия осуществляется посредством применения конкретных способов, то и их система нуждается в коррекции с учетом проявления четвертой формы противодействия, необходимо и более глубокое их изучение с целью встраивания в многоуровневую классификацию.

Все очевиднее в современных условиях проявляется несостоятельность и нецелесообразность дифференциации противодействия на внутреннее и внешнее, в основу которой традиционно клали процессуальный статус субъекта, его осуществляющего и предполагающий, зачастую, вероятность обладания различным объемом информации по делу. Изменение подхода к классификации субъектов обусловливается существенным расширением возможностей доступа к доказательственной и иной информации именно ввиду специфики функционирования информационно-телекоммуникационных систем и обслуживания информационных баз накопления и хранения больших массивов информации. Все это лишний раз убеждает в том, что, как отмечалось нами ранее [3; с. 23], противодействие по своей сущности едино, имеет общую цель и реализуется общими способами и приемами, зачастую одинаково доступными с учетом современных ресурсов технических средств различным субъектам – как внутренним, так и внешним по отношению к процессу расследования. В то же время, следует признать, что возможности субъектов противодействия пользоваться преимуществами онлайн-пространства и беспрепятственно коммуницировать независимо от расстояний и территориальных границ требуют разработки и внедрения новых подходов, методов, средств выявления и преодоления противодействия расследованию и правового инструментария их применения.

Предметно касаясь системы криминалистических рекомендаций по выявлению, преодолению и предупреждению противодействия раскрытию и расследованию преступлений, необходимо отметить, что эффективность этой деятельности во многом зависит от того, насколько адекватными вызовам преступности цифровыми технологиями и методиками их применения вооружены правоохранительные органы. Сегодня средства и методы выявления и преодоления противодействия расследованию претерпевают существенные изменения, в частности, они касаются, как появления принципиально новых, так и совершенствования уже существующих за счет применения современных технических средств и технологий. В этой связи отметим, что в рамках следственных действий реализуются законодательные инициативы, расширяющие возможности субъекта расследования, в частности:

– использование в доказывании цифровых методов и средств (ст. 164.1 УПК РФ – Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий [4];

– закрепление возможности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189-1 УПК РФ)[5] и ряд иных.

В то же время, необходимо иметь ввиду и потенциальные возможности использования современных технологий - искусственного интеллекта и больших данных в целях повышения эффективности предупреждения, выявления и преодоления противодействия расследованию. Тем более, что обращение к информации системы «Безопасный город», видеонаблюдения в метро и местах массового скопления людей, результатам мониторинга социальных сетей и медиа отмечается сегодня практически по каждому уголовному делу. Перспективными направлениями в этом отношении выступают: использование возможностей компьютерного зрения (Computer Vision - CV) для распознавания и сравнения визуальных образов на фото- и видеоматериалах; отслеживание перемещений в режиме онлайн; создание фотороботов разыскиваемых лиц; диагностика противоречий в показаниях допрашиваемых лиц; мониторинг интернет-трафика и выявление подозреваемых и их связей по заданным параметрам в сети Интернет; перспективная аналитика – прогнозирование возможных сценариев развития преступной цепочки; анализ и обработка больших массивов информации с целью выборки по заданным параметрам; распознавание текста и автоматизация процесса документооборота.[6; с. 109-115]

Кроме того, серьезные задачи перед криминалистической наукой ставит появление и все более широкое распространение 3-D принтеров, позволяющих работать практически с любыми материалами, создавать абсолютно различные объекты, что актуализирует проблему выявления способов и приемов противодействия расследованию, подразумевающих использование подобных продуктов, соответственно – идентификации таких принтеров и материалов. Всеобъемлющие социальные сети и мессенджеры стимулируют разработку направления детальной персонализации человека по его поведению в сети.

Таким образом, одним из направлений развития криминалистической науки в современных условиях выступает совершенствование положений частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию, которое обусловливается трансформацией преступной среды, в том числе, за счет расширения использования возможностей современных компьютерных и телекоммуникационных технологий. И, как представляется, данная тенденция будет только усиливаться.

Список источников

1. Тишутина И.В. «Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности: организационные, правовые и тактические основы»: Дисс. … докт. юрид. наук. Москва, 2013. С. 50-84.

2. Курпатов А. Четвертая мировая война. Будущее уже рядом. Санкт-Петербург: Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2019.

3. Тишутина И.В. Противодействие в аспекте раскрытия и расследования бандитизма // Известия Тульского государственного университета. Серия: Актуальные проблемы юридических наук. Выпуск 16. Тула: Изд-во ТулГУ, 2006.

4. Федеральный закон от 27.12.2018г. № 533-Ф№ «О внесении изменений в ст.76.1 и ст. 145.1 УК РФ и УПК РФ» //Электронная правовая система «Консультант плюс» //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314650/

5. Федеральный закон №501-ФЗ от 30.12.2021 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Информационный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/

6. Тишутина И.В. Использование возможностей искусственного интеллекта в деятельности следователя // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 года) / Под общ. Ред. Д.Н. Кожухарика. Москва: Московская академия следственного комитета Российской Федерации, 2020.

УДК 343.98

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ СОТРУДНИКАМИ ГИБДД

Цыбульский Василий Васильевич

Заместитель директора по общим вопросам, преподаватель Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Эффективность расследования – это проблема, которая всегда актуальна, и которую следователь каждый раз стремится разрешить в ходе своей практической деятельности. Данная проблема встаёт и при расследовании коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД. Она решается посредством выявления особенностей, имеющих методологическое значение, то есть способных не только помочь в решении не только тактических, но и стратегических задач. Это является предметом рассмотрения данной статьи.

Ключевые слова: коррупционные преступления; сотрудники ГИБДД; оперативное взаимодействие; следственная тайна; выявление преступлений; стадия возбуждения уголовного дела

METHODOLOGICAL FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES COMMITTED BY TRAFFIC POLICE OFFICERS

Tsybulsky V. V.

The effectiveness of the investigation is a problem that is always relevant, and which the investigator strives to solve every time in the course of his practical activities. This problem also arises when investigating corruption crimes committed by traffic police officers. It is solved by identifying features that have methodological significance, that is, they can not only help in solving not only tactical, but also strategic tasks. This is the subject of this article.

Keywords: corruption crimes; traffic police officers; operational interaction; investigative secrecy; detection of crimes; stage of initiation of criminal proceedings

© Цыбульский В. В., 2022

Эффективность расследования часто зависит от качества деятельности по выявлению соответствующего преступления. Такая зависимость наблюдается, в частности, при расследовании коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД. При этом, важным здесь нельзя рассматривать только оперативно-розыскную деятельность, которая предоставляет сведения о совершении преступления или о том, что оно готовится. Важными являются также и следственные действия, с помощью которых фиксируется факт совершения преступления названного вида. Условием успеха в данном случае будет согласованность оперативно-розыскных действий и следственных, а также и иных процессуальных действий. В достижении такой согласованности состоит первая из встающих перед следователем при расследовании названных преступлений тактических задач. Процессуальные действия должны либо следовать сразу же после выполнения соответствующих оперативно-розыскных действий, либо даже параллельно. Длительный временной промежуток между ними, как правило, недопустим, поскольку может сделать недостижимой цель изобличения соответствующего виновного лица в совершении конкретного преступления. Промедление в этих случаях подобно ошибке с необратимыми последствиями. Это связано с тем, что коррупционер (коррупционеры) любую оплошность со стороны следователя и лиц, выявляющих преступление, стремятся обратить в свою пользу. Практика знает случаи, когда виновные в коррупционном преступлении пользовались промедлением настолько искусно, что следствие не получало никаких уличающих доказательств, и более того, процессуальные действия преподносились как проявление произвола со стороны правоохранительных органов.

В связи с такой особенностью вполне очевидным является то, что само названное взаимодействие должно носить особый, неформальный характер. Оно должно быть заранее спланированным и согласованным между следователем и лицами, наделёнными законом полномочиями на проведение оперативно-розыскной деятельности. Такое взаимодействие выходит за пределы действующего уголовно-процессуального законодательства и им не регулируется. Но, при этом, основным требованием к нему является требование законности, в соответствии с которым названное взаимодействие не должно нарушать действующее законодательство (причём, не только уголовно-процессуальное) [1]. Следует отметить, что имеются виды взаимодействия между следователем и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, которые регулируются действующим уголовно-процессуальным законодательством. Они предусмотрены в п. 4 и 4.1 ч. 2 ст. 38 УК РФ [2]. Это виды взаимодействия, осуществляемые по отдельному поручению следователя. Такое взаимодействие бывает необходимым для расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД, но лишь в отдельных ситуациях. В основном следователь нуждается в формах взаимодей-

ствия, способных обеспечить оперативность и быстроту в получении необходимой ему информации. Это формы взаимодействия, которые осуществляются без письменного поручения, поскольку это способно приводить к затягиванию по времени тех действий, которые должны совершаться максимально быстро [3, 4]. Такими формами является совместное со следователем планирование тактической операции по изобличению подозреваемых в коррупционных действиях лиц, действия в рамках устных поручений следователя, оперативное сопровождение совершаемых процессуальных действий органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Основной объём взаимодействия между следователем и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД, приходится, как правило, на стадию возбуждения уголовного дела. В соответствии со ст. 144 УПК РФ [5] на данной стадии, в ходе проверки сообщения о совершённом преступлении, выполняется ряд процессуальных действий. Среди этих действий особые надежды следователем обычно возлагаются на получение объяснений, производство осмотра места происшествия, исследование документов, имеющих отношение к совершённому преступлению. Данные следственные действия при расследовании рассматриваемых преступлений бывают результативными лишь в случаях если они проводились на основании информации, полученной в результате проведения оперативно-розыскных действий. В отдельных случаях они нуждаются также в оперативном сопровождении, которое обеспечивает гибкость в проведении названных процессуальных действий. При этом, период проверки сообщения о совершении преступления рассматриваемого вида, как правило, занимает непродолжительный срок. Это обусловлено использованием эффекта внезапности, который не может быть продолжительным. Этот эффект достигается посредством выполнения большой работы, которая выполняется с соблюдением негласных методов, конспиративно, так чтобы можно было получить необходимую информацию о совершённом деянии и причастности к нему соответствующего лица до определённого момента, когда полученные данные необходимо закрепить благодаря соответствующим процессуальным действиям. До вполне определённого момента по рассматриваемой категории преступлений сведения собираются в условиях конфиденциальности для того, чтобы гарантировать качество этих сведений. Эти сведения получаются посредством проведения оперативно-розыскной деятельности, часть которой проводится за пределами уголовного процесса, ещё до стадии возбуждения уголовного дела, до обращения с сообщением к следователю.

Основная масса данных о совершении коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД обычно уже бывает известна на стадии возбуждения уголовного дела [6]. На стадии предварительного расследования следователь занят, по преимуще-

ству, тем, что трансформирует ранее полученные данные (в том числе, полученные посредством оперативно-розыскной деятельности) в доказательства, изобличающие виновных в совершении преступления лиц [7]. В связи с этим, можно говорить о том, что стадия возбуждения уголовного дела для расследования рассматриваемых преступлений имеет не вспомогательное, а основное значение, поскольку благодаря полученным в ходе неё данным имеется возможность в последующем, в ходе предварительного следствия, создать систему доказательств, изобличающую виновных лиц. Некоторые из значимых доказательств следователь получает уже в ходе стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому следователь уже на стадии возбуждения уголовного дела должен иметь достаточно чёткий план своих действий, хорошо понимать то, какие задачи он должен решить и к каким тактико-криминалистическим средствам должен прибегнуть. На стадии возбуждения уголовного дела он уже должен знать обстоятельства совершения преступления рассматриваемого вида. В связи с этим встаёт вопрос о том, чтобы рекомендации по проведению процессуальных и иных, предусмотренных ст. 144 УПК РФ, действий охватывались соответствующей частной криминалистической методикой. Это способствовало бы обеспечению единства деятельности по установлению соответствующего события преступления и виновности в его совершении лиц, причастных к нему. Она должна охватывать не только следственные действия, но и соответствующие оперативно-розыскные мероприятия, благодаря которым получается необходимая для установления истины информация (причём, не только доказательственная).

Также следует отметить и другую проблему, которую ставит перед теорией расследования практика. Состоит она в том, что успех расследования во многом зависит от выявления коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД. Но выявление этих преступлений происходит ещё задолго до стадии возбуждения уголовного дела, до поступления к следователю сообщения об их совершении, то есть ещё за пределами уголовного процесса. От правильности проведения действий по выявлению преступлений названного вида во многом зависит успех всего последующего расследования, в частности, возможность использования оперативно-розыскной информации для получения доказательств. В связи с этим, вопросом, который ставится практикой перед теорией расследования является вопрос о том, чтобы частная методика расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД, охватывала также оперативно-розыскные действия за пределами уголовного процесса, поскольку от успеха их проведения во многом зависит возможность изобличить виновных лиц в совершении преступления названного вида. Практика уже и так фактически рассматривает названные оперативно-розыскные действия частью деятельности по изобличению лиц, виновных в совершении коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД.

То есть, она рассматривает названные действия, как часть единой системы деятельности по осуществлению правосудия, одним из важных элементов которого является разоблачение виновных в совершении преступления рассматриваемого вида. В связи с этим практика ждёт от теории ответа, который должен заключаться в том, чтобы включить рекомендации о проведении всех оперативно-розыскных действий в систему соответствующей частной криминалистической методики расследования. Это могло бы позволить сделать такую методику эффективным средством для установления обстоятельств совершения названных преступлений, позволило бы уже на момент выявления преступлений ориентироваться не только на установление имевших место обстоятельств, но и на то, как они смогут быть обоснованными в ходе предварительного расследования.

Ещё одной особенностью расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД, является противодействие, которое оказывается следователю лицами, которые не заинтересованы в установлении истины. Такими лицами могут быть не только сами сотрудники, виновные в совершении соответствующего преступления, но и конкретные руководители подразделений ГИБДД, которые желали бы не портить показатели деятельности вверенного им коллектива. Также оказывать противодействие могут и коллеги виновного в совершении преступления рассматриваемого вида по причине неверно понимаемого товарищества, чувства локтя. Но основным лицом, которое стремится оказать максимально эффективное противодействие является сам виновный в совершении коррупционного преступления [8]. Противодействие, оказываемое расследованию рассматриваемых преступлений, намного превосходит противодействие при расследовании других коррупционных преступлений, когда изобличаемое лицо не является сотрудником правоохранительных органов и не имеет специальных юридических познаний. Это обусловлено тем, что сотрудник ГИБДД хорошо знает не только свои полномочия, не только практику деятельности органов ГИБДД, но и то, какие средства и методы обычно используются при выявлении и раскрытии коррупционных преступлений. Это позволяет ему определить и реализовать в своих действиях наиболее оптимальную линию поведения, способную создать видимость его непричастности к совершённому преступлению. Имеющиеся у него знания и определённый опыт позволяют ему быстро и часто правильно оценивать складывающуюся обстановку и своевременно предпринимать действия создающие препятствия в установлении значимых обстоятельств совершения преступления.

Противодействие начинает оказываться уже при выявлении коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД, когда соответствующим незаинтересованным в расследовании лицам становится известно об этом. Противодействие оказывается уже проводимым оперативно-розыскным мероприятиям, с тем чтобы не было получено достаточно данных для сообщения о совершении

преступления следователю [9]. Но, как показывает практика, наибольшее по силе и эффективности противодействие оказывается на стадии возбуждения уголовного дела и на начальном этапе предварительного расследования, когда конфиденциальные оперативно-розыскные мероприятия сменяются гласными оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями. В связи с этим, частная криминалистическая методика должна уделять особое внимание названной стадии и названному этапу предварительного расследования. Для преодоления названного противодействия важным является взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, даже после того, как уже была получена вся необходимая для решения тактических и стратегических задач информация [10]. Данное взаимодействие должно использоваться для обеспечения объективного анализа конкретных следственных ситуаций, для определения намерений лица, оказывающего противодействие расследованию. Следователь благодаря такому взаимодействию получает возможность прогнозировать противодействие, которое оказывается и которое планируется оказывать. Это становится основой для принятия решения о совершении действий, с помощью которых можно преодолеть названное противодействие расследованию. Меры по преодолению противодействия должны предприниматься уже на стадии возбуждения уголовного дела и на начальном этапе предварительного расследования.

Для обеспечения эффективности следственных действий при расследовании коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД, необходимо оперативное сопровождение [11]. Особенно оно необходимо для тех следственных и процессуальных действий, которые проводятся на стадии возбуждения уголовного дела и на начальном этапе предварительного расследования [12]. Это обусловлено, как уже было сказано выше, интенсивно оказываемым противодействием со стороны лиц, которые не желают установления истины и достижения справедливости в ходе проводимого уголовного процесса [13]. Задачей такого сопровождения является обеспечение следователя в режиме реального времени информацией о намерениях незаинтересованных в истине лиц помешать в получении достоверных доказательств, в создании препятствия к выполнению действий, негативно влияющих на проводимое следственное действие. Такое сопровождение позволяет следователю своевременно корректировать свои действия в зависимости от изменения следственной ситуации и даже в упреждение негативного воздействия отдельных факторов. Это позволяет гарантировать достижение поставленных перед соответствующим следственным или иным процессуальным действием цели. Оперативное сопровождение позволяет обеспечивать своевременное, качественное решение встающих тактических задач.

Важным тактико-криминалистическим средством предупреждения противодействия является использование следственной тайны [14]. Благодаря ей следователь имеет возможность сделать недо-

ступной ту информацию, которая может быть использована для обеспечения эффективности противодействия расследованию. При этом, часто бывает необходимым продумать какую информацию можно сделать доступной для всех желающих её получить, а какую сделать закрытой, применив положения ст. 161 УК РФ о следственной тайне. Часто такой избирательный подход в определении того, что должно быть по конкретному уголовному делу следственной тайной способен ввести в заблуждение лиц, не желающих того, чтобы были установлены все обстоятельства совершения соответствующего коррупционного преступления, совершённого сотрудниками ГИБДД. Он способствует тому, что посредством неверных умозаключений названные лица начинают создавать свою реальность расследования далёкую от того, что в действительности имеет место быть. Это приводит к действиям, которые на самом деле не приносят никакого вреда проводимому расследованию. Таким образом противодействие теряет эффективность и превращается пустые, беспредметные действия. Такое использование следственной тайны является достаточно эффективным тактическим приёмом, особенности применения которого зависят от особенностей соответствующего расследования.

Все названные особенности расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД, имеют методологическое значение. Более того, они являются методологической основой расследования названных преступлений. Благодаря им следователь уже на стадии возбуждения уголовного дела знает то, какие действия ему следует предпринять, чтобы решить встающую тактическую задачу, они позволяют также избежать возможных ошибок, которые могут негативно отобразиться на результатах проводимого расследования.

Список источников

1. Филиппов В.В. Практическое взаимодействие следственных органов и оперативных подразделений органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений / В.В. Филиппов // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 373-375.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Подольный Н.А. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, - эффективное средство оптимизации предварительного расследования / Н.А. Подольный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 254-260.

4. Подольная Н.Н. Взаимодействие следователя с органами дознания и следственная тайна в ходе расследования должностных преступлений коррупционной направленности / Н.Н. Подольная // Механизм противодействия коррупции и развития антикоррупционного законодательства в России и за рубежом: сборник научных статей по материалам региональной научно-практической конференции / под общей редакцией Б.М. Магомедова: Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Ростов-на-Дону, 2020. С. 181-185.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (изм. и доп. на 30 декабря 2021 г.) [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // СЗ РФ. 2001. №52 (часть I). Ст. 4921.

6. Подольный Н.А. Быть или не быть стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России / Н.А. Подольный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 138-151.

7. Подольный Н.А. Подготовительный к расследованию этап - этап формирования информационной основы раскрытия и расследования преступлений / Н.А. Подольный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4 (15). С. 249-257.

8. Подольный Н.А. Критерий разумности получения заключения эксперта при проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении / Н.А. Подольный // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2020. № 1 (15). С. 13-19.

9. Екимцев С.В. Взаимодействие оперативных сотрудников и следователей при реализации оперативно-розыскной информации / С.В. Екимцев // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 84-91.

10. Шувалов А.П. О некоторых вопросах взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений / А.П. Шувалов, Д.А. Сошнева, Н.Р. Шайдуллина // Закон и право. 2020. № 10. С. 176-178.

11. Климова М.И. Понятие оперативно-розыскного сопровождения / М.И. Климова // Вестник современных исследований. 2018. № 12.6 (27). С. 86-88.

12. Бадашин, Д.С. Оперативное сопровождение при расследовании уголовных дел / Д.С. Бадашин // Экономика и социум. 2020. № 4 (71). С. 177-183.

13. Монгуш А.С.О. К вопросу об оперативном сопровождении уголовных дел подразделениями уголовного розыска/ А.С.О. Монгуш, А.Х.Э.О. Ондар // Вестник Тувинского государственного университета. №1 Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 2 (60). С. 6-13.

14. Подольный, Н.А. Следственная тайна - общее условие предварительного расследования и тактико-криминалистическое средство установления обстоятельств совершения преступления / Н.А. Подольный // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 164-172.

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ЗНАЧИМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Чернопёров Алексей Александрович
ФГКО ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

В статье анализируются особенности следственных ситуаций при расследовании преступлений, совершённых в виртуальной среде с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и возможности получения следственно значимой информации как с применением методов традиционной криминалистики, так и специальных методов, применимых только к компьютерным преступлениям.

Ключевые слова: виртуальный мир, виртуальная реальность, метавселенная, информационно-телекоммуникационные технологии, компьютер, сеть, криминалистика, специальные методы, расследование, цифровые следы, распределённые вычисления.

© Чернопёров А. А., 2022

FEATURES OF THE USE OF INFORMATION FROM THE VIRTUAL ENVIRONMENT WHEN ESTABLISHING SIGNIFICANT CIRCUMSTANCES IN A CRIMINAL CASE

Chernopiorov A. A.

The article analyzes the features of investigative situations in the investigation of crimes committed in a virtual environment using information and telecommunications technologies and the possibility of obtaining investigative information using both traditional forensic methods and special methods applicable only to computer crimes.

Keywords: virtual world, virtual reality, metaverse, information and telecommunication technologies, computer, network, criminalistics, special methods, investigation, digital traces, distributed computing

Происходящая в настоящее время цифровая трансформация общества, в ходе которой люди привыкают к обыденному использованию средств вычислительной техники, требует внимания со стороны практиков и законодателя. Персональные компьютеры и другая техника, использующая процессоры для проведения большого объёма вычислений, перестала восприниматься или как игрушка, или как предмет роскоши и перешла в разряд рабочего инструмента, необходимого также, как необходим автомобиль для перемещений в условиях значительных расстояний.

Объединение устройств в сети, визуализация происходящих в них процессов в виде воспринимаемых человеком образов создало особую среду, которая существует и развивается независимо от воли отдельных пользователей вычислительных устройств. Такую среду принято называть «виртуальной средой». В 2021 году крупные компании (Marvel, Sony, Facebook и другие), работающие в цифровом мире, заявили о создании «Метавселенной» - виртуального мира, где люди, действуя от имени своих аватаров «живут», «работают» и «отдыхают». Причём рост масштабов вовлечённости пользователей настолько высок, что доходы от участия в метавселенной для лидеров этой цифровой отрасли становятся основными.

Понятие «виртуальная среда» нормативного определения не имеет.

Федотов М.А. предлагает определить «виртуальное пространство», «киберпространство» как совокупность 3 составляющих: «…1) цифровой технологии, позволяющей переводить любую информацию на язык бинарного кода и таким образом уравнивающей фонограмму и телепередачу, кинофильм и фотографию, графику и текст и т.д.; 2) высокоскоростных линий связи, позволяющих одновременно передавать миллионы сообщений в разные пункты назначения; 3) компьютерной техники». [2].

В физическом мире вся информация, обрабатываемая с помощью цифровых устройств, представлена в виде бинарных последовательностей, которые хранятся на материальных носителях или обрабатываются в оперативной памяти отдельных устройств или компьютерных сетях. Непосредственно человеком такая информация на

сегодняшний день воспринята быть не может, в связи с чем между «виртуальным миром» и человеком должен быть обязательный посредник в виде электронно-вычислительного устройства, которое прочитает такую информацию, интерпретирует её с использованием заложенных в него алгоритмов и представит органам чувств человека сформированные по этим алгоритмам образы – текст, звук, изображения или видео, тактильные ощущения и так далее.

Как представляется, именно наличие такого посредника осложняет работу с доказательствами, добытыми по уголовным делам о преступлениях, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, регламентируя работу с доказательствами, требует их непосредственного восприятия участниками процесса. В ходе следственного эксперимента, например, следователь, руководствуясь ст. 181 УПК РФ [3], вправе, для проверки и уточнения данных, значимых для уголовного дела, провести это следственное действие «путём воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события» [К+]. Буквальная трактовка данного положения, подразумевает выполнение определённых действий в материальном мире и с материальными объектами, но не выполнение определённого кода, запуск конкретного приложения на конкретном устройстве, совершение определённых действий в метавселенной. Приведённое утверждение подлежит обсуждению, но, вряд ли кто-то не согласится с тем, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство нуждается в обновлении терминологии.

В текущих же условиях необходима разработка наиболее эффективных способов сбора доказательственной информации, которые бы основывались на действующих нормах права. Важно собрать весь объём доказательств, используя все доступные способы.

Сбор информации может осуществляться как традиционными методами, известными ещё со времён Ганса Гросса, так и специальными, которые применимы только к расследованию преступлений, совершённых с использованием компьютерной техники.

Большой объём информации может быть получен в рамках проведения уполномоченными органами оперативно-разыскных мероприятий в соответствии с требованиями закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4], причём не только в рамках расследования конкретного уголовного дела. В числе таких мероприятий, должны быть упомянуты общие: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент и специальные: снятие информации с технических каналов связи (применительно именно к сетям передачи данных) и получение ком-

пьютерной информации. Сотрудники органов дознания, особенно подразделений, специально созданных для выполнения технических мероприятий, обрабатывают огромные массивы информации, выявляя, пресекая, предотвращая совершение компьютерных преступлений. Порядок предоставления такой информации следователю также строго регламентирован и, при условии его соблюдения, добытая информация может наравне с другой быть надёжным доказательством по уголовному делу. Ценность эффективного взаимодействия следователя и оперативных подразделений состоит ещё и в том, что следователь получает уже структурируемую информацию, относящуюся к конкретному преступлению, включая результаты исследований и экспертиз. Кроме того, техническое оснащение и полномочие органов, осуществляющих оперативно-разыскные мероприятия, значительно шире.

Несмотря на то, что преступления рассматриваемой категории совершаются внутри «виртуального мира» следователю важно получить максимум информации о том, как эти события воспринимались участниками произошедшего в мире реальном.

Источником такой информации будут показания потерпевших, свидетелей, предоставленные ими снимки экранов, копии переписки, записи с камер видеонаблюдения, в поле зрения которых попадают мониторы компьютеров и их устройства ввода/вывода (клавиатура, мышь, принтер, сканер и другие) которые были изготовлены до момента возбуждения уголовного дела и зафиксировали динамику развития того или иного процесса.

Так, в ходе допроса потерпевшего обязательно должны быть выяснены обстоятельства его выходов в сеть Интернет, используемое для этого оборудование, поставщик услуг, приватность подключения, сложность паролей и хранение их в недоступных для третьих лиц местах. В том случае, если потерпевший взаимодействовал с лицом, совершившим преступление, важно получить сведения об особенностях поведения последнего, признаках внешности, обстановке, которая окружала преступника. Также потерпевший предоставляет известные ему сведения о технических средствах, использованных при совершении в отношении него преступления: скорость соединения, идентификатор устройства, полученная техническая информация. Важными сведениями обладают и должны быть допрошены в качестве свидетелей лица, обслуживающие телекоммуникационное оборудование как на стороне потерпевшего, так и на стороне подозреваемого (настройки сети, ведение технических протоколов соединений, сведения об идентификаторах устройств, выходивших в сеть, уровень защиты).

Безусловно информативным является следственный осмотр. Осмотру подлежит место, где находился потерпевший в момент совершения в отношении него преступления, место, где находился подозреваемый, места, где находятся узлы сети, через которые осуществлялась связь, другие места, в соответствии со следственной

ситуацией. В контексте данной статьи следует отметить, что помимо сбора традиционных следов, в таких местах важно получить информацию о состоянии радиоэлектронной обстановки (возможность использования для выхода в сеть базовых станций операторов сотовой связи или терминалов спутниковой связи), наличии линий связи, наличие коммуникационного оборудования (роутеры, маршрутизаторы) или следов их установки, записи с логинами, паролями, номерами телефонов, договоры об оказании услуг связи, носители информации.

Второй, больший по объёму, но недостаточно оцененный и недостаточно используемый источник – цифровые данные, которые обрабатывались непосредственно при совершении преступления, а также сопутствовали обмену информацией.

Так, например, показания потерпевшего о том, что для выхода в сеть Интернет использовался смартфон через установленный по месту жительства Wi-Fi роутер могут быть подтверждены результатами осмотра и/или компьютерно-технической экспертизы самого смартфона и роутера. В памяти роутера (в зависимости от модели и настроек) может быть обнаружено довольно много информации, такой как имя беспроводной сети, её видимость, защищённость, список устройств, которые получали доступ в сеть через указанную сеть, настройки подключения к сети Интернет и настройки локальной сети. Также в памяти устройства может быть обнаружен файл, содержащий сведения об ошибках подключения. При осмотре смартфона в рассматриваемом случае будут обнаружены сведения о имевшихся подключениях через сеть, имя которой прописано в роутере, настройки, позволяющие подключаться к сети (тип шифрования, открытая или закрытая сеть, пароль), приложения, которые имеют доступ в сеть, антивирусные продукты, средства шифрования и другие. В зависимости от модели смартфона и используемой на нём операционной системы, на устройстве могут быть обнаружены файлы, обмен которыми осуществлялся, снимки экрана, созданные в процессе обмена информацией пользователем или системой. Дополнительная информация может быть получена из лог-файлов со сведениями об обстоятельствах работы операционной системы, ошибках системы и отдельных приложений.

И наоборот, версия подозреваемого о том, что он не пользовался связью с определённого устройства или из определённого места может быть опровергнута наличием на них указанных выше сведений. Часто, для сокрытия следов совершённого преступления злоумышленник сбрасывает устройство к заводским настройкам, что делает невозможным обнаружение на нём сведений за период времени, относящийся к преступлению. Но сам факт сброса может быть легко установлен как экспертным путём по сведениям о дате установки операционной системы и её жизненном цикле, так и путём осмотра имеющихся на устройстве файлов (отсутствие, например, сведений о звонках и соединениях, сообщений, фотографий, создан-

ных ранее определённой даты). Кроме того, следы активности могут быть обнаружены в памяти устройств - посредников, а также у поставщика услуг связи.

В тех же случаях, когда преступные действия совершены именно в виртуальной среде (хищение игровых артефактов, незаконный доступ к игровому аккаунту, оскорбление в многопользовательской игре), ситуация значительно усложняется, как при квалификации действий, так и при расследовании.

Реалии сегодняшнего времени таковы, что люди из реального мира тратят значительные ресурсы (время, ресурс компьютера, реальные деньги) на развитие игровых персонажей, покупку особых игровых предметов – так называемых «артефактов», улучшающих качества виртуального героя. Следовательно, в случае уничтожения или хищения таких предметов или утраты доступа к самому персонажу в виртуальном мире причиняется материальный и моральных ущерб человеку в реальном мире.

В средствах массовой информации содержатся описания даже случаев суицида, совершённого игроками после того, как они лишались своих виртуальных персонажей или имущества.

При этом не всё так однозначно. Правила игрового сообщества или подраздела виртуальной вселенной могут разрешать или даже поощрять как тайное, так и открытое хищение чужого имущества, в играх могут даваться соответствующие задания. Поэтому, для правильной оценки произошедшего, важно с участием специалиста (обозревателя игр или грамотного игрока) осуществить вход в определённый раздел определённой игровой вселенной, о котором говорит потерпевший, дать оценку принципиальной возможности существования похищенного, его стоимость, а также не могло ли указанное имущество или персонаж в целом быть утрачены или отторгнуты не в следствии преступных действий.

Большинство организаторов и владельцев многопользовательских игр обеспечивают логирование (ведение электронного журнала произведённых действий и произошедших событий) и оперативное рассмотрение претензий игроков во внесудебном порядке. В этом случае возникает резонный вопрос – проводить ли аналогию и квалифицировать содеянное как преступление, совершённое в момент хищения, либо, так как имущественного вреда причинено не было, оценивать только моральный вред, подлежащий возмещению в гражданско-правовом порядке.

Требуется разработка методик изъятия цифровых следов по преступлениям, совершённым в виртуальной реальности, так как существующие сегодня методы связывают следы с материальным носителем.

В реальности же, большинство цифровых сервисов, используя технологии распределённых вычислений, не привязывают данные к какому-либо конкретному центру обработки данных или серверу, элементы систем могут находиться на разных континентах. А дан-

ные могут длительное время обрабатываться только в энергозависимой оперативной памяти и не быть зафиксированными на носителях информации. Это же обстоятельство осложняет и получение данных от владельцев сервисов, что связано с особенностями законодательства других стран, длительностью реализации процедур направления запросов о правовой помощи и получения ответов. Следует также отметить, что не только в нашей стране, но и в мире в настоящее время отсутствует чётко выстроенная система норм и методов, которая позволила бы правоохранительным органам пресекать преступления в цифровой среде без необходимости поиска решения применительно к каждому инциденту.

Подводя итог, следует отметить, что нормы права существенно отстают от реалий, связанных с использованием цифровых ресурсов, появившейся и развивающейся в виртуальной реальности метавселенной и совершения в ней преступлений. Однако, данное обстоятельство не свидетельствует о невозможности проведения следственных действий и собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях, которые совершены в цифровом пространстве и не имеют следов в материальном мире. До принятия законодателем необходимых норм или приведения в актуальное состояние имеющихся, необходимо с использовать комбинации установленных процессуальным законом следственных действий с целью максимального полного сбора и фиксации доказательственной информации.

Список источников

1. Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет / Колычева А.Н. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Москва, 2018. 199 с.

2. Федотов М.А. Киберпространство как сфера обитания права // Бюллетень по авторскому праву. 1999. Т. XXXII. № 1. С. 21-30; текст: электронный / http://www.unescochair.ru/?rand=393936&lang=rus&chapter=3&perpage=10, дата доступа 13 января 2022 года.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК РФ : Текст с изменениями и дополнениями на 30 декабря 2021 года, [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года, одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». Текст: электронный. Дата доступа 10 февраля 2022 года.

4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года. Текст с изменениями и дополнениями на 30 декабря 2021 года, [принят Государственной Думой 05 июля 1995 года]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». Текст: электронный. Дата доступа 10 февраля 2022 года.

УДК 343.98

О ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ЭКСПЕРТОВ

Чулахов Владислав Николаевич
Начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований, доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье поднимается проблема подготовки специалистов для экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, специфика работы которых определяется задачей оказывать содействие следственным и оперативным подразделениям в раскрытии и расследовании преступлений, что оказало влияние на функциональное содержание их деятельности. На них одновременно возложены обязанности экспертного обеспечения предварительного расследования и технико-криминалистического сопровождения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Указанная особенность должна обязательно учитываться при подготовке кадров для экспертно-криминалистических подразделений.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, технико- криминалистическое сопровождение, подготовка экспертов.

ABOUT TECHNICAL AND FORENSIC TRAINING OF EXPERTS

Chulakhov V. N.

The article raises the problem of training specialists for forensic units of the internal affairs bodies, the specifics of which are determined by the task of assisting investigative and operational units in the detection and investigation of crimes, which has influenced the functional content of their activities. At the same time, they are charged with the duties of expert support for the preliminary investigation and forensic support of investigative actions and operational search activities. This feature must be taken into account when training personnel for forensic units.

Keywords: forensic support, technical and forensic support, training of experts.

Сложилось так, что в нашей стране государственные судебно-экспертные учреждения рассредоточены по разным ведомствам, основная деятельность которых зачастую связана с использованием специальных знаний, востребованных и имеющих значение для следствия и суда, а потому имеющим в своем штате специалистов (экспертов) соответствующего профиля. Специфика же задач, решаемых такими ведомствами, предопределила специфику деятельности созданных при них судебно-экспертных учреждений, что соответственно должно учитываться при подготовке экспертных кадров.

Специфика работы судебных экспертов в системе органов внутренних дел определяется задачей оказывать содействие следственным и оперативным подразделениям в раскрытии и расследовании преступлений, что оказало влияние на функциональное содержание их деятельности. На них одновременно возложены обязанности экспертов и специалистов (криминалистов). Первая обязанность выражается в экспертном обеспечении предварительного расследования, т.е. сотрудники в качестве экспертов выполняют экспертизы по заданию следователей (дознавателей), обеспечивая тем самым доказатель-

© Чулахов В. Н., 2022

ственную базу по расследуемым уголовным делам. Не менее важна и не меньше по объему и содержанию вторая часть их работы в качестве специалистов, заключающаяся в криминалистическом обеспечении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (отсюда и название службы «экспертно-криминалистическая»). В криминалистическую обязанность в основном входят: участие в производстве следственных действий, в первую очередь мест происшествий, с целью обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования следов; участие в оперативно-розыскных мероприятиях путем применения технико-криминалистических средств и проведения исследований в оперативных целях; ведение и использование в целях раскрытия преступлений экспертно-криминалистических учетов по следам и объектам, собранным в процессе расследования и прошедшим экспертное исследование и др.

Такое наделение экспертов функцией специалистов видится обоснованным и оправданным. По степени профессиональной подготовленности для технико-криминалистического сопровождения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий они подготовлены лучше, чем те же следователи, дознаватели, оперативные сотрудники. Многие из экспертов имеют допуска по производству криминалистических экспертиз традиционных видов (по чаще всего изымаемым с мест происшествий следам рук, ног, трасологическим и баллистическим объектам и др.), в связи с чем лучше владеют навыками их обнаружения и фиксации, предварительного исследования.

Если соотнести эти два направления экспертно- криминалистической деятельности по значимости для расследования, то основополагающим здесь является этап поиска и собирания следов. Если по уголовному делу следы не будут найдены, а также в случае их некачественного обнаружения и изъятия, следующие этапы работы с доказательствами будут как максимум бесполезны. Важен также этап криминалистической регистрационной работы с обнаруженными и исследованными следами, заключающейся в постановке следов на учет, проверке следов по учету и последующей работе с учетными данными, что в конечном итоге позволяет установить лицо, совершившее преступление, особенно при расследовании преступлений прошлых лет. Этап же экспертного исследования в технологической цепочке «от следа к установлению преступника» является лишь составной частью работы с доказательствами.

Указанная особенность в работе экспертов должна обязательно учитываться при подготовке кадров для экспертно- криминалистических подразделений ОВД. Поэтому в отличие от гражданских вузов в вузах системы МВД, в которых готовят экспертов, кроме базовой экспертной подготовки, включающей в себя обучение методикам производства традиционных видов криминалистических экспертиз, предусмотрена дополнительная технико-криминалистическая подготовка будущих экспертов. На это направлен целый комплекс учебных дисциплин.

В первую очередь это изучение базовой дисциплины «Криминалистика» с акцентом на раздел криминалистической техники, который преподается в большем объеме по сравнению с другими разделами курса, а также криминалистическую тактику проведения отдельных следственных действий, в особенности осмотра места происшествия, участие в нем специалиста-криминалиста и взаимодействие с другими участниками расследования.

Специально посвящена освоению технико-криминалистической деятельности эксперта дисциплина «Участие специалиста в процессуальных действиях», основную часть которой составляют практические занятия. Главное внимание при изучении этой дисциплины обращается на выработку навыков осмотра места происшествия как основного источника доказательств. Обучение этому происходит в несколько этапов. В первую очередь это обучение навыкам обнаружения следов различных видов (рук, ног, орудий взлома, транспортных средств и др.), технике и тактике поиска таких следов на месте происшествия, обучение правилам изъятия и упаковки, методам предварительного исследования. На следующем этапе происходит освоение общих положений тактики и техники осмотра места происшествия, а также особенностей осмотров мест происшествий различных видов – убийств, краж, разбойных нападений и др.

Еще одна дисциплина из блока криминалистических предусмотрена в конце всего обучения после освоения предусмотренных учебной программой экспертиз. Эта дисциплина получила название «Экспертно-криминалистические учеты», в соответствии с которой обучающиеся знакомятся с правилами ведения и возможностями использования данных видов учетов в раскрытии и расследовании преступлений.

Такая криминалистическая подготовка для будущих экспертов органов внутренних дел более чем необходима. В последнее время в технико-криминалистическом обеспечении осмотров мест происшествий ситуация сильно изменилась. В связи с появлением возможности использования новых видов следов, новых средств и методов обнаружения традиционных следов деятельность по осмотру места происшествия превратилась во все более специфический вид криминалистической деятельности, требующей основательной специальной подготовки. Это работа со следами наркотических средств и веществ, электронных и цифровых следов, следов ДНК и других, которые требуют особого подхода и дополнительных специальных знаний. Это все в полной мере относится к технико-криминалистическому сопровождению других следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В заключение следует остановиться на практической проблеме сегодняшнего дня, связанной с затронутой темой. С увеличением доли специальных экспертных исследований в штате экспертно-криминалистических подразделений возросло количество специалистов некриминалистического профиля – экономистов, фоноскопи-

стов, автотехников, химиков и других, имеющих базовое неюридическое образование, которые по своим функциональным обязанностям также обязаны выезжать на места происшествий. И качество их работы на месте происшествия оставляет желать лучшего. Не имея должной криминалистической подготовки, они сталкиваются с определенными субъективными сложностями при обнаружении и фиксации следов. В связи с этим появилась необходимость введения допуска к участию эксперта в осмотре места происшествия в качестве специалиста, других следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях. В учебных заведениях системы МВД таким своеобразным допуском является экзамен по дисциплине «Участие специалиста в процессуальных действиях».

Эксперты министерства внутренних дел по возможности отреагировали на эту ситуацию (при позволительной штатной численности), разделившись на тех, кто только производит экспертизы и исследования, и тех, кто лишь выезжает на места происшествий в качестве специалистов. Конечно, к осмотрам мест происшествий лучше подготовлены эксперты, которые закончили соответствующие ведомственные учебные заведения и имеют базовую криминалистическую подготовку и допуска к семи традиционным криминалистическим экспертизам. Здесь прослеживается следующая закономерность: чем специалист глубже разбирается в экспертизе следов определенного вида и владеет методикой их экспертного исследования, тем он качественнее проводит работу по их обнаружению, фиксации и изъятию на месте происшествия. Но, к сожалению, таких специализированных кадров выпускается не так много.

УДК 343.98

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ИЗУЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Чулахов Владислав Николаевич
Начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований, доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Трущенков Игорь Владимирович
Старший преподаватель кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований, кандидат юридических наук Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье рассматриваются возможности использования криминалистического тренажёра CSI VR в обучении тактике поиска следов на месте происшествия. Представленная система открывает новые возможности обучения криминалистике и другим дисциплинам экспертной специальности в виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, образование, инновации, CSI VR.

© Чулахов В. Н., Трущенков И. В., 2022

VIRTUAL REALITY IN THE STUDY OF CRIMINALISTICS

Chulahov V. N., Trushchenkov I. V.

The article discusses the possibilities of using the CSI VR forensic simulator for teaching the tactics of traces searching at the crime scene. The system presents new opportunities for teaching criminalistics and other disciplines of an expert specialty in virtual reality.

Keywords: virtual reality, education, innovation, CSI VR.

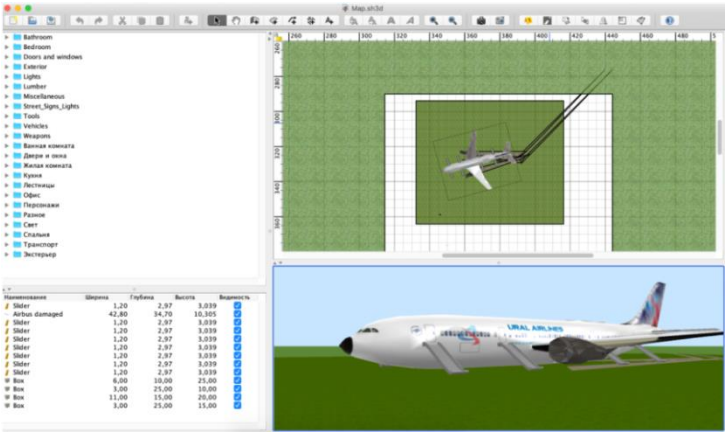
Одним из достижений науки и техники на сегодняшний день является создание систем виртуальной реальности. Под виртуальной реальностью нами понимается созданный техническими и программными средствами виртуальный мир, который может ощущаться органами человеческого восприятия, с использованием таких чувств, как зрение, слух и осязание. Восприятие объектов в виртуальном мире является чувственно близким к восприятию аналогичных объектов в реальности материальной. Устройства виртуальной реальности, по нашему мнению, представляют интерес для моделирования в целях обучения сотрудников полиции [1].

Перемещение пользователя в виртуальном мире и его взаимодействие с трехмерными объектами осуществляется по реализованным с помощью программных алгоритмов физическим законам. Помимо этого, использование рассматриваемых технологий предоставляет возможности, изначально недоступные пользователю в реальном мире, например: изучения территории с любой стороны и высоты, мгновенного перемещения на большие расстояния, и других.

Во время обучения сотрудников полиции на базе полигонов, зачастую очень сложно полноценно продемонстрировать тактику работы на сложных комплексных местах преступления, например: местах террористических актов, взрывов, пожаров, авиационных, дорожно-транспортных и железнодорожных происшествий. Однако, такие возможности появляются при использовании систем виртуальной реальности.

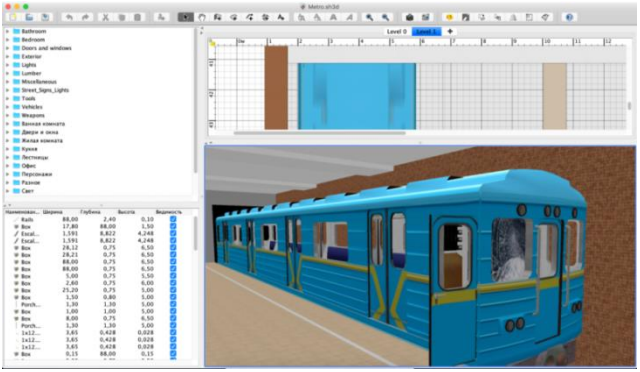
С 2017 года на кафедре технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя проводилось тестирование возможностей обучения в виртуальной реальности, изучались доступные на рынке устройства с целью создания программно-аппаратной системы для использования в практике университета.

При этом было установлено, что опыт, полученный человеком в виртуальной реальности, запоминается таким же образом, как и приобретенный в реальном мире, что позволяет сформировать компетенции, необходимые для обучения в системе высшего образования. Экспериментально была доказана актуальность использования систем виртуальной реальности для обучения сотрудников полиции [2].



Моделирование места авиакатастрофы для устройств виртуальной реальности в 2017 г.

Одновременно с тестированием аппаратной части, изучались возможности программных продуктов для трехмерного моделирования виртуальных пространств.



Моделирование территории метрополитена
для устройств виртуальной реальности в 2017 г.

Наилучшие результаты были достигнуты при использовании высокопроизводительной программы для трехмерной визуализации Unreal Engine.

Моделирование места авиакатастрофы для устройств
виртуальной реальности в Unreal Engine в 2021 г.

Моделирование места происшествия на железной дороге
для устройств виртуальной реальности в Unreal Engine в 2021 г.

Изучение англоязычной литературы и источников в сети Интернет показало, что в других странах уже созданы и проходят апробацию криминалистические тренажеры для обучения студентов высших учебных заведений и действующих сотрудников полиции: Forensic VR Training Simulator (разработчик Staples VR, Новая Зеландия); Crime Scene VR (Индия); RiVR investigate (Канада), CSi VR (Южная Корея). Однако, большинство рассматриваемых программ до сих пор находится в разработке, не отвечает необходимым требованиям, либо не доступно органам полиции Российской Федерации.

В нашей стране разработан криминалистический тренажер FSA 3D (разработчик - ООО «Фундаментальные системы анализа», г. Астрахань). Изучение демонстрационной версии этой программы показало невозможность обеспечения с ее помощью необходимого качества обучения.

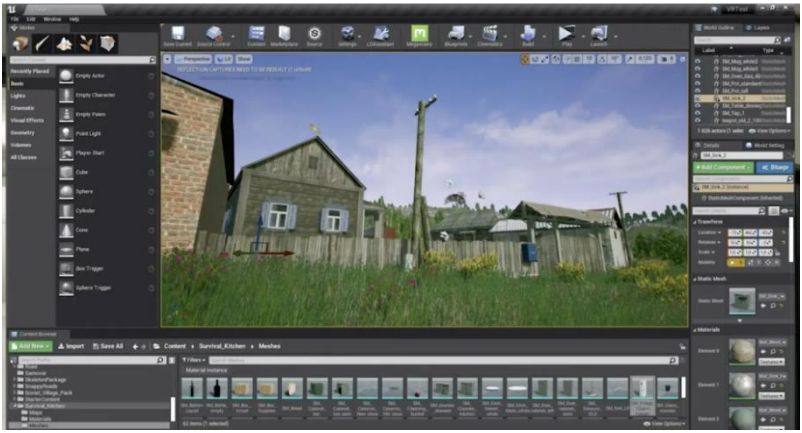
Также, в процессе обмена опытом в рамках стратегического сотрудничества университета и компании Сбер, был изучен тренажер в виртуальной реальности, разработанный для обучения инкассаторов Сбербанка (разработчик - лаборатория виртуальной и дополненной реальности ПАО «Сбер»). Однако, в данном тренажере отсутствуют возможности обучения необходимым криминалистическим компетенциям.

В связи с вышеизложенным, было принято решение разработать собственный криминалистический тренажер в виртуальной реальности, получивший название CSI VR (от англ. Crime Scene Investigation – осмотр места происшествия).

Программа создавалась в течение двух лет. Созданная система включает в себя две главные составляющие: конструктор и систему виртуального изучения.

Криминалистический тренажер в виртуальной реальности «CSI VR».

Конструктор позволяет преподавателям, в том числе не обладающим навыками программирования, создавать трехмерные виртуальные территории фотореалистичного качества. Это может быть, например, зона лесополосы, размером 10х10 километров, с железной дорогой и соответствующей инфраструктурой. Размер моделируемых пространств ограничен лишь вычислительной мощностью компьютера.



Интерфейс конструктора трехмерных территорий.

К настоящему времени в системе были созданы и используются шесть виртуальных полигонов:

- экспертно-криминалистическая лаборатория,
- место дорожно-транспортного происшествия,

- место происшествия на железной дороге,
- место авиакатастрофы,
- осмотр места происшествия по падению с высоты,
- место убийства.

Все прилагаемые модели территорий могут быть изменены по желанию преподавателя. Также не существует ограничений на моделирование собственных виртуальных полигонов, используя имеющиеся примеры в качестве основы, либо создавая новые.

В программу встроена система изменения времени суток, создания погодных условий (дождь, снег, туман), а также моделирования времен года – в базе тренажера имеются объекты зимнего, осеннего, весеннего и летнего периодов.

Виртуальная экспертно-криминалистическая лаборатория.

Место дорожно-транспортного происшествия.

Место убийства.

В состав конструктора включена большая библиотека трехмерных моделей объектов и текстур – транспортных средств, растительности, конструкций, предметов мебели, бытовой и компьютерной техники, кухонных принадлежностей, канцелярии, световых приборов, одежды, и многих других. Также в библиотеке присутствует раздел криминалистических объектов – трехмерных моделей полицейских инструментов и техники, трупов и транспортных средств с различными повреждениями, различных видов оружия, текстур следов пальцев рук и подошв обуви, капель, пятен и мазков крови, пулевых отверстий, царапин, вмятин и многих других. Имеется возможность добавления своих объектов.

Криминалистические инструменты.

Система виртуального изучения позволяет исследовать созданные в конструкторе территории в виртуальной реальности, используя следующие возможности:

- перемещение в виртуальном пространстве как в реальном мире, либо используя инструмент мгновенного перемещения (телепортации);
- взаимодействие с объектами (брать, осматривать, перемещать);

- использования специальных инструментов (фонарик, измеритель расстояний, цифровая фотокамера).

Осмотр объектов в виртуальной реальности.

В дальнейшем, при работе с комплексом, появилась идея воссоздать в виртуальной реальности существовавшие места происшествия прошлых лет, в целях выработки у курсантов и слушателей необходимых навыков по криминалистической тактике.

Начальником кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований УНК судебной экспертизы В.Н. Чулаховым был разработан сценарий интерактивной задачи по осмотру виртуального места происшествия «Убийство в собственном доме». При разработке сценария использовались фотографии с реального места убийства, совершенного группой преступников в частном доме на окраине жилого сектора.

По имеющимся фотографиям была воссоздана обстановка места происшествия, внешнего вида объектов и следов с соблюдением геометрических пропорций.

Имеющиеся черно-белые фотоснимки убитого с места происшествия были колоризированы, по ним с помощью фоторобота была восстановлена внешность, телосложение, поза, одежда, а также повреждения на теле жертвы.

Слева – колоризированный фотоснимок убитого, справа – трехмерная модель с воссозданными повреждениями на шее жертвы.

Фотография обстановки места происшествия.

Воссозданная обстановка места происшествия в виде 3D-модели.

В процессе занятия обучающиеся разделяются на учебные следственно-оперативные группы, по аналогии с системой, применяемой в практических органах полиции. При этом один из слушателей каждой группы выполняет роль специалиста экспертно-криминалистического центра, который проводит осмотр места про-

исшествия. Отличие с реальной жизнью здесь состоит лишь в том, что осмотр проводится в виртуальной реальности, а другие участники наблюдают за происходящим с помощью интерактивной доски.

При этом участники той рабочей группы, специалист которой в настоящий момент участвует в осмотре, могут комментировать его действия и давать советы по тактике работы на месте происшествия. Слушатели, играющие роль следователей, протоколируют проводимые действия, обнаруженные объекты и следы.

На проведение осмотра одним специалистом выделяется ограниченное время, по истечении которого слушатель возвращается в свою группу и уступает место специалисту из другой следственной оперативной группы. По окончанию работы всех специалистов выделяется дополнительное время на обсуждение для выполнения заданий и ответов на поставленные вопросы.

По нашему мнению, использование рассмотренного криминалистического тренажера CSI VR возможно как для изучения дисциплин криминалистического профиля (например, таких как трасология, дактилоскопия, баллистика, автотехническая экспертиза, судебная фотографии и видеозапись), так и других дисциплин теоретического и практического характера, преподаваемых в высших учебных заведениях МВД России.

Список источников

1. Truschenkov, V.Bulgakov, K.Yarmak and others. Using Virtual Reality Systems for Crime Scene Reconstruction // Creativity in Intelligent Technologies and Data Science. Springer Nature, 2021.

2. Трущенков И.В. Трехмерное моделирование обстановки места происшествия с использованием систем виртуальной реальности // Актуальные проблемы юридической теории и практики, сборник научных статей. Москва: Граница, 2020. С. 135.

УДК 343.98

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОШИБКАХ СОВРЕМЕННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шмонин Андрей Владимирович

Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Северо-Западный институт (филиал) университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

В статье рассматриваются некоторые методологические ошибки, допускаемые современными исследователями при подготовке монографических работ, на примере диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, защищенной в 2022 г.

Ключевые слова: криминалистика; методология; методика; ошибка; расследование; структура; введение; общая характеристика; основное содержание.

ON SOME METHODOLOGICAL ERRORS OF MODERN FORENSIC SCIENTIFIC RESEARCH

Shmonin A. V.

The article discusses some methodological errors made by modern research in the preparation of monographic works on the example of a dissertation for the degree of Doctor of Law, defended in 2022.

Keywords: criminalistics; methodology; methodology; error; investigation; structure; introduction; general characteristics; main content.

В целях комплексного решения задач отечественной криминалистики основополагающее значение имеют научные исследования в сфере борьбы с преступностью, как приоритетном направлении укрепления национальной безопасности Российской Федерации. В то же время результаты криминалистических научных исследований

© Шмонин А. В., 2022

определяют уровень социально-экономического, научного и технологического развития страны.

Одной из форм представления результатов научных исследований, как известно, являются монографические работы, включая диссертации. Ознакомление с криминалистическими монографическими работами, изданными (опубликованными) в постсоветский период, свидетельствует о негативных тенденциях, влияющих не только на утилитарные интересы науки криминалистики, но и в целом научное и технологическое развитие страны. Результаты проведенных криминалистических научных исследований, отраженных в этих работах, зачастую ставят под сомнение возможность квалифицировать разработанные их авторами теоретические положения как научные достижения, или решения научных проблем, имеющих важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение / новые решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны, либо, по крайне мере, имеющие значение для развития криминалистики / имеющие существенное значение для развития страны.

Такая научная ситуация может свидетельствовать о кризисных явлениях формирования и использования в сфере борьбы с преступностью криминалистических знаний. Перечень причин сложившейся ситуации включает, наряду с правовыми, организационными, финансовыми, материально-техническими также методологические.

Не вдаваясь в дискуссию относительно понятия «методология криминалистических научных исследований» отметим, что сущность его определения заключается в общих концептуальных подходах, принципах, методах, средствах, формах познания проблем борьбы с преступностью, осуществляемых в рамках уголовного судопроизводства.

Необходимо признать, что несмотря на принимаемые научным сообществом меры, по прежнему весьма актуальной остается проблема методологии криминалистических научных исследований, что связано с качеством итогового продукта.

Рассмотрим кратко некоторые методологические ошибки криминалистических научных исследований на примере одной из последних успешно защищенной 20 января 2022 г. Марией Александровной Васильевой докторской диссертации на тему «Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений» (официальными оппонентами выступили профессора Н.Г. Шурухнов, Ю.П. Гармаев и Е.О. Майорова). При этом оговоримся, что дифференциация методологических ошибок будет условной по причине их взаимосвязи.

Методологические ошибки современных криминалистических научных исследований нередко проявляются уже в названиях работ. Так, на первых страницах диссертации М.А. Васильева констатирует, что «единую базовую методику расследования всех видов экологических преступлений создать не представляется возможным ввиду

существенных отличий таких преступлений между собой» (С. 7). В связи с этим возникает закономерный вопрос: о какой единой методике расследования экологических преступлений идет речь в названии диссертационного исследования? Неслучайно профессор Ю.П. Гармаев в своем официальном отзыве на диссертацию и автореферат, поставил адресованный соискателю вопрос «к какому типу относится собственно сама методика расследования экологических преступлений, при том, что автор утверждает, что «определено ее место в системе науки криминалистики» (п. 1), а профессор Н.Г. Шурухнов – теоретические основы какой методики – родовой или базовой разрабатывала соискатель.

Кроме того, автор не только не обосновывала, но даже не представила в диссертации, включая положения, выносимые на защиту, систему концептуальных основ методики расследования экологических преступлений. В связи с этим возникает вопрос: существуют ли в методике расследования экологических преступлений концептуальные основы, которое разрабатывала А.М. Васильева, как единый объект познания? Неслучайно о дискуссионности соотношения названия диссертации и ее содержания указывается в замечаниях, содержащихся в отзыве на автореферат Института Следственного комитета Республики Беларусь (п. 1).

Структура диссертации обусловлена, как полагает ее автор, целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трёх разделов, объединяющих восемь глав, включающих в себя восемнадцать параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Методологической ошибкой многих исследований является несоблюдение требований к отдельным частям введения, в том числе их абстрактность (неконкретность), несогласованность между собой и отсутствие связи со структурой основного содержания работы.

Так, актуальность темы диссертационного исследования М.А. Васильева пыталась обосновать положениями Конституции Российской Федерации, тезисами Президента Российской Федерации, общими требованиями, содержащимися в утвержденных стратегических документах нашей страны, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, изданными во исполнение данных документов, указанием на главу 26 Уголовного кодекса Российской Федерации и статическими сведениями о динамике экологических преступлений и результатами их расследования. При этом обращает внимание на уровень раскрываемости экологических преступлений и отдельные недостатки в расследовании таких деяний.

Между тем, актуальность формирования концептуальных основ методики расследования экологических преступлений не может быть обусловлена положениями нормативных актов, отдельными ошибками (двумя) следственной практики и недостаточным уровнем подготовленности сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим согласиться, что длительность проверки сообщений о преступлениях, количество уголовных дел, подлежащих приостановле-

нию, имеющиеся факты неназначения «необходимых специфических экспертиз» и ошибки в тактике производства следственных действий, а также выявленные недостатки в организационно-управленческом обеспечении деятельности сотрудников правоохранительных органов, актуализируют необходимость разработки концептуальных научных основ методики расследования экологических преступлений, не представляется возможным.

Полагаю, что при определении актуальности избранной темы исследования автору следовало выявить теоретические проблемы существующих методик расследования отдельных видов экологических преступлений с учетом современного уровня криминалистического знания, складывающейся практики (в ее разнообразии) и действующего законодательства (в широком смысле), что обусловило бы цель и задачи предпринятого исследования.

Перечисленные и связанные с ними доводы не позволяют согласиться с автором в части обоснования актуальности заявленной темы диссертационного исследования.

В науке криминалистике стало традиционным предмет исследования определять посредством перечисления закономерностей объекта познания. Между тем авторы нередко не осознают, что это не просто «дань моде» или обязательный «реквизит» предмета диссертационного исследования, а обязанность выявить этот аспект (часть) исследуемой объективной реальности, определить его влияние на теорию, практику и законодательство.

В диссертации М.А. Васильевой предметом исследовании определены закономерности преступной деятельности в сфере экологии, в особенности связанные с незаконным изъятием природных ресурсов, и деятельность по выявлению и расследованию таких преступлений. В то же время исследователем не выявлены общие или групповые закономерности экологических преступлений и их расследования, а тем более не показано их влияние на совершенствование криминалистической теории, следственной / судебной практики и законодательства, создающих основу для разработки соответствующих базовых (родовых) методик расследования экологических преступлений.

В монографических криминалистических работах определение цели и задач исследований должно носить производный характер от актуальности и степени разработанности избранной темы. Но данный методологический принцип в диссертациях редко соблюдается. Диссертационное исследование М.А. Васильевой не исключение. В частности, цель этого исследования автор видит как «определение концептуальных основ методики расследования экологических преступлений и на этой базе формирование содержания методики расследования экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов» (С. 10). При этом степень научной разработанности темы завершается выводом о том, что «назрела необходимость и возникли условия для формирования общих базовых поло-

жений методики расследования всех или большинства преступлений в сфере экологии». В связи с этим отметим, что формирование общих базовых положений методики расследования не идентично определению концептуальных основ методики расследования экологических преступлений. Кроме того, вопрос о необходимости и условиях формирования общих базовых положений остался не разрешенным не только в этом разделе введения, но и в диссертационном исследовании в целом.

Задачи диссертационного исследования А.М. Васильевой также не имеют связи с актуальностью и степенью научной разработанности темы диссертации, а отдельные из них не носит научного или практического характера. Так, по меньшей мере, неудачным является выделение следующих задач, обусловленных целью исследования – определение концептуальных основ методики расследования экологических преступлений: проанализированы существующие научные представления о понимании термина «экологические преступления»; «исследован процесс поэтапного становления и формирования методик расследования экологических преступлений»; «изучен опыт следователей по выявлению на практике обстоятельств, способствовавших совершению экологических преступлений»; «обобщены сведения о наиболее распространённых следственных ситуациях…»; «подвергнуты анализу современные способы противодействия расследованию преступлений рассматриваемой категории…» и т.п. Анализ, изучение, исследование и обобщение являются важными инструментами познания, а констатация того, что эти инструменты применялись в ходе исследования, не является достаточным основанием для утверждения о решении производных от них теоретических и практических задач.

Некоторые сформулированные А.М. Васильевой задачи исследования («определена структура криминалистической характеристики экологических преступлений»; «выявлены закономерные связи между элементами криминалистической характеристики экологических преступлений»; «сформулированы особенности выявления экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов, и специфика проверки сообщений о них» и т.п.) не могут быть отнесены к заслугам только автора диссертационного исследования, хотя бы только потому, что попытки решения этих задач ранее предпринимались другими исследователями (О.А. Петрухина, В.И. Тарайко и др.).

Перечисленные автором задачи не только не позволили определить концептуальные основы методики расследования экологических преступлений, но и предложить адекватную структуру диссертации, позволяющую использовать ее как программу (схему) достижения указанной цели предпринятого исследователя.

В первом разделе диссертации «Экологические преступления как объект криминалистического исследования» автор фрагментарно «порассуждала» о принципах криминалистики и криминалистиче-

ской методики (§ 1 первой главы), системе, носящей, по ее мнению, «методологический характер теоретических основ методики расследования экологических преступлений» (§ 2 первой главы), привела в исторической ретроспективе некоторые работы, посвященные расследованию экологических преступлений (2 глава) и попыталась рассмотреть некоторые элементы криминалистической характеристики этих деяний (3 глава).

Несложно убедиться, что только название и содержание третьей главы соотносится с названием раздела. В то же время каких-либо обоснований системы принципов разработки и использования методики расследования экологических преступлений, теоретических основ рассматриваемой методики и структуры соответствующей криминалистической характеристики в работе не содержатся. В первом разделе, как и во всей диссертации, отсутствует обоснование структуры и содержания основных элементов методики расследования экологических преступлений, которые сама М.А. Васильева относила к теоретическим основам этой методики. В связи с этим профессор Н.Г. Шурухнов в отзыве отмечает, что в ситуации, когда по авторскому замыслу структура и содержание методики только разрабатываются, то возникает вопрос: «как они могут служить составляющими теоретических основ?

Рассматривая теоретические основы методики расследования экологических преступлений (§ 2 первой главы), М.А. Васильева попыталась разделить методику расследования экологических преступлений на две группы на основании способа этих деяний (связанные с изъятием природных ресурсов из окружающей среды и не связанные с ним). Поверхность изучения уголовно-правовой проблематики, которая не входит в перечень вопросов по специальности 12.00.12, привела автора к ошибкам. Неслучайно, в официальном отзыве на автореферат профессора О.И. Цоколовой отмечается, что само деление экологических преступлений на две группы в диссертации не обосновано. При этом очень спорным является деление экологических преступлений по признаку изъятия ресурсов из природы. Так, незаконная охота (ст. 258 УК РФ) вовсе не обязательно связана с изъятием добычи из природы, убитое животное может быть брошено на месте охоты, от этого квалификация не меняется. С другой стороны, порча земли (ст. 254 УК РФ), например, как раз может быть связана с добычей песка или глины, хотя автор относит этот состав к группе преступлений, не связанных с изъятием природных ресурсов. Также О.И. Цоколова обратила внимание, что незаконное изъятие природных ресурсов в большинстве случаев может быть квалифицировано как хищение, однако при обнаружении признаков хищения в методической части диссертации не упомянуто (п. 1).

В связи с необоснованностью деления экологических преступлений на две группы, профессор С.М. Колотушкин в своем отзыве на автореферат ставится вопрос: «корректно ли объединять в одну группу преступления, связанные с изъятием природных ресурсов,

необходимых для сохранения экологических систем (например, лесов) и, с другой стороны, – сохранения биологического разнообразия (например, рыбных ресурсов) (п.1).

В четвертом положении, выносимом на защиту, А.М. Васильева констатирует: «Сформулированная автором классификация способов экологических преступлений по цели изъятия природного ресурса: для личного использования; с целью оптовой продажи (на территории Российской Федерации или за её пределы)». Подобного рода классификация способов преступлений, без сомнения обладают «новизной», при этом бесполезны для теории криминалистики и следственной практики, что подтверждается диссертационным исследованием, в котором отсутствуют научные положения и рекомендации об их использовании. Также в рассматриваемом положении содержится вывод: «Приёмы сокрытия, наиболее часто применяемые при наличии такой цели (для личного использования – Авт.), в основном ограничиваются выбором тёмного времени суток для совершения преступления, незамедлительным началом использования добытого или его розничной реализацией». Между тем, как справедливо замечает профессор С.М. Колотушкин, с этим сложно согласиться, «например, для заполярных районов России типично полугодовое состояние «белых ночей», именно в это время осуществляется браконьерский отлов лососевых рыб» (п. 2).

Рассматривая во второй главе в исторической ретроспективе некоторые работы, посвященные расследованию экологических преступлений, автор без каких-либо обоснований в ее третьем параграфе обозначает вопросы международного опыта охраны природных ресурсов как одного из источников формирования методики расследования экологических преступлений, что свидетельствует об отсутствии логики исследования. Неслучайно в отзыве профессора Н.Г. Шурухнова отмечено, что по своему содержанию третий параграф второй главы первого раздела диссертации опосредованно относится к теме исследования (п. 1). Действительно, в этом параграфе преимущественно представлен опыт охраны природных ресурсов с помощью технических средств, информационных технологий, а также решения организационно-управленческих вопросов.

Как уже отмечалось, диссертация не содержит даже попытки обосновать структуру криминалистической характеристики экологических преступлений. При этом позиция о том, что для базовой (родовой) методики расследования преступлений в сфере экологии достаточно выделить следующие элементы: способ преступления; характеристику лиц, совершающих экологические преступления; обстановку преступления (С. 118), небесспорна.

Нарушение логики исследования прослеживается в первом параграфе третьей главы «Характеристика способа экологических преступлений», которая начинается с дискуссии о механизме преступления, под которым автор предлагает понимать систему действий и некоторых иных обстоятельств преступления (С. 120). При этом по-

верхностная дискуссия не дает представления о позиции исследователя об исключении из механизма таких элементов как личность преступника, обстановка, оружие и другие средства преступления, а также об обстоятельствах, которые она включает в его систему. По этой же причине невозможно оценить «революционные» предложения о рассмотрении способа преступления как системы типичных для того или иного вида преступлений не только действий преступника, но и действий потерпевшего и иных лиц, находящихся во взаимосвязи с фактом преступления и его обстоятельствами (свидетелей-очевидцев) (С. 121).

Также закономерности, причинно-следственные, корреляционные и иные связи между элементами криминалистической характеристики экологических преступлений не устанавливаются, не показывается влияние этих закономерностей и связей на формирование методики расследования и следственной практики. Неслучайно в своем отзыве профессор Н.Г. Шурухнов отмечает: «При рассмотрении способов совершения экологических преступлений следовало бы привести данные, полученные в процессе обобщения следственной практики, показать корреляции с используемыми орудиями, другими данными криминалистической характеристики» (п. 3).

Нередко современные авторы криминалистических работ, не проводя собственно исследований и/или не показывая процесс либо материалы этих исследований, злоупотребляют такими выражениями «полагаю», «считаю», «исходя из материалов нашего исследования» и т.п. Также исследователи зачастую делают выводы без приведения мотивов, на которых они основаны. Кроме того, нередко в работах подменяются мотивы собственной позиции сделанных выводов тезисами «данное мнение более правильное» и т.п. Так, М.А. Васильева, разделяя позицию А.А. Бессонова относительно определения обстановки преступления, подменяет свои аргументы (мотивы) следующим тезисом: «Полагаем, что представленное определение в сравнении с ранее отмеченным более содержательно» (С. 133). При этом в диссертационном исследовании не обнаруживаем ответа на вопрос: в чем состоит «более содержательность» определения А.А. Бессонова по сравнению с другими? Не приводится аргументов в пользу авторского определения понятия «обстановка преступления» (С. 133-134), мотивов о том, чем оно «лучше» содержательного определения А.А. Бессонова.

Не проводя исследования о соотношении конкурирующих в криминалистике категорий «механизм преступления» и «криминалистическая характеристика преступлений», М.А. Васильева делает ничем не мотивированные выводы: «В свете нашей концепции соотношение этих категорий должно рассматриваться как общее (криминалистическая характеристика преступления) и частное (механизм преступления)» (С. 123); «Нам сейчас, спустя более 20 лет после этого, представляется, что обстановка, оставаясь, разумеется, элементом криминалистической характеристики определённого вида

преступления, должна рассматриваться как самостоятельный элемент этой характеристики, а не как элемент механизма (как, кстати, и личность преступника)» (С. 135).

Немотивированность и необоснованость зачастую приводит к противоречивым выводам в криминалистических исследованиях. Так М.А. Васильева, подчеркивая «приоритетное значение в криминалистическом отношении способа преступления» относительно обстановки и личности преступника (С. 131), приводит примеры и делает промежуточный вывод о том, что обстановка экологических преступлений «может рассматриваться как одно из первоочерёдных обстоятельств, учитываемых лицом, собирающимся совершить экологическое преступление (С. 135-136).

Во втором разделе «Методика расследования экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов» автор попыталась рассмотреть структуру и содержание соответствующей базовой методики. Данный раздел состоит из трех глав: «Научные основы расследования экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов» (1 глава); «Тактика производства отдельных следственных действий при расследовании экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов» (2 глава); «Использование специальных знаний при назначении предварительных исследований, экспертиз и в иных формах» (3 глава).

Таким образом, нарушая логику исследования, А.М. Васильева включила в структуру рассматриваемой методики дополнительный элемент – использование специальных знаний при назначении предварительных исследований, экспертиз и в иных формах (3 глава), который отсутствует в ранее приведенной структуре (системы) базовой методики (С. 92), а вопросы выявления и устранения при расследовании причин и условий, способствовавших совершению преступлений, напротив, включенные ранее в структуру базовой методики, исключены ею из этой методики.

В первой главе М.А. Васильева в пяти параграфах рассматривает особенности выявления экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов (§ 1), следственные ситуации, выдвижение версий и планирование расследования (§ 2), взаимодействия (§ 3 и 4) и противодействия расследованию (§ 5). Таким образом, о каких-либо научных основах расследования экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов, исходя из структуры главы, говорить не приходиться.

В содержательной части главы имеются отдельные, невзаимосвязанные рассуждения относительности особенностей расследования без связи с закономерностями криминалистической характеристики экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов. При этом выделение пяти типичных следственных ситуаций (С. 192-194) и следственных версий (197-199), в том числе в положениях, выносимых на защиту (соответственно № 8 и 9), не позволили автору определить влияние ситуаций на версии, алго-

ритмы (программы) расследования с учетом конкретной ситуации и соответствующим ей следственным версиям. Также, как отмечается в отзыве профессора Ю.П. Гармаева, в работе не «рассмотрены ситуации и версии, связанные с многоэпизоностью, длящейся или продолжаемой преступной деятельностью, организованными, транснациональными ее формами, с элементами коррупции» (п. 5).

Рассматриваемые вопросы взаимодействия следователя с сотрудниками иных властных органов, общественностью и средствами массовой информации при расследовании экологических преступлений (§ 4), в большей своей части, содержат управленческую проблематику – организацию взаимодействия на уровне ведомств, служб и подразделений. Данное обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, о выходе автора за пределы специальности 12.00.12, с другой – не проработанности на должном научном уровне криминалистических проблем организации взаимодействия при расследовании экологических преступлений. Последнее находит подтверждение в десятом положении, выносимом на защиту, в котором содержатся предложения по принятию «организационных мер по совершенствованию криминалистического обеспечения расследования экологических преступлений: созданию постоянно действующих специализированных следственно-оперативных групп на региональном и межрегиональном уровне, особенно в работе по горячим следам и по делам о нераскрытых экологических преступлениях прошлых лет; созданию в перспективе в органах внутренних дел специализированных штатных следственных подразделений по расследованию экологических преступлений по уже имеющемуся опыту Следственного комитета Российской Федерации». Также в данном положении имеется указание на рекомендацию «о необходимости расширения взаимодействия следователей с сотрудниками природоохранных прокуратур, Министерства природных ресурсов и экологии РФ, Федеральной таможенной службы РФ, пограничной службы Федеральной службы безопасности РФ путём разработки и издания межведомственного правового акта (приказа, положения, инструкции) об организации такого взаимодействия». В то же время рекомендации по разработке и изданию межведомственного правового акта об организации взаимодействия, как отмечается в отзыве на автореферат Минприроды России, не материализованы в конкретном проекте, а диссертация не содержит финансового, материально-технического, организационно-управленческого обоснования изменения организационного построения правоохранительных органов, в связи с этим следует признать оправданным замечание профессора О.И. Цоколовой, содержащееся в официальном отзыве, относительно того, что голословным является предложение о создании в перспективе в органах внутренних дел специализированных штатных следственных подразделений по расследованию экологических преступлений по уже имеющемуся опыту Следственного комитета Российской Федерации. Ограниченность штатной численности личного состава орга-

нов внутренних дел, отмечает ученый, не позволяет создавать отдельные следственные подразделения по каждому виду преступлений. Каких-либо результатов апробации данного предложения в диссертации не приводится (п. 2).

Кроме того, как отмечает в отзыве профессор Н.Г. Шурухнов, в параграфе «Выявление и преодоление противодействия расследованию экологических преступлений» первой главы второго раздела автор сосредоточил внимание на приемах противодействия, оставив без внимания практически значимые проблемы выявления и преодоления противодействия (п. 7).

Методологической ошибкой криминалистических исследований является подмена одной формы систематизации другой. Как правило, такую форму систематизации как классификация подменяют типологией или группировкой. Наглядным примером такой подмены может служить попытка классифицировать типичные цели противодействия. Неслучайно профессор Ю.П. Гармаев в ходе оппонирования сделал замечание соискателю, с одной стороны, о подмене типологии целей противодействия расследованию экологических преступлений классификацией, с другой – о типизировании не целей, а задач противодействия (представить выявленное изъятие природных ресурсов или его признаки как не противоречащие закону; представить изъятие как административно-наказуемое экологическое правонарушение; представить изъятие как неумышленное деяние) (п. 3).

Как отмечалось, в диссертации отсутствует авторское обоснование структуры методики расследования экологических преступлений. Неслучайно профессор Н.Г. Шурухнов, осознавая методологическое (концептуальное) значение структуры методики расследования преступления, в своем отзыве пытается вывести диссертанта на дискуссию о такой структуре применительно к рассматриваемой категории преступных деяний путем выяснения ее позиции относительно предварительного этапа расследования, так как он существует практически (п. 8). Также ученый справедливо замечает, что в работе не поднимается вопрос об этажности расследования, что предполагается в силу названия диссертации (п. 10).

Третий раздел состоит из двух глав: «Выявление при расследовании причин и условий, способствовавших совершению экологических преступлений»; «Меры по устранению выявленных при расследовании причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию экологических преступлений». О поверхностном рассмотрении вопросов профилактики экологических преступлений свидетельствуют абстрактные выводы, содержащиеся в указанных главах, и семнадцатое положение, выносимое на защиту, а именно: «Вывод автора о том, что к основным мерам по устранению обстоятельств, способствовавших совершению экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов, следует относить: вынесение представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению экологических преступлений; осу-

ществление правового экологического просвещения населения; принятие мер к обобщению и анализу выявленных в ходе расследования криминогенных обстоятельств» (С. 24-25). Особые достижения в этом положении сложно обнаружить.

Важно отметить, что подобного рода научные результаты содержатся в положениях, выносимых на защиту, ставят под сомнение научную состоятельность предпринятого диссертационного исследования.

Таким образом, методологической ошибкой М.А. Васильевой следует признать неправильное структурирование криминалистического исследования, что привело к неотражению ею концептуальных основ методики расследования экологических преступлений. При этом, следует согласиться с профессором О.И. Цоколовой, которая в отзыве на автореферат отметила отсутствие обусловленности логикой изложения неравномерное и сложное структурирование работы (п. 3).

Также методологической ошибкой монографических исследований является отсутствие эмпирического материала или оторванность выводов и сформированных научных положений от этого материала либо неиспользование имеющегося эмпирического инструментария. Так следует в целом согласиться с профессором Н.Г. Шурухновым, отметившим в своем отзыве то, что прикладная составляющая диссертации значительно возросла, если бы М.А. Васильева, при раскрытии содержания предмета исследования, шире и конкретнее использовала данные, полученные в результате собственных эмпирических исследований, а не опиралась на результаты, полученные другими исследователями (п. 9).

Другой ошибкой, связанной с эмпирической базой, является неиспользование в полном объеме результатов, полученных при обработке эмпирического материала, на основе разработанного исследователями инструментария. Например, в приложениях к диссертационному исследованию М.А. Васильевой размещена аналитическая справка по результатам изучения диссертантом материалов архивных уголовных дел об экологических преступлениях – Приложение № 3 (С. 472-476), которая, с одной стороны, не соответствует структуре анкеты для изучения архивных уголовных дел об экологических преступлениях, связанных с изъятием природных ресурсов – Приложение № 2 (С. 448-471). При этом в аналитической справке, с одной стороны, содержатся ничем не подтвержденные сведения о следственных ситуациях, которые положены диссертантом в положение, выносимое на защиту (№ 8), с другой – отсутствуют сведения о результатах изучения уголовных дел по некоторым разделам (например, раздела XVIII «Характеристика уголовных дел с признаками организованного формирования»), в связи с чем, очевидно, выводы, теоретические положения и прикладные рекомендации по этому аспекту борьбы с экологическими преступлениями отсутствуют. На последнее обстоятельство обратил внимание официальный оппонент Ю.П. Гармаев в своем отзыве (п. 4).

В связи с отмеченными и связанными с ними обстоятельствами научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования М.А. Васильевой не может быть признана удовлетворительной.

В завершении отмечу, что, наряду с рассмотренными и связанными с ними методологическими ошибками, в современных монографических работах, посвященных исследованию криминалистических проблем, все чаще проявляется низкий уровень научной культуры (например, отсутствие указаний на работы ученых, фамилиями которых авторы этих работ «прикрываются»; неуместная, а порой недобросовестная критика позиций других авторов и т.п.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ……... 3

Доклады пленарного заседания

Бастрыкин А. И. Развитие цифровой инфраструктуры образовательного процесса в Следственном комитете Российской Федерации. Риски глобальной виртуализации для молодого поколения ……... 4

Александрова О. И. Профилактика молодёжной преступности с учётом процессов её радикализации …… 11

Волчецкая Т. С. Современная криминалистическая наука: реалии и перспективы развития ……... 17

Комаров И. М. Несколько тезисов о версионном анализе как интегративном криминалистическом методе расследования …... 22

Шапиро Л. Г. Защита культурного наследия народов России: криминалистические аспекты …….. 25

Каминский А. М. О системе следов преступной деятельности в сфере компьютерной информации …….. 29

Епихин А. Ю., Мишин А. В. Межотраслевой характер механизма обеспечения безопасности участников производства по уголовному делу …… 36

Подольный Н. А. Особенности и значение узкоспециализированной криминалистической методики расследования преступлений ……... 41

Доклады участников секционного заседания

Архипова И. А. Тактика осмотра места происшествия при расследовании торговли людьми ……. 49

Афанасьев А. Ю. Зачем следователю рефлексия? …….. 52

Балко В. И. Краткая история криминалистических подразделений МВД Казахстана ……. 56

Белицкий В. Ю. Оптимизация деятельности следователя по истребованию данных (на примере расследования хищений, совершенных с использованием IT-технологий) ……... 63

Берзинь О. А. Электронные доказательства как объекты криминалистического изучения …….. 66

Бирюков В. В., Бирюкова Т. П. Современные возможности информатизации производства криминалистических экспертиз 70

Богдан А. В. Некоторые проблемы производства экспертиз при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых дистанционным способом ……. 79

Бочарова О. С. Технологии изготовления банкнот на полимерных субстратах и средства защиты на их основе ……... 82

Гайдин А. И. Особенности организации расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием IP-телефонии и программ подмены номеров …….. 89

Гончаров Д. К. Роль компьютерно-технической экспертизы при расследовании незаконной организации и проведения азартных игр ……... 95

Горбулинская И. Н., Трущенков И. В. Применение элементов дополненной реальности при разработке методических материалов дисциплин на примере фондовой лекции «Медико-криминалистические и биологические методы исследования в судебной экспертизе» ……. 103

Гребнева А. С. Некоторые аспекты исследования следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, в доказывании …… 106

Журавлев С. Ю. Криминалистический сектор уголовно-правовых наук как основа познания событий криминальной реальности и формирования доказательств по результатам расследования …… 110

Зазулин А. И. Онлайн-обыск как самостоятельное следственное действие: предпосылки, перспективы и недостатки …….. 117

Иванов А. В. Производство судебно-медицинских и иных экспертиз при расследовании насильственных половых преступлений ……. 124

Иванов В. Ю. Проблемные аспекты первоначального этапа раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ …….. 129

Исаенко В. Н. Система принципов частной методики расследования преступлений ……... 135

Калюжный А. Н. Специализированное международное законодательство в сфере обеспечения прав инвалидов, как составная часть криминалистических методик расследования …….. 140

Китаев Н. Н., Ардашев Р. Г. Некоторые криминалистические аспекты суицида осужденных-смертников ……. 145

Климова Я. А. Содержание основных элементов криминалистической характеристики механизма преступлений, совершенных несовершеннолетними …….. 149

Крысин В. А. Противодействие адвоката в ходе предварительного расследования: понятие, формы …….. 153

Кузнецов А. А. Информация как основа активации интуиции следователя ……. 158

Кулешов Ю. Н. Тактические особенности расследования экономических преступлений в сфере строительства ……. 162

Лифанова Л. Г. Проверка показаний на месте: нормативные требования и тактические рекомендации проведения ……... 169

Лубин А. Ф. О версионном анализе исходной информации при расследовании преступлений ……... 173

Лужинская Е. Л. К вопросу о целесообразности назначения судебной портретной экспертизы по отдельным категориям уголовных дел …… 182

Макаренко И. А. Особенности подготовки к допросу несовершеннолетнего обвиняемого …….. 187

Максимов О. А. Оценка «значимости» и «обоснованности» ходатайства по уголовному делу ……. 193

Наметкин Д. В., Федулов А. В. Становление и развитие науки оперативно-розыскного законодательства государств-участников СНГ ……. 197

Овчинникова Д. А. Теоретические основания построения криминалистической модели преднамеренного банкротства управляющих компаний ……. 201

Перепелкин В. И. Особенности осмотра места происшествия при экологических преступлениях …….. 206

Петров М. В. Типичные следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей 209

Погодина Т. Г. Комплексная судебная психолого- сексолого-психиатрическая экспертиза в доказывании по уголовному делу при преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности ……... 214

Погодина Т. Г., Берзинь О. А. Фальсифицированное лекарственное средство как объект криминалистического анализа ……... 218

Попова Е. И., Мазуренко Д. В. Тактические приемы допроса при расследовании преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов …….. 223

Романов В. И. К вопросу о тактико-психологических особенностях допроса на предварительном следствии ……. 227

Романова Г. В. Современные возможности научно-технических средств криминалистики в расследовании преступлений в сфере высоких технологий …….. 231

Саливаров В. Я., Перепелкин В. И. Проблемы возбуждения, раскрытия и расследования преступления в сфере железнодорожного транспорта Российской Федерации …….. 235

Скобелин С. Ю. Цифровые способы раскрытия и расследования преступлений ……. 238

Славгородская О. А. К вопросу о показаниях малолетних свидетелей …….. 242

Старцева Е. А. Типичные следственные ситуации по делам о хищении автомототранспортных средств, выдвижение и проверка версий ……. 247

Тишутина И. В. Об отдельных направлениях модернизации частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию ……. 254

Цыбульский В. В. Методологические особенности расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД …… 259

Чернопёров А. А. Особенности использования информации из виртуальной среды при установлении значимых обстоятельств по уголовному делу ……... 266

Чулахов В. Н. О технико-криминалистической подготовке экспертов …… 273

Чулахов В. Н., Трущенков И. В. Виртуальная реальность в изучении криминалистики ……. 276

Шмонин А. В. О некоторых методологических ошибках современных криминалистических научных исследований ……. 288

Научное издание

КАЗАНСКИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Казань, 28 апреля 2022 г.)

В двух частях
Часть первая

Публикуется в авторской редакции

Ответственный за выпуск *И. Г. Гаранина*

Подписано в печать 22.04.2022.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 17,78.
Тираж 50 экз. Заказ 415.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции»
(РПА Минюста России)»
Казанский институт (филиал)
420103, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, 12а.

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан
в ООО «ЮрЭксПрактик».
430003, г. Саранск, ул. Васенко, д. 17, пом. 201а.
Директор издательства *С. М. Плешаков*
E-mail: Publishing.mor@gmai.com